

**Автономная некоммерческая организация
высшего образования
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. П.П. Семёнова – Тянь-Шанского
(АНО ВО «МГУ им. П.П. Семенова – Тянь-Шанского»)**

**СЕРИЯ
«КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ И ЛИНГВАЛЬНЫЙ
МИРЫ»**

ВЫПУСК 24

**Тенденции развития когнитивной
лингвистики и лингвокультурологии в
XXI в.**

Научный журнал

• Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2307-8464

• Материалы журнала размещаются на сайте научного журнала: <http://www.mgu-spb.ru/>

Санкт – Петербург 2024

УДК 811.16`05)
Ш 100я43я41
Т 66

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. М.В. ПИМЕНОВА (Санкт-Петербург, Россия)

Заместители главного редактора:

Е. С. ШЕСТАК (Астана, Казахстан)

Члены редакционной коллегии:

доктор филол. наук, профессор Г.И. БЕРЕСТНЕВ (Калининград, Россия)

доктор филол. наук, профессор С.Г. ВОРКАЧЕВ (Краснодар, Россия)

доктор филол. наук, профессор А.А. КАМАЛОВА (Ольштын, Польша)

доктор филол. наук, профессор В.И. КАРАСИК (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор И. КОЖЕНЕВСКА-БЕРЧИНСКА (Варшава, Польша)

доктор филол. наук, профессор В.А. МАСЛОВА (Витебск, Белоруссия)

доктор философии, профессор Б.К. МОМЫНОВА (Алма-Ата, Казахстан)

доктор филол. наук, профессор Т.В. СИМАШКО (Северодвинск, Россия)

Л 64 Тенденции развития когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в XXI в.; гл. ред. М.В. Пименова. Витебск: Витебский государственный университет им. П.П. Машерова, 2024. 229 с. Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 24.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области современной лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры, общества и мышления. Включает четыре основных раздела – «Теоретические исследования в области концептологии и лингвокультурологии», «Вопросы когнитивной лингвистики», «Вопросы лингвокультурологии», «Исследования языковой картины мира», «Дискурсивные исследования». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации, методики преподавания языков.

УДК 811.16`05)
Ш 100я43я41

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ЛИНГВАЛЬНЫЕ МИРЫ

ВЫПУСК 24

Подписано в печать 15.01.2024. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 14. Тираж 500 экз. Заказ 306.

ISSN 2307-8464

© М.В. Пименова, 2024
© МГУ ИМ. П.П. СЕМЁНОВА – ТЯН-
ШАНСКОГО

Друзья, коллеги, ученики и ученики учеников поздравляют от всей души доктора филологических наук, профессора Валентину Авраамовну Маслову с юбилеем!

Юбилей – это шаг в будущее

2 января 2024 года мы праздновали юбилей доктора филологических наук, профессора Витебского государственного университета им. П.М. Машерова Валентины Авраамовны Масловой. В честь этого события на базе двух вузов – Международного гуманитарного университета им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского и Витебского государственного университета им. П.М. Машерова были организованы юбилейные мероприятия: XXXXIV Международная Зимняя научная школа «Тенденции развития когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в XXI в.» и одноименная XXXXIV международная научная конференция в рамках Международного Фестиваля науки «Новые грани реальности и основы мироосознания в когнитивном наследии поколений» (Санкт-Петербург-Витебск, 10 – 14 января 2024 г.), посвященные юбилею доктора филологических наук, профессора Валентины Авраамовны Масловой (сопредседатели оргкомитета: ректоры вузов Валентина Васильевна Богатырёва и Марина Владимировна Пименова).

Лекторами школы стали доктора филологических наук, профессора из трёх стран: Алимуратов Олег Алимуратович (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия), Берестнев Геннадий Иванович, Калининградский государственный университет, г. Калининград, Россия), Бессонова Ольга Леонидовна, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР), Воркачëв Сергей Григорьевич, Кубанский государственный технический университет, г. Краснодар, Россия), Карасик Владимир Ильич, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, г. Москва, Россия), Красавский Николай Алексеевич, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия), Маслова Валентина Авраамовна, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия), Пименова Марина Владимировна, Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского, г. Санкт-Петербург, Россия). Слушателями Зимней школы и участниками международной научной конференции стали аспиранты, докторанты и преподаватели вузов из семи стран: России, Белоруссии, ДНР, Кыргызстана, Казахстана, Китая, Турции.

Имя Валентины Авраамовны Масловой известно далеко за пределами Белоруссии. Свои слова чествования сказали коллективы вузов и научно-исследовательских институтов разных стран: Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан (г. Казань), Международного гуманитарного университета им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского (г. Санкт-Петербург), Киргизско-Российский (Славянский) университет (г. Бишкек), Кыргызский государственный университет (г. Бишкек), Ошский государственный университет (г. Ош), Донецкий национальный университет (г. Донецк), Торайгыров университет (г. Павлодар), Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (г. Бишкек).

Валентина Авраамовна Маслова – выпускница Киргизского национального университета им. Ж. Баласагына. После его окончания она работала в разных вузах. Одним из таких вузов является Ошский государственный университет (с 1972 г. по 1982 г.). Коллеги и друзья с большой теплотой говорят слова поздравления юбиляру.

Слова поздравления от ректора Международного гуманитарного университета им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского (г. Санкт-Петербург) **Марины Владимировны Пименовой**:

«С Валентиной Авраамовной Масловой мы познакомились в 2006 г. на Форуме русистов Украины, который состоялся в Ялте. Это был повод подарить знаменитому учёному мою монографию «*Душа и дух: особенности концептуализации*» (2004). Тема души, духовности и сердечности на всю жизнь связала наши судьбы.

Поначалу мы встречались с Валентиной Авраамовной на научных конференциях: в Симферополе, Владимире, позже Валентина Авраамовна стала лектором Зимних,

Осенних, Весенних, Летних научных школ, которые были организованы и проведены мной в Одессе, Павлодаре, Барнауле, Бишкеке, Санкт-Петербурге. В 2014 году в честь юбилея Валентины Авраамовны Масловой мы организовали и провели Международную научную конференцию на базе Витебского государственного университета им. П.П. Машерова: Валентина Авраамовна принимала дорогих гостей на родной земле Витебщины.

Лекторы проведенных школ в разных городах и странах сдружились, образуя научное сообщество, помогая и сопереживая, поддерживая всех, подставляя свое плечо в сложные периоды жизни. Особо хотелось бы сказать о тёплых почти родственных отношениях Валентины Авраамовны с директором Института языкознания Российской академии наук, д.ф.н., профессором Виктором Алексеевичем Виноградовым: они называли друг друга “сестра Валя” и “брат Витя”.

За долгое время нашей дружбы мы путешествовали в разные страны и регионы России; написали в 2016 г. и опубликовали совместное учебное пособие “Коды лингвокультуры”, вначале в Санкт-Петербурге, переизданное в Москве (Флинта–Наука), выдержавшее 5 переизданий¹. В 2023 г. вышло наше учебное пособие “Индивидуально-авторская картина мира”².

Я благодарная Валентине Авраамовне Масловой за то, что она познакомила нас с Валентиной Васильевной Богатырёвой – ректором Витебского государственного университета им. П.П. Машерова, с которой нас связала крепкая дружба.

10-14 января 2024 г. была организована и проведена»

Валентину Авраамовну поздравляет доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка Кыргызско-Российского (Славянского) университет **Мамед Джакыпович Тагаев:**

«С Валентиной Авраамовной меня связывают многие годы дружбы. Помню, как 70-е годы мы, молодые, задорные и целеустремленные работали на одной кафедре русского языка Ошского государственного педагогического института. Валя уже тогда покорила нас своей искренностью, доброжелательным отношением к человеку, а своим добродушным юмором она располагала к себе всех окружающих, в том числе и студентов. Никогда не разделяла людей по каким-то национальным или другим признакам. Для нее самое важное – если ты человек.

Я не буду говорить как об известном ученом. Это всем хорошо известно. Хочу поведать о ней как о человеке и о том, какая она была в начале своей блестящей научной карьеры.

У нее были три влюбленности.

Во-первых, к мужчине. Эталонным был мужчина-киргиз С.И., который остался в ее сердце навсегда. В ее воспоминаниях – это самый галантный и благородный рыцарь, которому оставила свое сердце. И этот человек – мой близкий родственник. Стало быть, сердце ее до сих пор в Кыргызстане, который она любит всей душой.

Во-вторых, любовь к науке. Молодые мы были, и всякое происходило. Мне врезались в память слова Валентины Авраамовны, сказанные еще в те далекие годы, и которые я неустанно повторяю своим ученикам. Они звучали так. «Мамед, – говорила она, – чтобы не отстать в науке, запомни, в каком состоянии ты ни был бы (усталый, подгулявший, в настроении или нет и др.), ты должен каждый день не менее двух часов посвящать науке». Вот истинная правда. Помним, как мы искренне радовались появлению наших

¹ Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта-Наука, 2024. 180 с.

² Маслова В. А., Пименова М. В. Индивидуально-авторская картина мира: концептуальный подход: учебное пособие; отв. ред. М. В. Пименова. Изд. 1-е. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2023. 255 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 26).

первых научных статей, обсуждали и поздравляли друг друга. Вот в такой атмосфере дружелюбия на нашей кафедре формировался наш юбиляр.

В-третьих, любовь к братьям нашим меньшим, всепоглощающая привязанность к животным, точнее – к собакам и кошкам, которая нас, киргизов, в то время всегда поражала. Скромный домик в центре города Оша Валентины Авраамовны отличался гостеприимностью, и нас всегда встречала Динара, по-моему, овчарка. Однажды я спросил, почему она назвала ее Динарой. «Так звали мою лучшую подругу, дочь известного киргизского писателя Тугельбая Сыдыкбекова», – отвечала она. (Кстати, в этом году писателю поставили великолепный памятник на столичном бульваре, напротив кинотеатра «Ала Тоо». Так в честь своей любимой подруги она и назвала свою собаку, совершило действие, немислимое с точки зрения киргизской ментальности.

Собаку она еще в Оше считала близким членом своей семьи, нераздельной частью своего бытия. Как-то раз приходит к ней подруга, Тамара. «Тамара, хочешь борщ, я только что его приготовила. Я налью тебе борщ в тарелку Динары, но я тарелку чисто помыла». Какова была реакция Тамары, киргизки, нетрудно представить. Когда при редких наших встречах на конференциях, Валя с любовью рассказывает о своих питомцах, переживает за них, я ее прекрасно понимаю. Человек, который так относится к животным, близок к Богу, и, имея чистую душу и большое сердце, осознает, что мы все: люди, и животные – божьи творения. Я человек счастливый, так как на моем жизненном пути встретил многих замечательных людей. И среди них самая яркая звезда – моя дорогая Валентина Авраамовна. Пусть Господь даст ее здоровья и долголетия!».

В этот сборник вошли статьи тех ученых, которые давно сотрудничают с Валентиной Авраамовной, слушают её лекции, пишут с ней совместные труды, участвуют в научных мероприятиях разного уровня. Многие из авторов – те, с кем Валентина Авраамовна встретила на защите диссертаций как оппонент их работы. К ним относится кандидат филологических наук, доцент Военной академии материально-технического обеспечения им. А.С. Хрулева Айгуль Авазбековна Бакирова. Вот ее поздравление:

«Мне посчастливилось познакомиться с Валентиной Авраамовной, и удивительно, что это случилось в Санкт-Петербурге. Я себе и представить такое не могла. Когда мы встретились, Валентина Авраамовной сразу поняла, что я из Кыргызстана, и отнеслась ко мне с особой теплотой. Узнав, что я работаю над диссертацией, она сказала Марине Владимировне Пименовой: «Мариночка, прошу тебя, помоги моей сестрѐнке, моей родственнице». Эти слова глубоко тронули меня.

Валентина Александровна согласилась выступить оппонентом моей работы. Защита диссертации проходила во время пандемии. Сначала её отложили, а когда назначили новые сроки, границы были ещё закрыты. Валентина Авраамовна была готова поехать на такси, чтобы присутствовать на защите лично.

Во время защиты она очень переживала за меня и была готова отстаивать мою работу. Я чувствовала себя под её защитой. Она положительно прокомментировала мои ответы на вопросы, и её непререкаемый авторитет не оставил никаких сомнений у членов диссовета.

Валентина Александровна подключилась к защите онлайн. Она была не одна, а со своими верными любимицами, великолепными собаками. Одна из них стояла рядом с камерой и тоже хотела поучаствовать в процессе защиты. Не думаю, что кто-то может таким похвастаться. Я всегда с теплотой вспоминаю эти моменты и благодарна судьбе за это.

Валентина Александровна любит Кыргызстан и считает его своей второй Родиной. У неё там остались друзья и коллеги, с которыми она до сих пор поддерживает связь. Она всегда рада возможности прочитать лекцию, поделиться своими знаниями со студентами и коллегами, когда Марина Владимировна Пименова организует научные школы. Вален-

тина Авраамовна – выпускница Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, стала выдающимся учёным, всемирно известным лингвистом. Я горжусь тем, что и я получила образование в этом же вузе.

Помню, как мы вместе с Кыргызско-Турецким университетом «Манас» проводили большую конференцию. Я была очень горда, что лично знакома с Валентиной Авраамовной и представляла её своим коллегам из родного университета и другим участникам из разных стран. Рада, что могу, проживая уже в Санкт-Петербурге, поддерживать связь с университетами Кыргызстана.

Дорогая Валентина Авраамовна, примите самые искренние пожелания крепкого здоровья, бодрости, позитивного заряда, неиссякаемого вдохновения, интересных научных идей, благодарных и достойных учеников и продолжателей вашего дела! Всего Вам самого светлого и доброго, Вашим близким и родным!».

С дни юбилея принято поводить итоги. Это так. Мы хотели бы, чтобы в эти важные периоды мы еще и думали о будущем, строили планы, создавали совместные проекты и, объединив нашим усилия, шли к вершинам научного знания и достигали поставленных целей. Пожелаем нашей Валентине Авраамовне крепкого здоровья, новых книг, благодарных учеников! Мы Вас любим, дорогая Валентина Авраамовна!

В.В. Богатырёва, М.В. Пименова, М.Дж. Тагаев, А.А. Бакирова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ КОНЦЕПТОЛОГИИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 81-139; 81-112.2

Берестнев Геннадий Иванович

профессор ФБОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»,
доктор филологических наук, профессор (г. Калининград, Россия)

berest-gen@mail.ru

orcid: <https://org/0000-0003-1783-6253>

Историко-семантические этюды: к вопросу о методе

Аннотация. В статье на ряде лексических примеров из русского языка рассматривается проблема метода современных историко-семантических исследований. Развивается положение о том, что наиболее продуктивной в этом плане является апелляция к области внеязыковой действительности, именуемой данным словом. Теоретическое обоснование предлагаемого метода определяется в двух аспектах. С одной стороны, это признание связей между поверхностными семантическими структурами языка и глубинными когнитивными образованиями, лежащими в их основе. В этих условиях предмет исследования составляет некий инвариант, лежащий в основе ряда варьирующихся языковых содержаний. С другой стороны, признается связь языковой семантики с культурной действительностью, закрепившейся в данном языке. В этом случае предметом исследования оказываются фрагменты культурной действительности, мотивирующие значения в языке и языковом сознании его носителей. В рамках предлагаемого исследования был проанализирован ряд лексических единиц и получены новые данные относительно их глубинного семантического начала и ступеней преобразования этой первоначальной семантики. В отношении слов озябнуть, зуб, зябь и прозябать это идея прорастания семени и ее ближайшие метонимические сдвиги. В отношении слова нелепый это идея сакральности, выведенная в область профанных представлений – собственно этических, эстетических и рациональных. Слово сердито в выражении *Дешево и сердито* выражает семантику некоего «сильного» состояния внешних по отношению к человеку условий, создаваемых им самим. А само это выражение следует понимать как единство двух положительно оцениваемых условий – отсутствия затратности и вместе с тем эффективности усилий. В целом в статье утверждается тезис о том, что историко-семантические исследования требуют пристального внимания к данным когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Подобная междисциплинарность составляет норму современной семасиологии – особенно ориентированной на диахронию.

Ключевые слова: историческая семантика; этимология; лингвокультурология; сильная семантика; семантическая реконструкция; русский язык.

Введение. В настоящее время все более заметными становятся изменения, протекающие в плане методологии историко-семантических исследований в языке. С одной стороны, активно осваиваемый лингвистикой принцип антропоцентризма переводит внимание ученых с языка на когнитивную сферу его носителя. С этой точки зрения языковая семантика определяется как функция познавательной деятельности человека. При этом особо актуальными оказываются работы, касающиеся связей между поверхностными семантическими структурами, представленными в языке, и глубинными смысловыми образованиями, составляющими начала поверхностно-языковых содержаний [см. 2]. В связи с этим особую значимость обретает глубинная семантика, а предмет исследования

в ней составляет область инвариантов, лежащих в основе множества соотносимых языковых содержаний.

С другой стороны, историко-семантические исследования все более активно осваивают принцип рассмотрения языковых значений в отношении к той внеязыковой действительности, с которой они связываются. Зачастую только с этих позиций могут быть прослежены познавательные начала, которые на самом деле мотивируют значения в языке и языковой ментальности его носителей. Так, этимологическая связь рус. *врач* с глаголом *врать* 'лгать, обманывать словами, облыжничать, говорить неправду, вопреки истине; говорить вздор, небылицу, пустяки; пустословить, пустобаять, молоть языком, суесловить' [11, I, с. 259], объясняется распространенной в индоевропейской культурной традиции практикой лечения болезней посредством ритуальных заклинаний [4, с. 811-812]. Связь слова *дорога*, со словами *дергать* и *драть* объясняется принятой в лесной зоне проживания восточных славян техникой очистки земли от растительности при создании специальных пространств для передвижения. Мотивация слов *прах* и *останки* объясняется существовавшей у индоевропейцев (в том числе у славян) традицией кремации покойников (ср.: «На следующий день пепел с обгоревшими остатками костей собирали и складывали в урну, которую зарывали в землю или ставили на камень» [4, с. 829]).

Необходимо еще раз отметить, что во всех случаях такого рода способ формирования соответствующих содержаний в языке может быть адекватно объяснен только путем обращения к соответствующему явлению или событию внеязыковой действительности – и никак иначе. А обычный культурный характер таких явлений или событий сближает такие историко-семантические и, по сути, когнитивные исследования с лингвокультурологическими. Это обстоятельство специально отметила В.А. Маслова: «Основные направления в современной лингвистике, формирующиеся в рамках данной парадигмы – это когнитивная лингвистика и лингвокультурология» [7, с. 8].

Заслуживает внимания еще одно методологическое направление, реализуемое в рамках историко-семантических исследований, – типологическое. Рассмотрение типологии содержательных изменений в лексике языка имеет особую значимость в том отношении, что позволяет вскрыть закономерную динамику таких изменений в когнитивной сфере человека. Еще Дж. Гринберг, Ч. Осгуд и Дж. Дженкинс в «Меморандуме о языковых универсалиях» высказали мнение о том, что «все явления, встречающиеся в разных языках с частотой, выходящей за рамки случайности, могут представлять интерес для психологии» [5, с. 35].

Таким образом, выявляемые на сопоставительной основе типологически значимые или универсальные изменения лексических значений в языке отражают закономерные изменения содержаний в познавательной сфере человека. Соответственно предмет подобных исследований составляют устойчивые семантические изменения в лексике, предполагающие более глубокие, когнитивные интерпретации

Ниже будет показана высокая продуктивность каждой из этих методологических установок в особых условиях семантико-исторических исследований.

2. Рус. *озябнуть*, *зуб*, *зябь* и *прозябать*

2.1. С точки зрения современного носителя русского языка эти слова семантически никак не связаны, хотя их формальное родство прослеживается отчетливо. Так, в четырехтомном словаре русского языка у слова *зябнуть* определяются значения 'ощущать холод, страдать от холода' [12, I, с. 625]. У слова *зябь* отмечается значение 'осенняя вспашка поля, а также поле, вспаханное с осени под весенний посев' [12, I, с. 625]. Значение слова *зуб* определяется следующим образом: 'костное образование, орган во рту для схватывания, кусания, измельчения и разжевывания пищи' [12, I, с. 623]. Основное значение слова *прозябать* – 'вести малосодержательную, унылую, безрадостную жизнь, бесцельное, пустое существование' [12, III, с. 488].

Все это показывает, что на самом деле отмеченные слова являются проблемными в плане их семантического развития. При этом они имеют единые, чрезвычайно древние истоки – восходят к общеслав. *zębŕti, *zǫbъ и индоевр. *ǵmbh- ‘кусать, разгрызать, раскусывать’, ‘зуб’ [15, I, с. 369]. Отдельный вопрос вызывает семантическая эволюция соответствующего индоевропейского корня, проявляющаяся в непонятной связи рус. *зябнуть* и его особых славянских соответствий – общеслав. *zǫbъ, рус. *зуб*.

Ситуация осложняется еще и тем, что значение ‘мерзнуть’ у слова *зябнуть* является сравнительно новым. Как отметил П.Я. Черных, это слово «в древнейших письменных памятниках русского языка отсутствует. В русском языке, по крайней мере до 1-й трети XVIII в., с этим значением не встречается» [14, I, с. 332]. Важно понять, как это значение сложилось в русской языковой ментальности.

П.Я. Черных попытался найти связь между значениями ‘прорасти’ и ‘ощущать холод’ «Может быть, - осторожно предположил он, - новое значение возникло из представления о ростке, о зародыше, нуждающемся в бережном отношении, в помощи» [14, I, с. 332]. Однако это предположение не подтверждается ни существующими закономерностями семантического развития слов в языке, ни какой-либо иной логикой лексико-семантических преобразований. О развитии семантики слов *зуб* и *прозябать* в указанном значении П.Я. Черных вообще умолчал.

Представляется, что существующие неясности в плане связей между значениями слов *зябнуть*, *зябь*, *зуб* и *прозябать* – а существование этих связей не вызывают никаких сомнений – обусловлены неадекватностью подхода к решению данного вопроса. На самом деле внутриязыковой подход к данному вопросу не в состоянии обеспечить его адекватное решение. Необходимо обратиться к рассмотрению внеязыковых условий, объясняющих эту связь.

2.2. Как представляется, наиболее прозрачным в плане «внеязыковой аргументации» является слово *озябнуть*. Опорным для ее понимания является комплекс условий, связанных с проращением семени или зерна – на это указывают примеры из древнерусского языка (с. XI в.) *зябнути* (ст.-слав. *зѧбнѣти*) употреблявшиеся в значении ‘прорасти (главным образом о семени, о зерне)’, откуда происходит вполне понятное метонимическое *зябль* ‘росток, зародыш’ [13, I, с. 1015]. Но почему *озябнуть* – с данной точки зрения – буквально «прорасти»?

Дело в том, что ближайшая реакция на замерзание у животных и человека проявляется, прежде всего, на коже. У животных взъерошивается шерсть, т.е. волоски поднимаются вверх, благодаря чему образуется теплоизолирующий слой воздуха. У человека эта реакция сохранилась в рудиментарном виде – как «гусиная кожа» и тоже свидетельствует о замерзании организма. Внешне оно выглядит так, как будто кожа человека «проросла» множеством волосков. Исходя из этого *озябнуть* должно пониматься буквально как «прорасти волосками» (приставка *о-* в этих условиях выражает признак «вокруг, со всех сторон»).

2.3. Судя по всему эта идея проращения составляет и семантическую основу слова *зуб*, общеслав. *zǫbъ, индоевр. *ǵmbh- ‘зуб’. По мнению Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, разные слова со значением «зуб» в индоевропейских языках близки по своему семантическому началу и восходят к мысли о функции данного объекта – понимаются буквально как «едающий» или, еще точнее, «разрывающий, раздробляющий» [4, с. 814-815] (ср. реконструированную семантику индоевропейской основы ‘кусать, разгрызать, раскусывать’). Однако рассмотрение семантической истории этого слова с точки зрения ее экстралингвистической обусловленности дает основание понимать *зуб* буквально как «то, что прорастает» (ср. показательное в этом отношении рус. *зубы прорезались*). Значения же, связанные с функцией зубов, с этих позиций определяются как вторичные, не связанные с реальной категоризацией соответствующих объектов.

2.4. Рассмотрение с этих позиций слова *зябь* ‘осенняя вспашка поля, а также поле, вспаханное с осени под весенний посев’ получает дополнительные возможности его семантической интерпретации. С одной стороны, возможно буквальное понимание его в связи с признаками «мерзнуть» и «холодный». Основанием для этого выступает время такой вспашки и собственно мысль о зимнем холоде, который предстоит пережить вспаханной земле. Ср. в этой связи такие примеры, как *зябель* ‘холод, стужа’, а также ‘зяблый, мерзлый хлеб; морозобитная нива, гряды, плоды’, *зябь* ‘трещина в лесе, в лесине, которую рвет морозом’ [11, I, с. 699].

С другой стороны, *зябь* может пониматься как метонимический сдвиг идеи прорастания, ведущий к образованию значения “место, где прорастание посевов осуществится. В этом значении слово *зябь* и функционирует в русском языке в настоящее время. Семантика холода (и дальнейшие метонимические сдвиги уже на ее основе) должна пониматься в этом случае как вторичная и развивающаяся под влиянием.

Вероятность такой интерпретации буквальной семантики корня *зяб-* в русском языке также поддерживается внеязыковыми условиями, в которых соответствующие события наблюдаются. Так, в лесостепных зонах России посев семян яровой ржи и пшеницы проводят обычно на третьей неделе мая, в степных – на неделю позже. А ко времени прорастания семян земля и воздух уже надежно прогревается: мысль о холоде в этих условиях становится неактуальной.

2.5. Наиболее проблематичной видится семантическая эволюция слова *прозябать* ‘вести малосодержательную, унылую, безрадостную жизнь, бесцельное, пустое существование’. Сложность выявления семантической истории этого слова объясняется, скорее всего, отдалением семантической системы современного русского языка от ее первоначальных состояний и потерей его носителями исходной мотивации данного слова. На существовании этих процессов в языке и важности принятия их во внимание при осуществлении историко-семантических исследований заострил внимание еще Э. Бенвенист. «В оценке смысловых различий членов формально связанной группы, – писал он по этому поводу, – лингвист всегда склонен бессознательно руководствоваться категориями своего собственного языка. Отсюда иные семантические проблемы, которые при ближайшем рассмотрении сводятся к проблеме перевода. Такие проблемы встречаются даже в тех случаях реконструкции, которые никогда не подвергались сомнению и, казалось бы, могут считаться очевидными» [1, с. 333]

Исходя из этого анализ семантической истории слова *прозябать*, по сути, сводится к выявлению его мотивирующих начал. Как представляется, они тоже лежат в сфере экстралингвистической реальности и непосредственно связаны с процессом произрастания семени – ср.: *прозябнуть* книжн., устар. ‘прорасти, пустить росток’. Более показательны в этом отношении представления о фазах произрастания колосовых культур. Ср.: [Зерно] *даст росток, который прозябнет, в трубку пойдет, восколосится* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Либерал) [12, III, с. 488]. Можно увидеть, что «прозябнуть» - это лишь одна из фаз их произрастания, при которой проросшее зерно обретает уже вид живого растения.

Но при чем здесь значения «малосодержательность», «унылость, безрадостность», «пустое существование»?

Можно допустить – и, как кажется, с высокой долей вероятности - что они связаны с ценностными характеристиками только что «прозябшего» растения в сознании человека, принадлежащего русской культурной традиции. «Прозябшее» растение уже показало себя, но еще далеко от того важного этапа своей реализации, когда появляется полный колос, составляющий смысл его существования. И все, что рассматривается человеком помимо этого колоса, существует до его появления и после него (*Призраком кажется*

сжатая нива. Н. Поярков. Ветер бушует), – все это для человека бессмысленно, уныло и безрадостно.

3. Рус. *нелепый*

3.1. В четырехтомном словаре русского языка у слова *нелепый* отмечаются два значения, определяемые с внутриязыковой и внеязыковой точек зрения: ‘лишенный здравого смысла, разумных оснований, бессмысленный’ и ‘нескладный, неуклюжий’ [12, II, с. 452]. На первый взгляд, внутренняя логика этого слова вполне понятна – приставка, восходящая к отрицательной частице *не*, и прилагательное *лепый* ‘хороший, красивый, прекрасный, благовидный’, *лепо* ‘хорошо, бесподобно, красиво, пригоже, пристойно, прилично’ [11, II, с.278], ст.-сл. **лѣпъ** ‘великолепный, красивый’.

Однако на самом деле не все так просто. Возникает целый ряд вопросов, касающихся механизмов семантической эволюции этого слова. Как эстетическая оценка в структуре его содержания преобразовалась в оценку сугубо рациональную? Насколько глубоким и закономерным является этот процесс? Поддерживается ли он реальными состояниями семантической системы русского языка?

3.2. И первое, на что следует обратить внимание при анализе уже семантической истории слова *лепый*, – его исходная функционально-стилевая специфика. В частности, в старославянском языке оно имело два функциональных аспекта – «сакральный, небесный» и «профанный, земной». Так, прилагательное **лѣпъ** в значении ‘великолепный, красивый’ функционально связано с божественной сферой, а в значении ‘приличный, уместный,, надлежащий’ – со сферой профанной, земной [10, с. 315]; **лѣпота** ‘красота, великолепие’ функционально ориентировано на сферу сакрального – ср. ее собственные характеристики: «благая», «святительская», а **по лѣпотѣ** ‘прилично, уместно, надлежащим образом’ ориентировано на сферу профанного, земного – ср.: **да въ лѣпотѣ и на тризнахъ не тъчно приимета; никтоже бо есть достоинъ по лѣпотѣ та въсхвалити** [10, с. 314]. При этом функциональность слова **нелѣпо** ‘неуместно, нелепо’ вышла в профанную сферу [10, с. 367].

3.3. Эта тенденция продолжилась в древнерусском языке. Слово **НЕЛѢПЫИ** ‘непристойный’ функционирует уже в аспекте нравственности, а слово **НЕЛѢПЪ** ‘небрежно, без внимания’ – в аспекте неправильности, неадекватности ритуального действия [13, II, с. 894]. Еще более отчетливой стала она в более позднее время в национальном русском языке. У слова *нелепый*, с одной стороны, определилось значение ‘некрасивый, не красивый, непригожий, неизящный и пр.’ с общим идейным основанием внешней несообразности, неправильности, а с другой – значение ‘бессмысленный, вздорный, пустой; или несвязный, нескладный’ с идейным основанием рациональной неправильности [11, II, с. 522]. Ср. примеры у В.И. Даля: *Что нелепее молва, то ей больше веры; И нелепо горюдит, да люди слушают; Явление наперед причины своей – нелепость; Нелепицу несешь; Перина мужику нелепа, вздорная прихоть* [11, II, с. 522].

3.4. В целом семантическую историю слова *нелепый* в русском языке можно представить условно в виде следующей схемы; рус. *нелепый* ‘лишенный здравого смысла’ и ‘нескладный, неуклюжий’ (XX в.) ← ‘бессмысленный, нелогичный’ и ‘некрасивый’ (XIX в.) ← ‘непристойный’ (этическая сфера) и ‘неправильный, неверный’ (сфера ритуала) ← старослав. **лѣпъ** ‘великолепный, красивый’ (сакральная сфера) и ‘приличный, уместный,, надлежащий’ (профанная сфера).

Важно отметить, что установленная связь эстетической характеристики и этической, присущей древнерусской лингвокультурной ментальности, и рациональной проявляется и в настоящее время, по-видимому, имея характер некой глубинной смысловой корреляции. Ср. в современном русском языке *красивый* ‘приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий и т. п.’ [12, II, с. 120] (эсте-

тическая сфера) – Ты ведешь себя некрасиво (этическая сфера) – красивое решение задачи (рациональная сфера).

И еще одно замечание. Воссозданная картина семантической истории слова *нелепый* в русском языке в целом не имеет универсального характера. Так, в его семантической структуре не отмечается значение ‘смешной’, а уже у англ. *ridiculous* оно имеется. В немецком языке слово *lächerlich* также не получило значение ‘смешной’, но зато, как и в русском языке, оно получило значение ‘бессмысленный’. Вполне очевидно, таким образом, что комплекс значений, связанных с семантикой нелепости, может составить основание для дальнейших семантико-типологических изысканий на более широком языковом материале.

4. Рус. *Дешево и сердито*

4.1. Иногда слова открывают историю своего семантического развития при обращении не к объективной внеязыковой действительности, а к субъективной, смоделированной в специальных знаковых системах. Теоретическое обоснование этой установки дал еще Э. Кассирер. Язык и культуру с ее многообразными формами он предложил рассматривать как дополнительные по отношению друг к другу семиотические коды, посредством которых представляется одно и то же знание человека о мире и о нем самом. «Язык, искусство, миф, религия, – писал он, – не являются изолированными, случайными творениями. <...> Базисную функцию речи, мифа, искусства, религии мы должны искать за их бесчисленными формами и выражениями и в конечном счете, мы должны стремиться проследить их вплоть до их источника» [6, с. 99]. Так, например, этимологическое родство слов *жертва*, *жрец* и *жратва* находит обоснование в семантике ритуала жертвоприношения и собственно представлении о жертве как кормлении божества [9, с. 428].

4.2. В русском языке есть выражение *Дешево и сердито*, отмеченное еще В.И. Далем. В четырехтомном словаре русского языка значение слова *дешево* определяется так: «о чем-л. вполне доступном и вместе с тем отвечающем назначению» [12, I, с. 395]). В общем плане оно понимается так: «не за высокую цену, не затратно (во всех отношениях)». Но почему *сердито*? Какое содержание стоит за этим словом в данном выражении?

Вполне очевидно, что наречие *сердито* происходит от прилагательного *сердитый*, наиболее актуальное значение которого – ‘склонный сердиться, гневаться; раздражительный’ [12, IV, с. 79], *сердитый* ‘рассерженный, осерчавший, приведенный в гнев, в сердце, раздраженный’, *сердиться* ‘гневаться, негодовать, быть чем недовольным, раздражаться и злиться или *серчать, сердчать*’ [11, IV, с. 175].

4.3. Формально все эти слова восходят к слову *сердце*, которое в данном случае обозначает не центральный орган кровообращения, а скорее особый орган в наивной картине мира. По замечанию В.И. Даля, «народ нередко сердцем зовет ложечку, подложечку, подгрудную впадину повыше желудка, где брюшной мозг, большое скопление нервов» [11, IV, с. 174]. Он же отметил, что сердце «есть представитель любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала, противоположно умственному, разуму, мозгу; всякое внутреннее чувство сказывается в сердце» [11, IV, с. 174]. Эту идейную установку подтверждают и такие производные слова *сердце*, как *сердечный* ‘добрый, чуткий, отзывчивый (о человеке, его характере)’ [12, IV, с. 79], *сердечное дело* ‘любовное’, а с другой стороны, весьма актуальны такие образования, как *сердце* – метонимически ‘гнев, негодование, злость и злоба’, *У него сердце на меня* ‘гневаётся, сердится’, *с сердецов, по сердцам, в сердцах* ‘осердясь, во гневе, по злобе или ненависти’ [11, IV, с. 174]. Семантическим же архетипом слов *сердце*, др.-рус. *сьрдьце* ‘внутренность, сердце, дух, душа, мысль’ с исходным значением «то, что внутри» [Черных, II, с. 156], выступает идея *с е р е д и н ы*.

В свою очередь, с идеей центра, середины связывается в русском мифопоэтическом сознании с представлением о силе. Так, например, иерархия Чинов Ангельских

строится в виде трех триад общим числом девять. При этом «Силы» занимают среднее место в средней триаде – т.е. составляют абсолютный центр всей Иерархии. Другая модель такого рода – крест. Своей формой он представляет комплекс идей, являющихся производными глубинного категориального значения «сила» [2, с. 192-193]. Образ «серединности» также связывался с мыслью о силе в разных ее проявлениях, что нашло выражение и в языке. Ср.: *середовик, середович, с(е)редовек, с(е)редовечный* ‘о человеке средних лет, меж 30 и 50’ – *Середовик покрепче*, где выражается идея середины жизни, для которой характерен расцвет сил; *середовечье, середолетье* ‘пора полной возмужалости и до 40 лет’ [11, IV, с. 477].

4.5. При рассмотрении с этих позиций проясняется и внутренняя логика слова *сердитый*. В отношении некоторых веществ, воздействующих на человека, она находит выражение в значении ‘сильнодействующий, крепкий’ (*Сердитая горчица. Сердитый хрен*). В плане агрессивного температурного воздействия на человека *сердитый* (разг.) – ‘проявляющийся с большой силой, резкий’ (*Трещит по улицам сердитый тридцатиградусный мороз*. Гоголь, Мертвые души). В плане человеческой деятельности *сердитый* (прост., обычно кратк. ф., на что или с неопр. формой глагола) – это ‘усердный, ретивый’, т.е. «действующий активно, прилагая значительные силы» («*Сердит я ездить*», - отвечал извозчик; *На работу сердит ужасно: почти один срубил отцу избу*) [12, IV, с. 79].

Понятно отсюда глубинное содержание слова *сердито*, стоящего в позиции предиката. Оно должно пониматься как некое «сильное» состояние внешних по отношению к человеку условий, создаваемых им самим. А выражение *Дешево и сердито* следует понимать как единство двух положительно оцениваемых событий – отсутствия затратности и вместе с тем эффективности его усилий по созданию соответствующего события.

Заключение. Итак, какие выводы более общего порядка позволяет сделать осуществленное рассмотрение такого специфического метода историко-семантических исследований, как апелляция к внеязыковым данным?

Прежде всего, можно убедиться в высокой результативности обращения к языку в тех случаях, когда внутриязыковые подходы к семантической истории слов оказываются бессильными или спорными. И ситуации такого рода более часты, чем это может показаться на первый взгляд. Действительно, человек живет в семантической реальности языка, составляющего для него «специфический способ существования культуры» и одновременно «фактор формирования культурных кодов» [7, с. 8]. Но он живет и в реальности окружающего его мира, который для него познавательного первичен, осваивается и принимается в качестве основы для дальнейшего формирования языковой картины мира. Знания о действительности первичны по отношению к содержаниям, закрепившимся в языке, и именно поэтому они должны учитываться в исторической семантике.

Можно убедиться и в том, что историко-семантические исследования требуют от исследователя самого пристального внимания к данным когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Не будет преувеличением считать, что подобная междисциплинарность составляет вообще норму современной семасиологии – особенно ориентированной на диахронию.

Не менее важным в этом плане оказывается обращение к теоретическим разработкам глубинной психологии (психоанализу З. Фрейда и аналитической психологии К.Г. Юнга). Разработанные в рамках этих дисциплин положения могут способствовать более адекватному пониманию лексической семантики на первоначальных этапах ее формирования. В частности, важно учитывать возможное гомогенное состояние реконструированных семантических единиц, не характерное для поверхностных, относительно дискретных семантических сущностей языка.

Наконец, вполне очевидно, что историко-семантические исследования, в которых примутся во внимание данные когнитивной лингвистики, культурологии, глубинной психологии, составят ценность для практической лексикографии и повлияют на теорию и практику создания новых этимологических словарей.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
2. Берестнев Г.И. Семантическая реконструкция в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. 4 (51): Язык – социальная когниция – коммуникация: Материалы XI Международного конгресса по когнитивной лингвистике (Московский государственный лингвистический университет, 7–9 ноября 2022 г.). Тамбов: Издат. дом «Державинский», 2022. С. 295–299.
3. Берестнев Г.И. В поисках семантических универсалий. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2010. 256 с.
4. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. 1328 с.
5. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях. // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. Вып. 5. С. 31-44.
6. Кассирер Э. Опыт о человеке // Человек. 1990. № 3. С. 93-105.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
8. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. Учебное пособие. М.: Наследие, 1997. 207 с.
9. Топоров В.Н. Еда // Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 427–429.

Словари

10. Благова Э., Цейтлин Р.М., Геродес С. и др. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М.: Рус. язык, 1999. 842 с.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М.–СПб., 1880-1882 (1955).
12. Словарь русского языка в четырех томах. Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988.
13. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. Т. 1–2. СПб.: Изд. Отд-я русск. яз. и словесности Императорской акад. наук. 1893–1912.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1-2. М.: Русский язык, 1999.
15. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. A. Franke Verlag: Tübingen und Basel, 1959 (2005). 1183 S.

Gennady I. Berestnev

Professor of Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Philology, Professor (Kalininograd, Russia)

berest-gen@mail.ru

orcid: <https://org/0000-0003-1783-6253>

Historical-semantic studies: on the question of the method

Abstract. The article, using a number of lexical examples from the Russian language, examines the problem of the method of modern historical-semantic research. The position is being developed that the most productive in this regard is an appeal to the area of extra-linguistic reality called this word. The theoretical justification of the proposed method is defined in two aspects. On the one hand, this is the recognition of the connections between the surface semantic structures of language and the deep cognitive formations that underlie them. Under these conditions, the subject of research is a certain invariant that underlies a number of varying linguistic contents. On the other hand, the connection of linguistic semantics with the cultural reality entrenched in a given language is recognized. The subject of research is fragments of cultural reality that motivate meanings in the language and linguistic consciousness of its speakers in this case. As part of the proposed study, a number of lexical units were analyzed and new data were obtained regarding their deep semantic origin and the stages of transformation of this initial semantics. This is the idea of the germination of a seed and its immediate metonymic shifts in relation to the words *chill*, *tooth*, *chill* and *vegetate*. In relation to the word *absurd*, this is the idea of sacredness, brought into the realm of profane ideas - actually ethical, aesthetic and rational. The word *angrily* in the expression *Cheap and angry* expresses the semantics of a certain “strong” state of conditions external to a person, created by him. And this expression itself should be understood as the unity of two positively assessed conditions - the absence of cost and, at the same time, the effectiveness of efforts. In general, the article asserts the thesis that historical-semantic research requires close attention to the data of cognitive linguistics and cultural linguistics. Such interdisciplinarity is the norm of modern semasiology—especially one oriented toward diachrony.

Key words: historical semantics; etymology; linguoculturology; strong semantics; semantic reconstruction; Russian language.

References

1. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, 1974. 448 p. (In Russian)
2. Berestnev G.I. *Semanticheskaya rekonstrukciya v kognitivnoj lingvistike* [Semantic reconstruction in cognitive linguistics] // *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 4 (51): Yazyk – social'naya kogniciya – kommunikaciya: Materialy XI Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike. Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskiy universitet 7-9 noyabrya 2022 goda* [Cognitive language studies. Vol. 4 (51): Language – Social cognition – Communication: Proceedings of the XI International Congress on Cognitive Linguistics. Moscow State Linguistic University, November, 7–9, 2022]. Tambov, 2022, pp. 295–299. (In Russian)
3. Berestnev G.I. *V poiskah semanticheskikh universalij* [In search of semantic universals]. Kaliningrad, 2010, 256 p. (In Russian)
4. Gamkrelidze T.V., Ivanov Vyach. *Vs. Indoevropskij yazyk i indoevropejcy. Rekonstrukciya i istoriko-tipologicheskij analiz prazyky i protokul'tury* [Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical-typological analysis of proto-language and proto-culture]. Tbilisi, 1984, 1328 p. (In Russian)
5. Grinberg Dzh., Osgud Ch., Dzenkins Dzh. *Memorandum o yazykovykh universalijah* [Memorandum on linguistic universals]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, 1970, vol. 5. pp. 31–44. (In Russian)
6. Kassirer E. *Opyt o cheloveke* [Essay about a person]. *Chelovek* [Human]. 1990, vol. 3, pp. 93–105. (In Russian)

7. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij [Linguoculturology: a textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, 2001, 208 p. (In Russian)

8. Maslova V.A. Vvedenie v lingvokul'turologiyu. Uchebnoe posobie. [Introduction to cultural linguistics. Textbook]. Moscow, 1997, 207 p. (In Russian)

9. Toporov V.N. Eda [Food] // Mify narodov mira. Enciklopediya [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow, 1991, pp. 427–429. (In Russian)

Dictionaries

10. Blagova E., Cejtin R.M., Gerodes S. i dr. Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X-XI vekov) [Old Church Slavonic dictionary (based on manuscripts of the 10th–11th centuries)]. Moscow, 1999, 842 p. (In Russian)

11. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. 2 ed. Moscow – St. Petersburg, 1880–1882 (1955). (In Russian)

12. Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomah [Dictionary of the Russian language in four volumes]. Ed. A.P. Evgen'eva. Moscow, 1985–1988. (In Russian)

13. Sreznevskij I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym istochnikam [Materials for a dictionary of the Old Russian language based on written sources]. V. 1-2. – St. Petersburg.: Publishing House of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. 1893–1912. (In Russian)

14. Chernyh P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1–2. Moscow, 1999. (In Russian)

15. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. A. Franke Verlag: Tübingen und Basel, 1959 (2005), Bd. I., 1183 S. (In German)

УДК 81`27

Бессонова Ольга Леонидовна

заведующий кафедрой английской филологии ФБОУ ВО «Донецкий государственный университет», доктор филологических наук, профессор (г. Донецк, Россия).

olgabessonova@mail.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0002-5171-9790>

Культурное кодирование во фразеологической картине мира

Аннотация: В статье представлены особенности культурного кодирования во фразеологических единицах родственных и неродственных языков. Изучение фразеологических единиц в ракурсе взаимоотношения языка и культуры представляется актуальным, так как позволяет установить и описать те языковые средства и способы, которые воплощают во фразеологические знаки культурно значимый смысл, придавая им тем самым функцию знаков «языка» культуры. В корпус эмпирического материала были включены различные по компонентному составу фразеологические единицы таких разноструктурных языков, как английский, немецкий, французский, русский, украинский. Системное исследование анализируемых единиц было осуществлено при помощи методов фразеологической идентификации и фразеологического описания. Семантический анализ был применен для исследования смысло-содержательных характеристик фразеологических единиц. Метод количественного анализа использовался для выявления и комплексного представления продуктивности их семантических и структурных особенностей. При помощи метода лингвокультурологического анализа была описана культурная семантика

фразеологических единиц, лежащая в основе их способности выполнять функцию знака культуры. Представлена классификация культурных кодов и предложены их определения. Исследование компонентного состава разных типов фразеологических единиц раскрывает культурологические аспекты фразеологической номинации и дает возможность восстановить особенности социальной и культурной жизни, мировоззрения и ценностной картины мира представителей различных лингвокультур. Изучение особенностей культурного кодирования, зафиксированного во фразеологической картине мира разных лингвокультур, позволило установить, что основными типами культурных кодов во фразеологических системах разных европейских языков являются антропоморфный и биоморфный. Рассмотрены универсальные характеристики, а также алломорфные признаки. Обсуждаются результаты количественного и качественного анализа.

Ключевые слова: культурный код, фразеологизм, антропоморфный код, биоморфный код, изоморфизм, алломорфизм.

«Тайна языка – главнейшая из тайн человечества: если ее раскрыть, то раскроются многие скрытые в веках или утраченные знания. Наша цель – помочь увидеть тот культурный фон, который стоит за единицей языка и который позволяет соотносить поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью»
В.А. Маслова.

1. Особенности фразеологического значения

Фразеологический состав языка - специфическая для каждого языка национально-маркированная часть лексикона, которая, постоянно пополняясь новыми единицами, отражает культурно-исторический опыт народа, а также особенности исторических законов развития языка. Вся сложная система фразеологических образов, отражающая представления об окружающем мире и образное мировидение, формирующееся в процессе коллективного многовекового постижения и преобразования человеком окружающей его среды, фиксируется во фразеологической картине мира. Основными характеристиками фразеологической картины мира являются антропоцентризм и экспрессивность, ее центром - человек, о чем свидетельствует обширный эмпирический материал.

Изучение фразеологических единиц (далее ФЕ) в ракурсе взаимоотношения языка и культуры позволяет выявить и описать те языковые средства и способы, которые воплощают во фразеологические знаки культурно значимый смысл, придавая им тем самым и функцию знаков «языка» культуры.

Суммируя различные подходы к определению ФЕ, можно сделать вывод о том, что главным дифференциальным признаком ФЕ является качественно новое фразеологическое значение, которое обусловлено комплексным взаимодействием таких признаков, как семантическая транспозиция, устойчивость, смысловая целостность, воспроизводимость. Вслед за большинством лингвистов фразеологическая единица определяется как раздельнооформленное сочетание слов, характеризующееся устойчивостью и идиоматичностью [9; 15; 19]. Под идиоматичностью понимается «специфический характер соотношения между планом выражения и планом содержания устойчивого словесного комплекса» [12, с. 4].

Заслуживает внимания подход к рассмотрению значения идиом В.Н. Телия, которая предлагает рассматривать значения идиом в виде иерархически упорядоченной модели, которая представлена в виде макрокомпонентов, образуемых семантическими «примитивами» - семантически предельными составляющими [16]. Вслед за В.Н. Телия можно выделить следующие основные макрокомпоненты семантической структуры иди-

омы: 1) дескриптивный макрокомпонент, который отвечает за соотнесенность обозначающего идиомы и обозначаемой ею действительности, т.е. за объективное содержание, отображаемое в значении ФЕ. Дескриптивный макрокомпонент описывает логико-понятийный аспект действительности и отображает объем «лексического понятия»; 2) оценочный макрокомпонент, который отображает информацию о ценности обозначаемого идиомы, определяемой с позиции некоторой усредненной «языковой личности» [3] в соответствии с ценностно ориентированной шкалой стереотипов, норм, стандартов, принятой в картине мира данного национально-культурного сообщества; 3) мотивационный макрокомпонент, который обозначает образ, адекватный возможному положению дел в мире реальном или неадекватный действительности, принадлежащий ирреальному ее представлению. Мотивационный макрокомпонент соотносится с мотивом переосмысления значения словосочетания, или его образно-мотивирующим основанием; 4) эмотивный макрокомпонент значения, который объединяет в себе информацию, содержащую сведения об эмотивной окраске значения идиом. По мнению В.Н. Телия, эмотивный макрокомпонент фразеологического значения является своего рода кульминацией собственно смысловой информации. Именно эмотивный компонент, отмечает В.Н. Телия, имеющий форму модальной рамки, «удваивает» субъективный фактор, добавляющийся к денотации в виде оценочного и эмотивного отношений. Это удвоение усиливает выразительность значения идиом, придавая ему экспрессивную окраску [16, с. 31]; 5) стилистический макрокомпонент значения играет двойную роль: нормативно регламентирует выбор ФЕ и вместе с тем, указывая на социально-ролевые взаимоотношения коммуникантов, способствует усилению (или диссонансу) эмотивной модальности; 6) грамматический макрокомпонент значения – это совокупность всех сведений о фонетических, морфологических и синтаксических формах ФЕ и о содержании этих форм. Как считает В.Н. Телия, между макрокомпонентами фразеологического значения существуют тематические отношения. Дескриптивный макрокомпонент значения идиом рассматривается как своего рода «тема» по отношению к остальным макрокомпонентам значения фразеологизма [16, с. 21]. Следовательно, остальные макрокомпоненты значения идиом являются своего рода «ремой», т.е. движение поэтапного раскрытия цельнооформленного фразеологического значения определяется направлением от известного (данного) к неизвестному, от общего к частному, от объективного к субъективному.

Объяснение причин воспроизводимости связано с пониманием фразеологизма как культурного знака. Воспроизводимость ФЕ обусловлена воспроизводством концептуальных структур, являющихся носителями определенных культурных смыслов и участвующих в формировании образов, лежащих в основе ФЕ. По мнению И.В. Зыковой, процесс воспроизводства ФЕ предполагает апелляцию к определенному культурному концепту (концептам), его (их) «оживление» посредством фразеологических знаков, раскрывающих специфику языковой модели мира той или иной нации [2]. И.В. Зыкова объясняет механизм воспроизведения культурных концептов и стоящих за ними культурных смыслов посредством ФЕ на примере английской идиомы *the Russian soul* 'русская душа'. Ядро концептуальной структуры данной идиомы состоит из таких концептов, как «душа» и «нация / народ». Концепты «душа» и «нация / народ» являются базовыми концептами русской культуры [2]. Таким образом, смысловая парадигма культуры образуется не языковыми единицами, а концептами. Языковые единицы являются лишь средствами их вербализации или опредмечивания.

Следовательно, фразеологическое значение представляет собой вторичную, более сложную номинацию, в основе которой лежат образные ассоциации. Эта номинация характеризуется участием субъективного фактора, формирующего коннотацию в общей семантике ФЕ, следовательно, фразеологическое значение имеет высокую степень экс-

прессивности. При этом в процессе моделирования компоненты ФЕ теряют свои значения и их грамматические свойства носят формальный характер.

Несмотря на значительные достижения фразеологической науки, проблематика изучения компонентного состава фразеологической единицы остается наименее разработанной. Лингвокультурологический подход к данному коммуникативно значимому пласту языковых единиц позволяет выявить специфические черты менталитета наций, которые обусловлены особенностями мировоззрения, системой моральных требований, норм, ценностей и принципами воспитания. Во фразеологическом значении находят выражение как культурные архетипы, так и важные моменты географической, геополитической, хозяйственной, социальной, политической, религиозной, культурной реальностей.

2. Понятие культурного кода. Типы культурных кодов

Описание национально-культурной специфики ФЕ связано с понятием культурного кода. В целом лингвисты сходятся во мнениях относительно определения этого термина. По мнению В.В. Красных, код культуры – «сетка, которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [7, с. 232]. В.В. Колесов и М.В. Пименова дают сходное определение коду культуры - как «макросистеме характеристик объектов картины мира, используя которую носитель языка категоризует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры; это таксономия элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего мира (физические и психические явления)» [6, с. 101].

Анализ публикаций свидетельствует о различных подходах к критериям классификации и количеству культурных кодов. В.В. Красных различает соматический (символьные функции различных частей тела), пространственный (членение пространства), временной (связанный с предметами окружающего мира), предметный (ориентирован на предметы окружающего мира, которыми заполнено пространство), биоморфный (связан с населяющими окружающий мир живыми существами,), духовный (нравственные ценности и эталоны) [7]. В.А. Маслова в качестве основания для выделения кодов использует тематическую принадлежность ключевого слова языкового выражения, выделяя космогонический, анимический, соматический, пространственный, временной, фитоморфный, военный, медицинский, предметный, природно-ландшафтный, архитектурный, обонятельный, пищевой код, код одежды, спортивный код, геометрический, пищевой коды [11, с. 71]. М.В. Пименова разграничивает растительный (состоящий из вегетативного и фитоморфного кодов), зооморфный (в том числе анимальный и териоморфный), перцептивный (связанный с восприятием), соматический, антропоморфный, предметный, пищевой, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный (или божественный) коды. Автор указывает на то, что некоторые исследователи объединяют такие коды, как растительный, зооморфный и антропоморфный под общим названием "биоморфный код". Автор также считает, что антропоморфный код может быть представлен индивидуальным и социальным субкодом [11]. В классификации М.Л. Ковшовой также говорится о пищевом, соматическом, космическом и других кодах [5]. В классификации Л.В. Савченко наряду с соматическим, зооморфным, фитоморфным, предметным, природным кодами привлекает внимание антропный код, который автором понимается как совокупность названий человека в целом и представлений о нем [14]. Заслуживает внимания и классификация Г.В. Токарева [17], который, представляя несколько иной подход к типологии кодов культуры, выделяет такие коды: антропоморфный код, ориентированный на понимание действительности в форме олицетворения (например, англ. *an old head on young shoulders, the hand that rocks the cradle*); акциональный, связанный с отражением различных видов деятельности (например, англ. *hit the jackpot, come up trumps*); биоморфный, актуализирующий в сознании образы, связанные с флорой и фауной (например, англ. *swim like a fish*,

whale of time, bark up the wrong tree, nip smth in the bud, turn over a new leaf); фетишный, актуализирующий в сознании образы неодушевленных предметов, придавая им необычные свойства (например, англ. *lay the foundations, cement an alliance*); анимический, связанный с внутренней мотивацией, отражающей те или иные природные стихии (например, англ. *blow in the wind, like the wind, pour cold water on*).

3. Лингвокогнитивный подход к изучению семантики фразеологических единиц

Существуют различные подходы к изучению национально-культурной специфики языковых картин. Изучение литературы по проблеме исследования позволяет утверждать, что наиболее последовательным является лингвокогнитивный подход как позволяющий выделять, анализировать и структурировать общелингвистический компонент, который релевантен для любого коммуникативного акта, любого языка, на котором осуществляется общение, и культурно-детерминированный компонент, предопределяющий национально-культурную специфику. Изучение общелингвистического компонента позволяет исследовать универсальное в коммуникации, осуществлять комплексный анализ всей совокупности факторов, влияющих на процесс коммуникации. Изучение культурно-детерминированного компонента, в свою очередь, позволяет исследовать национальное в коммуникации, выявлять и описывать национально-специфические составляющие, в частности феномены, которые отражают основные черты национально-культурного менталитета и обуславливают национально-культурную специфику языковых картин мира (см., например, [8; 13]). Когнитивный подход к описанию семантики ФЕ предполагает ее понимание “как микротекст, структурирующийся в ходе интерпретации носителем языка всех типов семантической информации ФЕ в семантическом пространстве культурного знания, принадлежащего субъекту речевого общения – говорящему и слушающему” [4, с. 3].

Согласно утверждению В.А. Масловой, «фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их. И каждый фразеологизм, если он содержит культурную коннотацию, вносит свой вклад в общую мозаичную картину национальной культуры» [10, с. 87]. При этом семантика не всех ФЕ являются культурно-специфичной. Наиболее «культурноносными», по мнению автора, являются образно-эмотивные единицы, которые восходят к неким прототипным ситуациям, лежащим в основе образного переосмысления, закрепившегося с течением времени за фразеологизмом, однако «следы» прототипа остаются во внутренней форме ФЕ, одновременно кодируя и экспонируя определенную культурную информацию [10, с. 68-82].

В корпус эмпирического материала были включены различные по компонентному составу ФЕ таких разноструктурных языков, как английский, немецкий, французский, русский, украинский. Системное исследование анализируемых ФЕ было осуществлено при помощи методов фразеологической идентификации и фразеологического описания. Семантический анализ был применен для исследования смысло-содержательных характеристик ФЕ. Метод количественного анализа использовался для выявления и комплексного представления продуктивности семантических и структурных особенностей исследуемых ФЕ. При помощи метода лингвокультурологического анализа была описана культурная семантика ФЕ, лежащая в основе их способности выполнять функцию знака культуры.

4. Основные результаты исследования

Наблюдения над эмпирическим материалом свидетельствуют о том, что во фразеологической картине мира различных языков преобладает антропоморфное кодирование

ние.

4.1. В частности, это очевидно при рассмотрении компонентного состава ФЕ, обозначающих эмоции – наиболее «культуроносного» пласта фразеологической картины мира. Подробное описание ФЕ, обозначающих отрицательные эмоции, представлено в монографии Е.В. Трофимовой «Фразеология отрицательных эмоций в английском и украинском языках» (подробнее см. [18]).

Таблица 1. Компоненты ФЕ, обозначающих отрицательные эмоции в английском и украинском языках [18]

Компоненты	Англ. яз.		Укр. яз.	
	Число	Процент	Число	Процент
Соматические компоненты	207	27%	579	48%
Реалии социально-бытовой жизни	137	18%	264	22%
Наименования психических явлений и процессов	111	14%	33	3%
Наименования явлений живой природы	101	13%	90	7%
Реалии физического бытия	77	10%	83	6%
Наименования явлений неживой природы	54	7%	114	9%
Цветобозначения	50	7%	10	1%
Пространственные компоненты	14	2%	9	1%
Нумеральные компоненты	8	1%	15	2%
Компоненты меры веса	9	1%	9	1%
Всего	768	100%	1206	100%

Как очевидно из табл. 1, в таких неблизкородственных языках, как английский и украинский преобладает антропоморфное кодирование, в частности соматический код, например: англ. *with one's nose in the air*, укр. *мати зуб (зуба)*. В английской фразеологической картине мира также активны компоненты-реалии социально-бытовой жизни (англ. *a bitter cup, to rub salt in(to) smb's (the) wound(s)*), наименования психических явлений и процессов (англ. *to be afraid (frightened) of one's own shadow*), явлений живой природы (англ. *as scared as a rabbit*). В украинской фразеологической картине мира представления об эмоциях кодируются соматическими компонентами и компонентами-реалиями социально-бытовой жизни (укр. *не в своїй тарілці*). Языки демонстрируют значительную степень сходства в выборе типа соматического компонента. Так, общими компонентами являются *heart / серце, soul / душа, eye / око, head / голова, tear / слеза, tooth / зуб, blood / кров, nose / ніс, skin / шкура, nerve / нерв, face / лице, обличчя, tongue / язык, shoulder / плече, throat / горло, hair / волос, lip / губа, mouth / рот, hand / рука, finger / палець, skull / череп, mind (wit(s)) / ум (розум), ear / вухо, back / спина*, причем в обоих языках преобладают ФЕ с компонентом *heart / серце*: англ. *lie (heavy) at smb's heart (weigh upon smb's heart / the heart of smb)* 'лежать камнем на сердце', англ. *every heart knows its own bitterness* 'у каждого свое горе'; укр. *серце бере / взяло на кого* 'кто-либо сердится, гневается на кого-либо', укр. *шпигонутти в серце кого* 'кто-либо вдруг ощутил душевную боль'. Компонент *душа* является национально-специфическим для украинской фразеологической картины: укр. *душі не стало* у кого 'кто-то очень испугался', *завмирати / завмерти серцем (душею)* 'очень волноваться (от испуга, тревоги и т.д.)', *боліти душею (серцем)* 'тяжело переживать, тревожиться о к-л.'. В английском языке лексема *soul* не входит в перечень продуктивных соматических компонентов, что подтверждает мысль А. Вежбицкой о том, что «душа» – национально-специфическое слово для славянского языкового сознания [1, с. 22]. Этнотипическими являются также компоненты англ. *neck, stomach, bone, jaw*; укр. *нога, дух, груди, тіло, печінка*.

4.2. Антропоморфный код проявляется и в семантике ФЕ с компонентами-цветообозначениями: англ. *blue devils*; укр. *чорна доля*. Анализ материала свидетельствует о преобладании в английском языке черного и голубого цветов, в меньшей степени белого и красного: англ. *as black as night, out of the blue, as white as wool, reds under the beds*. В украинской фразеологической картине мира преобладает черный цвет (укр. *чорна доля*) и оттенок «темный».

4.3. Библейское происхождение ряда ФЕ обуславливает их антропоморфное семантическое кодирование, что указывает на антропогенную ориентацию данных единиц и широкий диапазон ассоциативных связей, из чего следует большая фразообразовательная активность соматической лексики. Будучи фразеологизмами, восходящими к Библии, данные единицы являются символическими, аллегорическими и несут в себе высокую нравственную составляющую, которая известна и понятна всем людям. Наиболее продуктивным классом компонентов ФЕ библейского происхождения является класс, объединенный компонентом-соматизмом: англ. *bone of one's bone and flesh of one's (the) flesh*. Соматическая лексика указывает на антропоцентричность исследуемых единиц. Она является частью картины мира, отображающей культурное осознание представителей этноса и участвующей в отражении знакового содержания культуры в виде ее кодов, и в сочетании с различными компонентами образует основу для ряда фразеологических единиц.

4.4. Во фразеологических картинах мира активен и антропонимический компонент, что также свидетельствует об антропоморфном характере кодирования представлений об окружающем мире. Антропонимический компонент, в частности, зафиксирован в структуре более половины репрезентативной выборки ФЕ английского и французского языков: англ. - 65%, франц. - 72,5% (англ. *Who do you think I am Rockefeller?* 'у меня нет денег'. фр. *Gai comme Roger Bontemps* 'веселый, беззаботный'). Следовательно, антропоцентризм является важной чертой менталитета представителей данных лингвокультур.

В английском и французском языках, кроме антропонимического компонента, многочисленными являются также и топонимы, в частности такие их подтипы: **астионим** – названия городов (англ. *the apple of Sodom / Sodom apple* "красивый, но гнилой плод"; фр. *avoir l'air de revenir de Pontoise* 'иметь растерянный вид'); **хороним** – название территории, области, района (англ. *California blankets* 'газеты, которыми укрываются ночующие в парке безработные'; фр. *l'oncle d'Amérique* 'американский дядюшка' – дальний родственник, неожиданно оставляющий большое наследство или оказывающий материальную помощь); **топоним-прозвище** – иносказательное название географического объекта (англ. *the Ancient Dominion* 'старый доминион' – прозвище штата Виргиния; фр. *Le Nouveau Monde* 'Новый Свет, Америка'); **агороним** – название городских площадей и рынков (англ. *talk Billings gate* разг. 'ругаться как базарная торговка' – *Billings gate* – название большого рыбного рынка в Лондоне); **годоним** – название улиц (англ. *Madison Avenue* 'Американская реклама' – многие рекламные агентства расположены на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке); **гидроним** – название водного объекта (англ. *set the Thames on fire* 'сделать что-л. необычное, из ряда вон выходящее'); (фр. *coup de Trafalgar* 1) 'тревога, волнение'; 2) 'неожиданная катастрофа'; **ойконим** – название сельского объекта (англ. *Colney Hatch* 1) 'психиатрическая больница, сумасшедший дом'[по названию деревни в графстве Мидлсекс, где в 1851 г. была открыта психиатрическая больница] 2) 'безумие, психическое заболевание'); (фр. *ahuri de Chaillot* 'неотесанный болван' (букв. изумленный из Шайо), Шайо – название бывшей деревни, которая была расположена на правом берегу Сены); **ороним** – название элементов земной поверхности (англ. *cross the Great Divide* 'перейти в мир иной, умереть' – "Великий Перевал", назва-

ние Скалистых гор; фр. *Monterau Golgotha* ‘взойти на Голгофу’ – подвергаться тяжелым физическим или нравственным испытаниям). Среди топонимов наиболее многочисленными являются следующие типы: **астионимы** (30% и 37% в английской и французской выборке соответственно), **хоронимы** (23% – английский, 30% – французский). Отличия в этой группе ФЕ периферийны.

4.5. Антропоморфный характер культурного кодирования иллюстрирует и группа ФЕ с терминами родства (англ. *Scotch cousin* ‘дальний родственник’; англ. *empty nester* ‘родитель, дети которого выросли и покинули дом’; нем. *die alte Tante* разг. ‘старое заведение/ здание’, нем. *jmds. Herr und Gebieter* шутл. ‘чей-л. муж’). Рассмотрение этого класса языковых единиц в таких близкородственных языках, как английский и немецкий свидетельствует о преобладании ФЕ с терминами кровного родства (англ. 198 ФЕ (94%); нем. 132 ФЕ (94%)), например: англ. *a son of Belial* ‘коснеющий в грехе, безнравственный человек’; нем. *Bruder Liederlich* ‘неряха’. ФЕ с терминами родства по браку малочисленны в обоих языках (англ. 12 ФЕ (6%); нем. 8 ФЕ (6%)), например: англ. *left-hand (left-handed) wife* ‘морганатическая супруга’; нем. *j-n zum Mann nehmen* ‘взять кого-л. в мужья’. В обоих языках зафиксирована гендерная асимметрия, касающаяся преобладания «мужских» компонентов: англ. *father* (49 ФЕ), *son* (20 ФЕ), *brother* (14 ФЕ), *uncle* (10 ФЕ); нем. *Vater* (20 ФЕ), *Bruder* (16 ФЕ), *Vetter* (4 ФЕ), *Sohn* (10 ФЕ), *Onkel* (5 ФЕ). Среди ФЕ с «женским» компонентом в обоих языках преобладают единицы со словом: англ. *mother* (32 ФЕ); нем. *Mutter* (18 ФЕ). Несмотря на значительные совпадения, данный класс единиц демонстрирует и отличия в семантике, структуре и происхождении. Структура английских и немецких ФЕ с терминами родства, как и их этимологические особенности, характеризуется большим изоморфизмом, чем семантика, что объясняется близкой степенью родства анализируемых языков.

4.6. Исследуемые языки демонстрируют сходство в биоморфном кодировании, что фиксируется во фразеологической картине мира, например, такими ФЕ: англ. *help a lame dog over a stile* ‘помочь кому-либо в беде, выручить из беды’, *a willing horse* ‘работяга; человек, с готовностью берущийся за что-либо’, *pigs in clover* ‘высочки; люди не по праву занимающие высокое общественное положение’. Анималистический компонент содержат большое количество фразеологических единиц, связанных с духовными и социальными особенностями человека.

Исследуемые ФЕ содержат названия представителей практически всех типов животного мира, таких как черви (англ. *a worm's eye view* шутл. ‘взгляд снизу’), моллюски (англ. *an oyster part* ‘роль, в которой актер произносит всего одну фразу’), членистоногие (англ. *catch a crab* ‘слишком глубоко погрузить весло, «завязать» весло’), насекомые (англ. *sting like a wasp* ‘больно задевать; «жалить как оса»’). Кроме того, представлен широкий ряд классов животных. Наиболее обширно представлен тип хордовые, включающий в себя такие классы как «млекопитающие» (англ. *vixen* ‘1) самка лисицы; 2) сварливая женщина, мегера’; *show the elephant* ‘знакомить с достопримечательностями’), «птицы» (англ. *nightingales will not sing in a cage* ‘не нужна соловью золотая клетка, а нужна зеленая ветка’), «пресмыкающиеся» (англ. *wriggle like a cut snake* ‘хитрить, юлить; извиваться как угорь’; *serpentine wisdom* ‘мудрость змия’), «земноводные» (англ. *toad* ‘отвратительный человек, гадина’; *a frog in one's throat* ‘хрипота, спазмы в горле’), «рыбы» (англ. *to be as slippery as an eel* ‘быть скользким как угорь, увилывать’). Анализ материала показал, что большая часть ФЕ с компонентом-зоонимом содержат названия домашних животных, традиционно разводимых людьми, в основном - *dog*, *cat*, *horse*, *pig*, *goose*, *duck* и т.д. Данная тенденция основывается на том, что одомашненные животные издавна окружают человека, что давало широкие возможности для наблюдения за ними.

5. Заключение

Исследование компонентного состава разных типов ФЕ раскрывает культурологические аспекты фразеологической номинации и дает возможность восстановить особенности социальной и культурной жизни, мировоззрения и ценностной картины мира представителей различных лингвокультур. Изучение особенностей культурного кодирования, зафиксированного во фразеологической картине мира разных лингвокультур, позволило установить, что основными типами культурных кодов являются антропоморфный и биоморфный.

Наблюдения и результаты, полученные в ходе анализа эмпирического материала, позволяют определить границы культурно-этнического фонда фразеологического тезауруса языкового сообщества, описать семантику и структуру его конstituентов, что имеет большое практическое значение в практике преподавания иностранного языка, а также в практике перевода.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
2. Зыкова И.В. Образ русской души в английской фразеологии (лингвокультурологический аспект) // Вестник МГЛУ. 2005. Вып. 501. Часть II. С. 43–55.
3. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. Сб. статей / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. М., 2000. С. 191–206.
4. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Мария Львовна Ковшова. Москва, 1996. 22 с.
5. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 3. М.: URSS, 2016. 456 с.
6. Колесов, В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности. СПб.: СПбГУ, 2011. 136 с.
7. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
8. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДК Гнозис, 2003. 375 с.
9. Кунин А.В. Курс фразеологии английского языка. 2-е изд. М.: Высшая школа Дубна, Изд. центр “Феникс”, 1996. 381 с.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр “Академия”, 2001. 208 с.
11. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.
12. Новикова К.Ю. Лингвострановедческий анализ эмоционально-экспрессивных фразеологических единиц (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ксения Юрьевна Новикова. Москва, 1998. 16 с.
13. Пименова М. В. Оценочные и символические концепты (на примере концепта *везение* в русской лингвокультуре) // Символы лингвокультуры в аспекте когнитивной лингвистики: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург, 2020. 104 с. С. 3–16. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 25).
14. Савченко Л.В. Модель субстанциональных кодов культуры (на примере фразеосистемы русского и украинского языков) // Вопросы духовной культуры. Филологические науки. 2014. С. 175–178.
15. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: МГУ, 1998. 260 с.
16. Телия В.Н. Функционально-параметрическая модель значения идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машин-

ного фонда русского языка. Материалы методической школы-семинара. М.: Ин-т рус. языка АН СССР, 1988. С. 18–35.

17. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке). Волгоград: Перемена, 2003. 211 с.

18. Трофимова Е.В. Фразеология отрицательных эмоций в английском и украинском языках: монография. Донецк: ДонНУ. 269 с. (Серия «Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования»).

19. Чернышева И.И. К динамике фразеологической системы (на материале немецкого языка) // Филологические науки. 1993. № 1. С. 61–70.

Olga L. Bessonova

Head of English Philology Department, Donetsk State University, Doctor of Philology, Professor (Donetsk, Russia).

olgabessonova@mail.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0002-5171-9790>

Cultural codes in phraseology

The research addresses cultural coding in phraseological units of cognate and non-cognate languages. The phraseological units are treated in terms of the relationship between language and culture. It seems relevant, since it allows to establish and describe the linguistic ways and means of embedding culturally significant meaning in phraseological signs, thus making them signs of the “language” of culture. The empirical corpus incorporates English, German, French, Russian, and Ukrainian phraseological units with different structure. A number of methods have been applied to the empirical material analysis, among them are the methods of phraseological identification and phraseological description. Semantic analysis was used to study the semantic and content characteristics of phraseological units. The quantitative analysis was used to identify and comprehensively represent the productivity of their semantic and structural features. The method of linguo-cultural analysis enabled to identify and describe the cultural semantics of the phraseological units under study, which underlies their ability to perform the function of a cultural sign. A classification of cultural codes is presented, with their definitions being provided. The focus on the component structure of different types of phraseological units reveals the cultural aspects of phraseological nomination and makes it possible to bring into the open features of the social and cultural life, worldview and value hierarchies in different linguistic cultures. As a result of the cultural coding study, the main types of cultural codes in the phraseological systems of different European languages have been established, with anthropomorphic and biomorphic being the most productive. Universal characteristics, as well as allomorphic features, have been considered, too. The article contains a discussion of quantitative and qualitative analysis results.

Keywords: cultural code, phraseological unit, anthropomorphic code, biomorphic code, isomorphism, allomorphism.

References

1. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kultura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996, 416 s. (In Russian)

2. Zytkova I.V. Obraz russkoj dushi v anglijskoj frazeologii (lingvokulturologičeskij aspekt) [The image of the Russian soul in English phraseology (linguistic and cultural aspect)]. *Vestnik MGLU* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University]. 2005, vol. 501, part II, pp. 43–55. (In Russian)

3. Karaulov Yu.N. Pokazateli natsionalnogo mentaliteta v assotsiativno-verbalnoj seti [Indicators of national mentality in the associative-verbal network]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Language consciousness and the image of the world] / Ed. N.V. Ufimtseva. Moscow, 2000, pp. 191–206. (In Russian)
4. Kovshova M.L. Kulturno-natsionalnaya spetsifika frazeologicheskikh edinit (kognitivnye aspekty): avtoref. dis. [Cultural and national specificity of phraseological units (cognitive aspects): thesis]. Moscow, 1996, 22 p. (In Russian)
5. Kovshova M.L. Lingvokulturologicheskij metod vo frazeologii: Kody kultury [Linguistic and cultural method in phraseology: Codes of culture]. Moscow, 2016, 456 p. (In Russian)
6. Kolesov V.V., Pimenova, M.V. Yazykovye osnovy russkoj mentalnosti [Linguistic foundations of Russian mentality]. St. Petersburg, 2011, 136 p. (In Russian)
7. Krasnyh V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokulturologiya [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. Moscow, 2002, 284 p. (In Russian)
8. Krasnyh V.V. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili realnost? [“Ours” among “strangers”: myth or reality?]. Moscow, 2003. 375 p. [In Russian]
9. Kunin A.V. Kurs frazeologii anglijskogo yazyka [English Phraseology Course]. Moscow, 1996, 381 p. (In Russian)
10. Maslova V.A. Lingvokulturologiya [Linguoculturology]. Moscow, 2001, 208 p. (In Russian)
11. Maslova V. A., Pimenova M. V. Kody lingvokultury: ucheb. Posobie [Codes of linguistic culture: textbook]. Moscow, 2016, 180 p. (In Russian)
12. Novikova K.Yu. Lingvostranovedcheskij analiz emotsionalno-ekspressivnyh frazeologicheskikh edinit (na materiale frantsuzskogo yazyka): avtoref. dis. [Linguistic and regional analysis of emotionally expressive phraseological units (based on the material of the French language): thesis]. Moscow, 1998, 16 p. (In Russian)
13. Pimenova M. V. Otsenochnye i simvolicheskie kontsepty (na primere kontsepta vezenie v russkoj lingvokulture) [Evaluative and symbolic concepts (using the example of the concept of luck in Russian linguoculture)]. *Simvoly lingvokultury v aspekte kognitivnoj lingvistiki* [Symbols of linguistic culture in the aspect of cognitive linguistics] / Ed. M.V. Pimenova. Sankt-Peterburg, 2020, pp. 3-16. (Seriya «Konceptualnye issledovaniya». Iss. 25). (In Russian)
14. Savchenko L.V. Model substantsionalnyh kodov kultury (na primere frazeosistemy russkogo i ukrainskogo yazykov) [Model of substantial codes of culture (on the example of the phrase system of the Russian and Ukrainian languages)]. *Voprosy duhovnoj kultury. Filologicheskie nauki* [Questions of spiritual culture. Philological sciences]. 2014, pp. 175–178. (In Russian)
15. Smirnitckij A.I. Leksikologiya anglijskogo yazyka [Lexicology of the English language]. Moscow, 1998, 260 p. (In Russian)
16. Teliya V.N. Funktsionalno-parametricheskaya model znacheniya idiom [Functional-parametric model of the meaning of idioms]. *Leksikograficheskaya razrabotka frazeologizmov dlya slovarej razlichnyh tipov i dlya mashinnogo fonda russkogo yazyka* [Lexicographic development of phraseological units for dictionaries of various types and for the Machine Fund of the Russian language]. Moscow, 1988, pp. 18–35. (In Russian)
17. Tokarev G.V. Kontsept kak ob’ekt lingvokulturologii (na materiale reprezentatsij kontsepta «Trud» v russkom yazyke) [Concept as an object of linguoculturology (based on the representations of the concept “Labor” in the Russian language)]. Volgograd, 2003, 211 p. (In Russian)
18. Trofimova E.V. Frazeologiya otritsatelnyh emotsij v anglijskom i ukrainskom yazykah [Phraseology of negative emotions in English and Ukrainian languages]. Donetsk, 269 p. (Series “Linguocognitive and Linguoculturological Research”) (in Ukrainian)
19. Chernysheva I.I. K dinamike frazeologicheskoy sistemy (na materiale nemetskogo yazyka) On the dynamics of the phraseological system (based on the material of the German language). *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. 1993, vol. 1, pp. 61–70. (In Russian)

УДК 81'27

Карасик Владимир Ильич

профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры русского языка как иностранного Московского государственного лингвистического университета, доктор филологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

vkarasik@yandex.ru

orcid: <https://org/0000.0001.8306.5317>

Аксиологические характеристики сказок народов банту

Аннотация. Целью работы является характеристика ценностей и норм поведения, отраженных в текстах сказок. В качестве материала взяты сказки народов Африки в переводе на русский язык. Используются методы контент-анализа и интерпретативного анализа. Сказка представляет собой один из прототипных жанров аксиогенного дискурса – коммуникации, в ходе которой вербально выражаются ориентиры поведения в их нарративной конкретизации. Сказка как особый фольклорный жанр интернациональна, ее этнокультурная специфика заключается в привязке к сюжету местных условий жизни, имен собственных и определенных сюжетных мотивов, значимых для определенного этноса. Герои сказок соответствуют функциональным характеристикам повествования, направленного на подтверждение норм и правил поведения в важнейших жизненных ситуациях с учетом типичных локальных обстоятельств для определенного сообщества. Эти обстоятельства представляют собой сплав волшебных и реальных условий жизни. Рассматриваются предписания поведения, выраженные в сказочных сюжетах народов банту. Эти сказки представляют собой сплав мифологии и обиходных наставлений, включают действия обычных людей и волшебных существ, изображают мир, полный опасностей. Людям противостоят чудовища-людоеды и враждебные племена. Аксиология этих сказок сводится к общечеловеческим ценностям – уважению к другим людям, важности родительских советов, привязанности к любимым, смелости как основной характеристике мужчины, трудолюбия и скромности как нормам поведения женщин. Установлена этнокультурная специфика сказок народов банту, состоящая в описании местной природы, еды и питья, социального статуса вождя племени и колдуна или колдуньи, четкой эмблематики своих и чужих и волшебства как естественного качества реальности.

Ключевые слова: африканские сказки; мифология; ценности; предписания; волшебство.

Введение. Лингвокультурология является фундаментом антропологической лингвистики [12]. Ценности представляют собой концентрат культуры и находят выражение в различных типах текстов в виде ключевых концептов, поведенческих стереотипов, лингвокультурных типажей и аксиологически маркированных сюжетов. Сказки разных народов занимают центральное место в системе аксиогенных текстов.

Методы исследования. В работе используется интерпретативный анализ, направленный на выявление ценностей, норм и традиций поведения в фольклорных текстах.

Литературный обзор. Изучение сказок привлекает многих исследователей [1; 2; 7; 8; 9; 15; 16; 17; 18]. В работах филологов и культурологов отмечено, что важнейшими признаками сказочной реальности являются чудесные превращения героев, наличие волшебных существ и волшебных способностей у людей, животных, растений, различных предметов и явлений природы, сюжетная назидательность и победа добра над злом после различных испытаний и преодоления опасностей.

Сказки связаны с мифами и легендами, эти повествования объединяет противопоставление мира данного, в котором действуют законы обыденного естественного существования, и мира вымышленного, подчиняющегося иным законам бытия [10; 13; 20]. Мифы объясняют происхождение мира, повествуют о богах и героях, являются стержнем коллективной идентичности народа, в то время как сказки иносказательно и часто в разговорной тональности дают советы правильного поведения. Иносказательный модус изложения объединяет сказки и притчи, но притчи в большей степени нравоучительны, а важным признаком сказок является развлекательность, адресатом притчи является, как правило, достаточно взрослый человек, слушатели сказки – это преимущественно дети. Сказка как фольклорный жанр интернациональна, ее этнокультурная специфика состоит в привязке к сюжету местных условий жизни, историй, имен собственных и некоторых сюжетных мотивов, значимых для определенного этноса. Исследователи справедливо отмечают множественность подходов к изучению фольклора с позиций этнографии, истории и филологии, при этом для лингвокультурологии на первый план выдвигается коммуникативная природа этого феномена: определенные нарративные паттерны, тематические сферы, стилистические способы изложения [23, с. 18].

Сюжетные мотивы понимаются в филологии статически и динамически [3; 6; 14; 19; 21], в первом случае это темы, составляющие сюжет, во втором случае – ходы развития сюжета, предполагающие выбор со стороны героя и обусловленное этим выбором развитие событий. Объяснение последствий такого выбора соотносится с ценностной картиной мира, а ценности являются концентратом культуры [4; 5; 11].

Результаты и обсуждение

Сюжетная специфика сказок народов банту

Сказки любого народа представляют собой кладезь интересных сведений о культуре этого сообщества. Это в полной мере относится к африканским сказкам. В качестве материала в данной работе рассматриваются сказки народов банту³, населяющих Центральную и Южную Африку. В работах исследователей отмечены важнейшие ориентиры поведения, существенные для понимания африканской культуры: «In many African societies, an important aspect of traditional education is concerned with teaching oral literature using folktales, riddles and proverbs which aim at moulding character and providing children with moral values like honesty, integrity, courage and solidarity» [24, с. 142] – Во многих сообществах Африки важный аспект традиционного воспитания связан с использованием в устном образовательном процессе народных сказок, загадок, пословиц, нацеленных на формирование характера и передачу детям таких моральных ценностей, как честность, прямота, смелость и сплоченность.

Сказка «Дитя волн» посвящена чудесному спасению ребенка.

Одна девушка жила у самого берега моря и любила играть на берегу. Она вышла замуж, у нее родилась дочь, которую она сначала брала с собой и работала в поле, привязав девочку за спину. Но на следующий год дочь подросла и стала толстой и озорной, нельзя было ее отпускать, и работать с ней не получалось. И молодая женщина попросила море покачать ее малютку, пока она работает. Волны подхватили девочку и вечером вернули ее матери. Так продолжалось изо дня в день, но однажды эта женщина не поблагодарила море за помощь, и волны не вернули девочку. Безутешная мать вернулась домой одна. Море вынесло ребенка далеко от дома матери к племени людоедов. Там девочку подобрала местная одноногая колдунья. Она привязалась к ребенку и не позволила съесть девочку. Когда ее соплеменники попытались все же сделать это, колдунья вызвала бурю. Девочка выросла и научилась колдовскому искусству. Но колдунья состарилась,

³ Сказки народов банту. Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 104 с.

велела девушке бежать прочь из этого места и дала ей волшебный рог антилопы, который указывал ей дорогу. Девушка убежала и через некоторое время нашла свою мать. В честь ее возвращения племя собралось на веселый пир.

В этом повествовании мы знакомимся с обыденной жизнью обитателей африканского побережья. Основные сюжетные мотивы сводятся к следующим событиям: море помогает молодой матери в ответ на ее просьбу; море может обидеться, если не услышит благодарности; колдунья из другого племени может привязаться к чужому ребенку; колдунья способна вызвать бурю, если соплеменники ее не слушаются; колдунья дарит своей приемной дочери волшебный рог, позволяющий той вернуться в родное племя. Из этих сюжетных мотивов вытекают определенные нормы поведения: в жизни случаются чудеса; за ребенком нужно следить; нужно быть вежливым, обращаясь с просьбой, и не забывать о благодарности; даже среди людоедов можно выжить; нельзя противодействовать колдунам; у колдунов есть волшебные предметы. Можно заметить, что эти нормы определяют обычный порядок жизни архаичного общества. Обратим внимание на отношение людоедов к колдунье: они зависят от нее, поскольку она вызывает дождь и исцеляет больных, но в любой момент готовы воспротивиться ей. Чудесное возвращение девушки в свое племя соответствует требованию счастливого завершения сказки.

О превращениях и испытаниях говорится в сказке «Семь птиц и семеро юношей».

У одного вождя племени было семь сыновей, они погибли в бою с вражеским племенем, остался один сын, который был немой. Однажды старый советник вождя увидел в своем загоне семь прекрасных птиц и рассказал об этом своему господину. Тот велел поймать этих птиц. В путь отправились семь юношей и немой сын вождя. Они долго выслеживали этих птиц и к вечеру третьего дня сумели их схватить и посадить в клетки. Во время ловли птиц произошло чудо – немой заговорил. На обратном пути они заночевали в пустой хижине, ночью туда вернулся хозяин-людоед, который пошел позвать на пир своих братьев. Юноши бросились бежать, но сын вождя забыл клетку со своей птицей в этой хижине и вынужден был туда вернуться. По пути он встретил маленькую старушку, объяснил ей, куда и зачем он идет, и она подарила ему сосуд с жиром, который нужно было плеснуть на камень, когда враги будут его догонять. Взяв клетку, он побежал, и людоеды погнались за ним. Он плеснул жир на камень, один из догонявших тут же проглотил этот камень, а другие растерзали этого людоеда. Так он поступил и во второй раз, затем прибежал к соплеменникам, они побежали дальше и встретили маленького человечка, который спас их, открыв и закрыв щель в скале. Юношам удалось вернуться в свое племя, сын вождя дотронулся своим копьём до клеток с птицами, и те превратились в рослых юношей – погибших сыновей вождя. Племя устроило великий праздник.

Сказочные обстоятельства этого повествования сводятся к идее перерождения. Чудесные птицы, в которых превратились убитые сыновья вождя, возвращаются в родное место. Смелые воины выполняют приказ вождя. Встречи с людоедами являются непременным условием развития сюжета. Юношей спасают волшебные помощники – маленькие человечки. Интересная деталь поведения отражена в африканских мифах: встретившись с таким карликом, ни в коем случае нельзя говорить, что его заметили только что, наоборот, нужно сказать, что его заметили издали, «еще с той горы»: они стыдятся своего малого роста и любят, когда их возвеличивают. Есть чудесный способ остановить преследователей, и тогда они начинают пожирать друг друга. В скалах может появиться укрытие. Сын вождя чудесным образом исцеляется от своего недуга и, проявив мужество, получает способность превратить птиц в своих старших братьев. В этих сюжетных мотивах прослеживаются следующие предписания поведения: родительское сердце чувствует, что нужно делать; следует проявлять настойчивость и смелость в достижении цели; героям приходят на помощь волшебные существа; следует знать, что чудеса случаются. Эта сказка является гендерно маркированной – мальчиков с детства го-

товят к войнам и подвигам. Заметим, что герои не сражаются с людоедами, поскольку одержать победу в таком сражении, по-видимому, невозможно, но можно убежать или спрятаться от них. Сказочные людоеды – это огры, чудовища огромного размера, из тела которых торчат колючие ветви.

В цикле сказок народов банту есть и повествования для девочек. Такова сказка «Приключения Ониховы».

Племя народа гереро решило уйти со старого удобного места, чтобы избавиться от опустошительных набегов свирепых соседей с гор. Молодые девушки были в отчаянии, они любили играть на берегу и плескаться в волнах. Но вождь сурово отчитал их, и все двинулись в путь. Стайка девушек во главе с Ониховой, хранительницей священного огня, незаметно отстала и вернулась на прежнее место. Вдруг появились охотники – жители гор, схватили девушек, заперли их в хижине, оставив одного из своих людей сторожить их. Тот заснул, девушкам удалось убить его большим камнем и убежать. Но охотники заметили беглянок и бросились в погоню. Девушкам удалось спрятаться в скале, Онихова знала волшебное заклятье, от которого в скале открывалась трещина. Одна из девушек, пожаловалась, что в этой трещине очень тесно. Скала захлопнулась. Через некоторое время туда пришел лев, прорычал волшебное слово, трещина раскрылась, но сидевшая там девушка сумела бросить в зверя большим камнем и убить его. Охотники с гор удивились тому, что слабым девушкам удалось убить льва, стали сдирать с него шкуру, поссорились и прекратили преследование. Девушки догнали свое племя и более не отставали от него.

Этот сюжет не изобилует чудесными превращениями, он подчеркнуто дидактичен: младшие должны выполнять распоряжения старших. Вместе с тем в этом нарративе содержатся и другие предписания поведения: нельзя отчаиваться в сложной ситуации; следует бороться за жизнь; не нужно жаловаться на неудобства, получив укрытие; чудесное спасение всегда возможно. Существуют заклятья, которым подчиняются природные силы, такие заклятья могут произносить как люди, так и звери. Заслуживает внимания перечень действующих табу в современном поведении жителей Южной Африки: 1) запреты, касающиеся здоровья (Нельзя есть незрелые фрукты – потеряешь слух; Нельзя стричь волосы там, где едят – волосы перестанут расти); 2) запреты, связанные с трудовой деятельностью (Нельзя нести на голове наполовину наполненное ведро с водой – родится уродливый ребенок; Нельзя подметать пол в доме ночью – не выйдешь замуж); 3) моральные запреты (Нельзя заключать брак с родственником – от этого рождаются больные дети; Нельзя стоять перед сидящими старшими людьми – будут ноги болеть); 4) запреты, связанные с экологией (Нельзя разрушать птичье гнездо – отец потеряет работу; Нельзя испражняться на дороге – от этого могут родиться больные дети) [22, с. 7–9]. Заметим, что суть этих запретов сводится к рациональным предписаниям, но их объяснение является иррациональным, поскольку отключение естественных причинно-следственных связей обладает архаичной гипнотизирующей силой. Эти объяснения предназначены в первую очередь девочкам (рождение детей, бракосочетание, внешний вид).

Многие сказочные истории связаны с подменой героя. Об этом повествует сказка «Девушки-птицы».

Сын вождя со своей прекрасной невестой двигались в пышном свадебном шествии по зарослям страны Зулу. Когда невеста покидала родителей, ее мать предупредила ее, что если им повстречается зеленый бабуин, его нельзя преследовать, иначе случится беда. Но сопровождавшие молодых воины увидели эту обезьяну и погнались за ней. Неожиданно рядом появилась огромная зеленая ящерица и попросила невесту дать ей рассмотреть красивую юбку и покрывало. Невеста в растерянности выполнила эту просьбу, и ящерица вспрыгнула на белого быка, на котором раньше сидела невеста, а девушка и ее подружки превратились в маленьких зеленых птичек. Когда жених со своими

воинами вернулся, он не узнал свою невесту, но ящерица сказала, что она чуть не испеклась на жару. Сын вождя рассказал об этом странном событии отцу, свадьбу отменили. Безобразную невесту поместили в отдельную хижину. На следующий день в жилище одной из старушек появились красивые девушки, они помогли ей убрать в хижине и попросили ее сохранить в тайне их посещение. Это произошло и на второй и на третий день. Сын вождя узнал об этом и увидел среди них свою настоящую невесту. Вождь позвал своего колдуна, и они придумали, как расправиться с ящерицей. Мужчины вырыли глубокую яму, женщины поставили на огонь большие горшки с водой, и на дне ямы был горшок с молоком. Все стали прыгать через яму, и чешуйчатая тварь тоже прыгнула. Но она почуяла молоко и бросилась его пить. На нее вылили горячую воду, и она сварилась живьем. Вождь созвал на праздник весь народ.

В комментарии к этой сказке отметим следующее. Существуют определенные запреты, которые нельзя нарушать, один из таких запретов касался охоты на бабуина. По видимому, это животное было одним из тотемов у зулусов. Говорящая ящерица обманула невесту и забрала у нее свадебный наряд. После этого сработало колдовство, и невеста и ее подруги превратились в птичек. Но эти птички могли принимать человеческий облик на определенное время. Вождь и колдун племени придумали, как справиться с ящерицей. Кувшин с молоком играет знаковую роль в этой сказке: зулусы не пьют свежего молока, а употребляют в пищу только кислое. Пристрастие к свежему молоку является знаком чужого враждебного существа. Согласно некоторым африканским легендам, в ящериц могли превращаться духи умерших женщин (Werner, 2007). Ящерицы и хамелеоны считаются у африканских народов существами, которые связаны с подземным царством мертвых. Нормы поведения, которые можно вывести из этой сказки, сводятся к следующим предписаниям: следует прислушиваться к советам родителей; нельзя давать чужому человеку или любому существу свою свадебную одежду; можно одолеть злое волшебное существо, если знать его повадки; следует безжалостно уничтожать врагов.

Принято считать, что в сказках даны примеры правильного и неправильного поведения как иллюстрации для подрастающего поколения. Герои, которые ведут себя правильно, получают всяческие призы, а те, кто нарушает правило, наказываются. Своеобразное опровержение такого сказочного канона содержится в истории «Девушка, искавшая опасность».

У одного вождя племени была дочь, которая была смела, как юноша, и всегда готова на какую-нибудь проделку вместо того, чтобы вести себя скромно и поменьше разговаривать. Однажды она отправилась с подругами на берега страшной и таинственной реки. Девушки искупались и, выйдя из воды, увидели, что их одежду кто-то похитил. Они стали просить речного монстра, мать чудовищ, вернуть одежду и получили ее, а дочь вождя надменно отказалась делать это. Сразу же из воды появилась огромная голова, и девушка исчезла в пасти чудовища. Вождь послал своих воинов освобождать дочь, но чудовище съело их всех, вылезло из воды, поползло по склонам холмов, пожирая людей и скот. Храбрый воин, у которого пропали дети в этой ненасытной пасти, взял свое копье и отправился искать монстра. Он нашел его, убил, и из брюха чудовища вышли все, кого оно проглотило, последней вышла дочь вождя. Отец сурово бранил ее и велел ей найти мужа. И тогда она решила выйти замуж человека-змея, который жил далеко за Черной рекой. Она нашла эту страну, узнала, что когда-то там родился у вождя такой мальчик, но потом он исчез. Девушка стала жить в хижине старушки, у которой когда-то родился этот мальчик. Ночью она проснулась от прикосновения, и мужской голос спросил ее, что она здесь делает. Это был человек-змей, высокий красивый юноша с гладкой блестящей кожей, он сказал ей, что он живет под землей, но теперь, когда нашлась девушка, которая хочет выйти за него замуж, с него снимется заклятье. Сын вернулся к отцу, и его невеста получила почетный знак – хвост леопарда как жена будущего вождя.

В этой сказке можно увидеть развернутую предысторию, в которой описано поведение героини, и основную часть, повествующую о встрече героини с ее избранником. Детально показано водное чудовище, которое начинает пожирать всех подряд после того, как дочь вождя неуважительно к нему отнеслась. Вторая часть сказки посвящена встрече девушки с обитателем подземного царства. Отметим, что у многих народов существовал культ змей, эти опасные существа внушали страх людям. Стать женой змея означало преодолеть этот страх. Встретив своего избранника, своевольная девушка радикально меняет свое поведение, она более не разговаривает высокомерно и надменно с людьми и с уважением общается как с этим молодым человеком, так и с его матерью. Обратим внимание на ритуальную часть сватовства: девушка сама приходит в чужое племя для знакомства с будущим женихом и ждет ответа: если она подходит вождю и племени, то в ее честь закалывают козу и ее принимают как невесту, а если не подходит, то ей дают горящую головню в знак того, что она должна уйти и разжечь свой очаг в другом месте. Из этой сказки вытекают следующие нормы поведения: нельзя вести себя высокомерно, от этого может пострадать не только тот, кто неуважительно относится к другим, но и множество людей, связанных и даже не связанных с этим человеком; всегда найдется герой, который решится вступить в противоборство с чудовищем и сможет победить его; заколдованный обитатель подземного мира может стать человеком, если какая-нибудь девушка захочет выйти за него замуж (эта версия Красавицы и Чудовища является интернациональной). Интересно отметить, что в этой сказке не говорится о любви дочери вождя к человеку-змею, она решила стать его женой просто по своей прихоти. Образ дочери вождя вовсе не является примером для подражания. Здесь возможны несколько версий объяснения такого сюжета: 1) это констатация того, что иногда люди так себя ведут (в первой части сказки показано, что расплачиваться за это приходится многим); 2) можно допустить, что девушка так себя ведет, поскольку является дочерью вождя, другим бы так себя вести не позволили; 3) возможно, что этот сюжет является архаичным троллингом, сказочник с ироничным прищуром излагает это повествование. В определенной мере поведение главной героини этой сказки соответствует африканской пословице «Бес, живущий в человеке, и есть этот человек».

Заключение. Сказочные сюжеты народов банту представляют собой сплав мифологии и обиходных наставлений, включают действия обычных людей и волшебных существ, изображают мир, полный опасностей. Людям противостоят чудовища-людоеды и враждебные племена. Аксиология этих сказок сводится к общечеловеческим ценностям – уважению к другим людям, важности родительских советов, привязанности к любимым, смелости как основной характеристике мужчины, трудолюбия и скромности как нормам поведения женщин. Этнокультурная специфика сказок народов банту состоит в описании местной природы, еды и питья, социального статуса вождя племени и колдуна или колдуньи, четкой эмблематики своих и чужих и волшебства как естественного качества реальности.

Литература

1. Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб.: СПбГУ, 2000. 181 с.
2. Акименко Н.А. Лингвокультурные характеристики англосаксонского сказочного дискурса. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2013. 152 с.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Гослитиздат, 1940. 648 с.
4. Воркачев С.Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.
5. Дементьев В.В. Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2016. 396 с.

6. Жирмунский В.М. К вопросу о международных сказочных сюжетах // Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и запад. Л.: Наука, 1979. С. 336–343.
7. Зуева Т.В. Сказка // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 989–994.
8. Кравцов Н.И. Сказка как фольклорный жанр // Специфика фольклорных жанров. М.: Наука, 1973. С. 68–84.
9. Краюшкина Т.В. Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок. Владивосток: Дальнаука, 2011. 258 с.
10. Кривцун О.А. Миф // Культурология. Энциклопедия. В 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. Т. I. С. 1330–1331.
11. Леонтович О.А. Слово и образ в поисках друг друга: монография. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. 252 с.
12. Маслова В.А. Лингвокультурология. Введение: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 208 с.
13. Мелетинский Е.М. Миф, сказка, эпос // Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. С. 262–276.
14. Неклюдов С.Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. С.221–229.
15. Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки: монография. М.: Инфра-М, 2018. 355 с.
16. Плахова О.А. Лингвосемиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая репрезентация, дискурсивная актуализация: монография. Тольятти: ТГУ, 2013. 308 с.
17. Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965. 220 с.
18. Пропп В.Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 168 с.
19. Путилов Б.Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. С. 141–155.
20. Режабек Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ). М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
21. Силантьев И.В. Поэтика мотива / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. М: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
22. Babane M.T., Mushwana A. An ethnographic study of the functions of Xitsonga taboos in the 21st century // Southern African Journal for folklore studies. 2022. N 31(2). P.1–12.
23. Ben-Amos D. A Definition of Folklore: A Personal Narrative. Studies in Oral Folk Literature. 2014. № 3. P. 9–28
24. Sone E.M. The Folktale and Social Values in Traditional Africa // Eastern African Literary and Cultural Studies. 2018. N 4(2). P. 142–159.
25. Werner A. Myths and legends of the Bantu. NuVision Publications, 2007. 268 p.

Vladimir I. Karasik

Professor at the Department of Russian Linguistics, Pushkin State Institute of the Russian Language, Professor at the Department of Russian as a Foreign Language at Moscow State Linguistic University, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

vkarasik@yandex.ru

orcid: <https://org/0000.0001.8306.5317>

Axiological characteristics of the Bantu tales

Abstract. The objective of the paper is to characterize values and norms of behaviour reflected in the texts of fairy tales. The material of study comprises fairy tales of Africa in Russian translation. Methods of content analysis and interpretative analysis have been applied. Fairy tale is a prototypical genre of axiogenic discourse – the communication expressing in a verbal form the orientations of behaviour in their narrative concretization. The fairy tale as a special folklore genre is international; its ethnocultural specificity lies in the connection to the plot of local living conditions, proper names and certain plot motifs that are significant for a particular ethnic group. Fairy tale characters correspond to functional trends of narration aimed to confirm norms and rules of conduct in important life situations taking into account typical local circumstances for certain communities. These circumstances make a blend of magic and real life conditions. The paper deals with behavioral prescriptions expressed in the fairy tale plots of the Bantu peoples. These tales are a fusion of myths and everyday instructions, they describe actions of ordinary people and magic creatures and depict the world full of dangers. Cannibal monsters and hostile tribes are always near. The axiology of these tales comprises both universal and ethnic specific features, the former appeal to respect other people, follow parental advice, show love and care to people around, be brave, industrious and modest, while the latter show the local nature, food and drink, social status of tribal chief and sorcerer, emblematic distinction between insiders and outsiders and magic as a natural quality of reality.

Key words: African tales; mythology; values; prescriptions; magic.

References

1. Adon'eva S.B. Skazochnyj tekst i tradicionnaya kul'tura. [Fairy tale text and traditional culture]. St. Petersburg, 2000. 181 p. (In Russian)
2. Akimenko N.A. Lingvokul'turnye harakteristiki anglosaksonskogo skazochnogo diskursa. [Linguistic and cultural characteristics of Anglo-Saxon fairy tale discourse]. Elista, 2013, 152 p. (In Russian)
3. Veselovskij A.N. Istoricheskaya poetika. [Historical Poetics]. Moscow, 1940, 648 p. (In Russian)
4. Vorkachev S.G. Voploshchenie smysla: conceptualia selecta [Implementation of Meaning: Conceptualia Selects]. Volgograd, 2014, 331 p. (In Russian)
5. Dement'ev V.V. Rechezhanrovyje kommunikativnye cennosti v novyh i novejsih sferah russkoj rechi [Speech Genre Communicative Values in Modern Spheres of Russian Speech]. Saratov, 2016, 396 p. (In Russian)
6. Zhirmunskij V.M. K voprosu o mezhdunarodnyh skazochnyh syuzhetah [To the Question of International Fairy Tale Subject Plots]. Zhirmunskij V.M. Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i zapad. [Comparative literature studies. East and West]. Leningrad, 1979, pp. 336–343. (In Russian)
7. Zueva T.V. Skazka [Fairy Tale] // Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij [The literary encyclopedia of terms and concepts]. Ed. A.N. Nikol'yukin. Moscow, 2001, pp. 989–994. (In Russian)
8. Kravcov N.I. Skazka kak fol'klornyj zhanr [Fairy Tale as a Folklore Genre] // Specifika fol'klornyh zhanrov [The specifics of folklore genres]. Moscow, 1973, pp. 68–84. (In Russian)
9. Krayushkina T.V. Fiziologiya i psihologiya personazhej russkih narodnyh volshebnyh skazok [Physiology and Psychology of the Characters of Russian Folklore Magic Fairy Tales]. Vladivostok, 2011, 258 p. (In Russian)
10. Krivcun O.A. Mif [Myth]. *Kul'turologiya. Enciklopediya* [Cultural studies. Encyclopedia]. Moscow, 2007, vol.1, pp.1330–1331. (In Russian)

11. Leontovich O.A. Slovo i obraz v poiskah drug druga [Word and Image in Search of Each Other]. Volgograd, 2022. 252 p. (In Russian)
12. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya. Vvedenie: ucheb. posobie. [Linguoculturology. Introduction: a textbook]. Moscow, 2018, 208 p. (In Russian)
13. Meletinskij E.M. Mif, skazka, epos [Myth, Fairy Tale, Epos] // Meletinskij E.M. Poetika mifa [The poetics of myth], Moscow, 1976, pp. 262–276. (In Russian)
14. Neklyudov S.YU. O nekotoryh aspektah issledovaniya fol'klornyh motivov [On some Aspects of Studies of Folklore Motiffs] // Fol'klor i etnografiya: U etnograficheskikh istokov fol'klornyh syuzhetov i obrazov [Folklore and ethnography: At the ethnographic origins of folklore plots and images]. Leningrad, 1984, pp. 221–229. (In Russian)
15. Pimenova M.V. Etnogermenevtika russkoj skazki [Ethnohermeneutics of Russian Fairy Tale]. Moscow, 2018, 355 p. (In Russian)
16. Plahova O.A. Lingvosemiotika anglijskoj skazki: zhanrovoe prostranstvo, znakovaya reprezentaciya, diskursivnaya aktualizaciya [Linguistic Semiotics of English Fairy Tale: Genre Space, Semiotic Representation, Discursive Actualization]. Tol'yatti, 2013, 308 p. (In Russian)
17. Pomeranceva E.V. Sud'by russkoj skazki. [The Fate of Russian Fairy Tale]. Moscow, 1965, 220 p. (In Russian)
18. Propp V.YA. Morfologiya skazki [The Morphology of Fairy Tale]. Moscow, 1969, 168 p. (In Russian)
19. Putilov B.N. Motiv kak syuzhetoobrazuyushchij element [Motiff as a Subject Plot Generating Element]. *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru* [Typological research on folklore]. Moscow, 1975, pp.141–155. (In Russian)
20. Rezhabek E.YA. Mifomyshlenie (kognitivnyj analiz). [Mythological Thinking (Cognitive Analysis)]. Moscow, 2003, 304 p. (In Russian)
21. Silant'ev I.V. Poetika motiva [Poetics of Motiff]. Moscow, 2004, 296 p. (In Russian)
22. Babane M.T., Mushwana A. An ethnographic study of the functions of Xitsonga taboos in the 21st century. *Southern African Journal for folklore studies*. 2022, vol. 31(2), pp. 1-12. (In English)
23. Ben-Amos D. A Definition of Folklore: A Personal Narrative. *Studies in Oral Folk Literature*. 2014, vol. 3, pp. 9–28. (In English)
24. Sone E.M. The Folktale and Social Values in Traditional Africa // *Eastern African Literary and Cultural Studies*. 2018, vol. 4(2), pp. 142–159. (In English)
25. Werner A. Myths and legends of the Bantu. NuVision Publications, 2007. 268 p. (In English)

УДК 81-114.2

Красавский Николай Алексеевич

Профессор кафедры немецкого языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», доктор филологических наук, профессор (г. Волгоград, Россия)

nkrasawski@yandex.ru

orcid: <https://org/0000-0001-6467-9305>

Концептосфера новеллы Германа Гессе «Душа ребенка»

Аннотация. В современной лингвоконцептологии основное внимание уделяется описанию коллективных концептосфер национальных языков. Изучение индивидуально-авторских концептосфер, в частности концептосфер эмоций, остается на периферии интересов лингвоконцептологов. Определение в индивидуально-авторской концептосфере

эмоций ключевых концептов – важная, еще недостаточно изученная проблема современной лингвоперсонологии. В статье ставится задача выявления ключевых эмоциональных концептов в новелле немецко-швейцарского писателя прошлого века Германа Гессе, определение способов их языковой репрезентации и установление перцептивно-образных признаков описываемых концептов. Посредством методов дефиниционного анализа, интерпретативного анализа, контекстуального анализа, сплошной выборки и приема количественного подсчета установлены ключевые эмоциональные концепты в новелле «Душа ребенка» – страх, душевные страдания, отчаяние. Выявлен факт более высокой частотности такого способа речевого воплощения эмоциональных концептов, как выражение, по сравнению с их обозначением. Высокочастотное использование экспликантов страха, душевных страданий и отчаяния обусловлено коммуникативной интенции Г. Гессе показать сложный мир социализации человека в подростковом возрасте, его трудно разрешимые противоречия в попытках понять окружающий мир, не отличающиеся гармонией и искренностью взаимоотношения в социуме людей. Набор индивидуально-авторских перцептивно-образных признаков ключевых эмоциональных концептов различен. Максимально разветвленной оказалась сеть перцептивных ассоциаций у концепта «страх» (дрожь тела, сдавливание горла, оочевенные пальцы, дрожащие руки и др.), это обусловлено импульсивностью и глубиной данного психического переживания. Ключевые эмоциональные концепты в новелле Г. Гессе чаще называются прямыми номинациями. Выявлены многочисленные текстовые фрагменты в новелле «Душа ребенка», где автор использует комбинированный способ вербализации страха, душевных страданий и отчаяния. Этот лингвистический факт показывает стремление автора текста максимально ярко реализовать коммуникативное намерение воздействовать на читателя.

Ключевые слова: концепт; концептосфера; протагонист; перцептивно-образный признак; новелла; слово.

Введение. Общеизвестен факт полипарадигмального характера развития современной лингвистики. Не менее хорошо известно, что одним из стержневых направлений отечественной филологии в последнюю четверть века стали лингвоконцептологические исследования [2; 5; 7; 12; 17, с. 152-158; 21, с. 8-20], позволившие ученым провести фундаментальное описание триады «язык – сознание – культура», в которой отражены когнитивные операции человека, их оязыковление и функционирование в социуме, в культуре как в синхронном, так и в диахроническом аспектах. При этом функцию интегрирующего элемента данной триады взял на себя термин *концепт*, рассматриваемый как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [5, с. 129]. Приведенное здесь понимание В.И. Карасиком концепта стало в отечественной лингвистике классическим. Этому определению придерживаются, насколько мы можем судить, сторонники лингвокультурологического толкования данного базового термина, т.е. исследователи, облигаторно фокусирующие свое внимание на его ценностной составляющей (см.: [3; 8; 14; 18, с. 39-44]). Мы также придерживаемся лингвокультурологического (аксиологического) подхода к пониманию концепта, ставя перед собой на страницах данной статьи следующие задачи: а) выявлении ключевых эмоциональных концептов в концептосфере новеллы Германа Гессе «Душа ребенка» (*Kinderseele*); б) установление перцептивно-образных признаков индивидуально-авторских эмоциональных концептов «страх», «душевные страдания», «отчаяние» немецко-швейцарского писателя; в) определение основных способов вербализации данных концептов в его новелле.

Методы исследования. С учетом исследовательских задач и материала применены следующие методы: дефиниционный анализ, интерпретативный анализ, контекстуальный анализ, сплошная выборка и прием количественного подсчета. Дефиниционный

анализ использовался для формирования понятийного аппарата проведенного исследования. Интерпретативный анализ применялся с целью объяснения речевого поведения протагониста новеллы с опорой на нашу собственную языковую и общекультурную компетенции. Применение контекстуального анализа обусловлено необходимостью определения художественного смысла использованных писателем языковых средств, обозначающих и выражающих концепт. Метод сплошной выборки и прием количественного подсчета применялись для отбора и подсчета репрезентантов описываемых концептов.

Обзор литературы. Ретроспективный взгляд в историю становления, формирования лингвоконцептологии позволяет отметить имевший место в первое десятилетие нынешнего века лингвоконцептологический бум. Труднообозрима научная литература, посвященная как отдельным типам концептов, так и национальным (коллективным) концептосферам [2; 7; 12; 14; 15; 16; 22]). Предложены различные типологии и классификации концептов, дано их комплексное описание. Значительно количество работ, в чьем фокусе внимания – сопоставительные характеристики данного феномена, объективированного в различных национальных языковых картинах мира. Кратно меньше, однако, научных трудов, рассматривающих индивидуально-авторские концепты, в целом индивидуально-авторские концептосферы. Они до недавнего времени оставались в тени исследовательских практик. Здесь уместно привести рассуждения об индивидуально-авторских концептах, их специфике, способности трансформироваться известного концептолога М.В. Пименовой: «Структура концепта может расширяться за счет авторских инноваций. В английский язык вошел фразеологизм *to wear one's heart upon one's sleeve*. При дословной передаче образность этого выражения совершенно непонятна носителям русского языка (“носить сердце на рукаве“). Мотивировка соотносится с исторической реалией – существовал рыцарский обычай носить на рукаве своей одежды цвета своей дамы. У. Шекспир вкладывает это выражение в уста Яго (он говорит «Я буду носить сердце на рукаве на расклевание галкам» в значении «если бы я ходил с душой нараспашку, меня заклевал бы любой глупец»), презиравшего открытых и откровенных людей, умевшего скрывать свои чувства. Шекспировский фразеологизм употребляли в своих произведениях многие авторы, сохраняя или переосмысляя его первоначальную форму и значение» [16, с. 7]. Полагаем, что приведенный пример и его комментарий со всей очевидностью показывают перспективность изучения индивидуально-авторских концептов. Следует при этом, однако, указать, что работ, посвященных индивидуально-авторским концептам, становится в российской лингвистике все больше и больше [3; 4, с. 180-184; 10, с. 100-104; 20; 23, с. 134-144]. При этом отметим, что такой тип концептов, как индивидуально-авторские эмоциональные концепты, редко становится объектом специального анализа исследователей.

Основные результаты и обсуждение. Для лингвоконцептологов, считающих ценностную и перцептивно-образную составляющие концепта обязательным компонентом его структуры, большой интерес в качестве исследовательского материала представляет собой художественный дискурс, который, по справедливому замечанию В.И. Карасика, «наиболее тесно связан с традициями мировосприятия определенного этноса» [6, с. 389]. Укажем на важность перцептивно-образных признаков концептов, находящихся в художественных текстах, как правило, яркое метафорическое воплощение. Эти признаки фиксируют предметные области действительности, с которыми ассоциируется то или иное ментальное образование, показывают развитие мысли в художественном освоении человеком определенного сегмента окружающего его мира. Художественное постижение действительности сознанием человека сопряжено с его психическими переживаниями, разнообразными эмоциями и чувствами. Без них трудно представить себе художественное творчество. Бесспорен факт: при описании индивидуально-авторских концептов и в целом концептосфер лингвоконцептологи обращаются преимущественно к интерпрета-

ции смыслов художественных текстов. В поле исследовательского внимания ученых оказываются обычно тексты писателей. Художественные тексты – в отличие, к примеру, от текстов научных, публицистических – служат традиционным исследовательским материалом для лингвоконцептолога в силу их речевого оформления, способа построения, сюжетности и, что самое главное, ярко выраженной антропоцентричности, предполагающей реализацию определенных аксиологических индивидуальных установок. Это – во-первых. Во-вторых, сам исследователь, являющийся по определению языковой личностью, часто оказывается в плену “чужих” языковых форм выражения мысли. Иначе говоря, желание пережить эстетическое удовольствие от художественного текста, обладающего способностью увлекать читателя сюжетом и высоким художественным слогом, мотивирует ученого сделать выбор данного типа текста для интерпретации. Эти доводы повлияли и на наш выбор художественного дискурса в качестве исследовательского материала. Далее заметим, что, как правило, в поле зрения концептологов оказываются элитарные языковые личности, чье творчество отличается высокой художественно-эстетической ценностью, глубиной рассуждений, оригинальностью мышления и как следствие привлекательностью для образованной, обладающей соответствующим интеллектуальным цензом аудитории. К их числу относится писатель XX века Герман Гессе.

Новелла «Душа ребенка», вышедшая в свет в 1920 году, – одно из первых произведений писателя. Новелла во многом автобиографичная. В ней затрагивается проблема социализации подростков, психологически тонко и удивительно глубоко показан внутренний мир взрослеющего, расстающегося с детством человека, мир, полный противоречий, душевных страданий, страхов, отчаяния и одиночества. Идея новеллы в том, чтобы показать пребывающий в жестком конфликте внутренний мир отрока с миром внешним – в том числе, и с миром взрослых, с миром родителей, неспособных к эмпатии, к пониманию взрослеющего ребенка, что приводит к его психологической ломке на сложном пути социализации. Идея произведения, на наш взгляд, генерирует концептосферу эмоций его протагониста (повествование о детстве и отрочестве ведется в новелле от его имени сорокалетним Г. Гессе). Имя протагониста не названо, что объясняется, видимо, стремлением писателя показать читателю собирательный образ подростков, проиллюстрировать глобальность и всеобщность проблем детского мира. Идея новеллы, раскрывающий авторские коммуникативные намерения сюжет произведения (неосознанная кража ребенком инжира в кабинете отца) в экспрессивной форме передают душевное состояние протагониста, его мир чувств и эмоций, который в продолжительный кризисный отрезок времени сводится преимущественно к переживанию отчаяния, страха, душевных мук. По сути, они составляют каркас концептосферы эмоций главного героя новеллы, подтверждением чего служат количественные показатели их вербализации – многочисленные номинации и выражения, высокочастотно используемые в «Душе ребенка». Высокая семантическая плотность оязыковленного феномена в тексте нами рассматривается как один из критериев его ключевого (базового) статуса. Вторым критерием отнесения того или иного концепта к ключевому мы признаем квалифицированные суждения специалистов, экспертов по творчеству того или иного писателя. Названные выше психические переживания указываются в качестве важнейших целым рядом гессеведов [1; 9; 11; 13, с. 169-219].

Анализ новеллы «Душа ребенка» позволяет установить высокий индекс частотности употребления в ней репрезентантов концепта «страх» как его номинантов (т.е. прямых обозначений), так и экспликантов. Вслед за В.И. Карасиком под обозначением концепта мы понимаем «присвоение фрагменту осмысливаемой действительности специального знака», а под выражением концепта – « всю совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [5, с. 130-131]. В немецком языке концепт «страх» обозначается следующими

словами: *die Angst, die Furcht, die Scheu, der Schreck, der Schrecken, die Beklemmung, das Grauen, das Grausen, das Entsetzen, die Bangnis* [19, с. 36]. Их значительная часть использована в новелле для характеристики эмоционально-психического состояния протагониста. Суммарный индекс частотности употребления номинантов эмоций вместе с дериватами в этом произведении равен 51 позиции. Так, слово *die Angst* и его дериваты использованы 28 раз, слово *der Schreck* и его производные 8 раз, слово *die Furcht* и его дериваты 6 раз, слово *bange* с его производными 3 раза и соответственно слова *die Beklemmung, grauenvoll* и *entsetzt* по 2 раза. Состояние страха, по сути, на протяжении всей новеллы сопровождает протагониста с того момента, как он без разрешения взял в кабинете своего отца несколько сушеных ягод (инжир). Боязнь отцовского наказания, осознание совершенного преступления отравляют жизнь ребенка: «Dann stieß ich, in plötzlichem hellem Schrecken, die Lade heftig zu und rannte davon, durch beide Zimmer, die kleine Stiege hinab und in mein Stübchen, wo ich stehen blieb und mich auf meinen kleinen Stehpult stützte, in den Knien wankend und nach Atem ringend» [24, с. 12]. В приведенном отрывке текста изображено состояния ужаса ребенка-протагониста посредством употребления прямого обозначения этого чувства (*in plötzlichem hellem Schrecken*), равно как и его внешнего проявления – слабость в ногах и сбившееся дыхание (*in den Knien wankend und nach Atem ringend*). Эмоциональное состояние отрока уточняется выступающими в функции эпитетов лексемами *plötzlich* и *hell*, позволяющими читателю понять внезапность появления страха и степень его интенсивности. Страх (точнее – ужас) ассоциативно связан с дрожью части тела (колен) и задыхающимся человеком. Симптоматику страха мы рассматриваем, опираясь на контекст, как перцептивно-образные признаки концепта «страх». Эти признаки вряд ли можно назвать индивидуально-авторскими, оригинальными. Они конвенциональны.

Концепт «страх» не только обозначается в новелле, но и частотно выражается. Ниже приведем соответствующий пример, показывающий состояние переживания перманентного страха протагонистом: «Hatte ich oben die Schlafzimmertür auch zugemacht? Und die Schublade? Nun war das Elend da. Ich hätte mir die Hand abhauen lassen, wenn dafür meine Feigen wieder oben in der Kommode gelegen hätten. Ich beschloß, sie fortzuwerfen, sie mit in die Schule zu nehmen und zu verschenken. Nur daß sie weggämen, daß ich sie nie wieder sehen müßte!» [24, с. 14]. Со страхом ребенок думает о том, закрыл ли он ящик, в котором был отцовский инжир. Протагонист готов отрубить себе руку (*die Hand abhauen lassen*), лишь бы украденный им инжир оказался вновь в отцовском ящике в целостности и полной сохранности. Тайно взятые им ягоды становятся предметом его ненависти к ним, служат поводом для раскаяния о содеянном. Примечательно, что свой проступок мальчик оценивает через протестантскую призму, о чем свидетельствуют его размышления о первородном грехе (*die Erbsünde*), в целом о грехах (*die Sünde, das Laster*). Данный факт согласуется с биографией Германа Гессе, строго воспитывавшегося в протестантской семье.

Состояние страха нередко метафорически передано на страницах новеллы. При этом одним из компонентов метафоры выступает лексема *das Herz (сердце)*, что обусловлено, как известно, приписыванием сердцу “чувственной” функции – в нем аккумулируется эмоциональный мир человека. Иллюстрацией сказанному может служить следующий пример: «Verbrechergefühl zog mir den Magen zusammen und machte mir die Fingerspitzen kalt, mein Herz flatterte angstvoll» [24, с. 10]. Материал позволяет заключить, что концепт «страх» обладает в новелле такими перцептивно-образными признаками, как сдавливание горла (*Druck in der Kehle*), давление в нижней части живота (*der angstvolle Druck im Unterleib*), ооченевшие пальцы (*frierende Finger*), дрожащие руки (*zitternde Hände*), сжимание грудной клетки (*wie es mir die Brust zusammenzog*), (учащенное) сердцебиение (*das Herzklopfen, das Herz schlug rasend*), холод, пронзивший сердце и желудок

(*die Kälte bis in Herz und Magen*), порхающее, трепещущее сердце (*mein Herz flatterte angstvoll*). Вербализованные перцептивно-образные признаки концепта «страх» вызывают многочисленные ассоциации в сознании читателя, способствуют реализации коммуникативного замысла писателя.

Концепт, как мы ранее уже отмечали в одной из своих работ [8], вербализуется не только лексемами, совпадающими с самим его наименованием, многочисленными синонимами, но и лексемами, его косвенно обозначающими. Примером могут служить выражающие концепт «страх» лексемы *die Seele* (душа) и *das Herz* (сердце): «An diesen Tagen scheint jede Unordnung und Störung der eigenen Seele sich in unserer Umwelt zu spiegeln und sie zu entstellen. Unbehagen und Angst beklemmen unser Herz» [8, с. 8]. Здесь имеет место факт использования комбинированного способ репрезентации описываемого концепта в новелле – его номинация (*die Angst*) и выражение посредством лексем *die Seele* и *das Herz*.

Эмоции переживаются человеком кластерно, комплексно. Состояние страха протагониста нередко сопровождается его отчаянием. Эмоциональный концепт «отчаяние» обозначается в немецком языке двумя лексемами *die Verzweiflung* и *die Verzagtheit* [19, с. 622]. Этот концепт высокочастотно выражен, но сами его номинанты не употреблены в новелле. Приведем в качестве примера два фрагмента текста. «Schlimmeres konnte kein Mensch ertragen. Wenn noch Schlimmeres über einen kam, dann mußte man sich das Leben nehmen. Man müßte Gift haben, das war das beste, oder sich hängen» [24, с. 16]. «Ich wußte sehr gut, daß man sich selber das Leben nehmen konnte. Ich dachte auch, daß ich das wohl einmal tun würde, später, wenn es einmal ganz schlimm kam. Gut wäre es gewesen, krank zu werden, aber nicht bloß so mit Husten, sondern richtig todkrank, so wie damals, als ich Scharlachfieber hatte» [Там же, с. 22]. Переживание высокой степени отчаяния отроком передано целым рядом морбиальных и мортальных лексем и одной фраземы: *todkrank, sich hängen, das Gift, sich das Leben nehmen*, равно как и негативно-оценочным словом *schlimm* и его компаративной степенью *schlimmer*. Уже сам по себе глагол *ertragen* (переносить, вытерпеть) указывает на негативную модальность переживаний протагониста. Ср.: *ertragen – aushalten, erdulden, erleiden; sein Leiden, seine Schmerzen geduldig ertragen* [25, с. 436]. Подросток удручен, подавлен тем обстоятельством, что неосознанно совершил кражу инжира в кабинете отца. Протагонист понимает безнравственность своего поступка и в то же время чувствует как бы свою правоту, находит себе оправдание – он пришел в кабинет к отцу, с тем чтобы поговорить с ним, увидеть в нем поддержку, облегчить душу, но родителя не оказалось на месте. Кража инжира похожа на своеобразное наказание сыном отца. Тем самым Герман Гессе показывает читателю сложный мир противоречивых рассуждений, размышлений главного персонажа, его непонимание мира взрослых и протест против них. Особенно четко и ярко противопоставление двух миров, их антагонизм мы видим в следующем отрывке новеллы: «Man war klein, man hatte kein Geld, niemand half einem. Ja, wenn alle Kinder sich zusammentaten und einander hülften! Sie waren viele, es gab mehr Kinder als Eltern» [24, с. 25]. На лицо бинарная оппозиция двух миров – мира взрослых и мира детей.

Чувство отчаяния близко эмоциональному состоянию душевных мук и страданий. Можно, видимо, его считать их специфической разновидностью.

В немецком языке концепт «душевные страдания» обозначается следующими словами: *das Leid, die Leiden, der Schmerz, die Qual, das Weh, die Pein, die Marter, die Plage* [19, с. 402]. Все они, кроме лексемы *die Plage* используются в новелле. Суммарный индекс частотности их употребления вместе с дериватами в этом небольшом по объему произведении равен 26 позициям. Частотность применения данных слов следующая: у слова *die Qual* и его производных 12 употреблений, у слова *das Leid* 9, у слова *das Weh* 2. Остальные номинанты этой эмоции имеют по одному словоупотреблению. Укажем еще

раз, что концепт оязыковляется не только лексемами, совпадающими с самим его наименованием и синонимами, но и его косвенно обозначающими лексемами. Примером может служить выражающая концепт «душевные страдания» лексема *das Herz* – сердце (индекс частотности ее употребления в новелле равен 12). В нижеприведенном пассаже представлен диалог строгого отца и сына. Отец добивается признания факта кражи инжира у сына, вызывая тем самым у него глубокие страдания: «Wie konnte er, der große, kluge Mann, so unsinnig fragen! Als ob es mir etwa nicht leid getan hätte! Als ob er nicht hätte sehen können, wie mir das Ganze weh tat und das Herz umdrehte! Als ob es mir möglich gewesen wäre, mich etwa gar noch meiner Tat und der elenden Feigen zu freuen!» [24, с.34]. Употребление лексемы *das Herz* (сердце) в составе фразеологического оборота показывает глубину душевных мук протагониста.

Душевные страдания протагониста обнаруживают в новелле связь с отцовским наказанием голодом (*hungern lassen*), удушением (*Leid und Trotz würgten mich*), покусыванием губ (*biß auf die Zähne*), слезами, плачем (*weinen*), адом (*nach dieser Hölle voll Qual*). Художественное изображение симптоматики душевных переживаний Г. Гессе показывает перцептивно-образные признаки данного концепта.

Заключение. В концептосфере новеллы Германа Гессе «Душа ребенка» эмоциональные концепты занимают доминирующую позицию. В данном произведении к ключевым эмоциональным концептам относятся «страх», «душевные страдания» и «отчаяние». Критериальной базой определения ключевого статуса названных концептов служат суждения гессеведов и установленные нами количественные показатели репрезентации данного феномена в новелле. Высокочастотное использование номинантов и экспликантов страха, душевных страданий и отчаяния подчинено реализации коммуникативной интенции Г. Гессе показать сложный и мучительный мир социализации человека в подростковом возрасте, его многочисленные, трудно разрешимые противоречия в попытках понять окружающий мир, взаимоотношения в социуме людей, не отличающиеся гармонией и искренностью.

Индивидуально-авторские эмоциональные концепты обладают заслуживающими внимания лингвоконцептолога перцептивно-образными признаками, обнаруживающими ценностно-ассоциативные связи чувственной жизни человека. Применительно к разным ключевым эмоциональным концептам различен «набор» перцептивно-образных признаков как в качественном (что закономерно и объяснимо), так и в количественном отношении. Максимально разветвленной оказалась сеть ассоциаций, основанных на перцепции, у концепта «страх» (дрожь тела, сдавливание горла, оочевенвшие пальцы, дрожащие руки и др.), что обусловлено, на наш взгляд, в первую очередь импульсивностью и глубиной данного психического переживания. Степень его речевого воплощения посредством номинации и экспликации в тексте новеллы высокая.

Ключевые эмоциональные концепты в новелле чаще выражаются, чем обозначаются (т.е. называются прямыми номинациями). Этот факт объясняется, во-первых, более вариативной системой языковых экспликаций по сравнению с номинациями и, во-вторых, как правило, их более высоким перлокутивным эффектом. Выявлены многочисленные текстовые фрагменты в новелле «Душа ребенка», в которых имеет место комбинированный способ вербализации страха, душевных страданий и отчаяния. В данном случае речь идет о сочетании обозначений этих эмоций с их экспликациями. Данный лингвистический факт мы оцениваем как стремление автора текста максимально ярко реализовать коммуникативное намерение воздействовать на читателя.

Литература

1. Березина А.Г. Герман Гессе. Л.: Лен. ун-т, 1976. 128 с.

2. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт: монография. М.: Гнозис, 2007. 190 с.
3. Выстропова О.С. Индивидуально-авторская концептосфера Роберта Бёрнса: монография. Казань, «Бук», 2020. 164 с.
4. Давыдова А.В. Репрезентация концепта «trust» в романе Андрою Нормана Уилсона “The Healing Art” // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. №8(141). С. 180–184.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, «Перемена», 2002. 447 с.
6. Карасик В.И. Языковые картины бытия: монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 468 с.
7. Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): автореф. ... дис. д-ра филол. наук. СПб., 2010. 40 с.
8. Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концептосферы эмоций Германа Гессе, Стефана Цвейга и Роберта Музиля: монография. Волгоград, «Перемена», 2023. 225 с.
9. Лазуткина О.А. Концепция человека в циклах рассказов Германа Гессе «По эту сторону», «Соседи», «Окольные пути»: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 220 с.
10. Макарова О.С. Концепты «Macht» и «Glück» в концептосфере Ф. Ницше // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. №1(01). С. 100–104.
11. Малащенко В.В. Феномен игры в прозе Германа Гессе: “Демиян”, “Кляйн и Вагнер”, “Последнее лето Клингзора”: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008. 213 с.
12. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. 6-е изд. М.: Флинта, Наука, 2021. 180 с.
13. Науменко А.С. Писатель, околдованный книгой // Гессе Г. Магия книги. М.: Книга, 1990. С. 169–219.
14. Немецкая концептосфера: национальные и индивидуально-авторские концепты: кол. монография / науч. ред. В.И. Карасик. Волгоград, Парадигма, 2012. 180 с.
15. Облецова Е.В. Репрезентация эмоционального концепта “Passion” в английской языковой картине мира: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Иркутск, 2020. 22 с.
16. Пименова М.В. Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ: монография, Кемерово, КемГУ, 2007. 500 с.
17. Пименова М.В. Символические признаки концепта *звезда* в современной русской поэзии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. №1(144). С. 152–158.
18. Пименова М.В., Айдарбекова А.С., Ибраимова Г.О. Символическая когнитивная модель «душа - бабочка» и ее варианты в русской лингвокультуре // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. №3(03). С. 39–44.
19. Рахманов И.В. и др. Немецко-русский синонимический словарь. М.: Рус. яз., 1983. 704 с.
20. Редкозубова К.Ю. Кристаллизация концептов «любовь», «дружба», «семья» в современном художественном дискурсе (на материале романов С. Ахерн): автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ставрополь, 2021. 30 с.
21. Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж, Истоки, 2008. Вып. 1. С. 8–20.

22. Стефанский Е.Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 44 с.

23. Krasavsky N.A., Baranova K.M., Muzykant V.L., Barabash V.V., Burdovskaya E.Y. Philosophical and Conceptual Presentation of the Emotional Cluster of Sadness: Metaphorization of Germany artistic Consciousness // *XLinguae*. 2020. №3. V.13. P. 134–144.

24. Hesse H. *Kinderseele*. S. Fischer Verlag. Berlin. 1920. 46 с.

25. Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. Guetersloh – München, 1992. 1493 с.

Nikolay A. Krasavsky

Professor of the Department of German Language and Methods of Its Teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia)

nkrasawski@yandex.ru

orcid: <https://org/0000-0001-6467-9305>

The conceptual sphere of Hermann Hesse's novel «The Soul of a Child»

Abstract. In modern linguistic conceptology, the main attention is paid to the description of the collective conceptual spheres of national languages. The study of individual author's conceptual spheres, in particular the conceptual spheres of emotions, remains on the periphery of the interests of linguoconceptologists. The definition of key concepts in the individually-authored conceptual sphere of emotions is an important, as yet insufficiently studied problem of modern linguopersonology. The article aims to identify the key emotional concepts in the novel by the German-Swiss writer of the last century Hermann Hesse, to determine the ways of their linguistic representation and to establish perceptual and figurative features of the described concepts. Through the methods of definitional analysis, interpretative analysis, contextual analysis, continuous sampling and quantitative calculation, the key emotional concepts in the novel "The Soul of a Child" – fear, emotional experiences and despair - are established. The fact of such a way of speech embodiment of emotional concepts as expression, in comparison with their designation, has been established. The high-frequency use of explicatives of fear, mental suffering and despair is due to the communicative intention of G. Hesse to show the complex world of human socialization in adolescence, its difficult to resolve contradictions in attempts to understand the world around us, and relationships in human society that are not harmonious and sincere. The set of individual author's perceptual-figurative features of key emotional concepts is different. The network of perceptual associations for the concept "fear" turned out to be the most extensive (body trembling, throat constriction, numb fingers, trembling hands, etc.), this is due to the impulsiveness and depth of this mental experience. The key emotional concepts in G. Hesse's novel are more often called direct nominations. Numerous text fragments have been identified in the short story "The Soul of a Child", where the author uses a combined method of verbalizing fear, mental suffering and despair. This language fact shows the desire of the author of the text to realize as clearly as possible the communicative intention to influence the reader.

Keywords: concept; conceptsphere; protagonist; perceptual-figurative feature; novel; word.

References

1. Berezina A.G. *German Gesse*. Leningrad, 1976, 128 p. (In Russian)
2. Vorkachev S.G. *Lyubov' kak lingvokul'turnyj koncept: monografiya* [Love as a linguocultural concept: monograph]. Moscow, 2007, 190 p. (In Russian)

3. Vystropova O.S. Individual'no-avtorskaya konceptosfera Roberta Byornsa: monografiya [The individual author's conceptual sphere of Robert Burns: a monograph]. Kazan, 2020, 164 p. (In Russian)
4. Davydova A.V. Reprezentaciya koncepta «trust» v romane Andryu Normana Uilsona "The Healing Art" [Representation of the concept of "trust" in Andrew Norman Wilson's novel "The Healing Art"]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University]. 2019, vol. 8(141), pp. 180–184. (In Russian)
5. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002, 447 p. (In Russian)
6. Karasik V.I. Yazykovye kartiny bytiya: monografiya [Linguistic pictures of being: monograph]. Moscow, 2020, 468 p. (In Russian)
7. Kononova I.V. Struktura i yazykovaya reprezentaciya britanskoj nacional'noj moral'no-eticheskoj konceptosfery (v sinhronii i diahronii): avtoref. dis. [Structure and language representation of the British national moral and ethical conceptosphere (in synchrony and diachrony): thesis]. St. Petersburg, 2010, 40 p. (In Russian)
8. Krasavskij N.A. Individual'no-avtorskie konceptosfery emocij Germana Gesse, Stefana Cvejga i Roberta Muzilya [Individual author's conceptospheres of emotions by Hermann Hesse, Stefan Zweig and Robert Musil]. Volgograd, 2023, 225 p. (In Russian)
9. Lazutkina O.A. Konceptciya cheloveka v ciklah rasskazov Germana Gesse «Po etu storonu», «Sosedni», «Okol'nye puti»: dis. [The concept of man in the cycles of short stories by Hermann "On this side", "Neighbors", "Detours": thesis]. Voronezh, 2008, 220 p. (In Russian)
10. Makarova O.S. Koncepty «Macht» i «Glück» v konceptosfere F. Nicshe [Concepts "Macht" and "Glück" in the conceptual sphere of F. Nietzsche]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo sotsio-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki*. [Proceedings of the Volgograd State Socio-Pedagogical University. Philological Sciences]. 2023, vol. №1(01), pp. 100–104. (In Russian)
11. Malashchenko V.V. Fenomen igry v proze Germana Gesse: "Demian", "Klyajn i Vagner", "Poslednee leto Klingzora": dis. [The phenomenon of play in the prose of Hermann Hesse: "Demian", "Klein and Wagner", "The last summer of Klingsor": thesis]. Kaliningrad, 2008, 213 p. (In Russian)
12. Maslova V.A., Pimenova M.V. Kody lingvokul'tury [Codes of linguoculture]. Moscow, 2021, 180 p. (In Russian)
13. Naumenko A.S. Pisatel', okoldovannyj knigoj [Writer bewitched by a book]. Gesse G. Magiya knigi [Hesse G. The magic of the book]. Moscow, 1990, pp. 169–219. (In Russian)
14. Nemeckaya konceptosfera: nacional'nye i individual'no-avtorskie koncepty [The German conceptual sphere: national and individual author's concepts] / Ed. V.I. Karasik. Volgograd, 2012, 180 p. (In Russian)
15. Oblecova E.V. Reprezentaciya emocional'nogo koncepta "Passion" v anglijskoj yazykovoj kartine mira: avtoref. ... dis. [Representation of the emotional concept of "Passion" in the English language picture of the world: thesis]. Irkutsk, 2020, 22 p. (In Russian)
16. Pimenova M.V. Koncept serdce: obraz, ponyatie, simvol [The concept of the heart: image, concept, symbol], Kemerovo, 2007, 500 p. (In Russian)
17. Pimenova M.V. Simvolicheskie priznaki koncepta zvezda v sovremennoj russoj poezii [Symbolic signs of the concept of a star in modern Russian poetry]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. 2020, №1(144), pp. 152–158. (In Russian)
18. Pimenova M.V., Ajdarbekova A.S., Ibraimova G.O. Simvolicheskaya kognitivnaya model' «dusha - babochka» i ee varianty v russoj lingvokul'ture [Symbolic cognitive model "butterfly – soul" and its variants in Russian linguoculture]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudar-*

stvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. [Proceedings of the Volgograd State Socio-Pedagogical University. Philological Sciences]. 2023, vol. 3(03), pp. 39–44. (In Russian)

19. Rahmanov I.V. and others. Nemecko-russkij sinonimicheskij slovar' [German-Russian synonymic dictionary]. Moscow, 1983, 704 p. (In Russian)

20. Redkozubova K.Yu. Kristallizaciya konceptov «lyubov'», «druzhba», «sem'ya» v sovremennom hudozhestvennom diskurse (na materiale romanov S. Ahern): avtoref. dis. [Crystallization of the concepts of "love", "friendship", "family" in modern artistic discourse (based on the material of S. Ahern's novels): thesis]. Stavropol', 2021, 30 p. (In Russian)

21. Sternin I.A. Opisanie koncepta v lingvokonceptologii [Description of the concept in linguoconceptology]. *Lingvokonceptologiya* [Linguoconceptology] / Ed. I.A. Sternin. Voronezh, 2008, Iss. 1, pp. 8–20. (In Russian)

22. Stefanskij E.E. Konceptualizaciya negativnyh emocij v mifologicheskom i sovremennom yazykovom soznanii (na materiale russkogo, pol'skogo i cheshskogo yazykov): avtoref. dis. [Conceptualization of negative emotions in mythological and modern linguistic consciousness (based on the material of Russian, Polish and Czech languages): thesis]. Volgograd, 2009. 44 p. (In Russian)

23. Krasavsky N.A., Baranova K.M., Muzykant V.L., Barabash V.V., Burdovskaya E.Y. Philosophical and Conceptual Presentation of the Emotional Cluster of Sadness: Metaphorization of Germany artistic Consciousness. *XLinguae*. 2020, vol. 3(13), pp. 134–144.

24. Hesse H. Kinderseele. Berlin, 1920, 46 p. (In German)

25. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Guetersloh – München, 1992, 1493 p. (In German)

УДК 81'271

Маслова Валентина Авраамовна

доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь)

mvavit@tut.by

orcid: <https://0000-0002-4938-838X>

Русское слово как ценность, энергия духа и носитель иррационального сознания

Аннотация. Цель статьи – показать, что русское слово – это, прежде всего, духовная ценность, а потом уже социальная, этическая, эстетическая и др., оно энергично и способно нести информацию о вымышленном мире, быть иррациональным. Основная решаемая задача: выявление особенностей понимания языка как ценности, энергии духа, носителя иррационального сознания. Если по проблеме язык и ценности написано довольно много (аксиологическая лингвистика), то остальные аспекты – «терра инкогнито». Ранее было установлено, что ценности и устойчивы, и подвижны одновременно. Их динамичность обусловлена не только культурой, но и конкретной исторической эпохой. Например, в античной Греции превалировали эстетические ценности, в средневековой Европе – религиозные ценности, в современном обществе утвердились, скорее, антиценности – *богатство, наслаждение, власть*. Основными результатами исследования стал вывод, что поэтические смыслы (гораздо чаще, чем смыслы обыденного языка и даже смыслы в художественной прозе) принадлежат к сфере бессознательного и не имеют вербальных средств выражения, а потому они недоступны рациональным методам постижения, они требуют озарения. Поэтическое слово способно «схватить» и постичь неслуханное. В лингвистике сформировалось видение языка не просто как системы знаков

или инструмента познания, но и как духовной, энергичной и трансцендентной сущности. Иррациональность сознания позволила русскому народу сохранить крепость веры, религиозность, несмотря на гонения на протяжении всего прошлого века, самобытность своей культуры; нужно писать о крепости духа русских, видя основу такого состояния в русском языке, русском слове. Тогда получается, что язык «работает» не так, как это видится традиционным лингвистам.

Ключевые слова: ценности; координаты культуры; функционирование русского языка; инсайт; иррациональность; духовная энергия.

Введение. Русский язык и русское слово хранят в себе память народа, национальный склад души и ума, национальную картину мира, систему нравственных и духовных ценностей. Слово – залог взаимопонимания между предками и потомками. О русском слове написаны горы литературы, среди которых такие высоты духа, что простому смертному их не то, что не повторить, но и не приблизится к ним. Например, это «Русский язык. Грамматическое учение о слове» академика В.В. Виноградова. Однако, с учетом того, что время идет, и знания накаляются в геометрической прогрессии, все время возникает соблазн посмотреть на русское слово с других позиций. Так, нужно писать об иррациональности сознания русских, которая имеет свое объяснение. Считается, что в разных культурах сложились различные логики мышления: бинарная (Западная Европа), тернарная (Китай) и бинарно-тернарная (Россия). Целое в разных типах мышления различно. «Тернарность позволяет из противоположности образовать общее, тогда как бинарность не позволяет их соединить» [10, с. 12]). Так, для русских – это *да, нет, может быть*. Не случайно европейцы видят ущербность в русском типе мышления. Так, Бисмарк говорил: «Никогда не воюйте с русскими. На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью».

Методы. Основными методами, использованными в исследовании, являются описательный, аналитический и интерпретативный.

Результаты и обсуждение. Рассмотрим подробнее данные аспекты проблемы: Язык и ценности. 2. Язык как духовная ценность. 3. Энергичность языка. 4. Язык и иррациональное.

1. **Категория ценности** является сегодня одним из важнейших понятий не только в лингвистике, но и в философии, культурологии, социологии, педагогике и целом ряде других гуманитарных наук. Ценности – это не просто высшие ориентиры в культуре и обществе, но они занимают значительное место в структуре языковой личности. Ценности лежат в основе тех предпочтений, с помощью которых языковая личность воспринимает и описывает мир. Личность (в том числе и языковая), по удачному выражению Т. Шибутани, – «это организация ценностей» [17, с. 353]. И какие ценности получит ребенок вместе с языком с самого раннего детства, таков и будет он на протяжении всей своей жизни. Так, если в детстве в молитве Паисию Величковскому ребенок слышит о его духовном подвиге: «*Ты от юности любви ради Божией оставил отечество твое, в иных странах безмолвия ища... Ты великим воздержанием, в трудах, тесноте и крайнем лишении плоть свою духом покорил...*», это остается в его памяти как образец правильного духовного поведения.

Для каждой культуры можно разработать параметры, которые будут своеобразными координатами культуры. Такие параметры будут считаться исходными ценностными признаками. Научная белорусская литература утверждает, что главные ценности белорусса – *бескорыстие, коллективизм, «памяркоўнасць», патриотизм*. Наш материал показал, что это не так. На первом месте – *материальное благополучие* (собственное и детей), в то же время *богатство* стоит чуть ли не на последнем месте.

Еще пример. *Добро* относится к важнейшей общечеловеческой ценности (*добро и зло*), но при этом является нормой нравственности. Однако *добро* в каждой из исследуемых культур имеет свою национальную специфику, в этой своей ипостаси ценность находит отражение в национальном языке: *Добро должно быть с кулаками* (поговорка, широко распространенная во времена воюющих коммунистов). Национально специфичны такие общечеловеческие ценности, как *патриотизм, экология, культурное наследие, здоровый образ жизни* и др. Недооценка национальной специфики коннотаций ряда слов ведет к невозможности отыскать истину. Так, до сих пор в психологии такие эмоции, как гнев *гнев, страх, депрессия* рассматривают как общечеловеческие, как черты человеческой натуры, хотя они тоже культуроспецифичны.

Сохранение ценностей идет чрез язык, но русский язык – сам величайшая ценность. «Самая большая ценность народа – это его язык, язык, на котором он пишет, говорит, думает», – утверждает Д.С. Лихачев. Русский язык – это и социальная, и духовная, и эстетическая, и интеллектуальная, и культурная ценность одновременно. Более того, язык присутствует внутри нас, это наш «дом бытия» (М. Хайдеггер).

2. Что же такое духовность? Согласно Современному философскому словарю, духовность имеет следующие аспекты: «1) нематериальность, бесплотность; 2) одухотворенность; наполненность духом творчества, творящим духом; 3) процесс гармоничного развития духовных способностей человека» [11, с. 266–267].

В христианском дискурсе под Духом Святым понимают Божий Дух: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:2). Следовательно, *дух* – то Бог и Святой Дух. Например, И.А. Ильин под духом человека подразумевал объективно существующую жизненную разумную энергию человека [5, с. 236].

Язык – духовная реальность [16]. Он носитель и средство выражения истины и Божественной воли. По П. Флоренскому, – это свет божьей благодати, излитой на человека. «Словом преобразуется жизнь, и словом же жизнь усваивается духу», – писал Павел Флоренский [15, с. 113]. «В начале было Слово...», – это утверждение и ценности языка, и его творческой силы, и начала всего сущего. Исходя из такого понимания языка, его важнейшая функция – Богообщения, а функция общения человека с человеком – вторична. Еще в прошлом веке Н. Хомский заметил, что язык не очень хорошо приспособлен для реального общения: в нем много диффузности, омонимии, многозначности, индифференциальности (*Умный был бы человек, кабы не дурак* – здесь семантические, прагматические и другие нарушения; *Больной нуждается в уходе врача, и чем дальше уйдет врач, тем лучше* – здесь не просто игра многозначным отглагольным существительным *уход*, но и задействован национальный опыт о плохих врачах). При принятии того факта, что функция общения с Богом – главная, многое должно быть пересмотрено в теории языка.

О языке как «духовной деятельности», «имманентном произведении духа», который составляет саму природу человека, писали В. фон Гумбольдт, а позднее Г. Шпет. Язык – живое порождение духа, его главнейшая деятельность, лежащая в основе ряда других видов деятельности (искусство, философия, наука). По образному выражению В. Гумбольдта, языки – это и орудия, необходимые для духовной деятельности, и колеи, по которым она совершает свое течение. Он писал: «В языке действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности, существование и природу которых невозможно постичь, но нельзя и отрицать... Язык – нечто большее, нежели инстинкт интеллекта, ибо в нем сосредоточивается не свершение духовной жизни, но сама эта жизнь» [3, с. 143].

С точки зрения современной науки, сфера духа – это информационная система, информационная составляющая мира. Термины для её обозначения весьма различны: Бог, ноосфера, Высший разум, Универсум, Мировой разум, Космос и др. Человек изна-

чально является частью этого пространства, при этом его собственная информационная составляющая обладает высокой степенью самоорганизации. Как биологическое тело человека является частью живой природы, так и дух является частью ноосферы.

С нашей точки зрения, духовность – это присутствие в душе человека Духа Божьего: «Духовность – это состояние личности, которое выражается в гармонии человека и Космоса и даёт ощущение единства с окружающим миром, природой, людьми. Духовность придает смысл нашей жизни» [14, с. 107]. Духовный человек живёт по законам духа, создавая плоды духа: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание...» (Гал. 5. 22, 23). Следовательно, духовность вводит человека в сферу Высшего разума, Бога.

По утверждению Ю.С. Степанова, «действия, связанные со словом в русском языке представлены трехфазовой моделью: «славить – слышать – слыть» [12, с. 383]. Как видим, на первое место академик ставит «славить», данный глагол показывает его главную функцию – славить Бога, т.е. подчеркивает духовную сущность слова.

В.В. Колесов в работе «Русская ментальность в языке и тексте» обращает внимание еще на одну ипостась русского слова. Он отмечает различия между латинским *ratio* (мысль) и греческим *logos* (слово), первое из которых, по мнению автора, лежит в основе ментальности, а второй – духовности. В.В. Колесов также отмечает, что наследник византийского Логоса, славянское Слово имеет отличие в семантике. «Греческий термин образован от глагола со значением «говорить», тогда как славянский – от глагола со значением «слушать». В греческом слове преобладает идея разумности, того же *ratio*, тогда как для славянского употребления более характерно значение, связанное с выражением духовного, а не рассудочного знания» [6, с. 45]. Со словом связан глагол «внимать» в современном языке: *внимать каждому слову*. Рудольф Штайнер предлагал особое внимание при исследовании разных аспектов языка уделять диахроническому аспекту: «Чем больше мы углубляемся в историю развития народа, тем более живые отношения обнаруживаем между языком и силами человеческой души...» [17, с. 9]. В русский язык из древности (из греческого языка) пришло множество слов с первой частью благо- и добро-: *благодать, благодетель, благополучие, благочестие, благоговение, благо, благоразумие, благодаяние, блаженный (благо как состояние), благословение (благо, заключенное в слове), благоговение, благодарность, благосклонность, благотворительность (проявление сострадания к ближнему)* и т.д. В них мы чувствуем отблеск Бога. Например, *благотворительность* – деяние добра, милости. При этом мы помним: *Будьте милостивы, и помилует Вас Господь* (Сборник «Измарагд», гл 72). Данное слово влияет на духовно-нравственное становление личности, направляет в духовное русло поведение человека: об этом говорили многие выдающиеся личности, так, Шота Руставели писал: «Что ты спрятал – то пропало, что ты отдал – то твое».

Как известно, культурная, политическая и научная связь славянских стран основаны, прежде всего, на православии. Это еще более усиливает важность духовной составляющей, пронизывающей русский язык.

Отсюда вывод: в лингвистике заложены традиции видения языка не просто как системы знаков или инструмента познания (когнитивная лингвистика), но и как духовной сущности. Как свидетельствует русский язык, русский человек – это духовное по своей сути существо, которое живёт не *хлебом единым*, русский человек всегда *духовной жаждою томим*, до сих пор многое он совершает бескорыстно (современное волонтерство). В Евангелие от Иоанна написано, что «не мерою даёт Бог Духа» (3: 34), и это так: десять-двенадцать апостолов не могли своей человеческой силой донести правду о Христе во все уголки земли.

В своих предвидениях новых путей в гуманитарном познании Ю.С. Степанов выделяет два основных направления: 1) введение в парадигму современного гуманитарного

знания элементов авангардного стиля мышления, что позволит по-новому увидеть старые традиционные знания; 2) стремление ввести в парадигму элементы богословского мышления [13]. Именно второе направление – видение языка как духовной реальности – представляется нам одним из самых перспективных в современной русистике, потому что русский язык – это духовная реальность. Он позволяет сохранить исчезающую духовность, которая трансцендентна по своей природе: таинственным и непостижимым образом она связана с иным планом бытия. Ухватить ее, да и то не в полной мере, может лишь язык. И, действительно, русский язык вобрал в себя значительную часть православной культуры. Как отмечают ведущие отечественные лингвисты, в современном русском языке известно около тысячи устойчивых выражений, пословиц и поговорок, связанных с текстом Библии [4]: *нести свой крест, соль земли, злоба дня* и др. В 2010 году вышел фундаментальный «Толковый словарь библейских выражений и слов», где собрано около 2000 единиц языка [4]. В них нашел отражение самый важный – сакральный компонент русской духовности.

Красив русский язык в молитвах. Например, в молитве к праведному Иакову мы восклицаем: *«О преподобный и богоносный угодниче Божий, святой праведный Иакове! Услыши нас, в час сей тебе молящихся, и буди нам помощник в скорбех наших, и избави нас от напастей, за множество прегрешений на нас находящихся...»*. Эта ритмичная, благозвучная и благодатная проза воспринимается как поэзия.

Мы видим, что без идеи Бога научная картина языка будет усеченной и неглубокой. На сегодняшний день есть работы по библейской фразеологии и лексикографии, по религиозной картине мира, религиозных концептах и религиозном дискурсе, герменевтике и текстологии сакральных текстов, включая народную конфессиональную герменевтику, например работа Е.М. Верещагина [1]. Но много проблем в этой области остаются пока не исследованными, ими и должны быть дополнены чисто лингвистические знания.

3. Энергичная сущность слова зиждется на его духовности, о чем сказано в Ветхом Завете: *«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет...»* (Быт.1:3). С точки зрения Библии, Слово обладает особой творческой силой: оно сотворило мир (Ин. 1:1). В Священном Писании много говорится о силе слов. Слово было началом всего сущего, источником энергичной силы, предшествующей человеку и создавшей его. Словом Бог заставляет море расступиться (Мк. 4:39), слово изгоняет бесов (Мф. 8:16). Таким образом, Божественное Слово – это вместилище энергии, и ее проводник, оно живет среди нас и воздействует на нас, наше сознание и поведение.

В лингвистике традиционно считается, что сила слова определяется его значением, употреблением в определенной ситуации, опытом и фоновыми знаниями говорящего и слушающего. Но этого мало. Сила слова заключается в слиянии смысловой, звуковой, культурной и духовной энергий. Такие слова, как *искрометность, одухотворенность, светоносность, сила, мощь, теплые слова, слово излучает свет, в слове бьется жизнь; жизнь слова, слово – молния* и др. – свидетельствуют о его скрытой силе: они зафиксировали и хранят в себе свет Божий.

Русские слова *заговор, чара, заклинание* говорили о магической силе слова. Это отголосок евангельской мысли о возможности преобразования мира вокруг и внутри человека через сказанное слово.

Русское слово зачаровывает, оно бездонно, влечет в вечность, связывает поколения и миры, им измеряется наш вклад. По Библии, именно Слово станет главным свидетелем на Божьем Суде: *«Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься»* (Мф. 12: 36–37). Ничто из услышанного и сказанного не проходит мимо человека, оно оставляет на нем печать, некое подобие матрицы. Святитель Лука (Войно-

Ясенецкий) сказал в проповеди 1945 года: «Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след» (с. 87). Джон Уиллер, коллега А. Эйнштейна, с учетом экспериментов квантовой физики, объясняя наше взаимодействие с миром, утверждает, что даже если мы просто смотрим на некоторый объект, он изменяется под действием взгляда. Если так обстоит дело только со взглядом, то как же тогда воздействует на мир наше слово?

Язык – это большая энергия. Два общающихся партнера, по Налимову, эта структура подвижная. Партнеры часто меняются местами. «Плохой» не изменяется, изменяется «хороший». (Здоровый человек заражается от больного). Для нации это происходит в результате нарушения культурно-событийного контекста, когда нарушается традиционный нравственный уклад жизни. На потомстве сказываются нравственные пороки предыдущих поколений. *Наследуется не только физическое тело, но и тонкое.* В.И. Вернадский писал, что биосферный процесс – это нарастание возможных энергий как излучений космоса, солнечных полей, полей гравитаций, так и накоплений в связи с проявлением человеческого интеллекта. А язык видоспецифическая характеристика человека, который живет по законам биосферы, т.е. язык – это тоже энергия. Современные генетики и физики подтверждают силу слова: любое произнесенное слово есть не что иное, как волновая генетическая программа, влияющая не только на нашу жизнь, но на жизнь наших потомков и окружающий мир.

Современные ученые подтверждают, что любое произнесенное слово есть не что иное, как волновая генетическая программа, влияющая не только на нашу жизнь, но и на жизнь наших потомков. По выражению П. Рикера, над каждым словом находится «венчик невыразимого», и в любой момент диалога над нами витает и то, что непосредственно высказывается, и вся бесконечность невысказанного. Откуда эта бесконечность? Из Космоса, который на сегодняшний день для нас непознаваем. Божественный Логос (Слово) управляет космосом.

Слово – это как бы «метка», которая метит не предмет, не явление, а некий смысл, связанный с этим явлением, потому что в слове происходит накопление таких (культурных) смыслов, и оно заряжается энергией. В слове скрывается целостный образ мира, который и в языке, и особенно в поэзии не всегда вербально отчетливо формулируется. Непредсказуемость мира просвечивает сквозь такие русские слова, как *авось, пронесет, а вдруг, всё образуется* и др.

В языке и русской лингвокультуре много пословиц, поговорок, фразеологизмов и афоризмов о силе слова (языка): *Слово не стрела, а пуще стрелы (разит); Слово не стрела, а сердце язвит; Слово не обух, а от него люди гибнут. Язык царствами ворочает; Язык – стяг, дружину водит; Ласковое слово и кость сломит. Мал язык – горами качает; Мал язык, да всем телом владеет; Язык до побоев доводит* и др. Силы языка нужно опасаться: *Не ножа бойся – языка; Язык везде достанет; Всякая сорока от своего языка гибнет; Язык и хлебом кормит, и спину порет; Язык языку ответ дает, а голова слетает.*

Есть в русской лингвокультуре пословицы и поговорки о бессилии языка: *Кто языком штурмует, не много навоюет; Языком масло не собьешь; Языком капуста не шинкуют; Языком и лаптя не сплетишь; Слово не обух, в лоб не бьет; Не все то делается (творится), что говорится; Все мы говорим, да не по говоренному выходит.* Но, во-первых, их намного меньше, а во-вторых – все они приземленные, бытовые.

Поистине мудрыми являются поговорки, которые предупреждают человека, что нужно следить за тем, что говоришь: *Кто говорит, что хочет, сам услышит, чего не хочет; Говоря про чужих, услышишь и про своих; Больше говорить – больше согрешить; От худого слова – да на век ссора.* В них тоже заключена вера в силу слова.

В.И. Постовалова считает, что слово имеет власть, и власть эта «дается благодаря тому, что слово является не только смыслом, но и вместилищем энергии, орудием, проводником» [8, с. 312]. Отсюда следует, что слово, язык – это энергия духа [9]. Он симбиоз духовной, смысловой, культурной энергий. Таковы слова и выражения типа *искрометность*,

4. Язык и иррациональное. Мы видим мир не таким, каков он есть в реальности, а через окно языка. И это оконное стекло в значительной степени его искажает. Далеко не все содержание нашего сознания вообще может быть вербализовано, т.е. находит свое отображение в языковых единицах, но это не мешает общению. Так, в русском языке есть слово «лгун», обозначающее человека, говорящего неправду, а антонима к нему нет.

Иррациональное находится вне контроля говорящего, оно «живет» на уровне подсознания в сложных разветвленных цепочках ассоциаций, является континуальным отражением мира. По сути иррациональное – это неожиданное понимание скрытой связи между словами по сравнению с принятыми в обществе значениями. Язык включает в себя невычисляемые пласты. Такой невычисляемой, невысказываемой областью исследования являются все священные тексты, духовная поэзия, пророчества, сновидения, предвидения, многие притчи, числовые совпадения в жизни людей, народные приметы – всё, что хранит в себе «невыразимое» и загадочное. Вероятно, древнейший склад ума был ясновидческим, мифологическим, колдовским, только в греко-латинский период на первое место выходит логическое рассуждение.

Хорошие поэты, вероятно, обладают древним складом ума. Так, у А. Тарковского есть стихотворение «Сны»:

*Садится ночь на подоконник,
Очки волшебные надев,
И длинный вавилонский сонник,
Как жрец читает нараспев.
Уходят вверх ее ступени,
Но нет перил над пустотой,
Где судят тени, как на сцене,
Иноязычный разум твой...*

Ели в первом четверостишье все более-менее понятно: ночь-жрец читает сны, сверяясь с сонником, то второе четверостишье – предельно иррационально: вокруг пустота, в которую можно сорваться: нет опоры (перил); вокруг тени, которые судят; именно они включают иррациональное, космическое (иноязычный разум). И вероятно, это наша подлинная жизнь, которой мы живем только во сне, сливаясь с Космосом, т.е. человек включен, по всей видимости, в какой-то космический эволюционный процесс.

Иррациональный способ миропонимания мы встречаем в юморе, метафорах, метонимиях, фразеологизмах и других единицах вторичной номинации. В них мир искаженных по сравнению с реальностью связей: *Каждому Мономаху – по шапке. Дама преклонного возраста.* Нарушаются привычные ориентиры бытия. Возникает инсайт как способ концентрированного постижения мира, которое базируется на свернутых интеллектуальных операциях.

Это подход к языку с позиций трансцендентного, ирреального, в постижении которого велика роль поэзии. В России были поэты, которые пытались понять и донести до нас этот ирреальный мир. Это Ф. Тютчев, А. Фет, А. Блок, М. Цветаева и др. Их творчество – это освобождение стихийного начала в себе, претворение его в поэзию. Поэт, по М. Цветаевой – «высшая степень подверженности наитию – раз, управа с этим наитием – два. Высшая степень душевной разъятости и высшая – собранности» (т. V, с. 348). Рассмотрим ее четверостишье:

Тусклостями: ущербленных жил

*Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, головных истом
Седостями: свинцом* (т. II, с.124).

Осмысление мира здесь происходит на иной когнитивной основе, через перенос из одной категориальной области в другую. Причем, в данном четверостишии ни одно из слов не сочетается с другим в рамках привычной логики: Сивиллы (странствующие прорчицы в античной культуре, предрекавшие беду) не были слепыми; *ущербленные жилы* не сочетаются со *скупостями* и т.д. Все иррационально. Однако некоторые ключи для понимания дают начало стихотворения и знание ситуации его написания.

*Леты слепотекущий всхлип.
Долг твой тебе отпущен: слит
С Летою, – еле-еле жив
В лепете сребротекущих ив.*

Одним из главных образов данного стихотворения является *Лета* – река забвения в подземном царстве умерших, с которой связаны несколько метафор: *Леты слепотекущий всхлип, сребролетейский плач, слеполетейский мрак*. Лирическую героиню стихотворения и реку забвения связывает долг: *Долг твой тебе отпущен: слит / С Летою, – еле-еле жив*. Что это за долг? Очень важно, когда и где написано это стихотворение: 1922 г., Берлин – первая остановка в долгой жизненной загранице Марины Цветаевой. Все оставлено за спиной: Родина, любимая Москва, друзья, собратья по поэтическому цеху – все Там. Решение принято. Хочется и нужно забыть многое, героиня вступила в эту реку забвения, но Лета – река холодная и безжалостная, героиня в ней захлебывается. Почему? Потому что, *выпив всю – сухостями теку*. Лирическая героиня болезненно воспринимает себя в этой реке, предчувствуя, что не выбраться ей отсюда *до седостей*, и закончится все это *свинцом*, т.е. смертью среди *тусклостей, скупостей, слепостей* современного ей мира

Это и ряд других стихотворений М. Цветаевой таковы, что при их восприятии должна отключаться логика «здравого смысла», иначе исчезнет то поэтическое волшебство, о котором писали и А. Белый, и В.А. Звегинцев и другие исследователи.

Вероятно, логически непротиворечивое описание мира языком в какой-то период развития становится препятствием для получения новых знаний. Тогда на помощь приходит поэзия как видовой цель человека и метафорическое видением мира.

Поэтические смыслы (гораздо чаще, чем смыслы обыденного языка и даже смыслы в художественной прозе) принадлежат к сфере бессознательного и не имеют вербальных средств выражения, а потому они недоступны рациональным методам постижения, они требуют от читателя сопереживания поэту, вчувствования в текст, озарения. Поэтическое слово способно «схватить» и постичь несказанное. Если слово обыденного языка исследуется в лингвистике как наклейка на предмете, поэтическое слово многомерно, поэтому его невозможно приспособить под этикетку ни на предмете, ни на идее. Оно служит для аккумуляции и передачи чужого беспредметного опыта. Это форма выражения неосознанного и бесконечного, в котором отражается энергия ритма души. Поэтическое слово, называя отдельные образные признаки, часто выводит за пределы языка и языкового сознания. Эти признаки, составляя основу метафорических переносов, выступают единицами особого кода, лишь ассоциативно связанного с лексическим значением.

Как мы видим мир сквозь призму метафоры? Умение создавать метафоры относят к фундаментальным свойствам человеческого сознания. Описание одного явления мы получаем в терминах другого, при этом происходит осмысление его признаков и характеристик на иной когнитивной основе, через перенос из одной категориальной области в другую. В этом состоит сущность языкового механизма метафорического переосмысления, отражающего

фундаментальное свойство человеческого мышления видеть мир каждый раз по-новому через призму его познанных сущностей.

Метафора многолика: с одной стороны, она выполняет креативную функцию, фиксируя в языке открытия мира: метафора сферичности в русской науке – *биосфера и ноосфера* В.И. Вернадского, *фонологосфера* П. Флоренского, *семиосфера* Ю.М. Лотмана, *концептосфера* Ю.С. Степанова. С другой – она украшение языка: *пламенные пески, всемирное молчанье* (Ф. Тютчев). С третьей – способствует концентрации энергии через создание многоликого поэтического и шизофренического языка реальности (*линия сопрокосновения, утечка мозгов, круглый отличник, группа продленного дня* и др.).

Ф. Ницше утверждал, что язык состоит исключительно из метафор, и человек непрерывно создает их, что является его основополагающим инстинктом, но при этом он не осознает метафорический характер языковой деятельности [7]. Культурная метафора – это то, что знают все носители данной лингвокультуры и используют в коммуникации: *не отходя от кассы, дядя Сэм, русский медведь, шипи в кармане* и др. Причем, они функционируют с разными смыслами в различных ситуациях: *фига в карман* – это и отсутствие денег, и безразличие, и саркастическая насмешка.

Итак, метафоры являются универсалиями сознания, метафорическое видение мира современные психологи склонны связывать с генезисом человека и, соответственно, человеческой культуры. А еще она накопитель энергии.

Заключение. Таким образом, в лингвистике сформировалось видение языка не просто как системы знаков или инструмента познания, но и как духовной, энергичной и трансцендентной сущности. Нам не хочется это замечать, чтобы оставаться в «зоне комфорта». Но наука требует честности во всем.

Современные гуманитарные науки ставят своей целью постижение основ мироздания, т.е. окружающей реальности, природы, общества и человека в его духовных исканиях. И это проблема не только гуманитарных наук, но и нейробиологии, теоретической физики (Ю.С. Владимиров) и ряда других наук. Все типы научного знания взаимосвязаны, поэтому, если случится поворот в понимании устройства мироздания, то это повлечет за собой изменения наших представлений о мире, месте в нем человека, его сознании, психике и др. На это обращает внимание Ю.С. Владимиров: «в связи с важными открытиями в физике могут происходить и существенные изменения в социальной сфере» [2, с. 142]. Решению названных проблем может помочь глубокие проникновения в сущность языка, устройство которого, скорее всего, изоморфно устройству мира. С помощью языка происходит гармонизация мира как результата творения Божественного разума, т.е. ноосферы, как ее понимали Т. Де Шарден и В.И. Вернадский.

Литература

1. Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси: лингвотекстологические разыскания; под ред. О. Н. Трубачева. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 610 с.
2. Владимиров Ю.С. Отечественные мыслители об основаниях физической реальности // *Метафизика*. 2021. № 1 (39). С. 140-150.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М: Прогресс, 1984. 400 с.
4. Иванов Е.Е., Маслова В.А., Мокиенко В.М. Наледие Библии в языках и культурах народов России и Белоруссии. М.: РУДН, 2022. 404 с.
5. Ильин И.А. Путь духовного обновления. Минск: Дарь. 2022. 480 с.
6. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
7. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. I. 830 с.

8. Постовалова, В.И. Время и вечность в православном мирозерцании // Логический анализ языка: Лингвофутуризм: Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. С. 94–109.
9. Постовалова В.И. Символ и реальность (семиотические воззрения и опыты Ю.С. Степанова) // Критика и семиотика. 2012. Вып. 17. С. 48–63.
10. Сараев В.Н., Шатилов А.С. Космический интеллект // Метафизика. 2023, №3 (49). С. 9–29.
11. Современный философский словарь. М.: Академический проект, 2015. 823 с.
12. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
13. Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга: Эйдос, 2010. 168 с.
14. Толковый словарь библейских выражений и слов / Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И. М.: АСТ: Астрель, 2010. 639 с.
15. Флоренский П. Философия культа. М.: Издательство «Мысль», 2004. 685 с.
16. Шибутани Т. Социальная психология. Р-н/Д.: Феникс, 1998. 544 с.
17. Штайнер Р. Язык и его развитие с точки зрения духовной науки. Ереван: «Логин», 2016. 141 с.

Valentina A. Maslova

Doctor of Philological Sciences, Professor, Vitebsk State University named after P.M. Mash-
erov (Vitebsk, Republic of Belarus)

mvavit@tut.by

orcid: <https://0000-0002-4938-838X>

Russian word as a value, energy of spirit and carrier of irrational consciousness

Abstract. The purpose of the article is to show that the Russian word is, first of all, a spiritual value, and then social, ethical, aesthetic, etc., it is energetic and capable of carrying information about a fictional world, of being irrational. The main task to be solved is to identify the peculiarities of understanding language as a value, energy of the spirit, and a carrier of irrational consciousness. If quite a lot has been written on the issue of language and values (axiological linguistics), then the remaining aspects are “terra incognita”. It was previously established that values are both stable and mobile at the same time. Their dynamism is determined not only by culture, but also by a specific historical era. For example, in ancient Greece aesthetic values prevailed, in medieval Europe - religious values, in modern society, rather, anti-values - wealth, pleasure, power - prevailed. The main result of the study was the conclusion that poetic meanings (much more often than the meanings of ordinary language and even meanings in literary prose) belong to the sphere of the unconscious and do not have verbal means of expression, and therefore they are inaccessible to rational methods of comprehension; they require insight. The poetic word is able to “grasp” and comprehend the unspeakable. Linguistics has developed a vision of language not just as a system of signs or an instrument of cognition, but also as a spiritual, energetic and transcendental entity. The irrationality of consciousness allowed the Russian people to maintain the strength of faith, religiosity, despite persecution throughout the last century, the originality of their culture; you need to write about the strength of the Russian spirit, seeing the basis of this state in the Russian language, the Russian word. Then it turns out that language “works” differently from how traditional linguists see it.

Keywords: values; cultural coordinates; functioning of the Russian language; insight; irrationality; spiritual energy.

References

1. Vereshchagin E.M. *Cerkvnoslavyanskaya knizhnost' na Rusi: lingvotekstologicheskie razyskaniya* [Church Slavonic literature in Russia: linguotextological research] / ed. O.N. Trubacheva. Moscow; Berlin, 2014. 610 p.
2. Vladimirov Yu.S. *Otechestvennye mysliteli ob osnovaniyah fizicheskoy real'nosti* [Russian thinkers on the foundations of physical reality]. *Metaphisica* [Metaphysics]. 2021, vol. 1 (39), pp.140–150.
3. Gumbol'dt V. fon. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* [Selected works on linguistics]. Moscow, 1984. 400 p.
4. Ivanov E.E., Maslova V.A., Mokienko V.M. *Nasledie Biblii v yazykah i kul'turah narodov Rossii i Belorussii* [The influence of the Bible in the languages and cultures of the peoples of Russia and Belarus]. Moscow, 2022. 404 p.
5. Il'in I.A. *Put' duhovnogo obnovleniya* [The path of spiritual renewal]. Minsk. 2022, 480 p.
6. Kolesov V.V. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg, 2006. 624 p.
7. Nische F. *Sochineniya: v 2 t.* [Writings in 2 vols.]. Moscow, 1990, vol. 1.
8. Postovalova V.I. *Vremya i vechnost' v pravoslavnom mirosozercanii* [Time and eternity in the Orthodox worldview]. *Logicheskij analiz yazyka: Lingvofuturizm: Vzglyad yazyka v budushchee* [Logical analysis of language: Linguofuturism: A view of language into the future] / Ed. N.D. Arutyunova. Moscow, 2011, pp. 94–109.
9. Postovalova V.I. *Simvol i real'nost' (semioticheskie vozzreniya i opyty Yu.S. Stepanova)* [Symbol and reality (semiotic views and experiments of Yu.S. Stepanov)]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. 2012, vol. 17, pp. 48–63.
10. Saraev V.N., Shatirov A.S. *Kosmicheskij intellekt* [Cosmic intelligence]. *Metaphysics*, 2023, vol. 3 (49), pp. 9–29.
11. *Sovremennyy filosofskij slovar'* [Modern philosophical dictionary]. Moscow, 2015.
12. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow, 2004. 992 p.
13. Stepanov Yu.S. *Myslyashchij trostnik. Kniga o «Voobrazhaemoj slovesnosti»* [The Thinking Reed. A book about "Imaginary literature"]. Kaluga, 2010.
14. *Tolkovyj slovar' biblejskih vyrazhenij i slov* [Explanatory dictionary of biblical expressions and words]. Moscow, 2010.
15. Florenskij P. *Filosofiya kul'ta* [Philosophy of cult]. Moscow, 2004, 685 p.
16. Chernigovskaya T.V. *Cheshirskaya ulybka kota SHryodingera: yazyk i soznanie* [The Cheshire smile of Schrodinger's cat: language and consciousness]. Moscow, 2017, 448 p.
17. Shibutani T. *Social'naya psihologiya* [Social psychology]. Moscow, 1970.
18. Shtajner Sh. *Yazyk i ego razvitie s tochki zreniya duhovnoj nauki* [Language and its development from the point of view of spiritual science]. Erevan, 2016, 141 p.

Теоморфный символический концепт *Велес* в русской лингвокультуре в аспекте первопризнаков

Аннотация. Цель статьи – определение мотивирующих признаков в структуре концепта *Велес*. Актуальность исследования состоит в обращении к теоморфным концептам русской лингвокультуры, входящим в класс символических. Научная новизна исследования заключается в первом опыте обращения к структуре концепта *Велес*. Семь этимологических словарей русского языка стали источником материала исследования. Согласно историкам языка, теоним *Велес* толкуется как самостоятельное имя или как вариант теонима *Волос*. Анализ словарей позволил выявить 90 мотивирующих признаков концепта *Велес*, представленные 19 блоками: 1. Бог; 2. Повелитель; 3. Властитель; 4. Хозяин; 5. Великан; 6. Деятель; 7. Человек; 8. Волос/ волокно/ шерсть; 9. Ведающий человек/ жрец; 10. Тот свет; 11. Потусторонние силы/ нечистая сила; 12. Небо / звёзды; 13. Слово; 14. Земля/ территория; 15. Оценка; 16. Растения; 17. Зверь/ скот; 18. Тело. Первичные признаки слова *Велес* отображают народные воззрения на мироустройство, где глава рода – хозяин, властитель и повелитель на своей земле. Из 90 мотивирующих признаков – 32 символические, они объединены в 6 блоков: 1. Бог ('бог', 'Ваал', 'Варуна', 'Велес', 'вторая ступень' (после Перуна), 'Дажьбог', 'Приап', 'противник громовержца'); 2. Ведающий человек/ жрец ('ведьма', 'волхв', 'волшебник', 'гадалка', 'колдун', 'маг', 'пророчица'); 3. Тот свет ('дух', 'душа', 'мёртвых/ умерших', 'подземный'); 4. Потусторонние силы/ нечистая сила ('бесовский', 'водяной', 'дьявол' (Вельзевул, велиар), 'леший', 'нечистый', 'сила', 'чёрт'); 5. Небо/ звёзды ('дождь/ дождящий', 'Плеяды/ Волосыни'); 6. Зрение ('зоркость', 'зрение', 'прозрение', 'ясновидец'). Мотивирующие признаки концепта *Велес* отображают представления как о земной области бытования, так и о посмертной сфере – небе, куда устремляется душа умершего. Бог в русской лингвокультуре – это повелитель, властитель, податель благ (отсюда эпитеты славянских божеств – Дажьбог, Велес – скотий бог и т.д.).

Ключевые слова: концепт; структура концепта; мотивирующие признаки; внутренняя форма слова; языковая картина мира; лингвокультурология; концептуальные исследования.

Введение. Дохристианские теоморфные концепты и макроконцепты – редкий объект отдельных исследований. История их развития в лингвокультуре требует пристального к себе внимания. Многие признаки в структурах этих концептов возможно воссоздать через сопоставительный анализ соответствующих концептов в других лингвокультурах. Теоморфные концепты и макроконцепты отличаются особой образностью и символизмом, пронизывающими их структуры. Цель статьи – определить мотивирующие признаки в структуре концепта *Велес* в русской лингвокультуре. Задачи статьи: 1. Проанализировать статьи «Велес», «волхв», «волшебный» и др. в этимологических и историко-этимологических словарях русского языка. 2. Сформировать список мотивирующих признаков изучаемого концепта. 3. Выделить из этого списка символические признаки. Научная новизна статьи состоит в первом опыте описания мотивирующих признаков концепта *Велес*, а также выявления его символических первопризнаков.

Литературный обзор

В современной лингвистике отсутствуют работы, посвященные изучению теоморфного концепта *Велес*. Отмечен ряд работ, в которых анализируется смежный концепт *бог*.

Концепт *бог* лингвисты описывали в разных аспектах. Часть исследований составляют работы, в которых концепт *бог* рассматривается в разных языковых картинах мира: в английской, русской и турецкой [3], в русской [8], английской [15].

Ряд работ представлен статьями, где изучается художественный концепт *бог*. О.Н. Колчина обращается к авторской картине мира Бориса Гребенщикова, чтобы описать индивидуальные особенности этого концепта [9], И.Н. Щемелинина – к сочинению Г. Котошихина «О России в царствовании Алексея Михайловича» [24], П.А. Якимов – к художественной картине мира Семена Липкина [25].

В отдельную группу объединены статьи по разным жанрам, в которых анализируется концепт *бог*: в жанрах благопожеланий и проклятий [10], в религиозном дискурсе [12], в афоризмах [7].

Оппозитивные религиозные концепты сопоставлены в кандидатских диссертациях: *бог* и *дьявол* [17], *бог* :: *чёрт*, *god* :: *devil* [14], *бог* и *дьявол* в русской, французской и английской лингвокультурах [5].

Методы и материал исследования. В статье использован комплекс методов лингвистического анализа: дескриптивный и интерпретативный методы, метод концептуального анализа, сравнительно-исторический анализ этимологии слова – репрезентанта концепта. Источниками определения мотивирующих признаков символического концепта *Велес* стали семь этимологических и историко-этимологических словарей русского языка, а также ряд работ исторического характера.

Результаты и обсуждение. Язык – это настоящая сокровищница, сохранившая ключи правильного понимания слов в виде скрытых символов, аллегорий и образов. Отыскать систему символов и образов и расшифровать ее – основная задача концептологов нашего времени [16, с. 23].

У теонима *Велес* нет надежной этимологии. Об этом говорят историки языка [1, с. 208]. Начиная с Франца Миклошича учёные пытались увязать культ Волоса с почитанием св. Власия (Вλάσιος). Последний, являясь покровителем крупного рогатого скота, передал свои функции Волосу, который воспринимается обычно как «скотий бог». М. Фасмер считал, что этимологически нельзя отождествлять *Волось* и Вλάσιος; сомнительно, чтобы *Волось* сменило более раннее *Велесь*. *Волось* могло продолжить, самое большее, **Velsъ*, но оно может восходить и к **Volsъ* [21, с. 343].

На большой территории распространены соответствующие топонимы: в России – *Вельнь*, *Волян*, Македонии – *Велес*, Греции – *Велессос*, *Велесса*, Албании – *Vëlës*. Наблюдаются совпадающие местные названия, например, *Волосово* в Новгородской, Ярославской, Тверской губерниях.

Наряду с этим богом в Древней Руси почитался бог *Волось*, которого некоторые учёные отождествляют с *Велесом*. Другие исследователи считают *Велесь* балтийским словом [21, с. 287-288]. Возобладало мнение о тождестве *Велеса* и *Волоса* (чьи функции в мифопоэтических воззрениях приравнены к функциям святого Власия), так что говорят о едином *Велесе*/ *Волосе*: прасл. **Velsъ*/ **Volsъ*; вторично **Vels-*/**Veles-* [1, с. 208-210].

Имя *Велс* сохранилось в балтийской мифологии: *Велс*, *Виелона* – бог загробного мира, совмещающий функции бога скота. Ещё в XVI в. упоминается *Виелона* (*Vielona*) как бог душ, которому приносят жертвы, чтобы он охранял («пас») души умерших. С XVII в. встречается имя *Велса* (*Wels*) – бога мертвых, ему были посвящены дни мертвых (*Welli*; ср. однокоренные с *Велес* литовские слова *vėlė* «душа», *veles* «тени усопших»). *Велс* связан со скотом и другими животными (их именуют «божьи кони», «божьи быки»

и «божьи птицы») [6]. Вероятно, русский зооним *божья коровка* относится к этому ряду имён.

У славян ночь с 31 октября на 1 ноября называлась *Велесова ночь*. Велесова ночь – это ночь великой силы, когда духи предков могут посетить мир живых. У разных народов этот праздник носил свои имена. Так, в Беларуси – Дзяды – языческий обряд поминовения усопших (Дзядами – дедами по-русски – называли не только самих предков, но и их души). Ночью в это время на улицу выставляется тарелка с угощением для душ умерших. На подоконник ставится свеча, она указывает (как маяк) путь душам, которые готовы прийти и помочь. Вспоминают ушедших близких, друзей, родственников, но без сожаления. Католическая церковь определила один день в году для почитания предков – 1 ноября по новому стилю, День всех святых. В Беларуси Дзяды отмечаются в одну из суббот в период с 1 по 11 ноября. При этом государственный праздник День памяти имеет устойчивую дату – 2 ноября [подробнее см.: 16, с. 106].

Не все этимологические словари русского языка включают статью «Велес». На основе анализа 7 этимологических словарей были выделены следующие мотивирующие признаки изучаемого концепта:

1. ‘ветвь’: Соответствия: рус. *во́лос*, др.-инд. *válças* «ветвь» [21, с. 342–343]; др.-инд. *válça-* «отросток, гибкий прут, ветвь» [23, с. 137–138].

2. ‘велеть’: рус. *велéть* «приказать, повелеть, указать», «объявить чью волю, требовать исполнения, распорядиться властью», нар. «позволить», *повелéть*, *велéть*, *велю́* «звать», твер., новг., ленингр., «разрешать, позволять», велéть «предложить» низовья Печоры, Селигер «давать возможность», *велъть* «приказать, распорядиться», «позволить, не запретить», *велъти* «велеть», (с отрицанием не) «запрещать, не разрешать», *велъти* || укр. *веліти*, ст.-слав. *велъти*, *велъж* «приказывать», «хотеть», «желать», «позволять», болг. диал. *велям* (обычно в 3 ед.: *вели-говори*) «говорить», с.-хорв. (только през.) *вѣлѣм* и *вѣљу* «говорить», словен. *veléti*, *velim* «приказывать», «указывать», «говорить», чеш. *veleti*, *sluц. velit* «командовать, велеть» // Из прасл. **velēti* «хотеть, велеть», **po-velēti*, *velle* ‘хотеть, желать’, ср. ст.-лит. *vēlti*, *vēlmi* «позволить, предпочитать, желать», *pavēlti*, *pavelt* «разрешить, позволить», лтш. *izvēlēt* «выбирать, желать», *pavēlēt* «приказать, позволять», др.-инд. *vṛnāti* «выбирает, предпочитает», *vāra-* «выбор» (основа *var-* «выбирать, предпочитать»), авест. *vərəntē* «выбирает себе», осет. *fælvaryn* «пробовать, испытывать» (< **pari-var-*), др.-в.-нем. *wellen* (с IX в. *wollen*), нем. *wollen* «хотеть», греч. (F)ἔλλομαι «желаю» и др.; к и.-е. **uel-* «хотеть, желать» < «выбирать» [21, с. 288; 22, с. 139]. о лит. *vėlūs* ‘поздний’). В славянском преобразование и.-е. атематического през.; в знач. ‘хотеть’ **velēti* вытесняется глаголом **hotēti*. Ср. родственные рус. *довлéть* (< прасл. **dovlēti*) ~ гот. *wiljau* 1 ед. «хочу», оптативного происхождения, лит. *viltis*, *viliūosi* «надеяться»; рус. *во́ля* ~ лит. *valià* и т. п. [21, с. 347–348]. Лит. *vėlyti* «хотеть, предпочитать» < др.-рус. *велити*, который является вариантом *велъти* [1, с. 211–212].

3. ‘владеть’: *володéть* «владеть», диал., укр. *володіти*, др.-русск. *володѣти*, прич. наст. вр. *володы* из **володж*, ст.-слав. *владѣти*, *власти*, *владж*, болг. *владам*, *владѣя*, сербохорв. *владами*, *владам*, словен. (*v*)*lādati*, чеш. *vlásti*, *vladu*, польск. *włodać*, *władać*. || Родственно лит. *valdyti*, *valdaĩ* «править, владеть», др.-лит. *pavildėti* «владеть». Против довольно распространенной точки зрения о заимствовании из германских языков свидетельствует наличие балтийских форм с чередованием гласных, а также варианты слав. **voldēti* и **voldq*, **volsti*; ср. также ст.-слав. *власть*; См. *во́лость*, *во́лот* [21, с. 340–341].

4. ‘волк’: Слово *Волос* из праслав. **волсь*. Источник: и.-е. **wel-k’-*: **wol-k’-*: **wl-k’-*, основа с огубленным расширителем – **wl-kw-* ‘волк’. Ср. *волок*, *волк* [23, с. 137–138]. М. Фасмер считает невероятной этимологию, который сближает *волхв* и *волк* [2, с. 287–288].

5. ‘волокно’: Слово *Волос* из праславянского **волсь*. Источник: и.-е. **wel-k’-*: **wol-k’-*: **wl-k’-*, основа со смягченным расширителем *-k’-* (с твердым расширителем **wol-k-*

‘волокно’) [23, с. 137–138]. Существительное *велеть* связано с *во́лоть* «нить, волокно (растительное или животное)» [1, с. 212–213].

6. ‘волос’: *во́лос*, укр. *во́лос*, ст.-слав. *власъ*, болг. *влас*, сербохорв. *власъ*, словен. *lās*, чеш. *vlas*, польск. *włos*, в.-луж. *włós*, н.-луж. *los*. || Родственно авест. *varəsa-* «волос человека и животного, особенно на голове», ср.-перс. *vars* «волосы», возм., греч. *οὔλος* «кудрявый». Далее, лит. *valai̯* мн. «волосы конского хвоста, удочка», а также др.-русск. *володь* ж. «волос», цслав. *владь* [21, с. 342–343].

7. ‘волхв’ и ‘волшебник’: об этой связи говорит М. Фасмер: волхв, др.-русск. *вълхвъ*, ст.-слав. *вълхвъ* *μάγος*, болг. *вълхва* «волшебник», словен. *vólhva*, *vólhvica* «гадалка». Из др.-русск. заимств. фин. *velho* «magus», эст. *võlu* «ведьма» [21, с. 287]. *Волхв* «колдун» [4, с. 54]. Волхв – колдун, чародей у древних славян. В русском языке XI–XVII вв. известна форма *вълхвъ*. Ср. ст.-слав. *вълхвъ* – то же, вместе с которым восходит к праслав. **вълхвъ*, **вълхва*, **вълхы*, *-ъве*, производным с суф. *-ы-* от основы глагола **вълснѣти* «бормотать невнятно, говорить косноязычно». Основа слова **вълх-въ* соотносительна с **вълш-ьба*, **вълш-ьб-ьн-икъ*, **вълш-ьб-ьн-ъ*, **вълш-ьб-ьство*. Однокоренное с теонимами *Волос*, *Велес*, с этнонимом **волхъ* «волох, влах, кельт, т.е. друид», др.-исл. *volfrva* «пророчица, сивилла», эстон. *võlu* «ведьма», фин. *velho* «волшебник». Эстонское и финское слова считаются заимствованными из др.-рус. Праславянский реконструкт *** (u) ũlsuos* имеет признаки и.-е. суффиксации (*-uo-*). См. *волшебник*, *волшебный*, *волшебство* [23, с. 138]. Волшебство – колдовство. В русском языке XI–XVII вв. известно слово *волшебство*. Собственно русское производное с суф. *-ство* от основы существительного *волиба* «колдовство, ворожба» [23, с. 138]⁴. Славянские слова связаны со ст.-слав. *вълснѣти* «balbutire», подобно *балии* «врач» – *баяти* «говорить». Фонетически невозможно произведение *волхв* из др.-исл. **vǫlfrva*, откуда позднее *vǫlva* [21, с. 287–288].

«У Волоса (Велеса) были свои жрецы – волхвы. Город Ярославль по преданию, впервые записанному в 1781 году, был основан в 1010 году на месте храма Медвежий Угол, посвящённому Велесу. В нём волхвы держали священного медведя» [16, с. 126]. В «Сказании о построении града Ярославля» (1781 г.) прямо говорится, что волхвы были жрецами Велеса: «Сему же многоказненному идолу и керметь (капище) створена бысть и волхов вдан, а сей неугасимый огонь Волосу держа и жертвенная ему кури...».

8. ‘воля’: рус. *воля*, гот. *wilja* «воля», дрвнм. *wëllan* «хотеть», *wellen* «выбирать», *willo*, *willjo* «воля» [18, с. 71]. Из праславянского **волѣа*, производного с суффиксом *-ѣа* от основы, соотносительной с **велѣти*, **велиѣ* и **волити*. Первоисточник: и.-е. глаг. основа **wel-*: **wol-* «желать, хотеть, выбирать, предпочитать». Соответствия: англ. *will* «пожелание, завещание, последняя воля» [23, с. 139].

9. ‘вторая ступень’ (после Перуна): Отождествление *Велеса* и *Волоса* намечено еще в XVIII в.: Волос, или Велес, Славенский бог скотов, его считали на второй ступени, по Перуне [1, с. 208–210].

10. ‘говорить’: рус. *велеть*, макед. *вельа* «говорю» [18, с. 71].

11. ‘господство’: этот признак указывает на период двоеверия, когда христианские воззрения о боге как господине (ср. *господь бог*) переносились на древних богов; ср.: тох.

⁴ Волшебный – обладающий чудодейственными свойствами; такой, в котором действия происходят с помощью волшебства; основанный на фантастическом вымысле, фантастических превращениях. В рус. языке XI–XVII вв. известны варианты *вълшьбънши*, *волшебнши*, *вълшьба*, *волиба*, в словарях прилагательное *волшебный* отмечен с 1762 г. Собственно-русское производное прилагательное с суффиксом *-ный* от существительного *волиба*, входящего к праславянскому **вълшьба*, отглагольного имени действия к **вълснѣти* «говорить косноязычно». Дальнейшие связи ранне-праславянского корня **вълсне* ясны. Может быть родственно теониму *Волос*, *Велес* или этнониму *волохи*, *влахи* (ед. ч. *волошин*). См. *волхв* [23, с. 138].

wäl- «господствовать» и рус. *володѣть* = *владѣть* [1, с. 210–211]. греч. *ῥαλιόκομαι*, *ῥαλωτός*, *ῥελεῖν*, др.-ирл. *flaith* «господство» [21, с. 340–341].

12. ‘дождь/ дождящий’ и ‘оплодотворяющий’: Имя *Велес* выводится из основы: **várs-as-*: сскр. *vârṣ-ati* «идет дождь», *vṛṣ-an-* «дождящий, оплодотворяющий» [4, с. 42; Преображенский, т. I, с. 70]. М. Фасмер не соглашается с мнением А.А. Потебни, сравнивающего *Велесь* с лат. *verrēs*, др.-инд. *vârṣati* «идет дождь», *vṛṣan-* «оплодотворяющий» [21, с. 287–288].

13. ‘драть’, ‘выдирать’, ‘вырывать’: Истоки имени *Велеса* и его балтийских коррелятов видятся в мифологических представлениях о культуре раннего земледелия, когда землю под посев приходилось отвоевывать у леса. Тогда исходно **uel-* ‘драть’, а фразеология, характеризующая черта (*vėlnias*) как «того, кто выдирает, вырывает», ср. рус. *черт подери*, подверглась переосмыслению [1, с. 208–210]. Глагол *вѣлеть* (ср. *вѣлеть*) – производное от не сохранившегося прасл. **velti* ‘драть, рвать’ [1, с. 212–213].

14. ‘душа’: Родство *Велеса* с представлением о царстве мертвых видится в соответствии литовскому *vėlės* мн. ‘души мертвых’ [1, с. 208–210]. М. Фасмеру менее очевидно сближение с лит. *vėlės* «души умерших» [21, с. 287–288].

15. ‘здоровье’: ср. соответствие между ятвяжским *waltida* ‘здоровье’ и словом *Велес* [1, с. 210–211].

16. ‘зоркость’, ‘зрение’, ‘прозрение’: такой черте *Велеса*, как родство с вещим поэтом Бояном, его внуком, лучше удовлетворяет сближение с и.-е. **uel-* «зрение, зоркость, прозрение» [1, с. 208–210].

17. ‘исполин’: укр. *вѣлеть*, *вѣлет* «великан, исполин», зап.-слав. *Veletabi* «племя вильцы в Мекленбурге» (= **veletove*) [21, с. 287–288].

18. ‘колос’: по окончании сбора урожая на поле оставляли несжатые колосья – *Волосу на бородку*; ср.: лит. *váltis* «колос», *váltėti* «колоситься» [1, с. 210–211].

19. ‘лес’: ср. рус. *леший* «дух леса»; древневерхненемецкий *wald*, нововосходненемецкий *Wald* «лес» [21, с. 345; 22, с. 164].

20. ‘луг’, ‘пастбище’, ‘поля’: связь *Велеса* «скотьего бога» с мёртвыми опирается на представления о мире мёртвых как пастбище, ср. хетт. *uellu-* «луг, пастбище мертвых», греч. *Ἠλύσιος λεϊμών*, *Ἠλύσιος πεδίων* «Елисейские поля», «поля мертвых». *Велеса* сравнивают с др.-инд. двучленным именем собственным *Varuṇa Asura*, усматривая в славянском *Велесе* архаическое сложение и.-е. **uel-* + производное от корня **es-* в нулевой степени [1, с. 208–210].

21. ‘маг’: Волшебник – колдун, чародей; маг. В русском языке XI–XVII вв. известны формы *въльшьбъникъ*, *волшебникъ*. Собственно русское производное с суффиксом *-ик-* от основы прилагательного *въльшьбънь*. См. *волхв*, *Велес*. [23, с. 138].

22. ‘мужчина’: Теоним *Велес*, или *Волос* соотносят с др.-инд. *vṛṣa-* «мужчина» [18, с. 70]. М. Фасмер не согласен с сравнением слова *Велесь* с греч. *ἄρσην* «мужской», лат. *verrēs* [21, с. 287–288].

23. ‘наследник/ наследовать’: М. Фасмер видит родство онима *Велес* с литовским *veldėti* «наследовать», др.-прусск. *walduns*, *weldūns* «наследник», *weldīsnan* «наследство», др.-лит. *pavilsti* «унаследовать» [21, с. 340–341].

24. ‘повелитель’, ‘распорядитель’: *Велѣс* и производное *велѣцъ* «повелитель, распорядитель»: *ишь, велес какой!* ряз. Имя деятеля от *велѣть*^о [1, с. 218]. Ср.: др.-кимр. *gualart* «глава, повелитель» [21, с. 340–341].

25. ‘править’: ср. лтш. *vāldīt*, гот. *waldan* «править» [21, с. 340–341].

26. ‘путать/ лохматить’: рус. глагол *вѣлеть* ~ лит. *vėlti*, *veliti* ‘путать, лохматить’) [1, с. 212–213].

27. ‘стебель (травянистых растений с плодом/ травы)/ трава’: Слово *Волос* из праслав. **volьs* [23, с. 137–138]. прасл. **volьbь* > рус. диал. *вóлоть*, *волóть* «стебель травя-

нистых растений с плодом»: колос, стебель, растение – это «символы плодородия, процветания, роста, силы» [1, с. 210-211]. Отношение гласных *вѣлеть/вóлот* как в парах *Велесь/Волось* и *вóлоть/ вѣлеть*^о «стебель травы, трава» [1, с. 210-211]. Слова с одним корнем с Велес *Волос* имеют вегетативные соответствия: *вѣлеть* «стебель травы, трава» арх.; *вóлоть* «стебель, былинка» < прасл. **voltь* ~ лит. *váltis* «колос овса, метелка» [1, с. 212-213]; *велетина, велетинка* «стебель травы, трава» арх. [1, с. 211].

28. ‘соломинка’: *велетина* «остатки сена, травинки», *велетинка* «соломинка, травинка» арх. // Произ. с суфф. *-ин(к)а* от *вѣлеть*^о. Не исключена контаминация с *велетина*^о. См. также *велекина* [1, с. 211].

29. ‘урожай’: А.Е. Аникин упоминает обряд *завивания волотки на бородку* с отчетливой семантикой умножения урожая, ср. *волотиться* ‘наливаться, созреть’ твер. [1, с. 210-211].

30. ‘phallus’: др.-исл. *Volsi* означает также «phallus» [21, с. 343]. Представляет интерес сравнение *Волось* с др.-исл. *Volsi* «Приап» [Там же].

31. ‘шерсть’ и ‘валять’: *валять шерсть*; *Волосы* мн. ч., *волос* ед. ч. – растительность на голове человека; шерсть животных, а также волосы из гривы и хвоста лошадей, употребляемые для различных технических надобностей. В русском языке XI–XVII вв. известны формы *волось* и *влась* (из цслав.), прозвище *Волось* (1187, 1230 гг.) может быть диалектным вариантом имени бога *Велесь*. Из праславянского **волсь*. Соответствия: авест. *vare sa-* ‘волосы на голове’, др.-перс. *vars-* ‘волос’. Ср. *ворс* [23, с. 137-138]. Ср.: *вóлос*, греч. *οὔλος* «кудрявый», *λάχνη, λάχνος* «шерсть»; лит. *valai* мн. «волосы конского хвоста, удочка» [21, с. 342-343].

32. ‘ясновидец’: признаку Велеса – его родство с вещим поэтом Бояном, его внуком, соответствует с др.-ирл. *fili* ‘ясновидец, маг’ [1, с. 208-210].

Символические признаки концепта *Велес* прочитываются в его эпитетах:

33. ‘бог’: *Велесь* – имя собственное древнерусского языческого бога: ... *вѣщеи Бояне, Велесовь внуче...* Предполагаемые функции бога многочисленны и имплицировали множество сближений, нередко с омонимичными корнями [1, с. 208; см. также: 26, с. 394]. В летописях упоминается схожий теоним: *Волось* – по Лаврентьевской летописи, с воинов Олега берется присяга именем *Волоса* [21, с. 343]. Согласно М. Фасмеру, отождествление *Велеса* с именем языческого «скотьего бога» *Волоса* (летописный *Волось*) недостоверно, т. к. «Волось могло продолжить... **Velsь*, но оно может восходить и к **Volsь*» [21, с. 287-288, 343]. При этом М. Фасмер соглашается с отождествлением *вѣлеть*^о и *вóлот*, а также *Вельнь* и *Вольнь*.

Бог Велес – повелитель и податель благ. А.Е. Аникин говорит о параллелизме между *вели́ бог* ‘дай бог, хорошо’ тоб., вят. и теонимом *Дажьбог* [1, с. 211-212]. С приходом новой религии имя *Велеса* стало табуированным: *Велес/ Волос* стал именоваться *Дажьбог/ Дажьбог* «податель благ» (по функции).

34. ‘бог мёртвых’: А.Е. Аникин указывают на близость Велеса/ Волоса древнеиндийскому богу Варуне и старо-латышскому Велсу – богу мёртвых: др.-инд. имя собственное *Varuṇa* («тысячеокий» Варуна), – и старо-латышскому *Wels* «бог мертвых» [1, с. 208-210]. А.В. Семёнов предполагает, что словом *бог* называли славянских *Дажь-бога* и *Перуна* [19]. А.Е. Аникин пишет: «праславянское имя собственное бога **Dadjь-bogъ* (свернутая синтагма с исходным знач. ‘дай долю’, ср. *дай, Боже!*), др.-рус. *Дажь-богъ*» [1, с. 291-292]. «Велес – бог подземного мира и подводного царства. Это он спрятан в именах Коцея Бессмертного и Деда Мороза. Он был покровителем сказителей и поэзии, он – податель благ – богатства (через скот» [16, с. 126]. В связи с тем, что все дохристианские боги низведены до нечистой силы, то и у Велеса появляются синкретичные признаки ‘божество подземного царства’, ‘водяной’, ‘леший’ (см. о них далее).

Если *Велес* – это бог мертвых, то его другим именем может быть *Мороз*. Он тоже дед (*Дед Мороз*), а царство мёртвых – на севере. Тогда по-новому толкуется поговорка: *Мороз невелик стоять не велит*, в которой апофатически (через отрицание) прямо указаны два признака *Велеса/ Волоса*: ‘велеть’ и ‘великий’.

В литовской мифологии *Вельнас* – близкий родственник велей, душ умерших предков. Связь «скотьего бога» с царством мёртвых объясняется древним индоевропейским представлением о загробном мире как о пастбище (ср. др.-греч. название его – *Elysium*, от греч. Ἠλύσιον πεδῖον – Елисейские поля с тем же корнем *uel-, а также тохарск. A wdI, «умирать», walu и лувийск. *ulant*, «мёртвый»).

35. ‘богатырь’: А.Е. Аникин указывает на русское однокоренное слово *во́лот* ‘богатырь’, связывая силу богатыря с его ростом и дородством: «В волотах сказочных, в богатырях, сила соединяется с ростом и дородством» [1, с. 211].

36. ‘большой’: Имя *Велес* родственно старославянскому *велии* ‘большой’ [1, с. 208]. *Велес* родственно ст.-слав. *велии* «большой»; см. *вели́кий* [21, с. 287]. Этот признак характеризует целый ряд однокоренных слов: *великий*; устар. *велий*, *величие*, *величина*, *величавый*, *великан*, *величество*, *величественный*, *величать(ся)*.

37. ‘великий’: Из праслав. **великъ(йь)*, производного с суф. -*икъ* от праслав. **вельйь* «большой». Первоисточник: и.-е. **wel-*: **wōl* – «давить, теснить, угнетать, сжиматься, запирать» [23, с. 101; 22, с. 139-140].

38. ‘пророчица’: др. сев. герм. *vōlva* «пророчица, сивилла» [4, с. 54].

39. ‘противник громовержца’: *Велес/ Волос* толкуется как противник *Перуна* (**Perunъ* – **Velsъ* ~ др.-инд. *Indra-* – *Váruṇa-*) [1, с. 208-210]. Противник громовержца (Перкуна, Перкунаса) обозначен близкими словами в других языках: *Велс* в литовском, а латышском – *Вэ́лняс* (*вя́льняс*, *вэ́линас*, *велнс*, *Велс*, *Виелона* *velnias*, *velinas*, *velns*, *vielona*, *vels*). Они в балтийской и славянской мифологии были богами загробного мира и покровителями скота, после принятия христианства их облик был демонизирован и слился с образом чёрта. В латышской мифологии *Перкун* гоняет или убивает *Вельнаса* или *Велинува* (чёрта).

40. ‘гигант/ великан’: *вэ́леть* ‘гигант, великан’ южн. М. Фасмер цитирует рус. диал. *велет* как вариант более известного *во́лот*, *волóт* ‘великан, богатырь’, но не указывает, откуда взято *велет* [21, с. 346]. Ср. др.-рус. *волоть*, блр. *во́лат*, ст.-блр. *велеть* «то же». Ср. укр. *вэ́лет*, *вэ́леть* (прил. *велетёнський*), ст.-укр. *велеть*, диал. *вэ́лит*, *вэ́леть*, *вэ́лень*, *вэ́летка*. Со славянскими словами связано ср.-лат. *Veletabi* – название западно-славянского племени в Мекленбурге, **Veletove* «вильцы (лютичи)», ср. нем. *Wilzen* [21, с. 288, 344; 1, с. 210-211]. Из праславянского **великанъ*, производного с суф. -*ань* от основы прилагательного **великъ* [23, с. 100]. Ср.: *вэ́леть* «гигант, великан», родственно с *велётъ*^о, исходя из **veletь*/**veltь*, ср. греч. *Οὐέλται*. Некоторые этимологи пытаются установить параллелизм с этнонимом *Veneti* (*венды*), но не все разделяют эту позицию. Возможно сравнение с латинским *valeō* «я в силе, я здоров». Праславянское **voltь*; корневое родство *волота/ велета* с *Велесъ*^о (*Велесъ/ Волосъ*) [1, с. 210-211].

41. ‘Приап’: Отмечено соответствие русскому *Волосу* дрсев. *Volsi* «Приап» [18, с. 70]. В античной мифологии Приап – итифаллическое божество производительных сил природы (изначально собственно фаллос). Приап (греч. Πρίαπος, также лат. Priapus) – в греческой мифологии – сын Вакха и Афродиты, бог плодородия, бог садов, полей, плодородия и мореплавания; в римской мифологии – бог садов, огородов, виноградников и полей, под его защитой были стада коз и овец, пчеловодство, садоводство. Приап был стражем садов, следящим за чистотой родников и справедливым межеванием земли, покровитель рыбаков и матросов.

42. ‘сила’: лат. *valeo*, *-ēre* «быть в силах, сильным» [21, с. 340-341]. С приходом новой религии прежние боги были низвергнуты и стали относиться к низшей демонологии, хотя за ними сохранился признак силы. Ср.: *нечистая сила*.

43. ‘скотовод/ скотник’ и ‘скот/ скотий’: Велесь < булг., ср. чув. *вьльӕхсы* ‘скотовод, скотник’ от *вьльӕх* ‘скот’ [1, с. 208-210]. Миф привычен, стереотипичен, обладает высокой суггестивностью и содержит «все, что нужно, чтобы люди стали богами» [2, с. 35].

в позитивной оценке:

45. *вѣлесо* ‘хорошо’ новг. [1, с. 218]. сскр. *vārya-s* «прекрасный, превосходный», сравн. *vāriya-s* лучше [18, с. 71], кимр. *guell* «лучше» [21, с. 288; 22, с. 139].

в степени сравнения:

46. *вельми* устар. «очень»; *веле, вель* «очень, сильно, весьма» (*вель-можя*, устар. *веле-мудр, веле-гласный*) [4, с. 42].

в ругательстве и благопожелании:

47. ‘ругательство’: чеш. *veles* «черт» в ст.-чеш. ругательстве *k velesu* [1, с. 208-210]; ср. рус. *чёрт поберу*.

48. ‘благопожелание’: казан., костр., олон., арх., новг., моск., самар., перм., свердл., ирк., *вѣлі бог* «дай бог; хорошо» [1, с. 211-212]. Это выражение прямо указывает на связь Велеса с Дажьдбогом.

в названии болезни:

49. в качестве эвфемизма диалектизм *во́лость* означает «болезнь, напоминающая рак», с.-в.-р. [21, с. 344]. В македонском *névolya, nyavalya* «болезнь» [4, с. 42].

в названии созвездия Плеяды:

50. словари фиксируют астроним *Волосожа́ры* мн. «созвездие Плеяд», укр. *Волосожа́р* «созвездие Орион», русск.-цслав. *власоже́льць, власоже́лишти, власожи́лишти, власожа́лиця* «Плеяды». У Афанасия Никитина упоминается еще одно название: др.-русс. *Волосыни* «созвездие Плеяд» [13], у И.И. Срезневского – *бабы* мн. [20, с. 294]. Фр. Миклошич [26, с. 394] приводит сербохорватский оним *влашићи* «Плеяды», который он относит к *влах*. А.Г. Преображенский отмечает еще одно название *волося́нка* «Плеяды», соотнося его с *во́лос* [см.: 18, с. 93]. М. Фасмер приводит ряд слов с тем же значением: *весожа́ры, висожа́ры, стожа́ры* [21, с. 343]. Ср. славянские названия Плеяд (болг. *Власците*, серб. *Влѣшићи*) [1, с. 208-210]. По смерти душа в славянских поверьях превращается в звезду [16, с. 67]. Небо – тот свет, где горят звезды – души умерших.

в именах потусторонних существ:

51. ‘чёрт’, ‘нечистый дух’, ‘божество подземного царства’, ‘водяной’, ‘леший’: Поскольку Волось воспринимался позднейшей христианской (православной) традицией как чёрт, ср. лит. *vėlnias* «черт» (< «божество подземного царства») и т. п., в круг родственных связей включаются, в частности, рус. *волосáтик* «нечистый дух, черт» калуж., тул., «водяной» волог., «леший» с.-двин. [1, с. 208-210]. М. Фасмер такое объяснение упоминает, но не согласен с ним: Велесь = «чёрт» (ср. чеш. *veles* – то же), происшедшее из *Вѣ́лос* «Ваал» [21, с. 287-288]. «В былинах Соловей-разбойник преграждает путникам дорогу в Киев. Илье-Муромцу удается поразить Соловья-разбойника в правый глаз. Этот поединок завершается тем, что Соловья-разбойника разрубают на части и сжигают. Этот сюжет напоминает славянские мифы о битве громовержца и его змеевидного противника. Другими словами, *Велес (Волос)* первоначально имел змеевидную природу, т.е. в сказках он скрыт за именами *Змея Горыныча* и *чуда-юда* (а большое количество голов – это объединение других сюжетов и мифов – верный признак синкретизма), чёрта и беса» [16, с. 126].

52. ‘дьявол’: в словарях указаны слова одного корня с *Велес*: *вельярь* «дьявол», *Вельярь, Велиярь* XVII в., «наименование дьявола»: *къ вельяроу = къ бѣсу* 1073 г. // Ц.-

слав. слово, ср. ст.-слав. *Велиръ* «имя сатаны» < греч. *Βελιάρ*, библейское название духа небытия, разрушения, из др.-евр. *belijja'al* [1, с. 212-213]. Второе слово: *Вельзевул* «дьявол», др.-русск., ст.-слав. *вельзевуль*, ст.-слав. *вельзголь* из греч. *Βελζεβοὺλ* [18, с. 71].

В латышской мифологии сцена преследования противника громовержца рисует этого чёрта в образе чёрного кота, пса, козла, человека с кожухом наизнанку и застреливаемого при помощи чудесной пули (серебряной пуговицы), происходит непременно вблизи дуба или другого какого-нибудь дуплистого дерева (а дуб – символ Перкуна).

в именах управления, территории управления (власть, область, владение, во-лость):

53. 'волость', 'власть', 'родина': рус. *волость*, укр. *во́лость*, блр. *волосць*, др.-русск. *волость* «область, территория, государство, власть», ст.-слав. *власть* τὸρᾶνίς, ἐξουσία, болг. *власт* «власть», сербохорв. *вла́ст*, словен. *lâst*, род. п. *lastí* «владение, собственность», чеш. *vlast* «родина», словц. *vlast'* – то же, польск. *włóść* || Ср. лтш. *vâlsts* «государство», лит. *valsčius* «волость»; ср.: *володѣть* [21, с. 344].

О связанных с онимом *Велес* топонимах *Велеши*, *Велиши*, *Волос* на Новгородчине, *Vèles* (Македония), греч. (гречизированных славизмах) *Βελεσσός*, *Βελεσσά* пишет А.Е. Аникин [1, с. 208-210].

в названиях улиц/ городищ/ гор/ могил/ курганов:

54. в Новгородской I летописи (1348 г.) встречается название *Волосова улица* в Новгороде. Ср. топонимы: *Волотово городище*, *Волотова могила*, *Волоты* смол., *Волотово* дон. [20, с. 295], *Волот* новг., *Волотово* новг., *Волотовы горы* (будто бы выкопаны великанами-волотами) курск., тул., костр., *волотовки* 'курганы (вокруг Полоцка и др.), создание которых приписывается великанам' [1, с. 208-210].

в названии хлеба и скота:

55. 'растения': *Велес* ассоциативно связан с *Родом*: дохристианские мотивы прочитываются в украинском соответствии слова *бог*: *збіжжя* из *събогъје* > *събожьје* «хлеб в зерне», «имущество» > праславянское *съ-бог-ъ-ь* в том же значении; польское *zboże* «хлеб», собственно «богатство»; верхнелужицкое *zbože* «достаток», «скот»; польское *zboże* «жито», малоросс. *збѣже* «хлеб», лужицкое *zbože* «скот, имущество», чешское *zvoží* «имущество» [4, с. 21]. Семантическая связь этого слова с хлебом воссоздает ассоциацию с *Родом* (которому оставляли на поле несжатые колосья «Роду на бороду»). На эту связь указывают производные: новгородское слово *богатье* «хлеб», белорусское слово *збоже* «хлеб», упомянутые в словаре Н.В. Горяева [4, с. 21]. Имя *Велес* соответствует *Роду* в славянской традиции.

56. 'скот/ скотий': Со скотом ассоциируется славянский бог – *Велес*, скрытый с принятием христианства в имени Святой Власий. *Велеса* называли «скотий бог». *Велес*, или *Волос* – скотий бог. Ср. *vrša*- бык [4, с. 42], *жеребец*; гр. (F)άρσην *самец*. лат. *verr-ēs* «кабан», лит. *vérš-is* *теленка* [18, с. 70; 4, с. 42]. Мифологическое соответствие образу *Велеса* – древнеиндийские демоны *Вала*, *Вритра* – противники громовержца, литовский *Велс* (Велняс) – считался обладателем похищенного скота.

В «Слове о Полку Игореве» написано: «Чи ли воспети было, вещей Бояне, Велесовь внуче...». Т.е. «Дажьбог – это второе имя *Велеса* – бога – подателя благ. А мы – его внуки. Связь родственная объединяет нас и наших древних богов. Это еще раз подтверждает, что у нас был культ предков» [16, с. 126].

Синкретичный образ *Велеса* обусловлен социальными и идеологическими факторами, обусловленными как сменой религии, так и другими причинами исторического характера. *Велес* присутствует в отечественном фольклоре, но сохранился под именами *Рода*, *деда*, *Деда Мороза*, *лешего*, *водяного* и т.д.

Найденные мотивирующие признаки концепта *Велес* указаны в таблице 1.

Таблица 1. Мотивирующие признаки теоморфного концепта *Велес*Table 1. Motivating signs of the *Veles* concept

№ №	Словари							
	Мотивирующие признаки	Аникин А.Е.	Горяев Н.В.	Преображенский А.Г.	Шапошников А.К.	Фасмер М.	Черных П.Я.	Miclosich Fr.
1.	‘бесовский’	-	-	+	-	-	-	-
2.	‘благопожелание’	+	-	-	-	-	-	-
3.	‘бог’	+	-	+	-	+	-	+
4.	‘богатырь’	+	-	-	-	-	-	+
5.	‘болезнь’	-	+	-	-	-	-	-
6.	‘большой’	+	-	-	-	+	-	-
7.	‘бык’	-	+	+	-	-	-	-
8.	‘Ваал’	-	-	-	-	+	-	-
9.	‘валять’	+	-	-	-	-	-	-
10.	‘велеть’	+	+	+	+	-	+	+
11.	‘Варуна’	+	-	-	-	-	-	-
12.	‘ведьма’	-	-	-	-	+	-	-
13.	‘великий’	+	+	-	+	+	+	-
14.	‘великан’	-	-	-	+	+	+	-
15.	‘Велс’	+	-	-	-	-	-	-
16.	‘ветвь’	-	-	-	+	+	+	-
17.	‘владеть’	+	-	-	+	+	-	-
18.	‘власть’	-	-	-	-	+	+	-
19.	‘водяной’	+	-	-	-	-	-	-
20.	‘волокно’	-	+	-	+	+	+	-
21.	‘волос’	-	+	-	+	+	+	+
22.	‘волость’	-	-	-	+	+	+	-
23.	‘волк’	-	-	-	+	+	-	-
24.	‘волхв’	-	+	-	+	+	-	-
25.	‘волшебник’	-	-	-	+	+	-	-
26.	‘воля’	-	+	+	+	-	+	+
27.	‘вторая ступень’ (после Перуна)	+	-	-	-	-	-	-
28.	‘выдирать’	+	-	-	-	-	-	-
29.	‘вырывать’	+	-	-	-	-	-	-
30.	‘давить’	-	-	-	+	-	+	-
31.	‘гадалка’	-	-	-	-	+	-	-
32.	‘гигант/ великан’	+	-	-	-	+	+	+
33.	‘говорить’	-	+	+	+	+	+	-
34.	‘господство’	+	-	-	-	+	-	-
35.	‘Дажьбог’	+	-	-	-	-	-	-
36.	‘дождь/ дождящий’	-	+	+	-	+	-	-
37.	‘драть’	+	-	-	-	-	-	-
38.	‘дух’	+	-	-	-	-	-	-

39.	‘душа’	-	-	-	-	+	-	-
40.	‘дьявол’ (Вельзевул, велиар)	+	-	+	-	+	-	-
41.	‘жеребец’	-	-	+	-	-	-	-
42.	‘здоровье’	+	+	-	-	+	-	-
43.	‘зоркость’	+	-	-	-	-	-	-
44.	‘зрение’	+	-	-	-	-	-	-
45.	‘исполин’	-	+	-	-	+	+	-
46.	‘кабан’	-	+	-	-	-	-	-
47.	‘князь’	-	-	+	-	-	-	-
48.	‘колдун’	-	+	-	-	-	-	-
49.	‘колос’	+	+	-	-	+	-	-
50.	‘лес’	-	-	-	-	+	+	-
51.	‘леший’	+	-	-	-	-	-	-
52.	‘луг’	+	-	-	-	-	-	-
53.	‘маг’	+	+	-	+	+	-	-
54.	‘мёртвых/ умерших’	+	-	-	-	+	-	-
55.	‘мужчина’	-	-	+	-	+	-	-
56.	‘наливаться’	+	-	-	-	-	-	-
57.	‘наследник/ наследовать’	-	-	-	-	+	-	-
58.	‘нечистый’	+	-	-	-	-	-	-
59.	‘область’	-	-	-	-	+	+	-
60.	‘оплодотворяющий’	-	+	+	-	+	-	-
61.	‘очень, сильно, весьма’	+	+	-	-	-	-	-
62.	‘пастбище’	+	-	-	-	-	-	-
63.	‘Плеяды/ Волосыни’	+	-	-	-	+	-	+
64.	‘повелитель’	+	-	-	-	+	+	-
65.	‘подземный’	+	-	-	-	-	-	-
66.	‘поля’	+	-	-	-	-	-	-
67.	‘править’	-	-	-	+	+	-	-
68.	‘Приап’	-	-	+	-	+	-	-
69.	‘прозрение’	+	-	-	-	-	-	-
70.	‘пророчица’	-	+	-	-	-	-	-
71.	‘противник громовержца’	+	-	-	-	-	-	+
72.	‘пугать/ лохматить’	+	-	-	-	-	-	-
73.	‘распорядитель’	+	-	-	-	-	-	-
74.	‘родина’	-	-	-	-	+	-	-
75.	‘ругательство’	+	-	-	-	-	-	-
76.	‘самец’	-	+	+	-	-	-	-
77.	‘сила’	-	+	-	-	+	-	-
78.	‘скот/ скотий’	+	-	-	-	-	-	+
79.	‘скотовод/ скотник’	+	-	-	-	-	-	-
80.	‘созревать’	+	-	-	-	-	-	-
81.	‘соломинка’	+	-	-	-	-	-	-
82.	‘стебель (травянистых растений с плодом/ травы)/ трава’	+	-	-	-	-	-	-
83.	‘телёнок’	-	+	+	-	-	-	-
84.	‘phallus’	-	-	-	-	+	-	-
85.	‘урожай’	+	-	-	-	-	-	-

86.	‘хорошо’	+	-	-	-	-	-	-
87.	‘царство’	+	-	-	-	-	-	-
88.	‘чёрт’	+	-	-	-	+	-	-
89.	‘шерсть’	+	-	-	-	+	-	+
90.	‘ясновидец’	+	-	-	-	-	-	-

Изучение словарных статей «Велес», «волхв», «волшебство» и др. в семи этимологических и историко-этимологических словарях помогло отыскать 90 мотивирующих признаков в структуре концепта *Велес*. Большое количество мотивирующих признаков указывает на древность исследуемого концепта и длительное время, затраченное на формирование его первичных признаков.

Заключение. Выявленные 90 мотивирующих признака концепта *Велес* объединены в 19 блоков: 1. Бог (‘бог’, ‘Вaal’, ‘Варуна’, ‘Велс’, ‘вторая ступень’ (после Перуна), ‘Даждьбог’, ‘Приап’, ‘противник громовержца’); 2. Повелитель (‘велеть’, ‘воля’, ‘повелитель’, ‘распорядитель’); 3. Властитель (‘власть’, ‘господство’, ‘князь’, ‘править’); 4. Хозяин (‘владеть’); 5. Великан (‘богатырь’, ‘большой’, ‘великан’, ‘гигант’, ‘исполин’); 6. Деятель (‘валять’, ‘выдирать’, ‘вырывать’, ‘давить’, ‘драть’, ‘путать/ лохматить’); 7. Человек (‘мужчина’, ‘наследник/ наследовать’, ‘оплодотворяющий’, ‘скотовод/ скотник’); 8. Волос/ волокно/ шерсть (‘волокно’, ‘волос’, ‘шерсть’); 9. Ведающий человек/ жрец (‘ведьма’, ‘волхв’, ‘волшебник’, ‘гадалка’, ‘колдун’, ‘маг’, ‘пророчица’); 10. Тот свет (‘дух’, ‘душа’, ‘мёртвых/ умерших’, ‘подземный’); 11. Потусторонние силы/ нечистая сила (‘бесовский’, ‘водяной’, ‘дьявол’ (Вельзевул, велиар), ‘леший’, ‘нечистый’, ‘сила’, ‘чёрт’); 12. Небо/ звёзды (‘дождь/ дождящий’, ‘Плеяды/ Волосыни’); 13. Слово (‘благопожелание’, ‘говорить’, ‘ругательство’); 14. Земля/ территория (‘волость’, ‘лес’, ‘луг’, ‘область’, ‘пастбище’, ‘поля’, ‘родина’, ‘царство’); 15. Оценка (‘великий’, ‘очень, сильно, весьма’, ‘хорошо’); 16. Растения (‘ветвь’, ‘колос’, ‘наливаться’, ‘созревать’, ‘соломинка’, ‘стебель (травянистых растений с плодом/ травы)/ трава’, ‘урожай’); 17. Зверь/ скот (‘бык’, ‘волк’, ‘жеребец’, ‘кабан’, ‘самец’, ‘скот/ скотий’, ‘телёнок’); 18. Тело (‘болезнь’, ‘здоровье’, ‘phallus’); 19. Зрение (‘зоркость’, ‘зрение’, ‘прозрение’, ‘ясновидец’).

Треть мотивирующих признаков являются символическими. 32 символических признака представлены 6 блоками: 1. Бог (‘бог’, ‘Вaal’, ‘Варуна’, ‘Велс’, ‘вторая ступень’ (после Перуна), ‘Даждьбог’, ‘Приап’, ‘противник громовержца’); 2. Ведающий человек/ жрец (‘ведьма’, ‘волхв’, ‘волшебник’, ‘гадалка’, ‘колдун’, ‘маг’, ‘пророчица’); 3. Тот свет (‘дух’, ‘душа’, ‘мёртвых/ умерших’, ‘подземный’); 4. Потусторонние силы/ нечистая сила (‘бесовский’, ‘водяной’, ‘дьявол’ (Вельзевул, велиар), ‘леший’, ‘нечистый’, ‘сила’, ‘чёрт’); 5. Небо / звёзды (‘дождь/ дождящий’, ‘Плеяды/ Волосыни’); 6. Зрение (‘зоркость’, ‘зрение’, ‘прозрение’, ‘ясновидец’).

Наличие символических признаков среди мотивирующих позволяет отнести концепт *Велес* к разряду символических. Богатством и достатком ранее считались еда (хлеб, зерно) и скот, дававшие пищу. Это и было наследием, которое передавалось потомкам. Богом был хозяин, глава семьи, распределявший блага между членами своего рода. После смерти он становился духом, охраняющим свою землю – область проживания рода. Со сменой религии духов стали называть бесовскими – отсюда признаки ‘нечистой силы’: ‘водяного’, ‘лешего’, ‘чёрта’ (тот, кто за чертой этого мира). После смерти, согласно народным воззрениям, душа отправлялась на небо и загоралась там в виде звезды (потому до сих пор мы загадываем желание при виде падающей звезды – она может передать нашу просьбу тем, кто на небе – нашим предкам).

Литература

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. Выпуск 6 (вал I – вершок IV). 368 с. С. 291–295.
2. Асмус М. Вечно возвращающийся миф // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 33–37.
3. Базарова Л.В. Отличительные особенности концепта "БОГ" в различных религиозных направлениях и их выражение в английских, русских и турецких фразеологических единицах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 19–22.
4. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Тип. Канцелярии Главного нач. гражд. ч. на Кавказе, 1896. 558 с. С. 42. 53-54.
5. Елисеева О.В. Когнитивный аспект символического компонента в структуре концептов *бог* и *дьявол* в русской, французской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Вячеславовна Елисеева. Ульяновск, 2008. 151 с.
6. Иванов В.В., Топоров В.Н. Велс // Персонажи и культовые объекты греческой мифологии. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovar.cc/ist/mifologiya-grech/2281783.html> (дата обращения: 24.12.2023).
7. Ивасишина Т.А. Концепт *бог* как когнитивная основа афоризмов: опыт лингвокультурного анализа // Хрестоматия теолингвистики: сборник статей. Ульяновск: Мастер Студия, 2019. Том 2. С. 413–424.
8. Калькова О. В. Концепт Бог в русской языковой картине мира (основные компоненты) // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 1. С. 89–92.
9. Колчина О.Н. Концепт 'бог' в поэтическом языке Б. Гребенщикова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. №6(2). С. 108–110.
10. Кремшюкалова М.Ч. Ценностный концепт «бог» в жанровой картине мира благопожеланий и проклятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2014. № 4. Ч. 3. С. 110–112.
11. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Полиграфсервис», 2005. 432 с. С. 40.
12. Мирсаитова Л.В. Концепт «бог» и способы его вербализации в религиозном дискурсе // Глобальный научный потенциал. 2020. №5(110). С. 131–134.
13. Никитин Афанасий. Хожение за три моря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5068> (дата обращения: 28.12. 2023).
14. Передриенко Т.Ю. Концепт «God» в английской лингвокультуре // Межкультурная коммуникация: современные тенденции и опыт: Материалы второй Всероссийской научно-практической конференции (29–30 марта 2006 г.). Нижний Тагил: НТГСПА, 2006а. Ч. 1. С. 96–100.
15. Передриенко Т.Ю. Концепты «бог» и «дьявол» в русской и английской лингвокультурах (на материале паремий и афоризмов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Татьяна Юрьевна Передриенко. Челябинск, 2006б. 197 с.
16. Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки. М.: Инфра-М, 2019. 355 с. (Научная мысль).
17. Писарь Н.В. Дихотомия "Бог – дьявол" в древнерусской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Наталья Михайловна Писарь. Тверь, 2011. 354 с.
18. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Т. 1. С. 70-71.

19. Семёнов А.В. Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/б/бог> (дата обращения: 13.05.2023).

20. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Издание Отделения русского языка типографии Императорской Академии наук, 1893. Т. 1. С. 294.

21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. I. М.: Прогресс, 1987. С. 287–290, 340–346.

22. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. С. 139–140, 163–164.

23. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. I. М.: ФЛИНТА, Наука, 2010. С. 100–101, 137–139.

24. Щемелинина И.Н. Концепт *бог* в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2015. №6. С. 55–62.

25. Якимов П.А. Концепт «Бог» в художественной картине мира Семена Липкина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. №11(147). С. 145–148.

26. Micloschich Fr. Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Viena: W. Braumuller, 1886. 548 S. S. 394.

Marina V. Pimenova

Rector of the International Humanitarian University named after P.P. Semenov – Tyanshansky, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia).

e-mail: MVPimenova@yandex.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>

The First Signs of the *Veles* Theomorphic Symbolic concept

Abstract. The purpose of the article is to determine the motivating signs in the structure of the *Veles* concept. The relevance of the study lies in turning to theomorphic concepts of Russian linguoculture, which are included in the class of symbolic ones. The scientific novelty of the study lies in the first experience of addressing the structure of the *Veles* concept. Seven etymological dictionaries of the Russian language became the source of research material. According to language historians, the theonym *Veles* is interpreted as an independent name or as a variant of the theonym *Volos*. Analysis of dictionaries made it possible to identify 90 motivating signs of the *Veles* concept, presented in 19 blocks: 1. God; 2. Lord; 3. Ruler; 4. Owner; 5. Giant; 6. Doer; 7. Man; 8. Hair/ fiber/ wool; 9. Knowledgeable person/ priest; 10. Other world; 11. Otherworldly forces/ evil spirits; 12. Sky/ stars; 13. Word; 14. Land/ territory; 15. Evaluation; 16. Plants; 17. Beast/ cattle; 18. Body. The primary signs of the word *Veles* reflect popular views on the world order, where the head of the clan is the owner, ruler and ruler of his land. Of the 90 motivating signs - 32 are symbolic, they are combined into 6 blocks: 1. God ('god', 'Baal', 'Varuna', 'Vels', 'second stage' (after Perun), 'Dazhdbog', 'Priapus', 'opponent of the thunderer'); 2. Knowledgeable person/ priest ('witch', 'magician', 'wizard', 'fortune teller', 'sorcerer', 'magician', 'prophetess'); 3. Other world ('spirit', 'soul', 'dead/ deceased', 'underground'); 4. Otherworldly forces/ unclean force ('demonic', 'water', 'devil' (Beelzebub, Belial), 'goblin', 'unclean', 'force', 'devil'); 5. Sky/ stars ('rain/ raining', 'Pleiades/ Volosyn'); 6. Vision ('sightedness', 'sight', 'insight', 'clairvoyant'). The motivating signs of the *Veles* concept reflect ideas about both the earthly realm of existence and the posthumous sphere - the sky, where the soul of the deceased rushes. God in Russian linguoculture is a ruler, giver of blessings (hence the epithets of Slavic deities - Dazhdbog, *Veles* - the bestial god, etc.).

Key words: concept; concept structure; motivating signs; internal form of the word; language picture of the world; linguoculturology; conceptual studies.

References

1. Asmus M. Vечно vozvrashchayushchijsya mif [The ever-returning myth]. *Mif v istorii, politike, kul'ture: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj zaochnoj konferencii* (noyabr' 2017 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej O.A. Gabrielyana, A.V. Stavickogo, V.V. Hapaeva [Myth in history, politics, culture: Collection of materials of the I International Scientific Interdisciplinary Correspondence Conference (November 2017, Sevastopol) / Edited by O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitsky, V.V. Khapaev]. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2018, pp. 33–37. (In Russian)
2. Anikin A.E. Russkij etimologicheskij slovar' [Russian etymological dictionary]. Moscow, 2009, vol. 3 (be – boldyhat'), pp. 291–295. (In Russian)
3. Bazarova L.V. Otlichitel'nye osobennosti koncepta "BOG" v razlichnyh religioznyh napravleniyah i ih vyrazhenie v anglijskih, russkih i tureckih frazeologicheskikh edinicah [Distinctive features of the concept "GOD" in various religious directions and their expression in English, Russian and Turkish phraseological units]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Tambov, 2010, vol. 2 (6), pp. 19–22. (In Russian)
4. Goryaev N.V. Sravnitel'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Comparative etymological dictionary of the Russian language]. Tiflis, 1896, pp. 21–22. (In Russian)
5. Eliseeva O.V. Kognitivnyj aspekt simvolicheskogo komponenta v strukture konceptov bog i d'yavol v russkoj, francuzskoj i anglijskoj lingvokul'turah: dis. [The cognitive aspect of the symbolic component in the structure of the God concepts and devil in Russian, French and English linguocultures: Thesis]. Ul'yanovsk. 2008. 151 p. (In Russian)
6. Ivanov V.V., Toporov V.N. Vels [Wells]. Personazhi i kul'tovyje ob"ekty grecheskoj mifologii [Characters and cult objects of Greek mythology]. 2012. [Electronic resource]. Access mode: <https://slovar.cc/ist/mifologiya-grech/2281783.html> (accessed: 24.12.2023). (In Russian)
7. Ivasishina T.A. Koncept bog kak kognitivnaya osnova aforizmov: opyt lingvokul'turnogo analiza [The Concept of God as a Cognitive Basis for Aphorisms: Experience of Linguistic and Cultural Analysis]. *Hrestomatiya teolingvistiki: sbornik statej* [Anthology of Theolinguistics: Collection of Articles]. Ul'yanovsk, 2019, vol 2, pp. 413–424. (In Russian)
8. Kal'kova O. V. Koncept Bog v russkoj yazykovoj kartine mira (osnovnye komponenty) [The concept of God in the Russian language picture of the world (main components)]. *Vestnik CMO MGU* [Bulletin of the Moscow State University]. 2009, vol. 1, pp. 89–92. (In Russian)
9. Kolchina O.N. Koncept 'bog' v poeticheskom yazyke B. Grebenshchikova [The concept of 'god' in the poetic language of B. Grebenshchikov]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University]. 2013, vol. 6(2), pp. 108–110. (In Russian)
10. Kremshokalova M.Ch. Cennostnyj koncept «bog» v zhanrovoj kartine mira blagopozhelanij i proklyatij [Value concept "God" in the genre picture of the world of blessings and curses]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Tambov, 2014, vol. 4 (3), pp. 110–112. (In Russian)
11. Krylov G.A. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. St. Petersburg. 2005, pp. 40. (In Russian)
12. Mirsaitova L.V. Koncept «bog» i sposoby ego verbalizacii v religioznom diskurse [The concept of "God" and ways of its verbalization in religious discourse]. *Global'nyj nauchnyj potencial* [Global Scientific Potential]. 2020, vol. 5(110), pp. 131–134. (In Russian)

13. Nikitin Afanasy. Hozhenie za tri morya [Walking across three seas]. [Electronic resource]. Access mode: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5068> (accessed: 28.12.2023). (In Russian)
14. Peredrienko T.YU. Koncept «God» v anglijskoj lingvokul'ture [The concept of "God" in English linguoculture]. *Mezhkul'turnaya kommunikaciya: sovremennye tendencii i opyt: Materialy vtoroj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (29–30 marta 2006 g.)* [Intercultural communication: modern trends and experience: Proceedings of the second All-Russian scientific and practical conference (March 29-30, 2006)]. Nizhnij Tagil, 2006a, vol. 1, pp. 96–100. (In Russian)
15. Peredrienko T.Yu. Koncepty «bog» i «d'yavol» v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah (na materiale paremij i aforizmov): dis. [Concepts "God" and "Devil" in Russian and English Linguistic Cultures (on the Material of Proverbs and Aphorisms): Thesis]. Chhelyabinsk, 2006b, 197 p. (In Russian)
16. Pimenova M.V. Etnogermenentika russkoj skazki [Ethnohermeneutics of the Russian fairy tale]. Moscow, 2019, 355 p. (In Russian)
17. Pizar' N. V. Dihotomiya "Bog – d'yavol" v drevnerusskoj yazykovoju kartine mira: dis. [Dichotomy "God - Devil" in the Old Russian language picture of the world: Thesis]. Tver'. 2011, 354 p. (In Russian)
18. Preobrazhenskij A. G. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1910–1914, vol. 1, pp. 33. (In Russian)
19. Semyonov A.V. Etiological online dictionary of the Russian language [Etiologicheskij onlajn-slovar' russkogo yazyka] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/b/bog> (data obrashcheniya: 13.05.2023). (In Russian)
20. Sreznevsky I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamjatnikam [Materials for a dictionary of the Old Russian language based on written monuments]. St. Petersburg: Publication of the Russian Language Department of the Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1893. Vol. 1. P. 294. (In Russian)
21. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow, 1987, vol. II, pp. 181–182. (In Russian)
22. Chernyh P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes]. Moscow, 1999, vol. 1, pp. 98. (In Russian)
23. Shaposhnikov A.K. Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. [Etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes]. Moscow, 2016, vol. I (A-N), pp. 69. (In Russian)
24. Shchemelinina I.N. Koncept bog v sochinenii G. Kotoshihina «O Rossii v carstvovanii Alekseya Mihajlovicha» [The concept of God in G. Kotoshikhin's essay "On Russia in the reign of Alexei Mikhailovich"]. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya* [Vestnik MGOU. Series: Russian Philology]. 2015, vol. 6, pp. 55–62. (In Russian)
25. Yakimov P.A. Koncept «Bog» v hudozhestvennoj kartine mira Semena Lipkina [The concept of "God" in the artistic picture of the world by Semyon Lipkin]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. 2012, vol. 11(147), pp. 145–148. (In Russian)
26. Micloschich Fr. Etymologisches Worterbuch der Slavischen Sprachen. Vien, 1886, pp. 394. (In German)

ВОПРОСЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81`27

Бакирова Айгуль Авазбековна

Ст. преподаватель ФГБОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва», кандидат филологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

aigulbakirova@inbox.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0002-0268-0340>

Родичева Анна Анатольевна

Проректор по учебной работе АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тян-Шанского», кандидат филологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

annarodicheva@mail.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0002-8117-084X>

Опыт сопоставления мотивирующих признаков макроконцептов *Universe* и *world* в английской лингвокультуре

Аннотация. Основная цель статьи – сопоставить мотивирующие признаки в структурах макроконцептов *Universe* и *world* в английской лингвокультуре. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: 1. Проанализировать этимологические и толковые словари английского языка, в которых рассматривается история слов *Universe* и *world*; 2. Определить мотивирующие признаки макроконцептов *Universe* и *world*; 3. Сопоставить найденные признаки между собой. Актуальность предпринятого исследования заключается в осмыслении первопризнаков макроконцептов *Universe* и *world* в аспекте символов лингвокультуры. Научная новизна работы состоит в первом опыте анализа мотивирующих признаков макроконцептов *Universe* и *world*. В статье используется набор методов лингвистического анализа: этимологический, дескриптивный, интерпретативный, концептуальный. Макроконцепт *Universe* – заимствован в английскую лингвокультуру из терминосистемы, макроконцепт *world* – исконный. Слово *world* появилось в английском языке раньше: до 900 г., по иному мнению – до 1150 г. Лексема *Universe* «Вселенная» фиксируется в английском языке в 1325–1375 гг., другие словари указывают дату 1589 г. В результате анализа восьми этимологических и толковых словарей было найдено 26 мотивирующих признаков макроконцепта *Universe*, из них три являются символическими ('космос', 'мир', 'созданный/ сотворенный'). В структуре макроконцепта *world* найдено 33 мотивирующих признака, пять из них – 'Вселенная', '(этот) мир', 'Земля', 'земной', 'небесный' – являются символическими. Эти признаки отображают особенности английской ментальности: Вселенная объединяет в себе не только этот (физический) мир, но и потусторонний мир, загробный, вечность.

Ключевые слова: макроконцепт; мотивирующие признаки; структура макроконцепта; языковая картина мира; английская лингвокультура.

Введение. Когнитивная лингвистика – направление, которое объектом своего исследования определяет ментальные образования – конструкты, которые имеют свои структуры в сознании носителей языка [6]. Современная концептология начинает обращаться к теме макроконцептов – макроментальных образований.

Интересен факт развития слов со значением «Вселенная» в разных языках. Первоначально это был термин: в Древней Греции τὸ πᾶν «Вселенная» (*tòpan* «Всё», «Пан (мифологический персонаж)»). Родственными терминами были: τὸ ὄλον, τὸ ὄλον «материя» (см. также *Hyle*, букв. «дерево») и τὸ κενόν, τὸ κενόν «место». Среди других синонимов Вселенной в трудах древнегреческих философов можно назвать: *κόσμος* «космос» и *φύσις* «природа» (от этого слова образовано слово «физика»). Те же синонимы встречаются у латинских авторов (*totum, mundus, natura*), они сохранились в современных языках, например, немецкие слова *DasAll, Weltall* и *Natur* «Вселенная». Те же синонимы встречаются в английском языке, например, *Everything* (как в теории всего – *the theory of everything*), *the cosmos* «космос» (в космологии), *the world* «мир» (как в гипотезе множественности миров – *the many-worlds hypothesis*) и *Nature* «природа» (в законах природы или натуральной философии).

Альтернативная интерпретация слова *inversum* – «все вращается как единое целое» или «все вращается одним». В этом смысле его можно считать переводом более раннего греческого слова *περιφορά* (*periforá*, «обход», «движение вокруг», «circumambulation»), обозначающего Вселенную, первоначально использовавшегося для описания хода трапезы, когда еда разносилась по кругу обедающих гостей. Это греческое слово относится к терминам небесных сфер, ранней греческой модели Вселенной. Аристотель предполагает, что вращение сферы неподвижных звезд приводит к изменениям на Земле через Солнце.

Методы исследования. Для определения мотивирующих признаков, формирующих структуры макроконцептов *Universe* и *world*, применён набор лингвистических методов: этимологического, концептуального, интерпретативного, дескриптивного. Источником языкового материала послужили восемь этимологических словарей английского языка.

Литературный обзор. В научной литературе отмечен ряд работ, в которых рассматриваются разные аспекты лингвокультурных макроконцептов. *Символическим макроконцептом* является «ментальное образование, у которого первопризнак (*conceptum*) в виде одного или нескольких мотивирующих признаков выражает определённый символ лингвокультуры» [8, с. 65-83]. В.В. Колесов о соотношении первопризнака и концепта пишет: «Концептум как составная часть концепта порождает образ концептума, символ образа и понятие символа, следовательно, концепт, представленный как понятие, является всего лишь результатом последовательного накопления содержательных форм концепта – образа, символа и собственно понятия» [5, с. 438].

Современная лингвистика представлена ограниченным количеством работ, в которых изучается (макро)концепт *Вселенная* и *мир* [12, с. 11-14]. В русской лингвокультуре макроконцепт *Вселенная* был описан с позиций символических среди мотивирующих признаков [9], концепт *мир* – в истории русского языка [3, с. 282-285; 7, с. 336-339], в русской языковой картине мира [13, с. 292-295], в сознании донецких студентов [14, с. 83-85], как универсальный культурно-цивилизационный концепт [4, с. 64-73], как тактика дискурсивной технологии войны [11, с. 19-26], в сопоставлении с концептом *война* [2, с. 197-212], в противопоставлении концепту *война*: в современном геополитическом дискурсе [10, с. 28-33], в русской и китайской языковых картинах мира [15, с. 2614-2621].

Опубликованы статьи по смежным исследованиям. Сопоставлены концепты *звезда* и *star* в русской и английской лингвокультуре [1]. С позиций символического макроконцепта, связи мотивирующих признаков с ментальностью английского народа макроконцепты *Universe* и *world* изучены не были, в этом видится научная новизна проводимого исследования.

Результаты и обсуждение. Слово *Universe* «Вселенная» происходит от старофранцузского *Univers*, оно, в свою очередь, восходит к латинскому слову *universum*.

Латинское *universum* встречается у Цицерона со значениями, которые сохранились у современного английского слова *Universe*. Латинское слово *universum* – это поэтическое сокращение от формы *Unvorsum*, впервые использованной Лукрецием в его «*De rerum natura*» («О природе вещей», книга IV, строка 262), соединяющей *un, uni (unus «один»)* с *vorsum, versum* (существительным, образованным от формы пассивного причастия совершенного вида (perfect passive participle) *vertere*), означающего «то, что вращалось, катилось, менялось»).

Время появления лексемы *Universe* «Вселенная» в английском языке в словарях указывается разными годами. Первое известное использование *Universe* «Вселенная» произошло в 1589 г. [19]. *Universe* впервые записано в 1325–1375 гг. [18].

Для выявления мотивирующих признаков изучаются словарные статьи репрезентантов макроконцептов в этимологических словарях английского языка («*universe*», «*universal*»). Анализ словарных статей показал следующие результаты:

1. *Úni-vérs* «Вселенная, универсальная или полная система сотворенных вещей; все созданные вещи, видимые как одно целое; мир. [лат. *universum=unus*, “один”, *verto, versum* “поворачивать”]» [16, с. 541].

2. *Universe* «от французского *univers*, образованного от латинского *ūniversum* “весь мир”, от *ūniversus* “все вместе”, от *uni-* + *vertere* “поворачивать”» [17].

3. Слово *Universe* имело значение «весь мир, космос, совокупность существующих вещей», образовано от старофранцузского *univers* (XII в.), производное от латинского *universum* «все вещи, все, все люди, весь мир», употреблявшегося наравне с формой существительного среднего рода *universus* «все вместе, все в одном, целое, целое, относящееся ко всем», буквально «превратившееся в одно»: от *unus* «один» (от корня PIE **oi-no-* «единый, уникальный») + *versus*, причастие прошедшего времени от *vertere* «повернуть, повернуть назад, повернуть; преобразовать, трансформировать, переводить; измениться» (от корня PIE **wer-* «поворачивать, сгибать»). В значении «Вселенная» *Universe* фиксируется в английских словарях так же в 1580 г. [20].

Источник первой составляющей слова: протоиндоевропейский корень **oi-no-*, означавший «единый, уникальный». Доказательством его существования служат: греческое *oinos* «туз (на игральные кости)»; латинское *unus* «один»; древнеперсидский *aivam*; старославянские варианты *-ину, ино-*; литовское слово *vienas*; старо-ирландское *eoín*; бретонское *un* “один”; древнеанглийское *an*, немецкое *ein*, готское *ains* «один» [20].

Вторая составляющая сложного слова образована от протоиндоевропейского корня **wer-*, означавшего «поворачиваться, сгибаться». Доказательством его существования служат: санскритское *vartate* «поворачивается, перекачивается»; авестийский *varet-* «повернуться»; хеттское *hurki* «колесо»; греческий *rhatane* «мешалка, ковш»; латинское *vertere* (частый *versare*) «повернуть, повернуть назад, повернуть; преобразовать, трансформировать, перевести; измениться» против «повернуться к или против»; старославянское *vrŭteti* “крутить, катить”, русское *vreteno* “веретено, прялка”; литовское *verčiu, versti* “поворачивать”; немецкий *werden*, древнеанглийский *weorðan* «становиться»; древнеанглийское слово *weard* «к», первоначально «повернуто к», *weorthan* «чтобы случиться», *wyrd* «судьба, судьба», буквально «то, что случается с человеком»; валлийский *gwerthyd* «веретено, прялка»; старый ирландский *frith* «против» [20].

4. Среднеанглийское *Universe* образовано от латинского *universum* (м.р.) и *universes* «весь, целый» (ср. р.): от *uni-* + *versus* «повернулся к» и причастия прошедшего времени *vertere* «поворачивать» [19]. *Universe* от латинского *universum* «весь совокупность вещей, которые существуют», от *universus* «целый, полный», буквально «превратившийся в одно», от *uni-* «один» и *versus* «повернутый к», от *vertere* «обращаться» [19].

5. Среднеанглийское *Universe* от старофранцузского *univers*, от латинского *ūniversum* м.р.) и существительного среднего рода *ūniversus* «все, весь», буквально «превраща-

тившийся в одно», от *ūni- uni-* + *versus* «превратившегося» (причастие прошедшего времени от *vertere* «поворачивать» [18].

6. *Universe* «Вселенная»: франц. *univers*, лат. *universum* «Вселенная», букв. «повернулся к одному», от *vertere, vers-* «поворачиваться»; производное лат. *universitas* «целое, государство в общем, мир», также использовалось для обозначения корпорации или организованной организации [23, p. 1570]. Ср.: *universal, universality, universe; university* [22, p. 3628].

7. *Universe* «Вселенная» (лат. *in universum* «вуниверсуме»): «всесотворенное»; «мир» (старофранц. *Umvers*; ср. исп., итальянск. *universo*) или лат. *ūniversum* «весьмир» (Цицерон, Платон, Аристотель), ср. лат. *ūnnersus* «вместевзятые», букв. «превратился в одного» [21].

8. Источник: лат. *universitās* «целое, целое число (из)», «вселенная», (на более позднем юридическом языке) «общество, гильдия, корпорация» [21].

Результаты исследования статей из этимологических и толковых словарей с основным репрезентантом изучаемого макроконцепта сведены в таблице 1.

Таблица 1. Мотивирующие признаки в структуре английского макроконцепта *Universe*
Table 1. Motivating signs in the structure of the English macro concept *Universe*

№ №	Словари	Признаки							
		Chamber's etymological dictionary of the English language	Collins English Dictionary	Dictionary.com	Merriam-Webster.com Dictionary	Online etymology dictionary	Patridge E. A short etymological dictionary of modern English	The Oxford dictionary of English etymology	Weekly E.M.A. An etymological dictionary of modern English
1.	‘вещи’	+	-	-	+	+	-	+	-
2.	‘вместе’	-	+	-	-	+	-	+	-
3.	‘все/ весь’	-	+	+	+	+	-	+	-
4.	‘видимый’	+	-	-	-	-	-	-	-
5.	‘единый’	-	-	-	-	+	-	-	-
6.	‘измениться’	-	-	-	-	+	-	-	-
7.	‘космос’	-	-	-	-	+	-	-	-
8.	‘люди’	-	-	-	-	+	-	-	-
9.	‘мир’	+	+	-	-	+	-	+	-
10.	‘назад’	-	-	-	-	+	-	-	-
11.	‘обращаться’	-	-	-	+	-	-	-	-
12.	‘один’	+	+	+	+	+	+	+	+
13.	‘переводить’	-	-	-	-	+	-	-	-
14.	‘поворачивать/ повернуть’	+	+	+	+	+	-	-	-
15.	‘повернуться к’	-	-	-	+	-	-	-	+
16.	‘превратиться/ превратившийся’	-	-	+	+	+	-	+	-
17.	‘преобразовать’	-	-	-	-	+	-	-	-
18.	‘сгибать’	-	-	-	-	+	-	-	-

19.	‘система’	+	-	-	-	-	-	-	-
20.	‘совокупность’	-	-	-	+	-	-	-	-
21.	‘созданный/ сотворенный’	+	-	-	-	-	-	-	-
22.	‘существующий’	-	-	-	+	+	-	+	-
23.	‘трансформировать’	-	-	-	-	+	-	-	-
24.	‘универсальный’	+	-	-	-	-	-	-	-
25.	‘уникальный’	+	-	-	-	+	-	-	-
26.	‘целый/ полный’	+	-	-	+	+	-	+	-

Анализ восьми словарей помог восстановить 26 мотивирующих признаков макроконцепта *Universe* в английской лингвокультуре. Большое количество признаков указывает на древнюю его природу. На это же указывает синкретизм найденных признаков.

Время появления слова *world* в английском языке этимологи приводят разное: впервые записано до 900 г. [18], до XII в. [19]; самое раннее известное использование существительного *world* относится к древнеанглийскому периоду (до 1150 г.) [21].

Этимология слова *world* в словарях прозрачна. Исторические соответствия: древнеангл. *werold, worold, world*; исл. *veróld*; от *Öld* «возраст, течение времени, жизни», древнеангл. *wer* «человек», и поэтому = «возраст или жизнь человека» и «мир без конца, вечно» [16, p. 365], древнефриз. *warld, wrald*, древневерхненемец. *wealt* (в современном немецком *Welt*) [17], голланд. *weld*, древнескандинавск. *veröld* [18]; древневерхненемец. *weralt* «возраст, мир», древнеангл. *wer* «человек» [19]; старосаксонск. *werold*, древневерхненемец. *weralt* [Onlineetymologydictionary], древнефриз. *world*, древневерхненемец. *weralt*, средневерхненемец. *werelt, werlt, welt*, среднедат. *warelt, werlt, werlt, welt*, дат. *weld* [22, p. 3818].

В древнеанглийских Евангелиях самым распространенным словом для обозначения «физического мира» было *Middangeard* (древнескандинавский *Midgard*), буквально «среднее ограждение» (ср. *yard*), которое уходит корнями в германскую космологию. Греческое слово *kosmos* в религиозном аспекте означает «мир людей», переводимое на готский язык как *manaseps* (буквально «семя человека»). Для выражения значения «мир» в древнескандинавском использовалось слово *heimr* (буквально «обитель»; ср. *home* «дом»). Слова со значением «мир» в некоторых других индоевропейских языках имеют более ранние значения «дно, основание» (например, ирландское *domun*, старославянское *duno*, родственное английскому *deep*); литовское слово *pasaulis* образовано от *pa-* «под» + *saulė* «солнце» [20].

Для определения мотивирующих признаков макроконцепта *world* было проанализировано 10 этимологических и толковых словарей английского языка, в которых приводится этимология слова *world*.

1. *World, wurld* «мир», «земля и ее обитатели; система вещей: нынешнее состояние существования: любое земное или небесное тело: общественная жизнь или общество; практичность»; христ. «светская жизнь: ход жизнь: великое количество; в Библии – нечестивых» [16, p. 365].

2. *GWelt* встречается в таких сферах, как *Welt-politik*, мировая политика, международная политика, особенно немецкий империализм до 1939 года и *Welt-schmerz*, мировая боль, романтическая пессимизм в отношении настоящего и будущего состояния мира [21].

2. В современном английском форма *world*, в древнеанглийском – *w(e)orold*, от *wer* «человек» + *ald* «возраст, жизнь» [17].

3. Форма *world* появилось в среднеанглийский период; древнеанглийский *world*, *weorold* «мир»; из (незасвидетельствованного) германского *wer-ald* буквально «возраст человека» [18].

4. Форма *world* сложилась в среднеанглийский период, образована от древнеанглийского слова *woruld* «человеческое существование», «этот мир», «возраст» [19].

5. Древнеанглийское *woruld*, *worold* «человеческое существование, дела жизни (affairs of life)», также «длительный период времени», также «человеческий род, человечество, человеческая раса», слово с буквальным значением «возраст человека», от протогерманского композита **weraldi-*: **wer* «человек» (древнеанглийское *wer*, которое до сих пор используется + **ald* «возраст» (от индоевропейского корня **al-* «расти, питать») [20].

Первоначальное значение слова *world*: «жизнь на земле, этот мир (в отличие от загробной жизни)». Эволюция последнего приводит к появлению значения «известный мир», затем до «физический мир (в самом широком смысле), Вселенная» (ок. 1200 г.) [20].

6. Среднеанглийские варианты *weoreld*, *weorld*, *werld* и *world* восходят к др.-англ. *weorold*, *worold*: *wer* «человек», этот корень встречается в старой форме слова *werewolf* «оборотень» + *old* «возраст», буквально «человек + возраст» («(the) man-old») или «мужчина + возраст» («man-age»), т.е. возраст человечества, возраст Земли, населенной человечеством [22, p. 3818].

7. Слово *world* «мир» происходит от древнеанглийского *weorold*. Древнеанглийский язык является отражением общегерманского **weraldiz*, соединения слов *weraz* «человек» и *aldiz* «возраст» [21].

8. Древнеанглийские варианты *iveorold*, *woruld* «мир». Древневерхненемецкое слово *weralt*, древнесерверное *verold* состоят из двух элементов: первый элемент означает «человек» (ср. *werwolf*), второй элемент *old* означает «возраст». Немецкое слово *weltalter* означает «эпоха». Первоначальные значения: «возраст, период». Позднее развитие значения имитировало латинское слово *saeculum* «век», употреблявшееся в ранней церкви для обозначения этого мира в отличие от вечности (ср. *светский, временной*)» [23, p. 1646].

Таблица 2. Мотивирующие признаки в структуре английского макроконцепта *world*

Table 2. Motivating signs in the structure of the English macro concept *world*

№ №	Словари	Chamber's etymological dictionary of the English language	Collins English Dictionary	Dictionary.com	Merriam-Webster.com Dictionary	Online etymology dictionary	Patridge E. A short etymological dictionary of modern English	The Oxford dictionary of English etymology	Weekly E.M.A. An etymological dictionary of modern English
1.	‘без конца’	+	-	-	-	-	-	-	-
2.	‘вечно’	+	-	-	-	-	-	-	-
3.	‘вещи’	+	-	-	-	-	-	-	-
4.	‘возраст’	+	+	+	+	+	+	+	-
5.	‘время’	+	-	-	-	+	-	-	-
6.	‘Вселенная’	-	-	-	-	+	-	-	-
7.	‘дела’	-	-	-	-	+	-	-	-

8.	‘длительный’	-	-	-	-	+	-	-	--
9.	‘жизнь’	+	+	-	-	+	-	-	
10.	‘Земля’	+	-	-	-	+	+	-	-
11.	‘земной’	+	-	-	-	-	-	-	-
12.	‘известный’	-	-	-	-	+	-	-	-
13.	‘(этот) мир’	+	-	+	+	+	-	-	-
14.	‘мужчина’	-	-	-	-	-	+	-	-
15.	‘населённый’	-	-	-	-	-	+	-	-
16.	‘небесный’	+	-	-	-	-	-	-	-
17.	‘нынешний’	+	-	-	-	-	-	-	-
18.	‘обитатели’	+	-	-	-	-	-	-	-
19.	‘общественный/ общество’	+	-	-	-	-	-	-	-
20.	‘период’	-	-	-	-	+	-	-	-
21.	‘питать’	-	-	-	-	+	-	-	-
22.	‘практичность’	+	-	-	-	-	-	-	-
23.	‘раса’	-	-	-	-	+	-	-	-
24.	‘расти’	-	-	-	-	+	-	-	-
25.	‘род’	-	-	-	-	+	-	-	-
26.	‘система’	+	-	-	-	-	-	-	-
27.	‘состояние’	+	-	-	-	-	-	-	-
28.	‘существование’	+	-	-	+	+	-	-	-
29.	‘тело’	+	-	-	-	-	-	-	-
30.	‘течение’	+	-	-	-	-	-	-	-
31.	‘физический’	-	-	-	-	+	-	-	-
32.	‘человек’	+	+	+	+	+	+	+	-
33.	‘человечество’	-	-	-	-	+	+	-	-

Анализ восьми словарей позволил обнаружить 33 мотивирующих признака макроконцепта *world*. Это значительно превышает количество мотивирующих признаков макроконцепта *Universe* (26 мотивирующих признаков).

Слово *world* встречается в устойчивых выражениях. Первоначальное значение выражения *worldwithoutend* «мир без конца» (лат.*saeculasaeculorum*). Латинское *saeculum* означает «возраст» и «мир», как и греческое *aiōn*. Значение «большое количество или число» датируется 1580-ми годами. Выражение *outofthisworld* «удивительное, чудесное» Данные фиксируются 1928 г.; раньше оно означало «мёртвый». *World Cup* «чемпионат мира» появляется в 1951 г.; в 1893 году проводится Мировая серия по бейсболу в США (*U.S. baseball World Series*; вариант *World's Series*). Выражение *worldpower* «мировая мощь» в геополитическом аспекте впервые встречается в 1900 г. *World-class* «мировой класс» – засвидетельствовано с 1950 г., первоначально так называли спортсменов-олимпийцев (*Olympic athletes*) [Onlineetymologydictionary].

Сравним мотивирующие признаки макроконцептов *Universe* и *world*. Итоги представим в виде таблицы 3.

Таблица 3. Сопоставление мотивирующих признаков в структуре английских макроконцептов *Universe* и *world*

Table 3. Comparison of motivating signs in the structure of the English macro concepts *Universe* and *world*

№№	<i>Universe</i>	<i>world</i>
1.	-	‘без конца’

2.	-	‘вечно’
3.	‘вещи’	‘вещи’
4.	‘вместе’	-
5.	-	‘возраст’
6.	-	‘время’
7.	‘все/ весь’	-
8.	-	‘Вселенная’
9.	‘видимый’	-
10.	-	‘дела’
11.		‘длительный’
12.	‘единый’	-
13.		‘жизнь’
14.	-	‘Земля’
15.	-	‘земной’
16.	-	‘известный’
17.	‘измениться’	-
18.	‘космос’	-
19.	‘люди’	‘человечество’
20.	‘мир’	‘(этот) мир’
21.	-	‘мужчина’
22.	‘назад’	-
23.	-	‘населённый’
24.	-	‘небесный’
25.	-	‘нынешний’
26.	-	‘обитатели’
27.	‘обращаться’	-
28.	-	‘общественный/ общество’
29.	‘один’	-
30.	‘переводить’	-
31.	-	‘период’
32.	-	‘питать’
33.	‘поворачивать/ повернуть’	-
34.	‘повернуться к’	-
35.		‘практичность’
36.	‘превратиться/ превратившийся’	-
37.	‘преобразовать’	-
38.	-	‘раса’
39.	-	‘расти’
40.	-	‘род’
41.	‘сгибать’	-
42.	‘система’	‘система’
43.	‘совокупность’	-
44.	‘созданный/ сотворенный’	-
45.	-	‘состояние’
46.	‘существующий’	‘существование’
47.	-	‘тело’
48.	-	‘течение’
49.	‘трансформировать’	-

50.	‘универсальный’	-
51.	‘уникальный’	-
52.		
53.	-	‘физический’
54.	‘целый/ полный’	-
55.	-	‘человек’

Оба макроконцепта включают взаимоопределяемые признаки: макроконцепт *Universe* включает в свою структуру признак ‘мир’, макроконцепт *world* – признак ‘Вселенная’. Другой особенностью изучаемых структур является наличие трёх общих мотивирующих признака: ‘вещи’, ‘система’, ‘существующий’ (*Universe*) и ‘существование’ (*world*). Третье сходство сравниваемых структур заключается в наличии сходного мотивирующего признака: ‘люди’ (*Universe*) и ‘человечество’ (*world*). Еще одна отличительная черта структур состоит в уточняющем признаке: ‘мир’ (*Universe*) и ‘(этот) мир’ (*world*). Иначе, Вселенная в английской лингвокультуре определяется более широким взглядом на элементы системы в целом: Вселенная объединяет в себе не только этот (физический) мир, но и потусторонний мир, загробный, вечность. Количество мотивирующих признаков макроконцепта *world* превышает количество признаков макроконцепта *Universe*, что объясняется исконностью первого и заимствованностью в английскую лингвокультуру второго.

Заключение. Выделенные мотивирующие признаки макроконцепта *Universe* объединяются в одиннадцать блоков: 1. Мир (‘космос’, ‘мир’); 2. Движение/ поворот (‘назад’, ‘обращаться’, ‘переводить’, ‘поворачивать/ повернуть’, ‘повернуться к’); 3. Один (‘единый’, ‘один’); 4. Материальное (‘вещи’); 5. Объединение (‘вместе’, ‘все/ весь’, ‘система’, ‘совокупность’, ‘целый/ полный’); 6. Изменение (‘измениться’, ‘превратиться/ превратившийся’, ‘преобразовать’, ‘сгибать’, ‘трансформировать’); 7. Воспринимаемый (‘видимый’); 8. Человек (‘люди’); 9. Творение (‘созданный/ сотворенный’); 10. Бытие (‘существующий’); 11. Особенный (‘универсальный’, ‘уникальный’). Три признака из всех мотивирующих – ‘космос’, ‘мир’, ‘созданный/ сотворенный’ – являются символическими.

Обнаруженные мотивирующие признаки макроконцепта *world* распределяются по девяти блокам: 1. Мир (‘Вселенная’, ‘(этот) мир’, ‘Земля’, ‘земной’, ‘небесный’); 2. Материальное (‘вещи’); 3. Объединение (‘система’); 4. Человек (‘мужчина’, ‘обитатели’, ‘общественный/ общество’, ‘раса’, ‘род’, ‘человек’, ‘человечество’); 5. Бытие (‘дела’, ‘жизнь’, ‘населённый’, ‘существование’); 6. Особенный (‘известный’, ‘практичность’); 7. Бесконечность (‘без конца’); 8. Время (‘вечно’, ‘возраст’, ‘время’, ‘длительный’, ‘нынешний’, ‘период’, ‘течение’); 9. Физиология (‘питать’, ‘расти’, ‘состояние’, ‘тело’, ‘физический’). Пять признаков из всех мотивирующих – ‘Вселенная’, ‘(этот) мир’, ‘Земля’, ‘земной’, ‘небесный’ – являются символическими.

Пять блоков признаков, входящие в структуру макроконцепта *Universe*, в структуре макроконцепта *world* отсутствуют: 1. Движение/ поворот; 2. Один; 3. Изменение; 4. Воспринимаемый; 5. Творение. Три блока признаков, формирующих в структуре макроконцепта *world* группу мотивирующих признаков, отсутствуют в структуре макроконцепта *Universe*: 1. Бесконечность; 2. Время; 3. Физиология.

Литература

1. Бакирова А.А. Ментальные образования *звезда* и *star* в русской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Айгуль Авазбековна Бакирова. Тверь, 2020. 242 с.

2. Голубенко Е.А. Полевая организация концептов «Война» и «Мир» в современной языковой картине мира // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. С. 197–212.
3. Елизарова Г.С. Этнокультурный концепт «Мир» в истории русского языка // Региональная история: методология, источники, историография: сб. науч. трудов Третьих международных усмановских чтений. Уфа: БашГУ, 2016. С. 282-285.
4. Ефимец М.А. Мир как универсальный культурно-цивилизационный концепт // Вестник МГУКИ. 2020. № 2 (94). С. 64-73.
5. Колесов В.В. «Первосмысл» концепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Вып. 3. С. 438–452. DOI: 10.21638/spbu09.2018.309.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2006. 296 с.
7. Митрофанова О.И. Эволюция концепта «Мир» и его отражение в языке // Научный альманах. 2016. № 12-3 (26). С. 336-339.
8. Пименова М.В. Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта творчество) // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: памяти Е.А. Пименова: сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. Вып. 15. С. 65–83. (Серия «Концептуальные исследования»).
9. Пименова М.В., Бакирова А.А. Символический макроконцепт «вселенная» в аспекте первопризнака в русской лингвокультуре // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 1. С. 92–101. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-92-101
10. Радчук А.В. Концепты «Мир» и «Война» в современном геополитическом контексте // Информационные войны. 2017. № 2 (42). С. 28-33.
11. Ракитянская Е.В. Соотношение концептов ВОЙНА и МИР в реализации дискурсивной технологии войны // Молодая наука: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. теорет. и прикл. разработок молодых ученых (г. Москва, 15 ноября 2016 г.). М.: Инфинити, 2016. С. 19-26.
12. Рожковская Э.Д. Понятие концепта «мир» в лингвокультурологии // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 28 ноября 2020 г.) М.: Изд-во Росс. гос. ун-та им. А.Н. Косыгина, 2021. С. 11-14.
13. Самохина Л.А., Иванова Л.А. Концепт МИР в русской языковой картине мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. трудов: материалы конференции (г. Северодвинск, 12 декабря 2004 г.) / отв. ред. Т.В. Симашко. Архангельск: Поморск. гос. ун-т, 2005. С. 292-295.
14. Стебунова А.Н. Концепт «Мир» в языковом сознании донецких студентов // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IV Межд. науч. конф. (г. Донецк, 31 октября 2019 г.) / под общ. ред. С.В. Беспаловой. Донецк: ДонНУ, 2019. С. 83-85.
15. Фоменко И.Б. Концепт *мир* в русской и китайской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 8. С. 2614–2621.
16. Chamber's etymological dictionary of the English language / Ed. by James Donald. London & Edinburg: W. & R. Chamber, 1874. 596 p. pp. 365, 541.
17. Collins English Dictionary. Copyright © HarperCollins Publishers. [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/universe>; <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/world> (date of access: 05.01.2024).
18. Dictionary.com. [Electronic resource]. URL: <https://www.dictionary.com/browse/universe>; <https://www.dictionary.com/browse/world> (date of access: 05.01.2024).

19. Merriam-Webster.com Dictionary. [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/universe>; <https://www.merriam-webster.com/dictionary/world#word-history> (date of access: 05.01.2024).

20. Online etymology dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com/word/universe>; <https://www.etymonline.com/word/world> (date of access: 05.01.2024).

21. The Oxford dictionary of English etymology / Ed. by C. T. Onions. [Electronic resource]. URL: https://archive.org/stream/onions-ed.-the-oxford-dictionary-of-english-etymology-1966/Onions%20%28ed.%29%20-%20The%20Oxford%20Dictionary%20of%20English%20Etymology%20%281966%29_djvu.txt; https://www.oed.com/dictionary/world_n?tl=true (date of access: 05.01.2024).

22. Patridge E. A short etymological dictionary of modern English. London and New York: Routledge, 2006. 4218 p. P. 3628, 3818.

23. Weekly E.M.A. An etymological dictionary of modern English. London: John Murray, 1921. 874 p. P. 1570.

Aigul A. Bakirova

Senior teacher of the Military Academy of Logistics and Technical Support named after Army General A.V. Khrulev (St. Petersburg, Russia)

aigulbakirova@inbox.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0002-0268-0340>

Anna A. Rodicheva

Vice-Rector for Academic Affairs of the International Humanitarian University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Candidate of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

annarodicheva@mail.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0002-8117-084X>

The experience of the *Universe* and *world* motivating signs macroconcepts comparative investigation in English linguoculture

Abstract. The main goal of the article is to compare the motivating signs in the structures of the macroconcepts *Universe* and *world* in English linguoculture. To achieve the goal, it is necessary to solve the following tasks: 1. Analyze etymological and explanatory dictionaries of the English language, which discuss the history of the words *Universe* and *world*; 2. Determine the motivating signs of the macroconcepts *Universe* and *world*; 3. Compare the found signs with each other. The relevance of the undertaken research lies in understanding the primary signs of the macroconcepts *Universe* and *world* in the aspect of symbols of linguoculture. The scientific novelty of the work lies in the first experience in analyzing the motivating signs of the macroconcepts *Universe* and *world*. The article uses a set of methods of linguistic analysis: etymological, descriptive, interpretive, conceptual. The *Universe* macroconcept is borrowed into English linguoculture from the terminological system, the *world* macroconcept is primordial. The word *world* appeared in the English language earlier: before 900, according to another opinion - before 1150. The lexeme *Universe* is recorded in English in 1325–1375, other dictionaries indicate the date 1589. As a result of the analysis of eight etymological and Explanatory dictionaries found 26 motivating signs of the *Universe* macroconcept, three of them are symbolic ('space', 'world', 'created'). 33 motivating signs were found in the structure of the macroconcept *world*, five of them – 'Universe', '(this) world', 'Earth', 'earthly', 'heavenly' – are sym-

bolic. These signs reflect the peculiarities of the English mentality: the *Universe* unites in itself not only this (physical) world, but also the other world, the afterlife, eternity.

Key words: macroconcept; motivating signs; macroconcept's structure; language picture of the world; English linguoculture.

References

1. Bakirova A.A. Mental'nye obrazovaniya *zvezda* i *star* v russoj i anglijskoj lingvokul'turah: dis. [Mental formation *zvezda* and *star* in Russian and English linguocultures: Thesis]. Tver, 2020, 242 p. (In Russian)
2. Golubenko E.A. Polevaya organizaciya konceptov «Vojna» i «Mir» v sovremennoj yazykovej kartine mira [Field organization of the concepts “War” and “Peace” in the modern language picture of the world]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. [Semantika Bulletin of RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics]*. 2019, vol. 10, no. 1, pp. 197–212. (In Russian)
3. Elizarova G.S. Etnokul'turnyj koncept «Mir» v istorii russkogo yazyka [Ethnocultural concept “World” in the history of the Russian language]. *Regional'naya istoriya: metodologiya, istochniki, istoriografiya* [Regional history: methodology, sources, historiography]. Ufa, 2016, pp. 282–285. (In Russian)
4. Efimets M.A. Mir kak universal'nyj kul'turno-civilizacionnyj koncept [Peace as a universal cultural and civilizational concept]. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of MGUKI]. 2020, no. 2 (94), pp. 64–73. (In Russian)
5. Kolesov V.V. «Pervosmysl» koncepta [“Primal meaning” of the concept]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature]. 2018, Vol. 3, pp. 438–452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>. (In Russian)
6. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow, 2006, 296p. (In Russian)
7. Mitrofanova O.I. Evolyuciya koncepta «Mir» i ego otrazhenie v yazyke [Evolution of the concept “World” and its reflection in language]. *Nauchnyj al'manah* [Scientific almanac]. 2016, no. 12-3 (26), pp. 336-339. (In Russian)
8. Pimenova M.V. Simvolicheskie koncepty kak chast' konceptual'noj sistemy (na primere koncepta *tvorchestvo*) [Symbolic concepts as part of the conceptual system (on the example of the concept of creativity)]. *Kognitivnaya lingvistika: novye paradigm i novye resheniya: sbornik statej* [Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions: collection of articles]. Moscow, 2011, pp. 65-83. (Series “Conceptual Research”. Issue 15).(In Russian)
9. Pimenova M.V., Bakirova A.A. Simvolicheskij makrokoncept «vsennaya» v aspekte pervopriznaka v russoj lingvokul'ture [The symbolic macroconcept “universe” in the aspect of the first feature in Russian linguoculture]. *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian vector]. 2021, Vol. 16, no. 1, pp. 92–101. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-92-101(In Russian)
10. Radchuk A.V. Koncepty «Mir» i «Vojna» v sovremennom geopoliticheskom kontekste [Concepts “Peace” and “War” in the modern geopolitical context]. *Informacionnye vojny* [Information Wars]. 2017, no. 2 (42). pp. 28-33.(In Russian)
11. Rakityanskaya E.V. Sootnoshenie konceptov VOJNA i MIR v realizacii diskursivnoj tekhnologii vojny [Correlation of the concepts WAR and PEACE in the implementation of discursive technology of war]. *Molodaya nauka* [Young science]. Moscow, 2016. pp. 19-26.(In Russian)
12. Rozhkovskaya E.D. Ponyatie koncepta «mir» v lingvokul'turologii [The concept of “world” in linguoculturology]. *Aktual'nye problem lingvistiki i mezhkul'turnoj kommunikacii* [Current problems of linguistics and intercultural communication]. Moscow, 2021. P. 11-14.(In Russian)

13. Samokhina L.A., Ivanova L.A. Koncept MIR v russkoj yazykovoj kartine mira [Concept of the WORLD in the Russian language picture of the world]. *Problemy konceptualizacii dejstvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoj kartiny mira* [Problems of conceptualization of reality and modeling of the linguistic picture of the world]. Arkhangel'sk, 2005. pp. 292-295. (In Russian)
14. Stebunova A.N. Koncept «Mir» v yazykovom soznanii doneckih studentov [The concept of “Peace” in the linguistic consciousness of Donetsk students]. *Doneckie chteniya 2019: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti* [Donetsk readings 2019: education, science, innovation, culture and challenges of our time]. Donetsk, 2019. pp. 83-85. (In Russian)
15. Fomenko I.B. Koncept mir v russkoj i kitajskoj yazykovyh kartinah mira [The concept of the world in the Russian and Chinese language pictures of the world]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2021, vol. 14, iss. 8, pp. 2614-2621. (In Russian)
16. Chamber's etymological dictionary of the English language / Ed. by James Donald. London & Edinburg: W. & R. Chamber, 1874, pp. 541. (In English)
17. Collins English Dictionary. Copyright © HarperCollins Publishers. [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/universe>; <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/world> (date of access: 03.01.2024). (In English)
18. Dictionary.com. [Electronic resource]. URL: <https://www.dictionary.com/browse/universe> (date of access: 03.01.2024). (In English)
19. Merriam-Webster.com Dictionary. [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/universe> (date of access: 03.01.2024). (In English)
20. The Oxford dictionary of English etymology / Ed. by C. T. Onions. [Electronic resource]. URL: https://archive.org/stream/onions-ed.-the-oxford-dictionary-of-english-etymology-1966/Onions%20%28ed.%29%20-%20The%20Oxford%20Dictionary%20of%20English%20Etymology%20%281966%29_djvu.txt (date of access: 03.01.2024). (In English)
21. Online etymology dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com/word/universe> (date of access: 03.01.2024). (In English)
22. Patridge E. A short etymological dictionary of modern English. London and New York: Routledge, 2006. 4218 p. P. 3628, 3818. (In English)
23. Weekly E.M.A. An etymological dictionary of modern English. London: John Murray, 1921. 874 p. P. 1570, 1649. (In English)

УДК 81'27

Демидова Евгения Евгеньевна

кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра лингвистики, Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тянь-Шанского (г. Санкт-Петербург, Россия)

Demidova_Eu@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0151-5316>

Соматический код русской лингвокультуры как способ реализации макроконцепта *власть*

Аннотация. Цель статьи – описать способы актуализации макроконцепта *власть* посредством соматического кода русской лингвокультуры. В задачи статьи входит: 1.

Выявить соматические метафоры, объективирующие макроконцепт *власть*; 2. Определить символы, реализуемые через соматические признаки макроконцепта *власть*. Актуальность проведенного исследования заключается в соотнесении стертых метафор русской лингвокультуры с соматическим кодом, связанным как с исконными, так и заимствованными символами власти. Научная новизна работы заключается в первом опыте описания соматических метафор, объективирующих данный макроконцепт, т.к. в лингвистической литературе отсутствуют работы по этой теме. Власть в русской лингвокультуре в метафорах представлена амбивалентно: в антропоморфном виде и зооморфном обличье. Языковой материал показывает актуальность мифологических образов, где власть имеет несколько обликов: 1. Многоголовое существо; 2. Монстр, имеющий много тел и одну голову. Символы, выражаемые соматическими метафорами, уходят корнями в славянскую мифологию или заимствованы из других лингвокультур. Голова в русской лингвокультуре – символ лидерства и идеологии, рука – управления, силы и могущества. Ноги – сложный символ движения, активности, физической деятельности, давления и подавления. Колени исконно ассоциируются с физическим насилием, покорностью, в инокультурном осознании – это библейский символ поколений. Колени символизируют новый порядок мироустройства, пятки – преданность, лезть, торопливость, в единоборствах – физическую силу. Структурные составляющие власти символично представлены через образ внутренних органов. Организм власти – это государство, силовые органы которого объективируются через образы мускулов. Исконные метафоры власти русской лингвокультуры: 1. Стихийное бедствие; 2. Палач с топором (народ – жертва); 3. Кони, управляемые возницей; 8. Корабль с кормилом-штурвалом, удерживаемым руками лидера; 9. Кормушка для животных и птиц. Заимствованные метафоры власти: 1. Дамоклов меч над головами людей; 2. Афина Паллада; 3. Идея, вкладываемая в головы сограждан; 6. Кукловод (люди – марионетки).

Ключевые слова: концепт; когнитивные признаки; соматические признаки; структура концепта; языковая картина мира; лингвокультурология, концептология.

Введение. Язык является продуктом когнитивной деятельности человека. Обращение к метафорам заставляет ученых погрузиться в проблему категоризации. Коды лингвокультуры можно назвать особым инструментом для описания особенностей категоризации мира определенным народом.

Диапазон классификаторов власти обширен, он коррелирует со стереотипами взаимодействия власти и народа, передаваемыми в том числе через соматический код лингвокультуры. В американской лингвистике во второй половине XX века появились исследования, в которых утверждается, что категоризация мира базового уровня зависит от природы ежедневного взаимодействия людей с их физическим и культурным окружением (речь идет о работах: [17; 21]). Среди факторов, определяющих категоризацию базового уровня, перечисляются: «гештальтное восприятие, двигательное взаимодействие, ментальные образы и культурная значимость» [4, с. 156].

Обращение к теме власти в аспекте соматического кода лингвокультуры позволяет увидеть различные характеристики культурного опыта взаимодействия народа с властью. «Понять общие принципы человеческой категоризации невозможно без учета особенностей категоризации в специфической области естественного языка» [4, с. 157]. Власть представляет собой такую специфическую область, требующую к себе внимания ученых.

Методы и материал исследования. В статье используется набор методов лингвистического анализа: дескриптивный, интерпретативный, концептуальный. Макроконцепт *власть* имеет разные способы актуализации признаков, входящих в его структуру. Чтобы определить эти способы, необходимо обратиться к языковому материалу, выделить соматические метафоры, описать их, истолковать их значение. В этом видится суть необхо-

димого набора исследовательских процедур. Материал исследования взят из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Литературный обзор. Концепт *власть* неоднократно был объектом исследования; он рассматривался разными лингвистами с разных позиций. В своей монографии два автора Д. Лопарева и М. Кипенко описывают концепт *власть* в публицистическом дискурсе [5]. Е.И. Шейгал изучает *власть* как концепт в категориях дискурса [10, с. 57-64]. И.В. Ерофеева обращается к концепту *власть* в медиадискурсе [3, с. 167-171]. И.Г. Вражнова анализирует метафорическую объективацию концептов властных структур в современных российских и американских СМИ [2, с. 25-32]. А.А. Шабанова обобщает метафорические способы репрезентации концепта *власть* в современных русской, американской и английской языковых картинах мира [9]. В статье А.Д. Васильева описаны способы вербализация концепта *власть* в языковом сознании жителей города Красноярск [1, с. 207-213].

Соматические метафоры в числе других были затронуты в статье М.В. Пименовой, которая представила основные метафоры власти как способы реализации образных признаков концепта в СМИ [7, с. 147-153]. Соматический код лингвокультуры привлекает внимание лингвистов из-за своего широко использования, в том числе в сфере политики, идеологии и социума. Символика этого кода описана в учебном пособии «Коды лингвокультуры» [6, с. 106-111].

Основные результаты и обсуждение. Принцип антропоцентризма, характерный для системы языка в целом, включает в себя ту часть, которую составляют соматизмы. Человеку привычно измерение того, что его окружает, по себе, по своему телу. В уста Протагора вложена фраза: Человек есть мера всех вещей. Отсюда, например, мерность пространства: *пядь земли* (расстояние от конца большого пальца до конца указательного пальца), *не видеть под носом*, *в шаге отсюда*, *рукой подать*, *широкий жест* и др.

Соматический код лингвокультуры широко применяется в описании власти. Власть осознается как некий живой организм, части которой функционируют самостоятельно (*органы власти, органы самоуправления, федеральные органы, местные органы*). При этом у каждого из этих органов есть своя голова (*Хотя возможно, что этот ход – своего рода "рацпредложение" для тех, кто стоит сегодня у руля в Москве и в Питере: чтобы сохранить власть, достаточно стать главой нового органа местного самоуправления*). С. Сухова. Горизонталь власти).

Более разнообразными являются признаки верха тела человека: голова и ее части.

1. Голова и ее части как когнитивные признаки макроконцепта *власть*.

Голова в русской лингвокультуре выступает символом лидерства (*идти во главе колонны/отряда/войска*). Отсюда глагол *возглавлять* «идти впереди». Лидер в стране, семье, группе наделен властью управлять этим сообществом, он называется *главой* (*Ведь это была семья с абсолютной властью главы, с патриархальным разделением ролей, жесткой их закрепленностью, подчиненным положением женщин и детей*). А. Вишневецкий, И. Прусс. Кризис кончился – эволюция продолжается).

Политические лидеры в управлении страной и частей государства метафорически представлены через метафоры головы: *городской голова* (*Папенька Федора Кондратьевича Кондратий Алексеевич, тоже купец первой гильдии, миллионер и, конечно же, городской голова, еще при Александре Первом учредил в Осташкове один из первых в России частных банков*). М.Б. Бару. Второй сон Любови Александровны), *глава министерства/ведомства, глава правительства, глава государства, глава района, глава города* (*Вся исполнительная власть будет сосредоточена у главы района, который вполне мог бы называться, как и раньше, главой города и района*). Н. Юрьевский. Слияние и поглощение).

С другой стороны, власть – это идеи в головах людей, т.е. содержание, наполнение умов (*Вопрос не в государстве, как внешней системы принуждения, а дело в том, что власть – это установки в головах людей, и не все головы могут контролировать то, что к этим головам приделано...* Форум 2006. Национал-анархизм).

В русской лингвокультуре концепт *власть* объективируется в метафоре цели. К этой цели движутся, ее достигают (*К власти пришла группа марксистски настроенных военных во главе с генералом Антониу ди Спинолой. Б. Явелов. Календарь «З-С»: Апрель; ...Именно в северной части страны пришли к власти коммунисты во главе с Хо Ши Мином, и именно им суждено было присоединить южную часть разделённого государства, а не наоборот. Н. Савлов. Вдоль Юго-Восточной Азии*). Двигаться к власти могут в команде, во главе команды находится лидер (*Правительство Российской Федерации является частью команды нашей государственной власти, во главе этой власти стоит Владимир Владимирович Путин. Т. Бекбулатова, Н. Бондаренко. «Покупаю немного карамелек – это дает небольшой эмоциональный подъем». Саратовский депутат Николай Бондаренко – о своей попытке питаться на 3500 рублей в месяц*).

Голова – это не только составляющая антропоморфного кода, но и витального кода в целом. Голова – часть любого живого организма. *Рыба гниет с головы* – выражение, описывающее разложение властей (*Здесь, как и во многих других институтах власти – рыба гниет с головы*. Форум 2011-2013: Дедовщина и неуставные отношения. Кто есть кто в современной армии). Власть может предстать в образе фантастического существа с многими телами и одной головой (*Автор, рассуждая, как нормальный человек, предполагает, что «властям и в голову не приходило, что они обворовывают самих себя. В. М. Селезнев. «Всё наше! Всю Россию потребуем!» // «Волга», 2010*).

Власть взаимодействует с народом. Живых существ принято считать *по головам*, людей – *по душам*. *Идти по головам* – этим выражением описывается ситуация борьбы за власть (*Почему мордобой, борьба за власть любыми путями, по головам – лишь бы ближе к кормушке, к бывшим «закромам родины»*. Форум 2011: Хватит губить детей!). В таком случае, «хождение» по головам осознается как передвижение не по головам людей, а животных.

Открутить/ отвинтить голову – метафора механизма (*Говорят, что власть «головы откручивала»*. В. Губарев, Ю.С. Осипов. Академик Юрий Осипов: куда же идет наша наука? // «Наука и жизнь», 2007). В этом случае, люди осознаются не живыми существами, а куклами (марионетками), которыми манипулирует власть.

Взаимодействие народа с властями может быть представлено через образ обвала эмоций на головы людей (*Гнев народа и властей обрушивается на головы неудачников и теперь. А. Волков. Год берлинского чуда*). Власть здесь предстает в виде стихийного бедствия.

Языковой материал показывает примеры исторических и мифологических метафор. Власть воспринимается в дискурсе противодействия в облике палача с топором, а оппозиция – жертвы (*Александр Шведов считает, что официально провозглашать себя «лидером оппозиции» кому-то не стоит, «поскольку в существующих условиях выстраивания вертикали власти незачем подставлять голову под топор»*. М. Графшин. Персональное дело). Власть рисуется в образе дамкловла меча, висящего над головами людей (*Но ведь всегда какая-нибудь власть висит над головой...* Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Власть воспринимается как некая угроза, тяжесть, давящая на человека. Примером мифологической метафоры может служить та, что основана на образе Афины, рожденной из головы Зевса (*Это только кажется, что власть вырастает из ниоткуда, а потому как бы рождается в головах*. Форум 2006: Национал-анархизм).

Народ платит своими головами за установление той или иной власти (*Видите ли, товарищ Максимов, лучшим памятником им является Советская власть, за которую*

они сложили головы. В.Е. Голубев. Шаг назад). Власть как цель достигается только военным путем.

2. Руки. В русской лингвокультуре руки считаются символом власти, управления. В русском языке много устойчивых выражений с соматизмом *руки*, объединенных идеей власти. *Власть держат в руках* (В1981 году Ярузельский концентрирует в своих руках высшую власть, становится главой правительства и первым секретарем ЦК ПОРП, сохраняя при этом пост министра обороны. Б. Филиппов. Генерал), сосредоточивают в одних руках (*Власть в стране сконцентрировалась в руках величайшего в мире человека*. С. В. Слепухин. Путь анархиста). *Власть переходит в другие руки* (Как принято среди солдатских императоров, *власть перейдет в более крепкие руки* следующего генеральского рода Сыма (потомков великого историка Сыма Цяня). С. Смирнов. Конец серебряного века). *Сильная власть вложена в мощные руки* (Здесь восхваляли *власть сильной руки* и воспевали диктатуру в качестве оптимальной формы государственного устройства. А.Н. Котюсов. Точка деградации). Выражение *удержать* (в своих руках) власть означает «быть сильным». В таком случае, рука – это символ и силы, и мощи.

В безвыходных ситуациях власти разводят руками (*Власти разводили руками: «Капризный старик!»*) С. Липкин. Записки жильца). Власть руками проводит определенную политику. То, что она делает одной рукой, может противоречить действиям второй руки власти (*Но ясно, что советская власть, одной рукой проводившая самую передовую культурно-языковую политику, которая послужила примером для многих других полиэтнических стран, например Индии, а другой ссылавшая целые народы и осуществлявшая террор против местной элиты, не могла быть устойчивой*. А. Механик. Язык, автономия, независимость). Такое раздвоение действий имеет две интерпретации: 1. Власть использует принцип «разделяй и властвуй» (одной рукой людей мирят, другой – ссорят); 2. Власть двулична – видимые действия власти воплощают позитивно оцениваемую политику; невидимая для всех власть может действовать в своих интересах, не учитывая мнение окружения.

Известный символ России – *птица-тройка* – воспроизводит образ страны, которой сильной рукой управляет возница. Отсюда выражения *взять власть в свои руки* и *бразды правления* (Так же верно то, что они хотят *взять власть в свои руки* (предпочитая, впрочем, коалицию с буржуазией), что они хотят «управлять» по тем же стародавним буржуазным правилам, что они неминуемо будут вести себя, когда будут у власти, подобно Шейдеманам и Носке. И.В. Сталин. Международное положение и оборона СССР; Разве верховная *власть* может ослабнуть и *выпустить из рук бразды правления* оттого только, что закон будет предложен, обсужден, составлен, дан монархом не чрез коронных чиновников, а чрез общественное представительство. Н.И. Пирогов. Вопросы жизни). Бразды правления – вожжи, которые удерживает возница. Удержать коней (власть) под силу умелому и мощному правителю. *Правитель* – тот, кто возглавляет власть – в имени своем содержит стертую метафору управления колесницей (ср.: *править/управлять колесницей*).

Руки в русской лингвокультуре символизируют жесткую силу. Глагол *пресекать* реализует значения физических действий по предотвращению чего-либо, применение активной мер против кого-либо или чего-либо (*Времена были полувегетарианскими, но власть жестко пресекала любые попытки дышать сквозь намордник*. В. Пригодич. Очень весёлая книга, или Очень грустная книга). В основе этой соматической метафоры находится признак лесоруба, рубящего, секущего дерева. *Засака* «преграда из срубленных, наваленных деревьев», *просека* «узкая полоса в лесу, образованная от вырубленных деревьев», *сечь* «лесная вырубка». Вторая интерпретация глагола *пресекать* связана с действиями руками карающей силы: *сечь* «бить в наказание», *пресечь* «остановить силой».

3. Ноги. Этот соматический признак актуализируется в контекстах движения (*В ближайшее время вряд ли что изменится, даже если власти пойдут на самые жесткие меры, а делать этого они, похоже, не собираются.* Д. Силантьев. Коррупция в законе), активности, подавления (*Впрочем, если власть задумает жестко наступить на ее интересы, то и реакция будет жесткой.* В. Костиков. Е. Гайдар: 2003-й катаклизмами не пахнет). Образ давления используется в описаниях силового воздействия на тех, кто находится под определенным управлением или контролем (*Однако в Областном департаменте сельского хозяйства, курирующем минерализацию земель губернии, нам дали понять, что в случае неплатежеспособности хозяйств, власти не собираются жестко давить на уполномоченную компанию.* С. Татаренков. Пошли на химию).

В русской лингвокультуре в описаниях действий власти используются образы частей ног: ступней, колен, пяток и т.д. Выражение *жестко наступать (на чьи-либо интересы/ на горло)* является стертой соматической метафорой, обозначающей активные действия по пресечению неких событий (*Впрочем, если власть задумает жестко наступить на ее интересы, то и реакция будет жесткой.* В. Костиков. Е. Гайдар: 2003-й катаклизмами не пахнет). Глагол *ступать* и производные – *наступать, приступить, заступать, выступить* в корне содержат прямое указание на стертую метафору стопы (*Как же говорится, что советская власть сюда ступать не будет?* А.Н. Бенуа. Дневник).

Выражение *ломать через колено* означает жестко расправиться с кем- или чем-либо (*Кончилось время очарований, и как была эпоха Великого Перелома, когда советская власть ломала через колено хозяйственного мужика или независимого интеллигента, так наступила эпоха Великого Раздела.* С.Б. Рассадин. Книга прощаний). Это выражение встречается в описаниях, когда власть является субъектом соответствующего действия. Выражение *ломать об колено* реализуется в контекстах, когда власть является и объектом подобного действия (*Он ломал прежнюю власть об колено, знал как это делается.* А. Архангельский. 1962: послание к Тимофею), и субъектом действия (*Это было сказано в сороковых годах, и именно тогда становится понятно, что имелись в виду те писатели, кто начинал в десять и двадцатье и кого власть ломала об колено, меняя, превращая во что-то другое, заставляя переписывать уже написанное и расплачиваясь за это – собраниями сочинений.* В. Березин. Слово о Будде и Белом Ките). Переламывают об колено хребет «позвоночник». Хребет в русской лингвокультуре является символом основания, внутреннего стержня, устойчивости и принципов, несгибаемости и силы духа.

Каузативный глагол *поставить* в выражении *поставить на колени* актуализирует значение силового воздействия, принуждения властей (*Власти считают социальные низы «быдлом», хотят поставить людей на колени, чтобы и зарплату, и хлеба просить не смели.* Б. Хорев. Кому не принадлежит современная Россия?). Антропоморфность власти выражается глаголами *считать* и *хотеть*, реализующими смыслы ментального и волевого состояния. Мнение и желание руководят властью в принятии тех или иных решений.

Власть утрачивает антропоморфный облик, если в контексте упоминаются выражения *встать на колени, стояние на коленях* и под. (*При этом иронизируя над теми, кто эту волю утратил, и единственно возможной позой при новой власти считает стояние на коленях с протянутой «Христа ради» рукой.* С. Викулов. Проступают границы...). В таких случаях власть понимается как новый порядок, мироустройство.

Аллюзией на Библию является выражение *власть над всяким коленом*: И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом, и народом, и языком, и племенем (Откр. 13: 7). *Колено* в этом случае означает «поколение». Это выражение встречается у многих авторов в произведениях русской литературы (*И дано было ему вести брань со святыми и победить их; и дана была ему власть*

над всяким коленом людей, и над родом, и языком и племенем. В.В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского). Поколения разных народов описываются соматическими метафорами колен (*Для ее целей достаточно временного усилия и временной централизации власти, как, например, в казацких общинах, признававших власть атаманскую только в военное время, или в еврейских коленах, признававших диктаторскую власть судей только в эпохи величайших опасностей.* Н.Я. Данилевский. Россия и Европа).

Из древнегреческой мифологии в русскую лингвокультуру пришло выражение *ахиллесова пята* со значением «слабое место». Этим выражением описываются ситуации трудностей, с которыми сталкиваются власти (*У нынешней власти ахиллесова пята не одна, их, кажется, все четыре.* Б. Кагарлицкий. Взрывы в Чечне открывают предвыборный сезон в России). Выражение *быть под пятой* является вариантом *быть под каблуком*, означающим «быть под властью, подчиняться» (*Мы предпочитаем иметь вонючие уборные, но власть советов, чем иметь чистые уборные и быть под пятой у буржуазии.* Т.В. Солоневич. Записки советской переводчицы).

Выражение *жить под властью и под пятой* тавтологично: *жить под пятой* и есть *жить под властью* (*В настоящий момент, когда мы живем под властью советской бюрократии и под пятой красной гвардии, мы начинаем понимать, чем были и какую культурную роль выполняли бюрократия и полиция низвергнутой монархии.* П.Б. Струве. Исторический смысл русской революции и национальные задачи). В языковом материале встречено устаревшее выражение *уничижать перед пятой* со значением «уменьшать значение чего-либо, преувеличивая иное» (*Дикий убивает человека для того, чтобы его съесть; рыцарь средних веков грабит своего соседа, чтобы воспользоваться его именем; удельный князь уничтожает царственную власть перед пятой баскака; англичанин заставляет ребенка работать 20 часов в сутки для своей наживы; француз разрушает древнее здание, чтобы обратить его в фабрику (Курье в своих памфлетах хвалит такое превращение); Сумарика, первый мексиканский епископ, сжигает большую часть мексиканских рукописей, с которыми мы потеряли надежду понять древность сего любопытного народа.* В.Ф. Одоевский. Психологические заметки).

Соматический образ пяток неоднозначен в русской лингвокультуре. Выражение *лизать пятки* в значении «льстить» воссоздает образ преданной собаки (*Это произошло в ситуации, когда усилиями Йордана НТВ стал, во-первых, прибыльным, во-вторых, объективным, т. е. не представляющим власть группой преступников, но и не лижущим ей пятки.* А. Храмчихин. Комплекс полноценности). Выражение *наступать на пятки* в значении «заставлять двигаться быстрее» рисует образ медлительного, нерешительного человека (*Олигархи, переименованные в магнатов, почтительные на словах, наступают власти на пятки.* В. Попов. Вся Россия – Сибирь?). В единоборствах пятка – сильный инструмент взаимодействия с противником: об этом говорит выражение *засадить пяткой* в значении «сильно ударить» (*Феликс настолько презирал продажных служителей закона, как, впрочем, и всех коррумпированных представителей власти, что у него возникло непреодолимое желание – засадить пяткой в лобешник этого гнусного оборотня.* А. Ростовский. Русский синдикат).

Соматический код русской лингвокультуры, относящийся к нижней части тела, активно пользуется такими точками тела, как ноги, колени, ступни и пятки, служащими источниками метафорического переноса.

4. Внутренние органы. Как уже упоминалось выше, в русском языке много стертых метафор органов, которые представляют властные структуры страны (*органы власти; органы внутренних дел; органы местного самоуправления*). Государство рисуется в образе живого организма, внутренняя деятельность которого регулируется такими органами (*Мы, коммунисты, попадаем в органы власти всех уровней в открытой и жесткой*

борьбе на выборах... Д. Аграновский. Лицом – в будущее). Органы власти работают согласованно, тем самым обеспечивается жизнедеятельность всего государственного организма (*Кроме того, необходимо было организовать обучение и подготовку специалистов, которые бы вели базы данных, наладить в каждом регионе взаимодействие с органами власти и обеспечить соответствие всех баз единым, очень жестким стандартам.* Можно ли решить задачу без бюджетных затрат // «Дагестанская правда», 2003.01.10).

Власть – это совокупность разных *организаций* (в основе этого существительного не замечается стертая метафора органа). Органы управления есть у партий (*По крайней мере, новый вариант устава оставляет большое пространство для борьбы за власть между руководящими органами партии, а именно высшим советом, площадкой Грызлова, и генеральным советом, органом реального управления.* Второй съезд // «Еженедельный журнал», 2003.03.24). Вся власть – это совокупность разных органов (*В документе будет описано состояние, перспективы и направления взаимодействия ассоциаций и союзов страховщиков с региональными органами власти, в том числе с налоговыми органами, структурами МАП.* Новости // «Финансовая Россия», 2002.09.19).

Организм власти состоит из мускулов, которые, как в бодибилдинге, приходится наращивать (*Как и сегодня, в начале прошлого века власти России были озабочены наращиванием мускулов – силовых органов государства.* С. Мельников, В. Тихомиров. 1913-2013. Россия замкнула столетний цикл). Органы власти неотъемлемы от государства, они описываются метафорами имущества (*И не стесняться всегда задавать вопрос, какой же именно принадлежащий власти орган стоит за словом государство.* И.Г. Милославский. Говорим правильно по смыслу или по форме?).

Заключение. Соматический код русской лингвокультуры широко распространен в описаниях власти. В иллюстративных примерах сферами-источниками образования метафор являются как внешние части тела (*голова, руки, ноги*), так и внутренние его составляющие (*органы*). Тело власти в русской лингвокультуре амбивалентно. Облик власти мифологичен: 1. У власти может быть одно тело и много голов; 2. У власти может быть много тел и одна голова.

Голова в русской лингвокультуре – символ лидерства. Для описания действий властей актуально содержание ума властей.

Рука – это символ управления, силы и могущества. Руки власти – это жесткая сила. Правитель рисуется через образ возницы, управляющего колесницей власти. Управление колесницей может переходить из одних рук в другие или такое управление передается из одних рук в другие.

Ноги – символ движения, активности, физической деятельности, давления и подавления. Действия ступни характеризуются глаголами *ступать, заступать, переступить, выступать*, существительными *доступ, заступ, выступ*. Колени ассоциируются с физическим насилием, покорностью, библейским символом поколений. Колени символизируют новый порядок мироустройства. Пятки символизируют преданность, лесть, торпливость, в единоборствах – физическую силу.

Структурные составляющие власти символично представлены как внутренние органы. Организм власти при этом – это государство, силовые органы которого объективируются через образы мускулов (метонимический перенос).

Соматические метафоры власти представляют ее как: 1. Стихийное бедствие; 2. Как палача с топором (народ – жертва); 3. Как дамоклов меч над головами людей; 4. Как Афины Палладу; 5. Как кукловода (люди – марионетки); 6. Как конец, управляемых возницей.

Литература

1. Васильев А.Д. Вербализация концепта *власть* в языковом сознании красноярцев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 2 (32). С. 207–213.
2. Вржнова И.Г. Метафорическая репрезентация властных структур в современных российских и американских СМИ // Известия Саратовского университета. – 2009. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 4. С. 25–32.
3. Ерофеева И.В. Концепт *власть* в медиадискурсе: дихотомия репрезентации // Вестник Читинского государственного университета. Чита: ЧитГУ, 2009. №1 (52). С. 167–171.
4. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
5. Лопарева Д., Кипенко М. Концепт *власть* в современной публицистике: аксиологический аспект. –LAP: Lambert Academic Publishing, 2012. 168 с.
6. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды культуры в пространстве языка. Санкт-Петербург, 2015. 376 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 9).
7. Пименова М.В. Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. № 17. С. 147–153.
8. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Марина Владимировна Пименова. СПб., 2001. 497 с.
9. Шабанова А.А. Репрезентация концепта *власть/ power* в американской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Анастасия Александровна Шабанова. Ульяновск, 2011. 159 с.
10. Шейгал Е.И. *Власть* как концепт и категория дискурса // Эссе о социальной власти языка. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 57–64.
11. Berlin B., Breedlove D.E., Raven P.H. Principles of Tzeltal Plant classification. An introduction to the botanical ethnography of a Mayan-speaking people of Highland Chiapas. New York, London: Academic Press, 1974. 242 p. (Language, thought and culture. Advances in the study of cognition).
12. Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1973–1974. Vol. 47. P. 5–20.
13. Fillmore Ch. J. How Do We Know Whether You're Coming or Going // Essays on Deixis / Rauh G. (ed.). Tübingen: Narr., 1983. P. 219–227.
14. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-schemas? // Cognitive Linguistics 1–1. 1990. P. 39–74.
15. Rosch E. Human Categorization // Studies in Cross-Cultural Psychology; ed. N. Warren. London: Academic, 1977. Vol. 1. P. 1–49.

Eugenia E. Demidova

Candidate of Philology, lecturer, Department of Linguistics, International Humanitarian University named after P.P. Semenov – Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia)

Demidova_Eu@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0151-5316>

The somatic code of Russian linguoculture as a way to implement the macro concept of *power*

Abstract. The purpose of the article is to describe ways of updating the macroconcept power through the somatic code of Russian linguoculture. The objectives of the article include:

1. Identify somatic metaphors that objectify the macroconcept power; 2. Determine the symbols realized through the somatic signs of the macroconcept power. The relevance of the study lies in the correlation of erased metaphors of Russian linguoculture with the somatic code associated with both original and borrowed symbols of power. The scientific novelty of the work lies in the first experience of describing somatic metaphors that objectify this macroconcept, because there are no works on this topic in the linguistic literature. Power in Russian linguoculture is presented ambivalently in metaphors: in an anthropomorphic form and in a zoomorphic guise. The language material shows the relevance of mythological images, where power has several forms: 1. A multi-headed creature; 2. A monster with many bodies and one head. Symbols expressed by somatic metaphors are rooted in Slavic mythology or borrowed from other linguocultures. The head in Russian linguoculture is a symbol of leadership and ideology, the hand is a symbol of control, strength and power. Legs are a complex symbol of movement, activity, physical activity, pressure and suppression. Knees have traditionally been associated with physical violence and submission; in foreign cultures, they are a biblical symbol of generations. The knees symbolize the new order of the world order, the heels - devotion, flattery, haste, and in martial arts - physical strength. The structural components of power are symbolically represented through the image of internal organs. The body of power is a state, the power organs of which are objectified through images of muscles. The original metaphors of power of Russian linguoculture: 1. Natural disaster; 2. Executioner with an ax (the people are the victim); 3. Horses driven by a driver; 8. A ship with a steering wheel held by the hands of the leader; 9. Feeder for animals and birds. Borrowed metaphors of power: 1. Sword of Damocles over people's heads; 2. Pallas Athena; 3. An idea put into the heads of fellow citizens; 6. Puppeteer (people are puppets).

Keywords: concept; cognitive signs; somatic signs; structure of the concept; linguistic picture of the world; linguoculturology, conceptology.

References

1. Vasiliev A.D. Verbalizaciya koncepta vlast' v yazykovom soznanii krasnoyardev [Verbalization of the power concept in the linguistic consciousness of Krasnoyarsk residents]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva]. 2015, no. 2 (32), pp. 207–213.

2. Vrazhnova I.G. Metaforicheskaya reprezentaciya vlastnyh struktur v sovremennyh rossijskih i amerikanskih SMI [Metaphorical Representation of Power Structures in Contemporary Russian and American Mass Media]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Izvestia of Saratov University]. 2009. T. 9. Ser. Philology. Journalism, vol. 4, pp. 25–32.

3. Erofeeva I.V. Koncept vlast' v mediadiskurse: dihotomiya reprezentacii [The concept of power in media discourse: the dichotomy of representation]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chita State University]. Chita: Chita State University, 2009, no. 1 (52), pp. 167–171.

4. Lakoff G. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii [Women, fire and dangerous things]. Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul'tury* [Languages of Slavic culture], 2004. 792 p.

5. Lopareva D., Kipenko M. Koncept vlast' v sovremennoj publicistike: aksiologicheskij aspekt [The concept of power in modern journalism: an axiological aspect]. Lambert Academic Publishing, 2012, 168 p.

6. Maslova V.A., Pimenova M.V. Kody kul'tury v prostranstve yazyka [Cultural codes in the language space]. St. Peterburg, 2015. 376 p. (Series "Conceptual and linguistic worlds". Issue 9)

7. Pimenova M.V. Vlast' i politika: metafory v diskurse SMI [Power and politics: metaphors in media discourse]. *Lingvitoricheseskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Linguistic paradigm: theoretical and applied aspects]. 2012, no. 17, pp. 147–153.
8. Pimenova M.V. Koncepty vnutrennego mira cheloveka (russko-anglijskie sootvetstviya): dis. [Concepts of the human inner world (Russian-English correspondences): Thesis]. S. Petersburg, 2001, 497 p.
9. Shabanova A.A. Rezentaciya koncepta vlast' / power v amerikanskoj i russkoj lingvokul'turah: dis. [Representation of the власть / power concept in American and Russian linguocultures: Thesis]. Ulyanovsk, 2011, 159 p.
10. Sheigal E.I. Vlast' kak koncept i kategoriya diskursa [Power as a concept and a category of discourse]. *Esse o social'noj vlasti yazyka* [Essays on the social power of language]. Voronezh: VSU, 2001, pp. 57–64.
11. Berlin B., Breedlove D.E., Raven P.H. Principles of Tzeltal Plant classification. An introduction to the botanical ethnography of a Mayan-speaking people of Highland Chiapas. New York, London: Academic Press, 1974. 242 p. (Language, thought and culture. Advances in the study of cognition).
12. Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 1973–1974, vol. 47, pp. 5–20.
13. Fillmore Ch. J. How Do We Know Whether You're Coming or Going // *Essays on Deixis* / Rauh G. (ed.). Tübingen, 1983, pp. 219–227.
14. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-schemas? // *Cognitive Linguistics* 1–1, 1990, pp. 39–74.
15. Rosch E. Human Categorization // *Studies in Cross-Cultural Psychology*; ed. N. Warren. London, 1977, vol. 1, pp. 1–49.

УДК 81`27

Пименова Марина Владимировна

Ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тянь-Шанского», доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

MVPimenova@yandex.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>

Шестак Екатерина Сергеевна

магистр филологических наук, учитель английского языка ГКП на ПХВ «Гимназия №6» акимата г. Астана (г. Астана, Казахстан)

she.katerina@mail.ru

Символические концепты *солнце* и *kün* в аспекте первопризнаков

Аннотация. Цель статьи – определение набора мотивирующих признаков двух концептов: *солнце* (славянская картина мира) и *kün* (тюркская картина мира). Материал исследования – 21 этимологических, историко-этимологических, толковых словаря русского и тюркских языков и «Словарь русских народных говоров». Методы исследования: сравнительно-исторический, дескриптивный, концептуальный. В итоге проведенного анализа было выявлено пятнадцать мотивирующих признаков у концепта *солнце*, двадцать пять мотивирующих признака у концепта *kün*. Русская и тюркские языковые картины мира показали наличие общих ('свет', 'светить', 'светило', 'сиять, сияние', 'особый вид рыбы') и сопоставимых мотивирующих признаков: у концепта *солнце* – 'небо', 'огонь', 'тепло' и у концепта *kün* – 'божество', 'жар, угли', 'горящий' (соответственно).

Концепты *солнце*, *kün* относятся к символическому типу концептов. У концепта *солнце* из пятнадцати мотивирующих признака – 6 символических: ‘глаз’, ‘звезда’, ‘луна’, ‘небо’, ‘овца’, ‘тень’. Из двадцати пяти мотивирующих признака концепта *kün* – 7 символических: ‘божество’, ‘жар, угли’, ‘гром (погода)’, *перен.* ‘светиться, улыбаться (от счастья)’, ‘участь, судьба’, ‘жизнь, житье’, *уст.* ‘железный кружок на спине шаманского костюма, изобр. солнце’.

Ключевые слова: концепт; концептуальная структура; мотивирующие признаки; языковая картина мира; этимология; сопоставительные исследования.

Введение. Обращение к теме внутреннего мира сохраняет свою актуальность во все времена. Тема концептуализации *солнца*, поднимаемая в данной статье, затрагивает области этимологизации соответствующих слов в разноструктурных языках – русском и тюркских. Несмотря на их генетическую разнородность, в некоторых из них можно найти соответствия. Научная новизна предпринятого исследования заключается в первом опыте сопоставления мотивирующих признаков русского и тюркского эквивалентных концептов *солнце* и *kün*.

Литературный обзор. Изучаемые концепты являются символическими. Современные работы по когнитивной лингвистике и концептуальным исследованиям показывают, что существуют концепты и макроконцепты, в мотивирующих признаках репрезентантов которых уже заложен символ. Т.е. символ в структурах таких концептов и макроконцептов – не заключительный этап их развития, а исходная точка. «Под *символическим* понимается концепт, мотивирующие признаки которого восходят к известному или утраченному мифу; эти признаки разворачиваются в разном объеме в виде образных, понятийных, ценностно-оценочных и собственно символических признаков, но уже в другом объеме по отношению к другим концептам» [8, с. 68].

Обращение к теме символических концептов обусловлено новым этапом концептуальных исследований: весьма актуальными становятся работы по изучению концептов и макроконцептов, у которых среди мотивирующих находятся символические признаки, что является указанием на скрытый миф. Задача концептуалиста – отыскать корни этого мифа, объяснить культурный символ, передаваемый подобным признаком.

Методы и материал исследования. В статье применены следующие методы лингвистического анализа: сравнительно-исторический, дескриптивный, концептуальный. Для выявления этимологии слова *солнце* (репрезентанта русского концепта) использовано десять этимологических, исторических словарей и словарь русских народных говоров, слова *kün* (репрезентанта тюркского концепта) – десять этимологических и исторических словарей.

Результаты и обсуждение. Для определения мотивирующих признаков изучаемых концептов следует решить две основные задачи: 1. Проанализировать словарные статьи в этимологических, историко-этимологических и иных словарях, где приводится этимология слов – репрезентантов изучаемых концептов; 2. Сопоставить полученные данные по обнаруженным мотивирующим признакам привлеченных к анализу концептов.

А.К. Шапошников обозначает дату первого словарного упоминания слова – репрезентанта изучаемого макроконцепта: «В русском языке XI–XVII вв. известно *сьльнце* “солнце”, отмечено в словарях с 1704 г.» [19, с. 353].

Историки языка указывают на индоевропейскую природу слова *солнце*: «инде. *säu- светить» [9, с. 352], «Суф. образование (суф. –ьце < -ько) от исчезнувшего *сьльнь* (ср. диалектное *посолонь* «по солнцу», *усолонь* «тень», *солнопек* «солнцепек» и т. д.), суффиксального производного (суф. -нь) от того же индоевропейского по своему характеру корня» [18]. Об этом говорят обнаруженные языковые соответствия: сскр. svàr, вед.

Suvar солнце, свет, небо, зенд. hvара. н.-перс. hōr солнце, алб. ùi, hūizведа. гр. ἥλιος, гом. ἥελος солнце; ир. Suil глаз; гот. sauil. анс.-дрсев. Sol солнце. Сюда же гр. гом. αέλας, Ρ. οέλαος блеск, свет, сияние; αελαγεῖν сиять, блестеть; ион.-атт. ὑελήτη луна; αέλαχος род рыбы, издающей фосфорический свет; гот. sunnō. дрвнм. sunno, sunna, англ. sun; ннем. sonne солнце и др. герм. [9, с. 352; см. также: 3, с. 336; 16, с. 710], др.-прус. saule «солнце» [18], лит. saulė, лтш. saule, др.-инд. sūrya, sūryaka-, svar-, súvar, sūra- «солнце, свет», авест. hvare-, hvenj «солнечный свет», алб. hull «звезда» [19, с. 353]. Г.А. Крылов отмечает, что *солнце* – «Общеславянское слово индоевропейской природы, восходит к тому же древнему корню, что и латинское sol» [7, с. 370]. Л.В. Успенский разделяет это мнение: «Самый корень *сол-* очень древний: почти во всех языках Европы солнце называется словами, произведенными от него» [15]. Слово солнце от общеславянской основы sl, sv «свет, тепло» [11, с. 356].

В этимологическом словаре Л.В. Успенского делается акцент на словообразовательный процесс развития слова – репрезентанта изучаемого макроконцепта: «По строению очень похоже на “сердце”. Из таких слов, как *солнышко*, *посолонь*, можно вывести, что в древности дневное светило обозначалось у праславян словом “солнь”. От него было произведено уменьшительное –*солныце*, значившее то же, что наше *солнышко*. Затем отенок уменьшительности выветрился, *солныце* стало основным словом» [15]. М. Фасмер дополняет: «Праслав. *sъlnьse – уменьш. образование от *sъlnь, ср. *посолонь*, ст.-слав. бесльньнъáνῆλιος, а также *солнопёк*, *солноворот*» [16, с. 710]. В словаре А.К. Шапошникова уточняется: «Из праслав. *sъlnьце, производного с суф. -ьце от основы *sълно или *sъlnь, расширения на -н- и.-е. *swel-: *swol-: *sul- (*sāwel-: *sāwol-: *suwel-) «светить подобно солнцу»» [19, с. 353]. В словаре П.Я. Черных находим объяснение -н- в корне слова: «Некоторые этимологи объясняют -н- влиянием основы -ogn» [21, с. 186]. Г.П. Цыганенко по поводу суффикса указывает аналогию образования – как в слове ладонь: праславянское слово *sъlnь производное от индоевропейской основы *sau-l «некто вроде светила» и суффикса -l и корня sau «светить» [20, с. 391].

Интересны некоторые сохранившиеся в диалектах значения слова солнце. А.Е. Аникин упоминает в «Словаре русских народных говоров» одно из них: *цыганское солнце* «луна» (Воронеж 1892 г., Ейск, Кубан. 1916 г.), *свое солнце* «овца» (Мценск, Орел 1861) [1, с. 272].

Полученные результаты сведём в таблицу 1. Помета «+» означает наличие мотивирующего признака, помета «-» – его отсутствие. Список словарей приводится по имени автора-составителя или в сокращенном виде.

Таблица 1. Мотивирующие признаки концепта *солнце*

Table 1. Motivating signs of the *sun* concept

№№	Словари	Перечень мотивирующих признаков										
		Аникин А.Е.	Горяев Н.В.	Крылова Г. А.	Преображенский А.К.	Свиридова М.Н.	Успенский Л.В.	Цыганенко Г.П.	Фасмер М.	Черных П.Я.	Шанский Н.М.	Шапошников А.К.
1	‘блеск’	-	-	-	+			-	-	-	-	-
2	‘глаз’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
3	‘звезда’	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	+
4	‘луна’	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-

5	‘небо’	-	-	-	+	-	-	-	+	+	-	-
6	‘овца’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7	‘огонь’	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
8	‘род рыбы, издающей фосфорический свет’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
9	‘свет’	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+
10	‘светило’	+	-	-			+	+	-	-	-	-
11	‘светить’	+	-	+	+	-	-	+	-	-	-	+
12	‘сияние’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
13	‘сиять’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
14	‘тень’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
15	‘тепло’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-

Общее количество мотивирующих признаков концепта *солнце* составило 15 единиц. Словари указывают от одного (словарь Н.В. Горяева) до 10 мотивирующих признаков (словарь А.К. Преображенского).

Обратимся к тюркской картине мира. Многие этимологические словари обозначают понятия ‘солнце’ и ‘день’ одним словом *кун* (*kün*). В «Этимологическом словаре чувашского языка» В.Г. Егоров указывает, что слово *кун* (*день*) получило свое название от *кун* (*солнце*), которое произошло от глагола *күй* ‘жечь’, ‘гореть’; в уйгурском, хакасском языках *көй*, языке чагатайской литературы, киргизском, казахском, алтайском языках *күй*, турецком языке *güy* [6, с. 117]. Также автор словаря ссылается в статье на А. Вамбери, согласно которому слово *күн* < *күйүн*, является причастием от глагола *күй* и означает ‘горящий’, ‘сияющий’ [6, с. 117]. Данное мнение разделяет составитель «Этимологического словаря тюркских языков» А.В. Дыбо, которая считает, что **guñal* образовано от пратюркского глагола **Kuñ-* ‘гореть, пригорать’ [5, с. 489].

В Древнетюркском словаре приводится несколько значений данного концепта: 1. Солнце; 2. День; 3. С каждым днем, день ото дня. Рассмотрим значение *kün* в словосочетаниях и фразах: *kün jaru-* в переносном значении, светиться, улыбаться (о счастье); *kün ortu* – 1. Полдень; 2. Юг; 3. Полуденный (~ южный); *kün täñri* – букв. бог-солнце [4, с. 326]. Помимо слова *kün*, солнцу будут соответствовать следующие эквиваленты: *kün* (светило, солнце) и *künäš* (солнце) [4, с. 327]. А.В. Дыбо значение слова *солнце* делит на две группы. К первой группе относятся следующие языки и диалекты: «пратюркский **gün(-el)* ‘солнце, день, солнцепек’, чувашский *kon* ‘день’, якутский, долганский *kün*, тувинский, тофаларский *xün*, хакасский, шорский, ..., древнетюркский *kün* ‘день’, ..., узбекский *kun*, новоуйгурский *kün*, халаджский *kin*, *kün*, *kinäš* ‘солнечный, освещенный солнцем, радостный’, турецкий, гагаузский *gün*, *güneš*, азербайджанский *gün*, *günäš*, туркменский *gün*, *güneš* ‘солнцепек’, ..., татарский *kön*, башкирский *kön*, *könäs*, ногайский, казахский, каракалпакский, киргизский, алтайский *kün*, куу *кюн* ‘день’» [5, с. 488]. Во вторую группу входят праалтайские языки и диалекты «**giðjnu* ‘рассвет, дневной свет’, прамонгольский **gegeye* < **geye* ‘рассвет, дневной свет’ от **geji-* ‘светить’, пратунгусский **giañam* ‘рассвет, заря’, пракорейский **kúi* ‘рассвет’, ..., праяпонский **ka(i)* ‘день, период времени’, ...» [5, с. 489]. Составитель словаря А.В. Дыбо отмечает, что пратюркское слово **guñal* будет обозначать ‘солнцепек, солнце; жар, в том числе угли’, но не ‘день’ [5, с. 489].

Sir Gerard Clauson в «Этимологическом словаре турецкого языка до XIII века» (“An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish”) указывает, что слово *kün* первоначально означало ‘солнце’, а уже затем было расширено и охватило еще одно значение ‘день’ [23, с. 725]. Автор словаря акцентирует внимание на том факте, что в боль-

шинстве современных языков слово *kün* используют для обозначения ‘дня’, а ‘солнцу’ будут соответствовать другие эквиваленты. Но в то же время он отмечает, что день называют словом *kün* только из-за того, что его свет обусловлен солнцем [23, с. 725]. М. Кашгари писал, что «(день) называют так потому, что его свет порождается солнцем» [2, с. 281]. Приведем еще несколько значений слова *kün*: 1. Чагатайский язык: слово *gün* использовали для обозначения титула; 2. слово *kün* в значении ‘солнце’ встречается только как имя одного из сыновей Огуз-кагана; 3. Османский язык: слово *gün* до XVI века часто использовали для обозначения ‘солнца, дневного времени, удачного (успешного) дня’ [23, с. 725].

Еще некоторые значения слова *кун* приводит В.Г. Егоров в «Этимологическом словаре чувашского языка»: ‘участь’, ‘судьба’, так как *кун* первоначально означало ‘солнце’, следовательно, фраза *кун кур* в значении ‘видеть солнце’ будет синонимична предикатам ‘жить’, ‘существовать’ [6, с. 117].

В Таблице 2 представлены проанализированные мотивирующие признаки концепта *kün* в тюркских языках. Помета «+» означает наличие мотивирующего признака, помета «-» – его отсутствие.

Таблица 2. Мотивирующие признаки концепта *kün* / **kuñaš* / *кун* / *күн* / *гүн* / *гүнеш*
Table 2. Motivating signs of the concept *kün* / **kuñaš* / *кун* / *күн* / *гүн* / *гүнеш*

№ №	Мотивирующий признак	ЭСТЯ Э.В. Севоляян	ДТС	ЭСТЯ А.В. Дыбо	ОСТН В.В. Радлов	ЭСЧЯ В.Е. Егоров	ЭСЧЯ М.Р. Федотов	ЭСТЯ до XIII века	САИАНТЯ	МСКЯ М.М. Гинагуллин	VEWT Martti Räsänen
1	‘день, светлое время суток’	+	+	+	+	-	+	+	+	+	-
2	‘сутки’	+	-	-	-	+	-	-	+	+	-
3	‘солнце’	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+
4	‘солнечный свет’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	‘мера времени, период времени’	+	+	+	+	-	-	+	-	+	-
6	‘божество’	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-
7	‘стороны света’	+	+	-	+	-	-	+	-	-	-
8	‘счастливым (удачный) день’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
9	<i>перен.</i> ‘светиться, улыбаться (от счастья)’	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
10	‘светило’	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
11	<i>уст.</i> ‘железный кружок на спине шаманского костюма, изобр. солнце’	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
12	‘жар, зной, солнцепек’	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+
13	‘жар, угли’	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
14	‘дневная жара, жар-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+

	кий день'										
15	'рассвет'	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+
16	'заря'	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
17	'участь, судьба'	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-
18	'жизнь, житье'	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-
19	'горящий, сияющий'	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
20	'число'	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
21	'праздничный день'	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
22	'погода'	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
23	'гром (погода)'	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
24	'круглая рыба с вкусным мясом'	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
25	'солнечная сторона'	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-

В «Этимологическом словаре тюркских языков» Э.В. Севортян разграничивает два понятия, обозначающих *солнце* 'гүн' и 'гүнеш'. Слово 'гүн' означает *день; дневное время; сутки; солнечный; жизнь, житье; погода*; в то время как следующие значения *солнечный день; солнцепек; солнечная сторона; очень жаркий день* будут относиться к слову 'гүнеш' [12, с. 101-103].

Также от слова *гүн* 'солнце' произошло название кочевых народов Евразии – гунны. Б. Умирьяев в своем исследовании «Тысяча неисследованных тюркизмов» пишет, что этимология слова 'гунны' восходит к тюркским языкам и означает 'солнечные': «Они (гунны) почитали Солнце и Небо ...» [14, с. 129]. Как можно заметить из данного примера, что солнце, как и другие объекты природного мира, было обожествлено.

Неудивительным является факт, что в структуре концепта *kün* выявлены мотивирующие признаки, которые можно отнести к огню, процессу горения: 'жар, зной, солнцепек', 'жар, угли', 'горящий, сияющий', ведь концепт образован от глаголов *жечь, гореть, пригорать* (*күй / көй / гүй* [6, с. 117]), *зноить, жарить* (як. *kijār* [24, с. 301]), что указывает на то, что солнце ассоциируется с огнем.

Общее количество мотивирующих признаков концепта *kün* составило 24 единицы. Словари указывают от трех (словарь М.Р. Федотова, словарь М.М. Гинатуллина, словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка) до четырнадцати мотивирующих признака (словарь Э.В. Севортяна).

В Таблице 3 приведен сопоставительный анализ мотивирующих признаков концептов *солнце* и *kün*.

Таблица 3. Сопоставительный анализ мотивирующих признаков концептов *солнце* и *kün*
Table 3. Comparative analysis of motivating signs of the *sun* and *kün* concepts

№№	Мотивирующие признаки	<i>солнце</i>	<i>kün</i>
1	'блеск'	+	-
2	'божество'	-	+
3	'глаз'	+	-
4	'горящий, сияющий'	-	+
5	'гром (погода)'	-	+
6	'день, светлое время суток'	-	+
7	'дневная жара, жаркий день'	-	+
8	'жар, зной, солнцепек'	-	+
9	'жар, угли'	-	+

10	‘жизнь, житье’	-	+
11	‘заря’	-	+
12	‘звезда’	+	-
13	‘круглая рыба с вкусным мясом’	-	+
14	‘луна’	+	-
15	‘мера времени, период времени’	-	+
16	‘небо’	+	-
17	‘овца’	+	-
18	‘огонь’	+	-
19	‘погода’	-	+
20	‘праздничный день’	-	+
21	‘рассвет’	-	+
22	‘род рыбы, издающей фосфорический свет’	+	-
23	‘свет’	+	+
24	‘светило’	+	+
25	‘светить’	+	-
26	‘сияние’	+	-
27	‘сиять’	+	+
28	‘солнечная сторона’	-	+
29	солнце	-	+
30	‘стороны света’	-	+
31	‘сутки’	-	+
32	‘счастливый (удачный) день’	-	+
33	‘тень’	+	-
34	‘тепло’	+	-
35	‘участь, судьба’	-	+
36	‘число’	-	+

В структуре концепта *солнце* в русской языковой картине мира выявлены пятнадцать мотивирующих признака: ‘блеск’, ‘глаз’, ‘звезда’, ‘луна’, ‘небо’, ‘овца’, ‘огонь’, ‘род рыбы, издающей фосфорический свет’, ‘свет’, ‘светило’, ‘светить’, ‘сияние’, ‘сиять’, ‘тень’, ‘тепло’..

В тюркской языковой картине мира выявлено двадцать пять мотивирующих признака концепта *kün*: ‘день, светлое время суток’, ‘сутки’, ‘солнце’, ‘солнечный свет’, ‘мера времени, период времени’, ‘божество’, ‘стороны света’, ‘счастливый (удачный) день’, *перен.* ‘светиться, улыбаться (от счастья)’, ‘светило’, *уст.* ‘железный кружок на спине шаманского костюма, изобр. солнце’, ‘жар, зной, солнцепек’, ‘жар, угли’, ‘дневная жара, жаркий день’, ‘рассвет’, ‘заря’, ‘участь, судьба’, ‘жизнь, житье’, ‘горящий, сияющий’, ‘число’, ‘праздничный день’, ‘погода’, ‘гром (погода)’, ‘круглая рыба с вкусным мясом’, ‘солнечная сторона’.

Заключение. Концепты *солнце* и *kün* относятся к разряду символических, т.к. среди их мотивирующих признаков находятся символические. Из пятнадцати мотивирующих признаков концепта *солнце* шесть являются символическими (‘глаз’, ‘звезда’, ‘луна’, ‘небо’, ‘овца’, ‘тень’). В структуре концепта *kün* можно выделить двадцать пять мотивирующих признака, из них семь можно отнести к символическим (‘божество’, ‘жар, угли’, ‘гром (погода)’, *перен.* ‘светиться, улыбаться (от счастья)’, ‘участь, судьба’, ‘жизнь, житье’, *уст.* ‘железный кружок на спине шаманского костюма, изобр. солнце’). В этой связи данные два концепта могут быть отнесены к разряду символических.

Мотивирующие признаки концепта *солнце* можно представить в виде 6 блоков: 1. Небо и небесный объект ('звезда', 'луна', 'небо'); 2. Свет и его отсутствие ('блеск', 'свет', 'сияние', 'сиять', 'тень'); 3. Источник света и тепла ('светило', 'светить', 'тепло'); 4. Живое существо ('овца', 'род рыбы, издающей фосфорический свет'); 5. Бог ('глаз'); 6. Стихия ('огонь').

Мотивирующие признаки концепта *kün* можно представить в виде 11 блоков: 1. Небо и небесный объект ('рассвет', 'заря', 'солнце'); 2. Свет ('день, светлое время суток', 'свет', 'сияющий, горящий'); 3. Источник света и тепла ('светило', 'жар, солнцепек, зной', 'дневная жара, жаркий день', 'солнечная сторона', 'стороны света'); 4. Живое существо ('круглая рыба с вкусным мясом'); 5. Бог ('божество'); 6. Огненная стихия ('жар, угли'); 7. Период времени ('сутки', 'число', 'праздничный день', 'мера времени, период времени'); 8. Погода и погодные условия (погода, гром); 9. Отличительный признак ('железный кружок на спине шаманского костюма, изобр. солнце'); 10. Жизнь и судьба ('жизнь, житье', 'судьба, участь'); 11. Счастье и удача ('счастливый (удачный) день', *перен.* 'светиться, улыбаться (от счастья)').

Литература

1. Аникин А.Е. Словарь русских народных говоров. Выпуск 39. М.: Наука, 1972. С. 271-272.
2. Гинатуллин М.М. Мотивологический словарь казахского языка или тайны буквальных смыслов. Научно-учебное издание. Алматы: ТОО «Издательство LEM», 2017. – 544 с.
3. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Тип. Канцелярии главнонач. гражд. ч. на Кавказе, 1896. 558 с. С. 336.
4. Древнетюркский словарь. / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Ленинград: Издательство «Наука», 1969. [Электронный ресурс] <https://www.altaiica.ru/v-turks.php> (дата обращения: 10.06.2023)
5. Дыбо А.В. Этимологический словарь тюркских языков. Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. Т. IX. 616 с.
6. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1964. – 357 с. [Электронный ресурс] <https://www.altaiica.ru/v-turks.php> (дата обращения: 10.06.2023)
7. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Полиграфсервис», 2005. 428 с. С. 370.
8. Пименова М.В. Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта *творчество*) // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения / отв. ред. М.В. Пименова. Москва: ИЯ РАН, 2011. 896 с. С. 65-83. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 15).
9. Преображенский А.К. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера, Д. Совко, 1910-1911. Т. II. 416 с. С. 352-353.
10. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.2, Ч.2., 1899 [Электронный ресурс] <https://www.altaiica.ru/v-turks.php> (дата обращения: 10.06.2023)
11. Свиридова М.Н. Этимологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 511 с. С. 356.
12. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. Т. I. 767 с. С. 152.
13. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Горно-Алтайск, «Ак Чечек», 2005. – 504 с. (переиздание) [Электронный ресурс] <https://www.altaiica.ru/v-turks.php> (дата обращения: 10.06.2023)

14. Умирьяев Б. Тысяча неисследованных тюркизмов: словарь-справочник этнолога / Б. Умирьяев. – Алматы, 2017. – 422 с.
15. Успенский Л.В. Этимологический онлайн-словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/c/солнце> (дата обращения: 17.05.2023).
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. III. 831 с. С. 710.
17. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт., Т.1. А-Р. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1966. – 470 с.
18. Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/shansky/c/солнце> (дата обращения: 17.05.2023).
19. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Флинта, наука, 2010. 576 с. С. 353.
20. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. К.: Рад. шк., 1989. 511 с. С. 390-391.
21. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. II. С. 186.
22. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж» и «Й» / Отв. ред. Л.С. Левитская. М.: Наука, 1989. Т. IV. 292 с. С. 16, 111-112.
23. Clouston G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: At the Clarendon Press, 1972. 1034 p.
24. Räsänen Martti, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. [Электронный ресурс] <https://www.altai.ru/v-turks.php> (дата обращения: 10.06.2023)

Marina V. Pimenova

Rector of the ANO VO “International Humanitarian University named after P.P. Semenov – Tyan-Shansky”, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia).

MVPimenova@yandex.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>

Yekaterina S. Shestak

Master of Humanities, teacher of English at Gymnasium 6 (Astana, Kazakhstan)

she.katerina@mail.ru

Symbolic concepts of *солнце* (sun) and *kün* in the aspect of primary signs

Abstract. The purpose of the article is to determine the set of motivating signs of two concepts: *sun* (Slavic worldview) and *kün* (Turkic worldview). The material of the research is 21 etymological, historical–etymological, explanatory dictionaries of the Russian and Turkic languages and “Dictionary of Russian Folk Dialects”. The research methods are comparative-historical, descriptive, conceptual. As a result of the analysis, fifteen motivating signs were identified in the concept of *sun*, twenty-five motivating signs were found in the concept of *kün*. The Russian and Turkic linguistic worldviews showed the presence of common signs (‘light’, ‘shine’, ‘luminary’, ‘shine, radiance’, ‘a special kind of fish’) and comparable motivating ones: the concept of *sun* – ‘sky’, ‘fire’, ‘heat’ and the concept of *kün* – ‘deity’, ‘heat, coals’, ‘burning’ (respectively). The concepts *sun*, *kün* belong to the symbolic type of concepts. The concept of *sun* has six symbolic motivating signs out of fifteen: ‘eye’, ‘star’, ‘moon’, ‘sky’, ‘sheep’, ‘shad-

ow'. Of the twenty-five motivating signs of the *kün* concept, there are 7 symbolic ones: 'deity', 'heat, coals', 'thunder (weather)', 'glow, smile (with happiness)', 'fate', 'life', 'an iron circle on the back of a shamanic costume, depicting the sun'.

Key words: concept; conceptual structure; motivating signs; language picture of the world; etymology; comparative studies.

References

1. Anikin A.E. Slovar' russkihnarodnyhgovorov [Dictionary of Russian folk dialects / Ed. A.E. Anikin]. Moscow, 1972, vol. 38, pp. 271–272. (In Russian)
2. Ginatullin M.M. Motivologicheskii slovar' kazahskogo yazyka ili tainy bukval'nyh smyslov. Nauchno-uchebnoye izdaniye. [Motivological dictionary of the Kazakh language or the secrets of literal meanings. Scientific and educational publication.]. Almaty, 2017, 544 p. (In Kazakh)
3. Goryaev N.V. Sravnitel'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Comparative etymological dictionary of the Russian language]. Tiflis, 1896, pp. 336. (In Russian)
4. Drevneturykskij slovar' / Red. V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak [Ancient Turkic Dictionary / Ed. V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak]. Leningrad, 1969. [Electronic resource] <https://www.altai.ru/v-turks.php> (date of access: 10.06.2023). (In Russian)
5. Dybo A.V. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov. Etimologicheskij slovar' bazisnoj leksiki tyurkskih yazykov [Etymological dictionary of Turkic languages. Etymological dictionary of the basic vocabulary of the Turkic languages]. Astana, 2013, vol. IX, 616 p. (In Russian)
6. Yegorov V.G. Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1964. 357 p. [Electronic resource] <https://www.altai.ru/v-turks.php> (date of access: 10.06.2023). (In Russian)
7. Krylov G.A. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, 2005, pp. 123. (In Russian)
8. Pimenova M.V. Simvolicheskie koncepty kak chast' konceptual'noj sistemy (na primere koncepta *tvorchestvo*) [Symbolic concepts as part of a conceptual system (for example, the concept of *creativity*)]. *Kognitivnaya lingvistika: novye paradigm i novye resheniya* [Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions]. Moscow, 2011, pp. 65–83. (Series "Conceptual studies". Issue 15). (In Russian)
9. Preobrazhensky A.G. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1910-1914, vol. I, pp. 204. (In Russian)
10. Radlov V.V. Opyt slovary tyurkskih narechii [The experience of the dictionary of Turkic dialects]. 1899, vol. 2, part 2. [Electronic resource] <https://www.altai.ru/v-turks.php> (date of access: 10.06.2023). (In Russian)
11. Sviridova M.N. Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow, 2014, pp. 88. (In Russian)
12. Sevortyan E.V. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Inter-Turkic stems into vowels]. Moscow, 1974, vol. I, pp. 152. (In Russian)
13. Slovar' altaiskogo i aladagskogo narechii tyurkskogo yazyka [Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Gorno-Altaysk, 2005, 504 p. (reissue) [Electronic resource] <https://www.altai.ru/v-turks.php> (date of access: 10.06.2023). (In Russian)
14. Umiryayev B. Tysyacha neissledovannyh tyurkizmov: slovar'-spravochnik etnologa [A thousand unexplored Turkisms: dictionary of ethnologist]. Almaty, 2017, 422 p. (In Kazakh)

15. Uspenskiy L.V. Etimologicheskii online-slovar' [Etymological online dictionary]. [Electronic resource]. <https://lexicography.online/etymology/uspensky/c/солнце> (date of access: 17.05.2023). (In Russian)
16. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1987, vol. I, 865 p.
17. Fedotov M.R. Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka [Etymological dictionary of the Chuvash language]. In 2 vols., Vol.1. A–R. Cheboksary, 1966, 470 p. (In Russian)
18. Shansky N.M. Shkol'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [School etymological dictionary of the Russian language]. [Electronic resource]. URL: <https://gufo.me/dict/shansky/%D0%B4%D1%83%D1%88%D0%B0> (date of access: 19.03.2023). (In Russian)
19. Shaposhnikov A.K. Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow, 2010, vol. 1, pp. 251. (In Russian)
20. Tsyganenko G.P. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Kiev, 1989, pp. 121. (In Russian)
21. Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow, 1999, vol. I, pp. 275–276. (In Russian)
22. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy «ZH», «Zh» i «J» / Otv. red. L.S. Levitskaya [Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic bases on the letters “Zh,” “Zh” and “Y” / Otv. ed. L.S. Levitskaya]. Moscow, 1989, vol. IV, pp. 16, 111–112. (In Russian)
23. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972, 1034 p. (In English)
24. Räsänen Martti, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. [Electronic resource] <https://www.altai.ru/v-turks.php> (date of access: 10.06.2023). (In German)

УДК 81'23:316.276

Румянцева Марина Васильевна

Доцент кафедры филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет», кандидат филологических наук, доцент (г. Тюмень, Россия).

m.rumjanzewa@rambler.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0002-7949-8360>

Биоморфные признаки концепта *дом* в художественной картине мира (на материале произведений современных русских писателей)

Аннотация. Статья посвящена описанию метафорических признаков концепта *дом* и дополняет уже имеющиеся в этой области исследования. Цель статьи – анализ биоморфных признаков концепта *дом* в художественной картине мира современных русских писателей. Материалом для исследования послужили художественные произведения Белова В.И., Личутина В.В., Распутина В.Г., Солоухина В.А. – крупнейших представителей русской «деревенской прозы» XX–XXI вв. В статье раскрываются базовые лингвокультурологические понятия «картина мира», «художественная картина мира», «ментальность», «концепт». Исследование показало, что в русской художественной картине мира *дом* есть живое существо с обликом человека, со своей душой и духом, что соответствует христианским верованиям и представлениям о природе человека. Антропоморфный об-

раз дома дополняется большим количеством соматизмов и глаголами ментальных действий, свойственных только человеку. Так, глазами дома являются окна, носом – крыльцо, ртом – двери или ворота. Дом способен вспоминать, задумываться, сочувствовать, сострадать. Душой дома является печь, которая тоже осмысливается русским человеком как живое существо и соотносится с человеческим телом. Духом и хранителем дома считается домовый, который имея антропоморфную внешность, принадлежит к разряду демонологических существ. Делается вывод о том, что *дом* в русской лингвокультуре – это место, где реализуется принцип гуманизации мира, что подразумевает превращение пространства в обитаемый мир. Человеку присуще одухотворять предметный мир, а чувственные свойства этого мира переносить в знаки-слова, которыми являются антропоморфные и соматические метафоры. Художественная картина мира, являясь глубоко личностной, отображает всю историю духовного развития народа, особенности национального духа и все базовые ценности национальной культуры.

Ключевые слова: картина мира; художественная картина мира; ментальность; концепт *дом*; антропоморфные признаки; современная русская литература.

Введение. Постановка проблемы образного моделирования концепта *дом* обусловлена тем, что в современной лингвистике в настоящее время актуализировались проблемы категоризации и концептуализации действительности. Концепт *дом* вписан в систему так называемых ключевых концептов культуры, под которыми понимаются закодированные в слова особенности миропонимания и мировосприятия, характерные для некоторого общества (или этноса), представляющие собою «ключи» к пониманию культуры. Изучение ключевых концептов является одним из актуальных направлений в современной лингвистике. Языковые данные дают доступ к этим представлениям, делают доступным понимание культурно-значимых аспектов восприятия мира. Данное исследование не претендует на полное описание концепта *дом*, а лишь дополняет уже имеющиеся в этой области изыскания (см. работы Д.Р. Валеевой, Б.Г. Глозмана, Е.А. Потураевой, Е.В. Слепцовой и др.). Нашей целью стал анализ и описание биоморфных признаков концепта *дом* в художественной картине мира современных русских писателей. Исследование выявляет архетипичность антропоморфного образа дома, вскрывающего неразрывную связь человека с ним.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в изучение русской языковой картины мира, что значимо как для лингвокультурологии, разрабатывающей проблематику ключевых концептов культуры, так и для когнитивной лингвистики, исследующей ментальные механизмы концептуального моделирования. Основные положения статьи могут быть использованы в преподавании курса лингвокультурологии.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили художественные произведения В. Белова, В. Личутина, В. Распутина, В. Солоухина – крупнейших представителей русской «деревенской прозы» конца XX начала XXI вв. Использование метода контекстуального анализа и описательного метода способствовало выявить языковые средства вербализации биоморфных метафорических признаков концепта *дом*.

Литературный обзор. Современная наука пришла к выводу о том, что понимание глубинных сфер реальности, к каковым относится картина мира, возможно в результате синтеза философии, психологии, лингвистики и искусства. В.И. Постовалова истолковывает картину мира как глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, отражающий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека [16, с. 21]. Картина мира – это фундаментальные мировоззренческие представления о месте и роли человека в мире, о мироустройстве и законах, которым все происходящее в нём подчиняется, о смысле и цели этого происходящего. Примерами целостных картин, каждая из которых самобытна и

неповторима, являются мифологическая, религиозная, философская и научная картины мира. Особый интерес представляет художественная картина мира, которая являет собой своеобразный синтез субъективного восприятия и объективного постижения мира писателем или художником [15, с. 7-11]. Сознание писателя как представителя определенного этноса всегда этнически обусловлено, так как отражает ментальность народа. По определению В.В. Колесова, ментальность есть «миросозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [4, с. 15]. Язык аккумулирует национальное мировидение, национальный характер, идею и ценности, которые получают свою репрезентацию в традиционных символах национальной культуры. Единицей ментальности принято считать некие обобщенные, осуществляющие процесс мышления образы, называемые концептами определенной культуры. Художественная картина мира представляет мир бытия в конкретно-чувственных мифопоэтических образах. Концепты художественной картины мира фиксируют элементы народной психологии, мифы, предания, традиции. Основные ценностные ориентации этноса, которые на уровне культуры и языка выражаются в основных концептах данной лингвокультурной общности, входят в этническую картину мира.

В.А. Маслова утверждает, что концепт *дом* занимает второе место в сознании русских после осознания себя как человека. «Родной дом – это первая вселенная человека, объединяющая его воспоминания, мысли, мечты» [14, с. 235]. Дом – это, прежде всего, защищённость и принадлежность самому себе [5, с. 220]. В русском сознании дом, как и человеческое тело, выполняет охранительную функцию: защищает внутреннее его содержание [13, с. 75]. Поэтому в художественной картине мира русских писателей концепт *дом* часто наделяется биоморфными признаками, т.е. признаками живого организма: человека (антропоморфные), животного (зооморфные), бестиариев (демонологическо-антропоморфные). Такая тенденция берет свое начало в русской мифологии, когда в сказках, например, избушка Бабы Яги изображается на курьих ножках (зооморфный признак), она умеет поворачиваться, понимает речь, выполняет команды. Русские писатели XIX века, например, И. Бунин, А. Чехов, продолжая фольклорную традицию, рисуют словесные «портреты» домов, наделяя их антропоморфными признаками: *Мне его передний фасад представлялся всегда живым: точно старое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами глаз, – окнами с перламутровыми от дождя и солнца стеклами* (Бунин. Антоновские яблоки). *<...> крыша на доме зеленая, штукатурка облепилась, а окна маленькие, узенькие, точно прищуренные глаза* (Чехов. Печенег).

Результаты и обсуждение. Как показало исследование, дом (или изба) в сознании современных русских авторов имеет антропоморфный образ, представляющий собой триединое начало, включающее тело, дух и душу, что соответствует христианским верованиям и представлениям о природе человека. Поэтому при описании жилища, как и при описании человека, используются лексемы религиозного дискурса *плоть, лик, дух*: *Строились хоромы на века <...>, но годы взяли свое, выпили, поистерзали **плоть**, изгнали в нети **дух и норы житья**, да и минувшие несчастья и беспризорность глубоко исчертили его **лик**, оставили лишь жалкую тень от былого* (Личутин. Миледи Ротман). *Вздохнула Агафьина изба, прощаясь, – так тяжело и больно вздохнула, что заскрипели все ее венцы, вся ее изможденная **плоть*** (Распутин. Изба).

Описывая избу, писатели часто сравнивают ее с женщиной. Если изба не стара, ухожена, принаряжена к празднику, то она в метафорическом сравнении вербализируется лексемой *невеста*: *<...> весь сряд нашей избы, которая, стыдливо упрятав бедность, празднично принарядившись вскоре неузнаваемо переменится, похорошеет, как засидевшаяся **невеста на выданье**, которую вдруг высмотрели жениховы сваты из другой деревни да неожиданно и нагрянули* (Личутин. Миледи Ротман). Изба, оставленная ее

жителями без должного присмотра и ухода на произвол судьбы, сравнима с древней беспомощной женщиной и актуализируется лексемой *старуха*: *Сама же изба зрелище являла печальное, идя к неизбежному концу, и, как древняя старуха, конечно, нуждалась в ключке подпиральной* (Личутин. Миледи Ротман).

Антропоморфные образы дома дополняются большим количеством соматизмов, используемых авторами при описании жилища. Под соматизмами, вслед за приверженцами анатомического подхода [22; 23], понимаем языковые средства наименования явлений, относящихся к сфере телесного бытия: помимо внешних частей тела это внутренние органы, твердые и мягкие ткани, жидкости, а также названия болезней и других физиологических проявлений организма. Найденные примеры показывают, что в русском сознании у дома имеются явные черты человеческого лица, где глазами являются окна, носом – крыльцо, ртом – двери или ворота: *Домок <...> стоял веселый, глядя в ночной озерный простор своими небольшими освещенными электричеством окнами* (Белов. Утром в субботу). *Крыльцо избы, – что нос на лице, с той лишь разницей, что обличье от судьбы зависит, нос не выбираешь по своему хотенью, а крыльцо – от хозяина* (Личутин. Последний колдун). *Поветные ворота расселись, одна створка выпала, изба зияла беззубым зевом* (Личутин. Миледи Ротман). Дом способен дышать, испытывать жажду: *Потом кто-то догадался открыть ставни. Всего-то и надо было — дать свет в окошки. И задышала изба, очнулась, натянулась вся, подставила солнцу маленькие ослепшие глаза, заслезилась, принимая тепло, и за два дня скинула с себя смертный вид* (Распутин. Изба). *Самый последний дом наклонился над рекой напиться, остальные, взявшись цепочкой за руки, держат его, чтобы не ткнулся с глинистого обрывчика в светленький, чистенький омуток* (Солоухин. Мать-мачеха). В последнем примере автор наделяет дом руками, которые тот может протянуть в помощь своим соседям.

У каждого дома – свой нрав, свой характер. Дом может быть аккуратным, веселым, стыдливым, упрямым, статным, горделивым и др.: *Дом Федора Креня <...> высунулся на самый угор, упрямо набычившись* (Личутин. Фармазон). *...оставалось что-то в ее поставе и стати такое, что не позволяло ее назвать избенкой* (Распутин. Изба). *...из последних сил изба держала достоинство и стояла высоконько и подобранно, не дала выхлестать стекла, выломать палисадник с рябиной и черемухой* (Распутин. Изба).

Произведения «деревенской прозы» пронизаны мотивами печали и сожаления по поводу утраты нравственных ценностей патриархального русского быта, а также тоской по разрушающемуся и умирающему деревенскому дому. Поэтому в «портретах» домов часто встречаются признаки старости, увядания или увечности. Так, В. Личутину в старых бревнах изб видятся морщины, в досках разрушенных частей дома – гнилые зубы, а снег на водостоках кажется писателю бровями старого человека: *Я блуждал взглядом по деревне и натыкался на темные, в глубоких морщинах бревна* (Личутин. Река любви). *<...> прежде был балконец, от него остались лишь короткие лаги, похожие на гнилые зубы* (Личутин. Миледи Ротман). *С водостоков, как старческие брови, свисают козырьки снега* (Личутин. Миледи Ротман). Признаки старости видны не только снаружи, но и внутри дома. Писатели подмечают, что старые избы, как и люди страдают разного рода болезнями, например, бессонницей или ревматизмом: *Изба, как и любой человек, тоже съезживалась от старости, опадала, хилилась в связях, костенела в суставах* (Личутин. Последний колдун). *Хрустели половицы под ногами, как ревматические старые кости* (Личутин. В ожидании Бога). Также как и старики, избы могут стонать, обмирать, жаловаться на свои болезни, просить о помощи: *Родной дом словно жалуется на старость и просит ремонта. Но я знаю <...> нельзя ворошить старые задубелые кости* (Белов. Плотничьи рассказы). *Агафьиная изба <...> стонала и обмирала до бездыханности и опять отеплялась солнышком* (Распутин. Изба).

Антропоморфные признаки дома также вербализируются глаголами ментальных

действий, свойственных только человеку (вспоминать, переживать, сочувствовать и т.д.): *Мне казалось, что мой старый дом тоже не спит, перемогая длинную лунную ночь, вспоминает события столетней давности и всем своим деревянным естеством сочувствует мне* (Белов. Плотницкие рассказы). Дом, требующий постоянной заботы и должного участия, не дождавшись таковых от своих жильцов, может, постепенно угасая, умереть: *Изба оказалась трупищем окоченелым, и если и теплилась в стенах жизнь, то в самой глубине окаменевшей болони, где сокрытые глазу по невидимым жилам старинных бревен, по тончайшим волокнам-сосудам сочились на последнем вздохе древесные соки* (Личутин. Убить скорпиона). Дом, как и человек, может быть казнен. Так, в начале XX века в постреволюционный период борьбы с религией в России было обезглавлено множество Божьих домов: *<...> храмы по Мезени были обезглавлены и видом своим не вносили смущения в ум, не тревожили души своими обветренными ребрами* (Личутин. Убить скорпиона).

Сердцем дома, его душой, средоточием жизни в нем для каждого деревенского жителя от рождения и до смерти была русская печь. Она кормила и обогревала, лечила болезни, утешала людей в горькие или холодные ночи, была пристанищем детям, старикам и увечным. Печь, как и весь дом, осмысливалась русским человеком как живое существо и соотносилась с человеческим телом. Об этом говорят названия отдельных составных частей печи, например, чело, устье, небо, скула, ноги. Печь как женское начало находит отражение в представлении об устье печи как о женском лоне. По свидетельству Н.И. Толстого, женщины, сажая хлебы в печь, обращались к ней как к матери: «Матушка-печка, укрась своих детушек!» или «Печка-матка, пеки, не сожги, моих детушек накорми!». А в полесском заговоре женщины при родах просили: «Печь-мати! Помози рожати!» [20, с. 39].

Печь не остывала в доме порою по сто лет, пока не построят новый дом. Холодный очаг обозначает смерть, небытие всего дома: *Пахло плесенью, могильной затхлостью неотвратно умирающего дерева; печь не топилась с осени и походила на кладбищенский памятник, занимая собою половину избы* (Личутин. В ожидании Бога). Нетопленная печь делает пространство чуждым, враждебным, наподобие леса: *От тайги несло навстречу стылостью, словно из давно не топленной избы* (Личутин. Фармазон). Изба оживает только тогда, когда в печи разгорается огонь: *<...> затопил печь. И огонь словно вдохнул душу в домик на Бобришном угре* (Белов. Бобришный угор). *<...> с первым жаром, струящимся из чела печи, бревенчатые стены отпотели, оживели, и как бы очнулся сам домашний дух* (Личутин. Убить скорпиона). Жилой дух дома создается *«теплыми волнами, блуждающими от русской печи к порогу», «пряными запахами каленых угольков из устья печи и душицы со зверобоем, повешенных пучками в дальнем сумрачном углу»* (Личутин. В ожидании Бога).

По древним, еще языческим верованиям, духом дома, хранителем и пестуном всего хозяйства является домовый. Живет он под печью и хозяйничает в тайных углах дома: *Тепло в избе, угревно, печь ровно гудит, <...> и подпаливший заденку чертик пугливо моет на краю дымохода, боясь юркнуть в черный зев, пылуший жаром. Сквозь прорези чугунной дверцы внимательно глядят вишневые глаза: взгляд живой, заворазивающий* (Личутин. Последний колдун). *В избе у Пиросмани сыщется множество таинственных закутов и затулий, куда редко ступает нога хозяина, и там владычит наш домовушко-доможиришко – башка с ухват, а борода до пят* (Личутин. В ожидании Бога). Из примеров видно, что домовый дух, имея антропоморфную внешность, принадлежит к разряду демонологических существ, к нечистой силе. Но этот домашний ревнитель, по представлениям В.В. Личутина, мохнатый, ростом «с рукавицу-мохнатушку» или не больше «валенка-катанка», сверкающий в темноте зелеными, вишневыми или розовыми глазами, бессонно охраняет своих домочадцев и заботится о домашних животных

в ночное время суток, вселяя в человека благостное чувство уверенности и защищенности в том, что мой дом есть моя крепость. Переезжая в новое жилье, принято было звать домового хозяина с собой: *Пойдем ко мне во новый двор, на доброе житье – на богатство* (Личутин. Последний колдун). В.В. Личутин описывает душевные переживания одного из своих героев Геласия Созонтовича, уверенного в том, что не будет ему теперь семейного счастья и радости в новом доме, потому что забыл позвать с собой избяного хозяина: *Хозяина-то избяного с собой не взял – не позвал, забыл во сиротстве-одиночестве покровителя домашнего, охранителя очага семейного. В несчастии кинул, во позоре, так будет ли мне радость житейская и воля вольная в этом жилье?* (Личутин. Последний колдун). Частое введение мифологического демонологическо-антропоморфного персонажа в описание русского дома свидетельствует о влиянии русской мифологической картины мира, сложившейся под влиянием мировосприятия этноса в более ранние периоды его развития, на художественную картину мира современных писателей.

Заключение. Дом в русской лингвокультуре – это место, где реализуется принцип гуманизации мира, т.е. превращение пространства в обитаемый мир [17]. Согласно сформулированной А.А. Леонтьевым концепции субъектно-объектного пространства, человеку присуще одухотворять предметный мир, а чувственные свойства этого мира переносить в знаки, которыми являются слова [6]. Через мысль-рефлексию о доме и о себе в пространстве дома (как единственно возможном месте и способе существования) посредством антропоморфной и соматической метафоры происходит осмысление дома как живого существа, имеющего человеческий облик и умеющего переживать, сочувствовать и сострадать человеку.

В современной художественной литературе писатели продолжают создавать образ дома под влиянием мифологических воззрений и представлений, уходящих корнями в глубокое язычество, подвергшихся в более поздние века влиянию русского православия. Поэтому дом имеет антропоморфный облик и тело, свою особенную душу, местом пристанища которой является печь, и свой дух, представляемый в виде бестиария домового. Такое понимание дома веками складывалось в сознании русского человека, ибо жильё приобретало свой неповторимый облик тогда, когда хозяин строил его сам, выражал в нем свою душу, свой характер, представления о красоте и пользе. Напрашивается вывод о том, что хотя всякая отдельная художественная картина мира и является глубоко личностной (авторской), она, в то же время, сосредотачивает в себе и отображает всю историю духовного развития народа, особенности национального духа и все базовые ценности национальной культуры.

Литература

1. Белов В.И. Повести и рассказы. СПб.; М.: Речь, 2019. 448 с.
2. Белов В.И. Привычное дело: Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2005. 864 с.
3. Бунин И.А. Рассказы. М.: Художественная литература, 1982. 176 с.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
5. Левяш И.Я. Культурология. 5-е изд., испр. и доп. М.: Фэйрис-пресс, 2004. 576 с.
6. Леонтьев А.А. Деятельный ум: (Деятельность, Знак, Личность): Монография. М.: Смысл, 2001. 380 с.
7. Личутин В.В. В ожидании Бога: роман. М.: ООО «Издательский дом «Вече», 2017. 752 с.
8. Личутин В.В. Миледи Ротман. М.: ИТРК, 2001. 416 с.
9. Личутин В.В. Последний колдун. М.: ИТРК, 2008. 688 с.
10. Личутин В.В. Река любви. М.: ИТРК, 2010. 244 с.

11. Личутин В.В. Убить скорпиона. М.: ИТРК, 2012. 560 с.
12. Личутин В.В. Фармазон: Роман-хроника. М.: Вече, 1994. 575 с.
13. Мазалова Н.Е. Проект выставки «Изба севернорусской знахарки» (Из практики знающих.) / Коллекции отдела Европы: Выставочные проекты. Каталоги. Исследования. СПб.: Наука, 2008. 214 с.
14. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. 2-е изд. Мн.: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
15. Полубояров Д.И. Художественная картина мира // Культура. Духовность. Общество. 2016. № 22. С. 7-11.
16. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека. // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–70.
17. Разова Е.Л. Дом. Экзистенциальное пространство человека // Альманах молодых философов. 2002, Вып. 1. С. 206–220.
18. Распутин В.Г. Изба. URL:<https://www.rulit.me/books/izba-read-19071-1.html> (дата обращения 15.12.2023).
19. Солоухин В.А. Возвращение к началу: Лирическая повесть и роман. М.: Современник, 1990. 478 с.
20. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
21. Чехов А.П. Печенег. URL:<https://онлайн-читать.рф/чехов-печенег/> (дата обращения 29.09.2022).
22. Olza Moreno I. Aspectos de la semántica de las unidades fraseológicas. La fraseología somatic metalingüística del español: Tesis Doctorales. Pamplona, 2009, 579 p.
23. Yu N. Metaphor from Body and Culture // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / ed. by R. W. Gibbs, Jr. New York: Cambridge University Press, 2008, pp. 247-261.

Marina V. Rumyantseva

Associate Professor, Department of Philological Disciplines, Tyumen State Medical University, Candidate of Philology, Associate Professor (Tyumen, Russia)

m.rumjanzewa@rambler.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0002-7949-8360>

**Biomorphic signs of the concept *house* in the artistic picture of the world
(based on the material of works of modern Russian writers)**

Abstract. The article is devoted to the description of the metaphorical features of the *house* concept and complements the studies already available in this area. The purpose of the article is to analyze the biomorphic features of the *house* concept in the artistic picture of the world of modern Russian writers. The material for the study was the works of art by Belov V.I., Lichutin V.V., Rasputin V.G., Soloukhin V.A. – the largest representatives of Russian «village prose» of the XX-XXI centuries. The article reveals the basic linguoculturological concepts of «picture of the world», «artistic picture of the world», «mentality», «concept». The study showed that in the Russian art picture of the world *house* there is a living creature with the appearance of a person, with his soul and spirit, which corresponds to Christian beliefs and ideas about the nature of man. The anthropomorphic image of the house is supplemented by a large number of somatism and verbs of mental actions characteristic only of humans. So, the eyes of the house are windows, nose – porch, mouth – doors or gates. The house is able to remember, think, sympathize, compassion. The soul of the house is the stove, which is also comprehended by Russian man as a living being and correlates with the human body. The spirit and keeper of

the house is considered a house, which, having an anthropomorphic appearance, belongs to the category of demonological creatures. It is concluded that the *house* in Russian linguoculture is a place where the principle of humanization of the world is implemented, which implies the transformation of space into a inhabited world. It is inherent in man to spiritualize the subject world, and to transfer the sensual properties of this world into signs-words, which are anthropomorphic and somatic metaphors. The artistic picture of the world, being deeply personal, displays the entire history of the spiritual development of the people, the features of the national spirit and all the basic values of national culture.

Keywords: picture of the world; art picture of the world; mentality; concept *house*; anthropomorphic features; modern Russian literature.

References

1. Belov V.I. Povesti i rasskazy [Stories and tales]. S. Petersburg; Moscow: Rech', 2019, 448 p. (In Russian)
2. Belov V.I. Privychnoye delo: Povesti i rasskazy [The usual thing: Novels and stories.]. Moscow: Eksmo Publishing House, 2005, 864 p. (In Russian)
3. Bunin I.A. Rasskazy [Stories]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1982, 176 p. (In Russian)
4. Kolesov V.V. YAzyk i mental'nost' [Language and mentality]. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2004, 240 p. (In Russian)
5. Levyash I.Ya. Kul'turologiya [Cultural studies]. Moscow: Feyris-press, 2004, 576 p. (In Russian)
6. Leontiev A.A. Deyatel'nyy um: (Deyatel'nost', Znak, Lichnost') Monografiya [Active mind: (Activity, Sign, Personality) Monograph.]. Moscow: Smysl, 2001, 380 p. (In Russian)
7. Lichutin V.V. V ozhidanii Boga: roman [Waiting for God: a novel]. Moscow: Veche Publishing House, 2017, 752 p. (In Russian)
8. Lichutin V.V. Miledi Rotman [Milady Rotman]. Moscow: ITRK, 2001, 416 p. (In Russian)
9. Lichutin V.V. Posledniy koldun [The last sorcerer]. Moscow: ITRK, 2008, 688 p. (In Russian)
10. Lichutin V.V. Reka lyubvi [River of love]. Moscow: ITRK, 2010, 244 p. (In Russian)
11. Lichutin V.V. Ubit' skorpiona [Kill the scorpion]. Moscow: ITRK, 2012, 560 p. (In Russian)
12. Lichutin V.V. Farmazon: Roman-khronika [Freemason: Novel chronicle]. Moscow: Veche, 1994, 575 p. (In Russian)
13. Mazalova N.E. Projekt vystavki «Izba severnorusskoy znakharki» (Iz praktiki znayushchikh.) [Project of the exhibition «House of the North Russian Medicine Doctor» (From the practice of those who know)]. *Kolleksii otdela Yevropy: Vystavochnyye projekty. Katalogi. Issledovaniya* [Collections of the Department of Europe: Exhibition projects. Catalogs. Research]. St. Petersburg, 2008, 214 p. (In Russian)
14. Maslova V.A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. Minsk, 2005, 256 p. (In Russian)
15. Poluboyarov D.I. Khudozhestvennaya kartina mira [Artistic picture of the world]. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo* [Culture. Spirituality. Society], 2016, no. 22, pp. 7–11. (In Russian)
16. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [Picture of the world in human life]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: YAzyk i kartina mira* [Role of the human factor in language: Language and picture of the world]. Moscow, 1988, pp. 8–70. (In Russian)

17. Razova E.L. Dom. Ekzistentsial'noye prostranstvo cheloveka [House. Human Existential Space.]. *Al'manakh molodykh filosofov* [Young Philosophers' Almanac]. 2002, vol. 1, pp. 206–220. (In Russian)
18. Rasputin V.G. Izba [House]. [Electronic resource] URL: <https://www.rulit.me/books/izba-read-19071-1.html> (date of access: 15.12.2023). (in Russian)
19. Soloukhin V.A. Vozvrashcheniye k nachalu: Liricheskaya povest' i roman [Return to the beginning: Lyrical story and novel]. Moscow: Sovremennik, 1990. 478 p. (In Russian)
20. Tolstoy N.I. YAzyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike [Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik, 1995, 512 p. (In Russian)
21. Chekhov A.P. Pecheneg [Pecheneg]. [Electronic resource] URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/pecheneg.htm> (date of access: 29.09.2023). (in Russian)
22. Olza Moreno I. Aspectos de la semántica de las unidades fraseológicas. La fraseología somatic metalingüística del español: Tesis Doctorales. Pamplona, 2009, 579 p. (In Spanish)
23. Yu N. Metaphor from Body and Culture // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* / Ed. by R. W. Gibbs, Jr. New York, 2008, pp. 247–261. (in English)

УДК 81`27

Стрельникова Анна Михайловна

Преподаватель, ГАПОУ «Кузбасский техникум архитектуры, геодезии и строительства» (г. Кемерово, Россия).

azavorina@rambler.ru

orcid: <https://orcid.org/0009-0000-7124-2961>

Концепт *восторг* в аспекте первопризнаков

Аннотация. Цель статьи – исследование мотивирующих признаков эмотивного концепта *восторг*. Мотивирующие признаки выявляются на основании данных девяти этимологических и историко-этимологических словарей русского языка. Актуальность исследования обусловлена вниманием к сфере внутреннего мира человека, определением статуса концептов ментальной сферы. Научная новизна состоит в первом опыте комплексного описания мотивирующих признаков в структуре концепта *восторг* и квалификации этого концепта с позиций их особенностей. В статье применяются этимологический приём лингвистического анализа лексемы *восторг* – основного репрезентанта изучаемого концепта, концептуальный и дескриптивный методы. В качестве материала исследования выступают словарные статьи «восторг» в девяти этимологических и историко-этимологических словарях русского языка. Результатом анализа стало обнаружение 45 мотивирующих признаков изучаемого концепта, которые объединяются в 10 блоков: 1. Дух/ эго; 2. Отсутствие сознания; 3. Эмоции; 4. (Каузация) движения (вверх); 5. Телесное состояние; 6. Физический/ социальный; 7. Оценка; 8. Взрыв; 9. Размер; 10. Бой. Среди мотивирующих признаков концепта *восторг* находятся оценочные ('сильный', 'чрезмерный'). Присутствие их в структуре позволяет назвать концепт *восторг* оценочным, а найденный мотивирующий признак 'дух' квалифицирует его как символический. Таким образом, концепт *восторг* относится к сложному типу оценочно-символических концептов. Семантика современных глаголов *восторгать* «приводить в восторг» и *восторгаться* претерпела изменения: старые значения «вырывать», «выдергивать» в современном русском литературном языке вышли из употребления. Мотивирующие признаки концепта *восторг* служат фундаментом для его дальнейшего развития.

Ключевые слова: концепт; структура концепта; мотивирующие признаки; концептология; русская лингвокультура.

Введение. Изучение концепта предполагает описание его структуры. Согласно В.А. Масловой, «концепт обладает сложной, многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится, сколько переживается; она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре» [6, с. 77].

Концепт в современной когнитивной лингвистике изучается путём выявления его признаков, с помощью которых можно выявить «общие и специфические особенности народных систем знаний о внутреннем мире человека, а также выводить некоторые заключения о свойствах национальной ментальности» [8, с. 104]. Концепт имеет разноразноуровневую представленность в языке. Наиболее продуктивным является лексический уровень, который позволяет выявить набор групп признаков, которые формируют структуру того или иного концепта. Первый этап – анализ мотивирующего признака (мотивирующих признаков), т.е. внутренней формы слова, репрезентирующего концепт [9, с. 58].

Методы и материал исследования. В статье применяются этимологический приём лингвистического анализа лексемы *восторг* – основного репрезентанта изучаемого концепта, концептуальный и дескриптивный методы. В качестве материала исследования выступают словарные статьи «восторг» в девяти этимологических и историко-этимологических словарях русского языка.

Литературный обзор. В научной литературе среди работ, посвященных изучению эмотивных концептов опубликован ограниченный ряд статей, в которых исследуется концепт *восторг*. Национальное своеобразие признаков концепта *восторг* рассмотрено в аспекте языка и культуры [10, с. 61-76]. Методика концептуальных исследований Кемеровской научной школы описана на примере концепта *восторг* [11, с. 260-274]. Сопоставление концептов *восторг* и *delight* в индивидуально-авторских картинах мира провела М.В. Енева [3, с. 36–40]. Основные признаки структуры концепта *восторг* были описаны А.М. Завориной [4, с. 177–180].

Результаты и обсуждения. У лексемы *въстрѣгъ* своя история: это церковнославянское слово, производное от старославянских глаголов *въстрѣгати* «срывать, вырывать», *въстрѣгнѣти* «вырвать» [1, с. 304; 15, с. 96]. Г.А. Крылов, Н.М. Шанский и Т.А. Боброва считают слово *восторг* заимствованием «из старославянского, где восходит к глаголу *тѣргати* “рвать”» [5, с. 80; 15, с. 96; 16, с. 48]. А.К. Шапошников высказывает мнение о заимствовании слова из церковнославянского **въстрѣгъ*, приставочного производного от праславянского корня **тѣрг-*: **тѣрг-* «дрожать, биться в судорогах» [17, с. 146]. М. Фасмер указывает, что у слова *восторг* только приставка *воз-* является церковнославянским заимствованием [13, с. 357]. Согласно другому мнению, *восторг* – производное от глагола *въстрѣгати* «взрывать», «срывать», префиксального производного от *тѣргати* «рвать» [16, с. 48]. Ср.: *расторгати* «разрывать», *исторгати* «вырывать».

Глаголы *въстрѣгати* и *въстрѣгнѣти* состоят из префикса *въз-* (см. *воз-*) и глагола **тѣргати* (**тѣргнѣти*) ~ рус. диал. *торгáть* «рвать, дергать, теребить» (ср. литер. *отторгáть*, *расторгáть*, *вторгáться*, *исторгáть*, из церковнославянского) [1, с. 304]. Первоисточник: и.-е. **ter-gh-*: **tor-gh-*: **tr-gh-* «рвать, теребить», к которому восходят как русский глагол *терзать*, так и латинский *trahere* «влечь, тянуть, вытаскивать» [2, с. 56; 17, с. 146].

Отмечены соответствия как в истории русского языка, так и в других языках: древнерусское *тѣргати* «дрожать», «биться (о людях)», *тѣргати* «рвать», рус. *терзáть*, прасл. **tǣrgati*, **tǣrzati*, укр. *то́ргати* «дергать, рвать», [13, с. 357; 14, с. 169], *въстрѣгати(ся)* «выдергивать(ся)», *въстрѣгнути* «выдернуть, вырвать» [1, с. 305]. В других сла-

вянских языках нет соответствий, кроме заимствованного из русского языка болгарского имени *възтѡрг* [14, с. 169].

Слово *восторг* исходно было обозначением отторжения сознания человека [1, с. 304]. Советские этимологи отмечали, что *восторгом* ранее называлось безумие, понимаемое как отделение духа от тела, что стало отражением древних представлений о душе и ее способности оторваться от бремени плоти [18, с. 141]. Это положение имеет основание: ср. греч. *ἔκστασις* «смещение, перемещение», «исступление, помешательство, восторг» от *ἐξίστημι* «смещаю, удаляю», «привожу в исступление», укр. *захóплення* «воодушевление, восторг» от *захóплювати* «захватывать», «увлекать, восхищать» [14, с. 169], в том числе *восхитѣть*, *восхищѣние*, *исступлѣние*, церковнославянский глагол *востерзати* «выдернуть, вырвать», перен. «отторгнуть, изъять», «заставить воспарить» [1, с. 304].

Признаки 'экстаз' и 'забытье' у концепта *восторг* фиксируются с XI в.: *яко въ възтързъ* «бывъ ἐν ἐκστάσει» [1, с. 304], признаки 'состояние', 'религиозный', 'экстаз', 'видения' – с XIII в.: *быти (въ) възтързъ*, признаки 'вырывать, выдергивать (растения)' ~ с XII–XIII вв.: *въсторгати* [1, с. 305].

Интересен факт фиксации диалектной формы глагола *встѡргнуться* в значении «резко подняться, повиситься (о температуре)» новг. [1, с. 305].

Исследование этимологических словарей привело к следующим результатам по мотивирующим признакам концепта *восторг*:

1. 'восхищенье' [1, с. 304; 14, с. 169; 17, с. 146];
2. 'забытье' [1, с. 304; 14, с. 169; 17, с. 146];
3. '(самого) себя' [1, с. 304];
4. 'временное' [1, с. 304];
5. 'отрешение (от мира и сует его)' [1, с. 304];
6. 'дух' [1, с. 304];
7. 'чрезмерный' [1, с. 304];
8. 'радость' [1, с. 304; 16, с. 48];
9. 'удовольствие' [1, с. 304];
10. 'торжественно' [1, с. 304];
11. 'с честью' [1, с. 304];
12. 'исступление' [1, с. 304];
13. 'забвение' [1, с. 304];
14. 'окружающий' [1, с. 304];
15. 'экстаз' [1, с. 304; 14, с. 169; 17, с. 146];
16. 'выдергивать(ся)' [1, с. 305];
17. 'веселье' [1, с. 304];
18. 'неистовство' [1, с. 304];
19. 'большой' [1, с. 304; 14, с. 169];
20. 'состояние' [1, с. 304];
21. 'религиозный' [1, с. 304];
22. 'видения' [1, с. 304];
23. 'срывать' [1, с. 304; 15, с. 96; 16, с. 48];
24. 'вырывать/ вырвать' [1, с. 304; 15, с. 96];
25. 'рвать' [1, с. 304; 14, с. 169; 15, с. 96; 16, с. 48; 17, с. 146];
26. 'дергать' [1, с. 304; 2, с. 56; 13, с. 357; 14, с. 169];
27. 'терebить' [1, с. 304; 17, с. 146];
28. 'выдергивать (растения)' [1, с. 305; 14, с. 169];
29. 'дрожать' [1, с. 304; 14, с. 169; 17, с. 146];
30. '(резко) подняться' [1, с. 305];
31. 'повиситься (о температуре)' [1, с. 305];

32. 'сильный' [17, с. 146];
33. 'подъём' [16, с. 48; 14, с. 169; 17, с. 146];
34. 'чувства' [16, с. 48; 14, с. 169; 17, с. 146];
35. 'биться' [14, с. 169; 17, с. 146];
36. 'в судорогах' [17, с. 146];
37. 'утрата' [17, с. 146];
38. 'сознание' [14, с. 169; 17, с. 146];
39. 'влечь' [2, с. 56; 14, с. 169; 17, с. 146];
40. 'тянуть' [2, с. 56; 14, с. 169; 17, с. 146];
41. 'вытаскивать' [2, с. 56; 14, с. 169; 17, с. 146];
42. 'взрыв(ать)' [12; 16, с. 48];
43. 'верх' [12; 13, с. 357; 16, с. 48];
44. 'движение' [12];
45. 'порыв' [12].

Полученные результаты мотивирующих признаков концепта *восторг* представим в виде таблицы 1.

Таблица 1. Мотивирующие признаки концепта *восторг*
Table 1. Motivating signs of the concept *delight*

№ №	Признаки	Словарь А.Е.Аникина	Словарь Н.В.Горяева	Словарь Г.А. Крылова	Словарь Л.В.Успенского	Словарь П.Я.Черных	Словарь Н.М.Шанского	Словарь Н.М.Шанского, Т.С. Бобровой	Словарь А.К. Шапошникова	Словарь М. Фасмера
1.	'биться'	+	-	-	-	+	+	+	+	-
2.	'большой'	+	-	-	-	-	-	-	-	-
3.	'взрыв(ать)'	-	-	-	+	-	-	+	-	-
4.	'верх'	-	-	-	+	-	-	+	-	+
5.	'веселье'	+	-	-	-	-	-	-	-	-
6.	'видения'	+	-	-	-	-	-	-	-	-
7.	'влечь'	-	+	-	-	+	-	-	+	-
8.	'восхищенье'	+	-	-	-	-	-	+	-	-
9.	'временное'	+	-	-	-	-	-	-	-	-
10.	'выдергивать (рас- тения)'	+	-	-	-	-	-	-	-	-
11.	'выдергивать(ся)'	+	-	-	-	-	-	-	-	-
12.	'вырывать/ вы- рвать'	+	-	-	-	-	+	-	-	-
13.	'вытаскивать'	-	+	-	-	+	-	-	+	-
14.	'дух'	+	-	-	-	-	-	-	-	-
15.	'движение'	-	-	-	+	-	-	-	-	-
16.	'дергать'	+	+	-	-	+	-	-	-	+
17.	'дрожать'	+	-	-	-	+	-	-	+	-
18.	'забвение'	+	-	-	-	-	-	-	-	-

19.	‘забытье’	+	-	-	-	+	-	-	+	-
20.	‘исступление’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
21.	‘неистовство’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
22.	‘окружающий’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
23.	‘отрешение (от мира и сует его)’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
24.	‘повыситься (о температуре)’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
25.	‘подъём’	-	-	-	+	-	-	+	+	-
26.	‘порыв’	-	-	-	+	-	-	-	-	-
27.	‘радость’	+	-	-	-	-	-	+	-	-
28.	‘рвать’	+	-	+	+	+	+	+	-	+
29.	‘(резко) подняться’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
30.	‘религиозный’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
31.	‘(самого) себя’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
32.	‘сильный’	-	-	-	-	-	-	-	+	-
33.	‘сознание’	-	-	-	-	+	-	-	+	-
34.	‘состояние’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
35.	‘срывать’	+	-	-	-	-	+	+	-	-
36.	‘в судорогах’	-	-	-	-	-	-	-	+	-
37.	‘с честью’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
38.	‘теребить’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
39.	‘торжественно’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
40.	‘тянуть’	-	+	-	-	+	-	-	+	-
41.	‘удовольствие’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
42.	‘утрата’	-	-	-	-	+	-	-	+	-
43.	‘чрезмерный’	+	-	-	-	-	-	-	-	-
44.	‘чувства’	-	-	-	-	-	-	+	+	-
45.	‘экстаз’	+	-	-	-	+	-	-	+	-

Обращение к девяти словарям позволило выявить 45 мотивирующих признаков концепта *восторг*. Один из мотивирующих признаков относится к разряду символических: ‘дух’. Наличие такого признака среди мотивирующих позволяет отнести изучаемый концепт к разряду символических.

Среди мотивирующих признаков концепта *восторг* выделяются оценочные (‘сильный’, ‘чрезмерный’). Присутствие их в структуре позволяет назвать концепт *восторг* оценочным: «Центром концепта всегда является, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [7, с. 51].

Заключение. Мотивирующие признаки концепта *восторг* объединяются в 10 блоков: 1. Дух/ эго (‘дух’, ‘(самого) себя’, ‘с честью’); 2. Отсутствие сознания (‘видения’, ‘забвение’, ‘забытье’, ‘исступление’, ‘неистовство’, ‘отрешение (от мира и сует его)’, ‘сознание’, ‘утрата’); 3. Эмоции (‘веселье’, ‘восхищенье’, ‘радость’, ‘торжественно’, ‘удовольствие’, ‘чувства’, ‘экстаз’); 4. (Каузация) движения (вверх) (‘верх’, ‘влечь’, ‘выдергивать (растения)’, ‘выдергивать(ся)’, ‘вырывать/ вырвать’, ‘вытаскивать’, ‘движение’, ‘дергать’, ‘подъём’, ‘порыв’, ‘рвать’, ‘(резко) подняться’, ‘теребить’, ‘тянуть’, ‘срывать’); 5. Телесное состояние (‘временное’, ‘дрожать’, ‘повыситься (о температуре)’, ‘состоя-

ние', 'в судорогах'); 6. Физический/ социальный ('окружающий', 'религиозный'); 7. Оценка ('сильный', 'чрезмерный'); 8. Взрыв ('взрыв(ать)'); 9. Размер ('большой'); 10. Бой ('биться').

Семантика глагола *восторгать* «приводить в восторг», *восторгаться* испытала влияние существительного *восторг*: старые значения «вырывать, выдергивать» в современном русском литературном языке забыты. Мотивирующие признаки концепта *восторг* служат основой для его дальнейшего развития. Концепт *восторг* относится к сложному типу оценочно-символических концептов.

Литература

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русского языка. Вып. 8 (во I – вран). М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2014. 367 с. С. 304–305.

2. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Тип. Канцелярии главнонач. гражд. ч. на Кавказе, 1896. 558 с. С. 56.

3. Енева М.В. Эмоциональный концепт ВОСТОРГ/DELIGHT в сочинениях К.Г. Паустовского и Д.Б. Пристли // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2015. С. 36–40.

4. Заворина А.М. Основные структурные признаки концепта *восторг* // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 177–180.

5. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Полиграфсервис», 2005. 432 с. С. 80.

6. Маслова В.А. Феномен молчания как концепт культуры // Труды по когнитивной лингвистике и концептуальные исследования / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2008. 712 с. С. 77-83. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 10).

7. Маслова В.А. «Любовь» как духовно-нравственный концепт // Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2012. 604 с. С. 50-57. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 17).

8. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Вестник КемГУ. Серия Филология. Кемерово, 2002. Вып. 4 (12). С. 100–105.

9. Пименова М.В. Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка: коллективная монография; отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Графика, 2003. С. 58–119. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2).

10. Пименова М.В. Концепт *восторг*: структура и национальное своеобразие // Язык и культура; отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. Алматы-Кемерово-Витебск-Донецк: КазНУ, КемГУ, ВГУ, ДонНУ, 2013. 424 с. С. 61–76. (Серия «Филологический сборник». Вып. 12).

11. Пименова М.В. Исследование концептуальных структур (на примере концепта *восторг*) // Русистика в Китае: традиции и инновации. Санкт-Петербург: Златоуст, 2013. 444 с. С. 260–274.

12. Успенский Л.В. Этимологический словарь школьника. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/v/vostorg> (дата обращения: 06.01.2024).

13. Фасмер М. Этимологический словарь: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. I. 576 с. С. 357.

14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1999. Т. I. 623 с. С. 169.

15. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь. М.: Просвещение, 1971. 542 с. С. 94.
16. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: значение и происхождение слов. 2-е изд. М.: Дрофа, 1997. 400 с. С. 48.
17. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Флинта : Наука, 2010. Т. 1. 584 с. С. 146.
18. Этимология 1986–1987 / Под ред. Варбот Ж. Ж., Гиндина Л. А., Климова Г. А., Меркуловой В. А., Топорова В. Н., Трубачева О. Н. М.: Наука, 1989. 256 с.

Anna M. Strelnikova

Teacher, Kuzbass College of Architecture, Geodesy and Construction (Kemerovo, Russia).

azavorina@rambler.ru

orcid: <https://orcid.org/0009-0000-7124-2961>

The concept of *delight* in the aspect of primary signs

Abstract. The purpose of the article is to study the motivating signs of the emotive *delight* concept. Motivating signs are identified based on data from nine etymological and historical-etymological dictionaries of the Russian language. The relevance of the study is due to attention to the sphere of the inner world of a person, determining the status of concepts in the mental sphere. The scientific novelty lies in the first experience of a comprehensive description of motivating signs in the structure of the *delight* concept and the qualification of this concept from the standpoint of their signs. The article uses the etymological method of linguistic analysis of the lexeme *delight* - the main representative of the concept being studied, conceptual and descriptive methods. The research material is the dictionary entries “delight” in nine etymological and historical-etymological dictionaries of the Russian language. The result of the analysis was the discovery of 45 motivating signs of the concept being studied, which are combined into 10 blocks: 1. Spirit/ ego; 2. Lack of consciousness; 3. Emotions; 4. (Causation) movement (up); 5. Physical condition; 6. Physical/ social; 7. Evaluation; 8. Explosion; 9. Size; 10. Fight. Among the motivating signs of the *delight* concept are evaluative ones (‘strong’, ‘excessive’). Their presence in the structure allows us to call the concept of *delight* evaluative, and the found motivating sign ‘spirit’ qualifies it as symbolic. Thus, the concept of *delight* belongs to a complex type of evaluative-symbolic concepts. The semantics of the modern verbs *восторгать* “to delight” and *восторгаться* has undergone changes: the old meaning “to pull out” have fallen out of use in the modern Russian literary language. The motivating signs of the *delight* concept serve as the foundation for its further development.

Key words: concept; concept structure; motivating signs; conceptology; Russian linguoculture.

References

1. Anikin A.E. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Science; Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2014, vol. 8, pp. 304–305. (In Russian)
2. Goryaev N.V. Sravnitel'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Comparative etymological dictionary of the Russian language]. Tiflis, 1896, pp. 56. (In Russian)
3. Eneva M.V. Emocional'nyj koncept VOSTORG/DELIGHT v sochineniyah K.G. Paustovskogo i D.B. Pristli [The emotional concept of DELIGHT in the works of K.G. Paustovsky and D.B. Priestley]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. Chelyabinsk, 2015. pp. 36-40. (In Russian)

4. Zavorina A.M. Osnovnye strukturnye priznaki koncepta vostorg [The main structural features of the concept of delight]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics]. 2010. No. 1 (11). pp. 177–180. (In Russian)
5. Krylov G.A. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Poligrafuslugi, 2005, pp. 80. (In Russian)
6. Maslova V.A. Fenomen molchaniya kak koncept kul'tury [The phenomenon of silence as a cultural concept]. *Trudy po kognitivnoj lingvistike i konceptual'nye issledovaniya* [Works on cognitive linguistics and conceptual research] / ed. M.V. Pimenova. Kemerovo: Kemerovo State University, 2008, pp. 77-83. (Series “Conceptual Studies”. Issue 10). (In Russian)
7. Maslova V.A. «Lyubov'» kak duhovno-nravstvennyj koncept [“Love” as a spiritual and moral concept]. // [Cognitive linguistics and conceptual research] / ed. M.V. Pimenova. Kemerovo: Kemerovo State University, 2012, pp. 50-57. (Conceptual Research Series, Issue 17). (In Russian)
8. Pimenova M.V. Metodologiya konceptual'nyh issledovanij [Methodology of conceptual research]. *Vestnik KemGU. Seriya Filologiya* [Bulletin of KemGU. Series Philology]. Kemerovo, 2002, vol. 4 (12), pp. 100–105. (In Russian)
9. Pimenova M.V. Osobennosti reprezentacii koncepta chuvstvo v russkoj yazykovej kartine mira [Features of the representation of the concept feeling in the Russian linguistic picture of the world]. *Mir cheloveka i mir yazyka* [The world of man and the world of language] / ed. M.V. Pimenova. Kemerovo: Grafika, 2003. pp. 58–119. (Series “Conceptual Studies”. Issue 2). (In Russian)
10. Pimenova M.V. Koncept *vostorg*: struktura i nacional'noe svoeobrazie [The concept of delight: structure and national identity]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture] / eds. B.K. Momynova, M.V. Pimenova. Almaty-Kemerovo-Vitebsk-Donetsk: KazNU, KemSU, VSU, DonNU, 2013, pp. 61–76. (Series “Philological collection”. Issue 12). (In Russian)
11. Pimenova M.V. Issledovanie konceptual'nyh struktur (na primere koncepta *vostorg*) [Study of conceptual structures (using the example of the concept of delight)]. *Rusistika v Kitae: tradicii i innovacii* [Russian Studies in China: traditions and innovations]. St. Petersburg: Zlatoust, 2013, pp. 260–274. (In Russian)
12. Uspensky L.V. Etimologicheskij slovar' shkol'nika [Etymological dictionary for schoolchildren]. [Electronic resource]. Access mode: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/b/delight> (date of access: 06.01.2024).
13. Vasmer M. Etimologicheskij slovar' [Etymological dictionary]. Moscow, 1986, vol. I, pp. 357. (In Russian)
14. Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1999, vol. I, pp. 169.
15. Shansky N.M. Kratkij etimologicheskij slovar' [Brief etymological dictionary]. Moscow: Prosveshchenie, 1971, pp. 94. (In Russian)
16. Shansky N.M., Bobrova T.A. Bobrova T.A. Shkol'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: znachenie i proiskhozhdenie slov [School etymological dictionary of the Russian language: meaning and origin of words]. 2 ed. Moscow, 1997, pp. 48. (In Russian)
17. Shaposhnikov A.K. Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow, 2010, vol. 1, pp. 146. (In Russian)
18. Etimologiya 1986–1987 [Etymology 1986–1987] / Ed. Varbot Zh.Zh., Gindina L.A., Klimova G.A., Merkulova V.A., Toporova V.N., Trubacheva O.N. Moscow, 1989, 256 p. (In Russian)

ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 81`27

Вайрах Юлия Викторовна

Зав. кафедрой рекламы и журналистики ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», кандидат филологических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

vayrakh@yandex.ru

orcid: 0000-0001-9811-525X

Метафоры пути как способ актуализации макроконцепта РОД

Аннотация. В данной статье автор рассматривает особенности русской лингвокультуры на примере метафор пути ('родовой путь', 'родовые пути', 'родовой канал', 'родовая линия', 'материнская линия', 'отцовская линия', 'мамина линия', 'папина линия', 'линия отца', 'родовая жизнь', 'родовая связь', 'родовое начало', 'родовое начало', 'ветвь рода', 'путь рода', 'без роду-племени') как репрезентантов макроконцепта РОД. В ходе исследования автор анализирует лингвокультурологические смыслы образно-метафорического уровня макроконцепта РОД. Цель статьи – описать метафоры пути в структуре макроконцепта Род. Задачи: 1) проанализировать метафорический корпус макроконцепта РОД на материале НКРЯ; 2) выявить культурный потенциал анализируемых метафор. В статье используется набор методов лингвистического анализа: дескриптивный, интерпретативный, концептуальный.

Ключевые слова: макроконцепт; соматический признак; род; родовой путь; мягкие родовые пути; родовой канал; родовая линия; материнская линия; мамина линия; папина линия; линия отца; отцовская линия; родовая жизнь; родовая связь; родовое начало; ветвь рода; путь рода; миф об аисте; архетип дороги; космогонический код; белый свет.

Введение. *Путь человека является таким материальным объектом, который получает множественные смыслы в процессе метафоризации.* Естественно, в осмыслении рода и родства появляется путь как универсалия культуры, отраженная не только в языке, но и в мифологии, философии, фольклоре. Метафоры пути отражают духовный мир человека и его существование. Концептуализация определяет содержательную сторону словесного знака: «понятие, относящееся к умственной, духовной или материальной сфере существования человека, которое закреплено в опыте народа» [6, с. 35–47].

Макроконцепт РОД является исконным макроконцептом русской лингвокультуры. В словаре Е.М. Мелетинского слово *род* определяется как мифологический персонаж: «в древнерусских поучениях против язычества (XI–XII вв.) мифологический персонаж, воплощающий единство рода. Упоминается вслед за главными языческими богами вместе с женскими персонажами – рожаницами. Роду и рожаницам совершали особые жертвоприношения едой (кашами, хлебами, сырами) и питьём (мёдом). Культ рожаниц, как и других женских персонажей, упоминаемых в форме множественного лица (берегини, лихорадки и т.п.) связан с женской средой, представлениями о продолжении рода и судьбе новорожденного, которому рожаницы (ср. хорв. роженицы и т.п.) определяют долю. Роду и рожаницам близки образы Суда и Судениц у южных славян. Д.С. Лихачев считает, что «концепт ... становится результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [5].

Методы исследования. Для определения соматических признаков, формирующих структуру макроконцепта род, применяется комплекс методов: концептуальный, интерпретативный, дескриптивный. Необходимость анализа символических признаков макроконцепта род обусловлена его отнесенностью к базовым макроконцептам русской культуры. Термин «макроконцепт» в нашем исследовании понимается как «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родовидовыми отношениями» [17, с. 38]. Древняя символика языка включает исконные концепты, сохраняющие древнее концептуальное содержание. Источником языкового материала послужили словари и Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

Литературный обзор. В научной литературе выделяются работы, в которых анализируются аспекты символических макроконцептов в разных лингвокультурах. Макроконцепту род был посвящен ряд работ А.Н. Афанасьева [2]; Ю.В. Вайрах 2022–2023 гг. [3; 4; 5]; В.В. Иванова, В.Н. Топорова [7]; О.Ю. Космачёвой [10]; М.В. Пименовой 2021–2022 гг. [17; 18]. В представлении о пространстве путь (дорога) – его основной элемент, универсалия [1; 21]. Концепт «путь» как один из важнейших концептов в русской языковой картине мира рассматривают О.О. Ипполитов, Ю.Н. Караулов, В.А. Маслова, Н.В. Уфимцева и др. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении мифологического потенциала соматического признака ‘родовой путь’ в вербальной репрезентации макроконцепта род.

Результаты и обсуждение. С появлением человека, развитием родовой системы, родового пути тесно связан архетип дороги, пути. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой представлены шесть толкований лексемы «путь»: «1. то же, что дорога; 2. Место, линия в пространстве, где происходит передвижение, сообщение; 3. Железнодорожная колея, линия; 4. то же, что дорога. *Счастливого пути. Сбиться с пути;* 5. Польза, толк (прост.); 6. путём, предлог с род. п. Посредством, при помощи чего-н.» [14, с. 634]. Архетип пути является одной из значимых категорий бытия о пространстве и времени, жизни и смерти, так как актуализирует оппозиции: «свое» – «чужое», дом – вне дома, внешнее – внутреннее.

Появление новой жизни воплощается в метафоре первой дороги младенца по родовым путям. В лингвокультурном пласте русского языка метафора первой дороги закрепляется в устойчивых выражениях: “появиться на белый свет”: *Он появился на белый свет три года назад* (Сергей Сутулов-Катеринич. Мартовская ида. Виртуальный роман, обернувшийся... чёрт знает чем // «Ковчег», 2014); “пойди туда, не знаю, куда”: *Как видно из текста самоотчета, это «пробивание к себе», к трансцендентному началу в себе, происходит по законам волшебной сказки: пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что* (Т. М. Буякас. Инициальный путь развития личности: возможности психологической работы (2003) // «Вопросы психологии», 21.10.2003); “свет в конце туннеля”: *Человек, побывавший на грани и увидевший свет в конце туннеля, никогда свет не забудет*. (Ольга Тимофеева. «Дон-Кихот – щенок по сравнению с нами» // «Русский репортер», № 8 (136), 4-11 марта 2010). Космогонический код заложен в устойчивых выражениях, например, “появиться на свет”: *Когда ребенку настала пора появиться на свет, была зима, ночь, лошадей, чтоб привезти доктора или акушерку, не найдешь* (Дина Сабитова. Где нет зимы, 2011); “родиться на белый свет”: *Легче бы тебе, Лизавета, было не родиться на белый свет!* (А. Ф. Писемский. Горькая судьбина, 1859); “пришел в мир”: *Вот для этого, значит, я и пришел в мир: сочинять роли, делать очень странную, неизвестно для чего и почему существующую вещь, называемую искусством.* (Ю.К. Олеша. Книга прощания, 1930-1959). Архетип дороги реализуется и определениях родившей женщины, о которой говорили: “в Москву, в Ригу съездила, с Москвы приехала”. [9, с. 450]. В устойчивом выражении “дитя дороги не найдёт” образ ребёнка соотносится с образом путника, который сбился с пути. Рождение ребёнка обозначается метафорами пу-

ти, а осложнения родового пути сравнивается с образом путника, который встречает препятствия на пути.

Архетип пути воплощается и в мифе об аисте, который приносит ребенка семье. Заключение брака обычно происходило во время летнего солнцестояния, когда аисты улетали в Африку, а прилетали через 9 месяцев. Появление птенцов аистов совпадало с появлением детей у тех, кто вступил в брак летом. В славянской культуре аист доставал детей из болота (Польша), приносил детей в корзине, лохани, корыте (Лужица), бросал в дом через печную трубу (Беларусь, Польша) [15].

Метафора '**родовой путь**' реализует значение «путь по родовым путям как первооснова мира, источник жизни»: *Еще один ребенок удивил Бритоголового тем, что вышел самым естественным образом, через родовые пути, но и он не порадовал его наличием пуповины.* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого. Путешествие в седьмую сторону света // «Новый Мир», 2000). Исследователь О. А. Черепанова слово «путь» понимает в значении: «линия, модель праведного поведения, жизни и мировосприятия...» [Черепанова, 2000]. Метафора '**родовые пути**' репрезентирует значение движения: *Ещё до рождения, проходя по родовым путям, ребёнок знакомится с микроорганизмами, которые впоследствии станут его постоянными спутниками.* (Анна Петрухина. Молоко. йогурт. йогурт // «Наука и жизнь», 2009); *И момент второй: согласно ряду психологических учений, мифогероическая метафорика связана с так называемой «второй перинатальной матрицей», т.е. состоянием ребенка, с мукой проходящего родовые пути при явлении на свет божий.* (Александр Каменецкий. США как объект психотерапии (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 23.06.2003).

В Энциклопедическом медицинском терминологическом словаре родовой канал определяется как «канал, образуемый костями малого таза и расположенными в нем мягкими тканями, через который перемещается плод в процессе родов» [12]. Метафора '**родовой канал**' передает символическое значение узкой и извилистой дороги: *Узость и извилистость родового канала делают роды процессом долгим и трудным как для матери, так и для малыша.* (Мередит Смолл, Мы и наши малыши, 1998). В метафоре '**родовой канал**' актуализируется значение «информация рода»: *У вас есть связь с информацией рода, эту связь ещё называют родовым каналом.* (Мередит Смолл, Мы и наши малыши, 1998); *Родовой канал считывает, что дети рода всё равно идут вперёд – от ваших братьев, сестёр, двоюродных, троюродных, – но тем не менее эти дети унаследуют ваши силы, ресурсы, ваши качества и навыки.* (Ольга Найденова, Пропишу себе успешную судьбу, 2020).

Метафора '**родовая линия**' ('материнская линия', 'мамина линия', 'линия отца') закрепилась благодаря распространенным обозначениям 'родственники по материнской линии' и 'родственники по отцовской линии', говорит о их более низком статусе по отношению к родственникам по крови. Женщина, вышедшая замуж, обретала род (родительскую семью) и дом (новую семью мужа): *Нина была нашей дальней родственницей по папиной линии.* (Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007). *Человек должен знать свое родство, и здесь ведут его истоки, будто знают, что через сто лет при любом выезде и эмиграции так важным окажется именно материнская линия, всегда бесспорная в смысле крови.* (Сергей Есин. Марбург, 2005); *Да и вся материнская линия – купеческого корня.* (Лазарь Карелин. Мемуары (1975) // Библиотека «Огонек», 1988); *Так выходит, что мамина линия – дворянская семья и священническая, линия отца – от смоленских мастеровых...* (И.А. Дедков. Дневник (1979); *Прадедушку (а моего прапрадедушку) по маминой линии очень чтят в семье.* (Валентин Бережков. Рядом со Сталиным, 1971 – 1998). Метафора 'родовая линия' вербализуется благодаря культурным контекстам, в которых существуют знаки-модели, которые характеризуют родственников по маминой или по папиной линии, потому что сохраняется память о каких-то отличитель-

ных чертах, присущих членам рода. Знаки могут быть словами, которые говорили родственники по материнской или отцовской линии, предания, которые передаются от одного поколения другому. В рамках мифологического культурного кода может наделяться магическим свойством вещь, которая передается по родовой линии (например, драгоценность, икона или картина).

Человеческая жизнь, ее начало, середина и конец соотносится с образами пути и дороги. Метафора **‘родовое начало’** дает отсылку к пониманию начала пути, определяет эту жизненную веху, когда человек делает первые шаги или находится в самом начале пути: *Этот принцип отчинности, т. е. семейного наследования от отца к сыну, бесспорно начинал слагаться в умах этой эпохи, разлагая родовое начало.* (С. Ф. Платонов. Полный курс лекций по русской истории, 1898-1899). В метафоре **‘исток рода’** сохраняется указание на начало пути, который сопоставляется с истоком реки, руслом как выражением мифологемы воды, постоянного движения, вневременного: *Этот прапрадед, как говорят, оказался истоком рода.* (Андрей Белый. Петербург, 1913-1914). Метафора **‘родовое начало’** может выражать отношение членов рода к пространству малой родины, отечеству, устоям, которые приняты в семье: *Родовое начало – принцип отечества или родины – основано на религиозном чувстве, и мотивом поведения здесь является чувство ответственности, создающее структуру ответственности в обществе.* (Рид Грачев. Интеллигенции больше нет, 1967).

Метафора **‘ветвь рода’** реализует значение протяженности пути, его связи с другими родственниками, актуализирует значение мифологемы мирового дерева и его жизненной оси (протяженности), которая соединяет три мира: *Но у них детей не было, и эта ветвь рода прекратилась, по данным 6-й ревизии, в 1814 году (в то время никого из них уже не было в живых).* (Торжества в Курске (2004) // «Журнал Московской патриархии», 30.08.2004)

Метафора **‘путь отцов’** актуализирует мифологическое значение «пути отцов – дороги сыновей»: *Проложен путь отцами – и ты должен идти по нем.* (Максим Горький. Фома Гордеев, 1899). Это путь мудрости, который уберет сына от ошибок, родовая программа, которой следуют дети. Аналогичную семантику раскрывает метафора **‘путь рода’**: *Ситуация весьма обычная для страны, где у более чем восьмидесяти процентов населения деды – прадеды вышли из безбрежного крестьянского моря и где история жизни – не биография индивида, а путь рода.* (Наталия Козлова. Годы застоя в зеркале семейной переписки // «Знание – сила», 1999); *Мы уж смирились с мыслью, что не увидим продолжения путей рода...* (Дина Рубина. Медная шкатулка, 2011-2015).

Метафора **‘родовая жизнь’** соотносится с пониманием жизненного пути, его протяженностью, перипетиями на жизненном пути. Н.Д. Арутюнова считает, что «время представляет жизнь человека как цикл, а пространство как путь. По целому ряду признаков для моделирования жизни человека оказалась более адекватной пространственная, чем временная модель» [1, с. 9]. Пространственная модель перемещения в мире родственных связей присутствует в метафоре **‘родовая жизнь’**: *Вместо того чтобы человек понимался при этом как родовое существо, сама родовая жизнь, само общество является здесь скорее внешней рамкой для отдельных лиц.* (П.И. Новгородцев. Об общественном идеале. Глава II, 1917-1921). Метафора **‘родовая жизнь’** может отражать космогонический код «мировая душа», так как единство рода порождает душу рода, отличающуюся своим набором черт духовного и способную разворачиваться до пространственной модели космического, Вселенной внутри рода и за его пределами: *Но эта родовая жизнь, это единство рода, поддерживаемое только постоянно возобновляющимся процессом рождения, это единство, никогда в действительности не осуществляемое для индивидуальной души...* (В.С. Соловьев. Чтения о Богочеловечестве, 1878).

Метафора **‘родовая связь’** носит пространственный и временной характер, так как опять говорит о пути человека внутри родовой системы, ее представлении в знаковой родовой системности: *Каждый род выступал в служебных столкновениях как единое целое; родовая связь устанавливала между родичами и служебную солидарность, взаимную ответственность, круговую поруку родовой чести, под гнетом которой личные отношения подчинялись фамильным, нравственные побуждения приносились в жертву интересам рода.* (В.О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций. Лекции 18 – 29 (1904); *Слишком уж явно проступала их родовая связь: то же мессианство, та же нетерпимость и навязывание своей воли, то же нигилистическое отрицание прошлого и настоящего во имя гадательного будущего.* (Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания, 2000-2002).

Странничество присуще отдельным членам рода «юродивым», «странным людям», так их внутренний мир требует свободы, отказа от условностей, которыми выражается отнесенность человека к внешнему миру: *В глуши, на хуторе, заброшенные, забытые, жили мы тогда.. я и мой воспитатель, – если только можно было назвать так этого странного человека, похожее на Данте, – человека без роду, племени, уже много лет скитавшегося по мелким помещикам, обучавшего их детей и нигде не уживавшегося.* (И.А. Бунин. У истока дней, 1906). Странники находятся постоянно в пути, перемещаются в пространстве из-за оторванности от рода, семьи.

Метафора **‘без роду-племени’** обозначает оторванность человека от рода, то есть человек в прямом смысле не имел родословной или остался один: *А какого она роду-племени, то не ведали.* (И.Ф. Быкадоров. Донский казак – Тимофей Разин (1930) // «Вольное казачество» № 54, 1930, 1972); *Была, была со мной девица в хороми, да не родная, не знакомая, и не ведаю, откуда она, какого рода-племени, заезжая ли, мимоезжая...* (А.Ф. Вельтман. Светославич, вражий питомец Диво времен Красного Солнца Владимира, 1837).

Заключение. Родовая связь поколений выражает отношение между членами рода, когда каждый человек находится в непрерывной временной и пространственной связи друг с другом, возможно, и, в конфликтных отношениях с отдельными членами рода, но связь эта не прерывается благодаря законам родственных отношений, не требует компромиссных решений в отношении каждого члена рода. Родственники знали свою принадлежность по кровному родству, чтли память о предках, хранили традиции рода (знаковую систему рода), но и в практической жизни рода сохранялась связь между родственниками на основе житейской мудрости, представлениях, которые передавались из поколения в поколение. Метафоры пути (‘родовой путь’, ‘родовые пути’, ‘родовой канал’, ‘родовая линия’, ‘материнская линия’, ‘отцовская линия’, ‘мамина линия’, ‘папина линия’, ‘линия отца’, ‘родовая жизнь’, ‘родовая связь’, ‘родовое начало’, ‘родовое начало’, ‘ветвь рода’, ‘путь рода’, ‘без роду-племени’) становятся языковой объективацией макроконцепта РОД и выражают культурный код. Метафоры пути указывают на обозначаемые предметы, явления, события посредством актуализации культурных контекстов. Особенность концептуализации соматического признака ‘родовой путь’ выражается в присутствии целого ряда традиционных приращений («родовой путь – жизнь», «родовая связь – связь поколений», «путь рода – прожитые годы» и др.)

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 3–17.
2. Афанасьев А.Н. О значении Рода и рожаниц. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Москва, 1855. Кн. 2. Ч. 1. С. 132–134.

3. Вайрах Ю.В. Сопоставительный анализ мотивирующих признаков макроконцептов Род и Макошь // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 6(94). С. 686–695.
4. Вайрах Ю.В. Образно-метафорический слой макроконцепта род (на материале паремий тематической группы род – племя) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 6 (94). С. 678–685.
5. Вайрах Ю.В. Алатырь как признак символического макроконцепта *род* // Актуальные проблемы формирования духовных ценностей в контексте диалога культур и языков: мат-лы межд. науч.-практ. конф. Уральск: ЗКУ, 2023. С. 95–100.
6. Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования / Кубрякова Е. С. (отв. ред.), Позднякова Е. М. (зам. отв. ред.) и др. М.–Калуга: ИП Кошелев А.Б., 2007. С. 26–33.
7. Иванов В.В., Топоров В.Н. Род. Мифы народов мира, гл. ред. С. А. Токарев. Москва: Сов. энциклопедия, 1980. С. 871.
8. Иванов В.В., Топоров В.Н. Мокошь. Мифы народов мира, гл. ред. С. А. Токарев. Москва: Сов. энциклопедия, 1980. С. 683–684.
9. Кабакова Г.И. Роженица // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4. Н. И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения, 2009. С. 461–463.
10. Космачёва О.Ю. Репрезентация смыслового элемента ‘род’ в русской лингвокультуре. Гуманитарные исследования. 2019. № 2. С. 31–37.
11. Красильникова М.Б. Смысловая оппозиция дорога / дом в контексте культурного перехода // Культурный текст. Рубцовск, 2008. С. 201–213.
12. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
13. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
14. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
15. Орлова О.С. Когнитивно-лингвокультурологическое исследование эвфемизмов на тему рождения. В: Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVI: Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование: сборник научных трудов в честь 70-летия В.З. Демьянкова. М.Л. Ковшова (ред.). Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 403–413.
16. Пименова М.В. Особенности структуры символического макроконцепта РОД // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия Филологическая. 2021. № 2. С. 37–44.
17. Пименова М.В. Символический макроконцепт «род» в русской лингвокультуре // Общество, язык и культура XXI века: XXXVIII Междунар. науч. онлайн-конф. (Санкт-Петербург-Бишкек, 29-30 апреля 2021 г.). Санкт-Петербург: Ин-т иностранных языков; Бишкек: Манас, 2021. С. 37–46.
18. Пименова М.В. Мифы России: пернатые образы богов и богинь (Перун-Род и Перыня-Макошь) // Мифологос. 2022. № 3. С. 24–32.
19. Степанова Н.С. Концептосфера «путь жизни» в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Надежда Сергеевна Степанова. М., 2016. 396 с.
20. Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах /О.А. Черепанова// Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: докла-

ды III научн. конф. «Рябининские чтения 99». Петрозаводк, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://enbd.ru/library/ryabinin-1999/213.html> (дата обращения 09.05. 2022).

21. Щепанская Т.Б. Культура дороги на Русском Севере. Странники / Русский Север: Ареалы и культурные традиции / Сост. Т.А. Бернштам, К.В. Чистов. СПб.: Индрик, 1992. С. 102–126.

22. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. М.: Советская энциклопедия. 1982–1984.

Juliya V. Vayrakh

Head Department of Advertising and Journalism, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Irkutsk National Research Technical University”, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk, Russia)

vayrakh@yandex.ru

orcid: 0000-0001-9811-525X

Metaphors of the path as a way to actualize the macro-concept of ROD

Abstract. In this article, the author examines the features of Russian linguistic culture using the example of path metaphors ('birth canal', 'birth canal', 'birth canal', 'birth line', 'maternal line', 'paternal line', 'mother's line', 'father's line' line', 'father's line', 'clan life', 'clan connection', 'clan beginning', 'clan beginning', 'branch of the clan', 'path of the clan', 'without clan-tribe') as representatives of the macro-concept of ROD. In the course of the study, the author analyzes the linguocultural meanings of the figurative and metaphorical level of the macro-concept of ROD. The purpose of the article is to describe the metaphors of the path in the structure of the macro-concept Rod. Objectives: 1) analyze the metaphorical corpus of the macro-concept of ROD based on the material of the NKR; 2) identify the cultural potential of the analyzed metaphors. The article uses a set of linguistic analysis methods: descriptive, interpretive, conceptual.

Key words: macro concept; somatic sign; genus; birth canal; soft birth canal; birth canal; birth line; maternal line; mother's line; father's line; father's line; paternal line; ancestral life; ancestral connection; ancestral origin; branch of the genus; the path of the clan; the myth of the stork; the archetype of the road; cosmogonic code; white light.

References

1. Arutyunova N.D. Put' po doroge i bezdorozh'yu [Path on road and off-road] // *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira* [Logical analysis of language. Languages of the dynamic world]. Dubna, 1999, pp. 3–17. (In Russian)

2. Afanasyev A.N. O znachenii Roda i rozhanits [About the meaning of the Family and women in labor]. *Arhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy, odnosyashchihsya do Rossii* [Archive of historical and legal information relating to Russia]. Moscow, 1855, book 2, part 1, pp. 132–134. (In Russian)

3. Vayrakh Yu.V. Sopostavitel'nyi analiz motiviruyushchih priznakov makrokontseptov *Rod* i *Makosh* [Comparative analysis of motivating features of macro-concepts *Rod* and *Makosh*] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2022, vol. 24, Iss. 6(94), pp. 686–695. (In Russian)

4. Vayrakh Yu.V. Obrazno-metaforicheskiy sloj makrokontseptov rod (na materiale pamily tematicheskoy gruppy rod – plemya) [Figurative and metaphorical layer of the macro-concept clan (based on the proverbs of the thematic group clan – tribe)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2022, vol. 24, Iss. 6 (94), pp. 678–685. (In Russian)

5. Vayrakh Yu.V. Alatyř' kak priznak simvolicheskogo makrokontsepta rod [Alatyř as a sign of the symbolic macro-concept gender] // *Aktual'nye problemy formirovaniya duhovnyh tsennostey v kontekste dialoga kul'tur i yazykov: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konf.* [Current problems of the formation of spiritual values in the context of the dialogue of cultures and languages: materials of international scientific-practical conf.]. Uralsk, 2023, pp. 95–100. (In Russian)
6. Demyankov V.Z. "Kontsept" v filosofii yazyka i v kognitivnoy lingvistike ["Concept" in the philosophy of language and cognitive linguistics]. *Kontseptual'nyi analiz yazyka: Sovremennye napravleniya issledovaniya* [Conceptual analysis of language: Modern directions of research]. M.–Kaluga, 2007, pp. 26–33. (In Russian)
7. Ivanov V.V., Toporov V.N. Rod. Mify narodov mira [Genus. Myths of the peoples of the world] / Ed. S.A. Tokarev. Moscow, 1980, pp. 871. (In Russian)
8. Ivanov V.V., Toporov V.N. Mokosh. Mify narodov mira [Mokosh. Myths of the peoples of the world] / Ed. S.A. Tokarev. Moscow, 1980, pp. 683–684.
9. Kabakova G.I. Rozhenitsa [Woman in labor]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 volumes. Vol. 4 / N.I. Tolstoy (ed.). Moscow, 2009, pp. 461–463. (In Russian)
10. Kosmacheva O.Yu. Rezentatsiya smyslovogo elementa 'rod' v russkoy lingvokul'ture [Representation of the semantic element 'genus' in Russian linguistic culture]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities studies]. 2019, no. 2, pp. 31–37. (In Russian)
11. Krasilnikova M.B. Smyslovaya oppozitsiya doroga / dom v kontekste kul'turnogo perehoda [Semantic opposition road / house in the context of cultural transition]. *Kul'turnyi tekst* [Cultural text]. Rubtsovsk, 2008, pp. 201–213. (In Russian)
12. Mifologicheskij slovar' [Mythological dictionary] / Ed. E. M. Meletinsky. Moscow, 1990, 672 p. (In Russian)
13. Likhachev D.S. Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian language]. *Russkaya slovesnost'. Antologiya* [Russian literature. Anthology]. Moscow, 1997, pp. 280–287.
14. Ozhegov S.I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 2006, 944 p. (In Russian)
15. Orlova O.S. Kognitivno-lingvokul'turologicheskoe issledovanie evfemizmov na temu rozhdeniya [Cognitive-linguocultural study of euphemisms on the topic of birth]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXXI: Ponimanie. Interpretatsiya. Kognitivnoe modelirovanie: sbornik nauch. trudov v chest' 70-letiya V.Z. Demyankov* [Cognitive Studies of Language. Issue XXXVI: Understanding. Interpretation. Cognitive modeling: a collection of scientific works in honor of the 70th anniversary of V. Z. Demyankov]. M.L. Kovshova (ed.). Tambov, 2019, pp. 403–413. (In Russian)
16. Pimenova M.V. Osobennosti struktury simvolicheskogo makrokontsepta ROD [Features of the structure of the symbolic macroconcept of Genus «Род»]. *Vestnik Kokshetauskogo universiteta im. Sh. Ualikhanova. Seriya Filologicheskaya* [Bulletin of Kokshetau University named after. Sh. Ualikhanov. Philological series]. 2021, no. 2, pp. 37–44. (In Russian)
17. Pimenova M.V. Simvolicheskij makrokontsept "rod" v russkoy lingvokul'ture [Symbolic macroconcept "Genus" in Russian linguistic culture]. *Obshchestvo, yazyk i kul'tura XXI veka: XXXVIII Mezhdunarodnaya nauch. online-konf.* [Society, language and culture of the XXI century: XXVIII International. scientific online conf.]. (St. Petersburg-Bishkek, April 29–30, 2021) St. Petersburg–Bishkek, 2021, pp. 37–46.
18. Pimenova M.V. Mify Rossii: pernatye obrazy bogov i bogin' (Perun-Rod i Perynya-Makosh) [Myths of Russia: feathered images of gods and goddesses (Perun-Rod and Perynya-Makosh)]. *Mythologos*. 2022, no. 3, pp. 24–32. (In Russian)

19. Stepanova I.S. Kontseptosfera “put’ zhizni” v avtobiograficheskoy proze pervoy volny russkoy emigratsii: avtoref.dis. [Conceptosphere “path of life” in autobiographical prose of the first wave of Russian emigration: abstract. thesis]. Moscow, 2016, 396 p. (In Russian)
20. Cherepanova O.A. Put’ i doroga v russkoy mental’nosti i v drevnih tekstah [Path and road in the Russian mentality and in ancient texts] / O.A. Cherepanova // *Master i narodnaya hudozhestvannaya traditsiya Russkogo Severa: doklady III nauch. konf. “Ryabininskie chteniya 99”* [Master and folk artistic tradition of the Russian North: reports of the III scientific. conf. "Ryabinin Readings 99"] Petrozavodk, 2000. [Electronic resource]. URL: <http://enbd.ru/library/ryabinin-1999/213.html> (date of access: 05/09/2022). (In Russian)
21. Shchepanskaya T.B. Kul’tura dorogi na Russkom Severe. Stranniki [Road culture in the Russian North. Wanderers] / *Russkiy Sever: Arealy i kul’turnye traditsii. Sbornik statey* [Russian North: Areas and cultural traditions. Collection of articles] / Comp. T.A. Bernshtam, K.V. Chistov. St. Petersburg, 1992, pp. 102–126. (In Russian)
22. Entsiklopedicheskiy slovar’ meditsinskih terminov: in 3 vol-s [Encyclopedic Dictionary of Medical Terms]. Moscow, 1982–1984. (In Russian)

УДК 811.161.1’347

Игнатович Татьяна Юрьевна

Профессор кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», доктор филологических наук, доцент (Чита, Россия)

ignatovich_chita@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-2521-0579>

Биктимирова Юлия Викторовна

Заведующий кафедрой русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», кандидат филологических наук, доцент (Чита, Россия)

pravov_chita@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-2043-9665>

Проект лингвокультурологического словаря полиэтнической региональной народной культуры Забайкальского края

Аннотация. В данной статье рассматривается проект лингвокультурологического словаря полиэтнической региональной народной культуры Забайкальского края. Создание его актуально по ряду причин: словарь будет выполнен в научном контексте весьма востребованных современных лингвокультурологических словарей; в настоящее время забайкальскими лингвистами накоплен значительный материал для словаря данного типа; до настоящего времени в регионе подобный обобщающий лексикологический труд отсутствует; словарь перспективен для применения в дальнейших лингвокультурологических исследованиях. Целью исследования является разработка проекта лингвокультурологического словаря полиэтнической региональной народной культуры Забайкальского края, включающая определение характера словаря, методов исследования, принципов и методики отбора и описания культурно-значимых для региона концептов в лингвокультурологическом аспекте. В исследовании, помимо распространённых общенаучных методов, используются лингвистические методы лингвокультурологической интерпретации и лексикографического описания культурно значимых для местных жителей концептов. При написании словарных статей использовался метод компонентного анализа содержания выбранных понятий, а также методы этимологического комментирования и

аксиологического анализа. Приведённые в статье словарные статьи, характеризующие значимые в народной лингвокультуре Забайкалья лингвокультуремы *Алханай*, *багульник*, *бухлёр*, *гуран* с учётом разработанных компонентов: названия концепта, краткой грамматической характеристика, толкования лексического значения, этимологического и историко-культурная комментария, аксиологической характеристики и контекста, проявляющего семантику и особенности употребления словарного слова в речи, – свидетельствуют о полиэтническом характере региональной народной культуры, интеграции природных и материальных объектов в духовные объекты культуры, репрезентируют ценности жителей региона и его самобытный колорит.

Ключевые слова: Забайкальский край; лингвокультурологический словарь; проект; лингвокультуреммы; полиэтническая культура.

Введение. В настоящее время, в связи с активным развитием лингвокультурологии в отечественной лингвистике весьма востребованы лингвокультурологические словари, позволяющие дать лингвокультурологическое описание особенностей национальной культурной картины мира. Поскольку Россия занимает обширную территорию и населена разными этносами, находящимися в активных межкультурных и межъязыковых контактах, в доминирующем в стране русском языковом пространстве сформировались региональные варианты русского национального языка, репрезентирующие особенности региональных полиэтнических народных культур, которым также необходима лексикографическая фиксация в лингвокультурологическом аспекте.

В Забайкальском крае, где проживает более сотни этносов, при преобладании русскоязычного, сложилась самобытная региональная народная лингвокультура, в которой, наряду с русской составляющей, просматривается влияние лингвокультур автохтонных народов – эвенков и бурят. До настоящего времени издавались только региональные словари диалектной лексики. Поэтому **актуально** издание лингвокультурологического словаря Забайкальского края, который представит полиэтническое культурное наследие региона, в том числе материальные и духовные ценности, через языковую экспликацию отражающие историю освоения Забайкалья, особенности мировосприятия местных жителей и забайкальский природный колорит. На наш взгляд, данный словарь обобщит накопленные знания в изучении культурных концептов Забайкальского края, войдёт в лексикографический ряд региональных лингвокультурологических изданий и даст материал для сравнительно-сопоставительных исследований.

Цель исследования – разработка проекта лингвокультурологического словаря полиэтнической региональной народной культуры Забайкальского края, а именно: определение характера словаря, методов исследования, принципов и методики отбора и описания культурно-значимых для региона концептов в лингвокультурологическом аспекте.

Методы исследования. Исследование выполнено в научном контексте современных отечественных лингвокультурологических и лексикографических описаний. В исследовании, помимо распространённых общенаучных методов, используются лингвистические методы лингвокультурологической интерпретации и лексикографического описания культурно значимых для местных жителей концептов. При написании словарных статей использовался метод компонентного анализа содержания выбранных понятий, а также методы этимологического комментирования и аксиологического анализа.

Литературный обзор. С 80-х годов прошлого века в отечественном языкознании существует практика создания лингвострановедческих и культурологических словарей для студентов, изучающих язык как иностранный (М.А. Денисова [2], Ю.Е. Прохоров [8], А.Р. Рум [9], В.П. Фелицына [11] и др.). Подобные словари дают возможность освоить не только лексику иностранного языка, но и лучше познать культурное наследие страны изучаемого языка.

В последние годы в мире и в нашей обширной по территории и полиэтнической стране вырос спрос на лингвокультурологические словари национальных и региональных лингвокультур (В.А. Маслова и С.В. Николаенко [5], Ю.С. Степанов [10]).

Очень интересны разработки О.В. Фельде по составлению регионального мультимедийного лингвокультурологического словаря традиционной русской лингвокультуры Северного Приангарья [12].

В настоящее время, кроме диалектных словарей, в том числе исторического характера, и материалов к ним (В.А. Пашенко [6], Е.И. Пляскина и Т.Ю. Игнатович [7], Г.А. Христосенко, Л.М. Любимова и Ю.В. Биктимирова [14], Л.Е. Элиасов [17]), проведены этнолингвистические и лингвокультурологические исследования (Т.Ю. Игнатович [3], Н.А. Лиханова [4]), позволяющие провести лексикографическое описание полиэтнической народной культуры Забайкальского края в аспекте лингвокультурологии.

Результаты и обсуждение. В настоящей статье представлен проект лингвокультурологического словаря народной культуры Забайкальского края.

Словарные статьи в таком словаре посвящаются лингвокультурам (по В.В. Воробьеву), содержание которых имеет национально-культурную информацию, значимую для населения в регионе. Лингвокультуры описываются в алфавитном порядке.

Методика лингвокультурологического описания лингвокультурем включает рассмотрение следующих компонентов:

1. Название концепта.
2. Краткая грамматическая характеристика типа часть речи, у существительных род, окончание в форме Р. п. ед.ч., у глаголов вид, переходность и подобн.).
3. Лексическое значение.
4. Этимология.
5. Историко-культурная информация в содержании лингвокультуры.
6. Аксиологическая коннотация
7. Контекст, проявляющий семантику и особенности употребления в речи.

Лексикографируются лингвокультуры, представляющие культурно значимые природные объекты, объекты материальной и духовной региональной народной культуры, например:

Алханай, сущ. м. р., -я. – название горного массива, села, а с 1999 г. и национального парка (особо охраняемой природной территории) в Дульдургинском районе на юго-востоке Забайкальского края в 201, 3 км от краевого центра – г. Читы.

Название *алха* с бур. языка означает «чудовище». Также *Алхана* – бурятский религиозный обряд, который совершался на горе, получившей название по этому обряду. Местные жители в качестве версии происхождения топонима больше отдают предпочтение легенде о Бальжин-хатун. Это историческое лицо, рассказ о котором содержится в «Летописи хоринских бурят». Согласно летописи, хоринская княжна после долгого преследования была убита на горе Алханай. Предсмертный крик княжны: «Алханы (убивают)» – был положен в основу названия. Эта легенда фактически говорит о начале собственной истории агинских бурят, а гора Алханай стала религиозным символом общеплеменного единства [13, с. 17].

Территория является природно-культурной святыней буддизма – основной религии у забайкальских бурят. В парке много культовых объектов, к которым совершаются паломничества и у которых проводятся религиозные обряды, например обряд *гороо* – обхождение святых мест по часовой стрелке. Особо широко известны вершина горы Алханай, Щель грешников, Чрево матери и родник-аршан, вода которого имеет целебные свойства. Природный объект имеет и материальную, и духовную ценность.

Примеры употребления лингвокультуры: *Но да надо вам на Алханай съездить, там ручей лечебный, вода холоднуча, токо погрузишься и выскочишь, терпежу нету. Но*

ноги-то лечит (Чит.). *На Алханай поедем, там уже были. В ручье купанёмся да так походим, позы поедим. Там красиво, воздух духмяный, и прошлый раз мошки, паутов не было совсем, а ящерики и бурундуки бегали. Буряты там на кустики, деревья ленточки вяжут и на большие камни подношенья кладут: рис, печенье, – а бурундуки утаскивают* (Карымск.)

Образ Забайкалья у многих читинцев связан с цветущим багульником, багуловыми сопками по весне.

Багул, багульник сущ. м. р., -а. – Растение рододендрон даурский (*Rhododendron dauricum*). Происхождение от общеславянского *bagъno* (жидкая грязь, болото, топь). Индоевропейское – *bhagh* (топь, болото). Это растение, цветущее в мае розово-фиолетовыми цветами в лесу, на сопках является одним из символов Забайкалья. Багульник является широко известным в народе лечебным средством, его настои применяются как отхаркивающие и противовоспалительные, отвары снижают давление. Растение упоминается в известном хите 80-х года ВИА «Самоцветы», посвящённом БАМу, музыка В. Шаинского, слова И. Морозова:

Где-то багульник на сопках цветёт,
Кедры вонзаются в небо...
Кажется, будто давно меня ждёт
Край, где ни разу я не был.

С 2011 года багуловый цвет стал символическим цветом ежегодного Забайкальского международного кинофестиваля, в качестве бренда используют его и в окраске самолётов местных авиалиний.

Примеры употребления лингвокультуры: *Багула нарвём, в банку поставишь, воду, корявые веточки листики выпустят, потом светки розовые* (Бал.). *Багульник сразу у ручья, подле сопки. На сопке весной цветёт – вот bravo, всё розово* (Бал.).

Данные примеры свидетельствуют о концепте, представляющем природное явление, вызывающее эстетическое впечатление, имеющее практическое применение в лечебной практике и преобразовавшееся в объект духовной культуры.

Бухулёр (бухулёр) – сущ. м. р., -а. 1. Мясо, чаще всего баранина, сваренное большими кусками, которое подаётся с бульоном. 2. Суп из мяса, сваренного большими кусками, обычно с крупно нарезанным картофелем и репчатым луком [Материалы к словарю, с. 34]. Заимствована из бурятского языка, в котором *бухэлэр* является наречием и имеет значение «целиком, полностью» [15, с. 128].

Культура приготовления бухулёра заключается в следующем: мясо для этого супа должно быть нарезано достаточно большими кусками, желательнее, чтобы каждый был с косточкой, можно мясо натереть чесноком, потом кладут его в кастрюлю большого объёма и заливают водой с хорошим запасом, так как бульон будет выкипать, пока мясо варится.

Блюдо ценится из-за высокой питательности, особенно студёной забайкальской зимой, когда высока необходимость в органическом белке. У бурят мясо, обычно барана, разделяют по суставам, не рубят, как русские и добавляют только лук и зелень. Буряты считают его лечебным, и ламы рекомендуют давать его больным в тёплом виде, сняв плёнку жира. Русские любят добавлять лук, картофель, иногда – морковь. *Бухлёр* стал практически традиционным блюдом региональной народной культуры, которое деревенские жители готовят довольно часто, так как он вкусен и прост в приготовлении. Контекст употребления лингвокультуры: *Мясо наварят кусками, буряты зовут бухулёром, а мы-то просто мясо. Они бульон из пиал пьют, а мы-то из тарелок хлебом* (Борз.). *Я бухлёра наварила к обеду. Моим бухлёру все рады. Пока с бухлёром возилась, коровы ушли на пасёб не доёны* (Акш.). *Любим бухлёр с картошкой* (Олов.). *Мама наварит нам бухлёр, он простой, с картошкой, мангыр солёный добавишь – вкусный* (Шилк.).

Говорят, что «бухлёр – это то, что можно похлепать», иногда ласково это блюдо называют бухлёрчиком. «Я бухлёра наварила к обеду; Моим бухлёру все рады; Пока с бухлёром возилась, коровы ушли на пасёб не доёны».

В региональном русском разговорном узусе от основы бухлёр- сформировалась русское деривационное гнездо по моделям русского словообразования: бухлёрчик, бухлёршишко и тому подобное, которое свидетельствует о полной адаптации заимствования в региональном варианте русского национального языка в Забайкалье (описание Н.М. Светличных).

Гуран – сущ. м.р., -а. 1. Дикий лесной козёл, самец косули. 2. Устар. Казак-забайкалец. 3. Представитель местного русского населения, коренной забайкалец с ярко выраженными чертами потомка смешанных браков с аборигенами. Перенос наименования дикого козла на коренных русских жителей исследователи мотивируют тем, что казаки-старожилы носили шапки из гурана (косули) [1, с. 172]. Слово монгольского происхождения от гига “дикий козёл”, в русский язык заимствовано из бурятского языка.

Слово гуран входит в ассоциативное поле образа Забайкалья и носит ярко выраженный региональный характер. Существует много производных слов от слова гуран: гуранчик, гуранёнок, гураний, гуранина, гураниха, гуранка. Есть даже читинский женский сайт «Гуранка.ru».

Примеры употребления: Гурана добыть – трудно дело (Бал.). У нас гуранами зовут тех, кто чай любит, густой, с молоком, а забайкальцы-то все такой пьют (Черн.). Гураны – это местные, живут, как деды, прадеды, русски, конечно (Могоч.). Дядька себя гураном называл, гордился: мы местные (Шилк.) [7, с. 56-57].

В народно-разговорном дискурсе слово гуран в переносном значении часто используется при положительной характеристике лица, определяя его как носителя сильного сибирского характера: «Ты, брат, настоящий гуран...».

При сопоставлении с изданиями аналогичного типа из других регионов отличия выявляются, естественно, в составе описываемых лингвокультурем, поскольку забайкальская языковая картина мира отражает региональную специфику картины мира с культурной составляющей жителей Забайкальского края, кроме того, есть отличия в методике и структуре лексикографического описания выбранных для словаря понятий.

Заключение. Предлагаемая авторами методика компонентного описания содержания лингвокультуремы, состоящая из названия концепта, краткой грамматической характеристика, толкования лексического значения, этимологического и историко-культурная комментария, аксиологической характеристики и контекста, проявляющего семантику и особенности употребления словарного слова в речи, и апробирование её в статье на ряде культурно-значимых для забайкальцев концептов, представляет научную ценность, поскольку до настоящего времени таких лексикографических описаний не проводилось, и это является новой ступенью в развитии региональной лингвокультурологии и лексикографии.

Приведённые в статье примеры словарных статей проектируемого лингвокультурологического словаря, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что словарь способен презентировать особенности самобытной региональной лингвокультуры и будет интересен не только лингвокультурологам и лексикографам, но и культурологам, краеведам и жителям Забайкалья.

Литература

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск: Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие СО РАН, 1997. 774 с.

2. Денисова М.А. Лингвострановедческий словарь: Нар. образование в СССР / Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. Москва: Рус. яз., 1978. 277 с.
3. Игнатович Т.Ю. Репрезентация народных праздников, обрядов в забайкальском русском народно-разговорном дискурсе // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья: материалы Забайкальский государственный университет. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 178-180.
4. Лиханова Н.А. Региональная народная культура в полиэтническом Забайкалье: разработка этнолингвистической модели, лексикографическое описание // Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект : коллективная монография; [под общ. ред. Т. Ю. Игнатович]. Казань: Бук, 2019. С. 197-239.
5. Маслова В.А., Николаенко С.В. Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2011. 164 с.
6. Пашенко В.А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / В. А. Пашенко; под науч. ред. Т. Ю. Игнатович; Забайкал. гос. ун-т. 3-е изд., испр. и доп. Чита : ЗабГУ, 2016. 432 с.
7. Пляскина Е.И., Игнатович Т.Ю. Материалы к словарю русской народно-разговорной речи Забайкалья. Казань: Бук, 2019. 182 с.
8. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 736 с.
9. Рум А.Р.У., Колесников Л.В. и др. Великобритания. Лингвострановедческий словарь 9500 единиц. 1978. 496 с.
10. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования: словарь М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
11. Фелицына В.П.. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь / Институт русского языка им. А.С. Пушкина; под ред. Е.М. Верещагина, В. Г. Костомарова. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык, 1988. 272 с.
12. Фельде О.В. Мультимедийный словарь региональной лингвокультуры как инновационный жанр современной лексикографии // Лексикография цифровой эпохи: Сборник материалов Международного симпозиума (24–25 сентября 2021 г.). Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2021. С. 39-42.
13. Федотова Т.В. Топонимический словарь Забайкальского края: Чита: ЗабГУ, 2017. 272 с.
14. Христосенко Г.А, Любимова Л.М. и Биктимирова Ю.В. Исторический словарь памятников деловой письменности Восточного Забайкалья второй половины XVII-XVIII в. / Забайкальский государственный университет; составители Г.А. Христосенко, Л.М. Любимова, Ю.В. Биктимирова; [под ред. Т.Ю. Игнатович]. Чита: ЗабГУ, 2020. 197 с.
15. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.
16. Чернявская Т.Н. Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь. Москва, 1984. 360 с.
17. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья / Л.Е. Элиасов. Москва: Наука, 1980. 472 с.

Tatiana Yu. Ignatovich

Professor of the Department of Russian Language and its Teaching, Transbaikal State University, Doctor of Philology (Chita, Russia)

ignatovich_chita@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-2521-0579>

Yulia V. Biktimirova

Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Transbaikal State University, Candidate of Philology, Associate Professor (Chita, Russia)

pravo_chita@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-2043-9665>

The project of the linguistic and cultural dictionary of the multiethnic regional folk culture of the Trans-Baikal Territory

Abstract. This article considers the draft linguoculturological dictionary of the multiethnic regional folk culture of the Trans-Baikal Territory. Its creation is relevant for a number of reasons: the dictionary will be executed in the scientific context of very popular modern linguoculturological dictionaries; currently, Transbaikal linguists have accumulated significant material for a dictionary of this type; to date, there is no such generalizing lexicological work in the region; the dictionary is promising for use in further linguoculturological studies. The purpose of the study is to develop a draft linguo-culturological dictionary of the multi-ethnic regional folk culture of the Trans-Baikal Territory, which includes determining the nature of the dictionary, research methods, principles and methods for selecting and describing concepts that are cultural and significant for the region in the linguo-culturological aspect. The study, in addition to common general scientific methods, uses linguistic methods of linguoculturological interpretation and lexicographic description of concepts that are culturally significant for local residents. When writing dictionary entries, the method of component analysis of the content of selected concepts was used, as well as methods of etymological commentary and axiological analysis. The dictionary articles given in the article characterizing the linguocultures Alkhanai, bagulnik, buchler, guran significant in the folk linguoculture of Transbaikalia, taking into account the developed components: the name of the concept, a brief grammatical characteristic, interpretation of lexical meaning, etymological and historical-cultural commentary, axiological characteristic and context showing semantics and features of the use of a vocabulary word in speech - testify to the polyethnic nature of regional folk culture, the integration of natural and material objects into spiritual objects of culture, represent the values of the inhabitants of the region and its original flavor.

Keywords: Trans-Baikal Territory; linguistic and cultural dictionary; project; linguistic culture; multiethnic culture.

Reference

1. Anikin A.E. *Etimologicheskij slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skih, altajskih i paleoaziatskih yazykov* [Etymological Dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from Uralic, Altaic and Paleoasiatic languages. Novosibirsk: Siberian Publishing, Printing and Bookselling Enterprise SB RAS, 1997. 774 p. (In Russian)
2. Denisova M.A. *Lingvostranovedcheskii slovar': Narodnoe obrazovanie v SSSR* [Linguistic and cultural dictionary: National education in the USSR] / Ed. by E.M. Vereshchagin and V.G. Kostomarov. Moscow: Russkij yazyk, 1978. 277 p. (In Russian)
3. Ignatovich T.Y. *Reprezentatsiya narodnyh prazdnikov, obryadov v zabaikal'skom russkom narodno-razgovornom diskurse* [Representation of folk festivals, rituals in the Trans-Baikal Russian folk-colloquial discourse]. *Ukrepnenie edinstva rossijskoi natsii i etnokul'turnoe razvitie narodov Zabaikalya: materialy Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet* [Strengthening the unity of the Russian nation and the ethnocultural development of the ZabGU]. Chita, 2019, pp. 178-180. (In Russian)
4. Likhanova N.A. *Regional'naya narodnaya kul'tura v polietnicheskom Zabaikal'e: razrabotka etnolingvisticheskoi modeli, leksikograficheskoe opisanie* [Regional folk culture in pol-

yethnic Transbaikalia: the development of an ethnolinguistic model, lexicographic description] // *Russkii yazyk v polietnicheskom Zabaikal'e: dinamicheskii aspekt : kollektivnaya monografiya* [Russian language in polyethnic Transbaikalia: a dynamic aspect: a collective monograph] / [Ed. T. Y. Ignatovich]; Kazan: Buk, 2019. pp. 197-239. (In Russian)

5. Maslova V.A., Nikolaenko S.V. *Kratkii lingvokul'turologicheskii slovar'-spravochnik: kul'turnoe prostranstvo Vitebschiny* [Concise linguistic and cultural dictionary-reference: the cultural space of Vitebsk region]. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov, 2011. 164 p. (In Russian)

6. Pashchenko V.A. *Slovar' frazeologizmov i inyh ustoichivyh sochetanii Zabaikal'skogo kraia* [Dictionary of phraseological units and other stable combinations of the Trans-Baikal Territory] / V. A. Pashchenko; ed. by T. Y. Ignatovich; Chita: ZabGU, 2016. 432 p. (In Russian)

7. Plyaskina E.I., Ignatovich T.Y. *Materialy k slovaryu russkoi narodno-razgovornoj rechi Zabaikal'ya* [Materials for the dictionary of Russian vernacular speech of Transbaikalia]. Kazan: Buk, 2019. 182 p. (In Russ.)

8. Rossiya. *Bol'shoi lingvostranovedcheskii slovar'* [Russia. A large linguistic and cultural dictionary] / under the general editorship of Yu.E. Prokhorov. Moscow: AST-Press Kniga, 2009. 736 p. (In Russ.)

9. Room A.R.U., Kolesnikov L.V. and others. *Velikobritaniya. Lingvostranovedcheskii slovar' 9500 edinit* [Great Britain. Linguistic and cultural dictionary of 9500 units]. 1978. 496 p. (In Russian)

10. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya: slovar'* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience: dictionary]. Moscow: *Shkola "Yazyki russkoy kul'tury"* ["Languages of Russian culture"], 1997. 824 p. (In Russian)

11. Felitsyna V.P. *Russkie poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya: lingvostranovedcheskii slovar'* [Russian proverbs, sayings and catch phrases: a linguistic and cultural dictionary] / The Pushkin Institute of the Russian Language; edited by E.M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. Moscow: *Russkiy yazyk*, 1988. 272 p. (In Russian)

12. Felde O.V. *Multimediinyi slovar' regional'noi lingvokul'tury kak innovatsionnyi zhanr sovremennoi leksikografii* [Multimedia dictionary of regional linguacultural as an innovative genre of modern lexicography] // *Leksikografiya tsifrovoi epohi: Sbornik materialov Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Lexicography of the digital age: Collection of materials of the International Symposium] (September 24-25, 2021). Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2021. pp. 39-42. (In Russian)

13. Fedotova T.V. *Toponimicheskii slovar' Zabaikal'skogo kraia* [Toponymic dictionary of the Trans-Baikal Territory]: Chita: ZabGU, 2017. 272 p. (In Russian)

14. Hristosenko G.A., Lyubimova L.M. and Biktimirova Yu.V. *Istoricheskii slovar' pamyatnikov delovoi pis'mennosti Vostochnogo Zabaikal'ya vtoroi poloviny XVII-XVIII vekov* [Historical Dictionary of business writing monuments of Eastern Transbaikalia of the second half of the XVII-XVIII centuries]. [ed. by T.Y. Ignatovich]. Chita: ZabGU, 2020. 197 p. (In Russian)

15. Cheremisov K.M. *Buryatsko-russkii slovar'* [Buryat-Russian dictionary]. Moscow: *Sovetskaya entsyklopediya*, 1973. 804 p. (In Russian)

16. Chernyavskaya T.N. *Hudozhestvennaya kul'tura SSSR: Lingvostranovedcheskii slovar'* [The artistic culture of the USSR: A linguistic and cultural dictionary]. Moscow, 1984. 360 p. (In Russian)

17. Eliasov L.E. *Slovar' russkih govorov Zabaikal'ya* [Dictionary of Russian dialects of Transbaikalia] / L. E. Eliasov. Mosco: Nauka, 1980. 472 p. (In Russian)

Лингвокультурный типаж «дервиш» в арабском и русском языковом сознании: оценочные характеристики

Аннотация. В статье описываются ценностные характеристик лингвокультурного типажа «дервиш». Анализируются афоризмы и текстовые отрывки из художественных произведений, публицистики и записок путешественников, актуализирующие названные признаки в русской и арабской лингвокультурах. Используются методы контекстуального и интерпретативного анализа. Типаж понимается как обобщенный узнаваемый образ человека. В лингвокультурном плане типаж рассматривается как разновидность концепта, в составе которого выделяются понятийное, образное и ценностное содержание. Установлена специфика представления типажа «дервиш» в языковом сознании носителей обеих лингвокультур. Представлена аксиологическая интерпретация данного концепта, выявлены его ассоциативные признаки и оценочные характеристики. Для этого лингвокультурного типажа особое значение имеют общечеловеческие ценности – любовь, свобода, скромность, искренность, дружба и др. Вместе с тем в арабском мире отдельных дервишей осуждали за пренебрежение основами мусульманской веры и приобретение таких неблагоприятных качеств, как попрошайничество, мошенничество, занятие магией и гаданием, употребление «нечистой влаги» и наркотиков, даже воровство и хулиганство. В художественной литературе отмечено, что в ряде случаев мошенники притворялись дервишами. Показано, что типаж «дервиш» предстает в русском сознании как экзотический и абстрактный концепт, зафиксированный в поэзии и записках путешественников благодаря своей восточной символике, которая сочетает в себя эстетическую и философскую ценность. а в современном сознании арабов воспринимается как близкая к естественной жизни личность с амбивалентной оценкой.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж; концепт; дервиш; суфий; межкультурная коммуникация; языковая личность; ценностные характеристики; оценочный компонент; русское и арабское сознание.

Введение. Одним из новых направлений изучения языковой личности в лингвокультурологии является теория лингвокультурных типажей. Лингвокультурный типаж – это обобщенный образ «представителя определенной социальной группы», «носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» в рамках конкретной культуры [9, с. 22]. Наша статья имеет своей целью раскрыть ценностные характеристики лингвокультурного типажа «дервиш» в русской и арабской лингвокультурах, выявить оценочный потенциал данного концепта в языковом сознании представителей обеих культур.

Актуальность исследования определяется тем, что изучение и описание своеобразных ценностных свойств концепта «дервиш» способствует пониманию культурных доминантов данного типажа, сохраняемых в русском и арабском сознании. Межкультурное исследование концепта «дервиш», которое позволило бы выявить его отличительные характеристики и оценочные ориентиры, насколько нам известно, пока не проводилось. Наше исследование является первой попыткой рассмотрения лингвокультурного типажа «дервиш» в лингвистической литературе.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что концепт «дервиш» относится к особой мистической субкультуре и выделяется в сознании современных носителей араб-

ского и, предположительно, русского языка, причем типаж «дервиш» по-разному представлен и оценивается в русской и арабской лингвокультурах.

Методы исследования. Материалом нашего исследования послужили тексты художественной литературы и публицистики на арабском и русском языках, исторические очерки и записки путешественников, содержащие описание концепта «дервиш», а также афоризмы и высказывания известных дервишей. Всего проанализировано 316 контекстов. Из них на арабском языке – 184, на русском – 132. Большой процент арабского языкового материала объясняется тем, что в русской лингвокультуре концепт «дервиш» – образ несколько абстрактный и похожий на имидж, упоминается в творчестве поэтов, записках путешественников, а частично в современной русской прозе и публицистике.

В статье использовались семантический анализ переносных и ассоциативных значений слов, производных от концепта «дервиш», интерпретативный анализ контекстуальных употреблений исследуемого понятия, а также интерпретативный анализ афоризмов, ценностных высказываний и суждений, характеризующих рассматриваемый лингвокультурный типаж.

Литературный обзор. Лингвокультурный типаж включает в себя «стереотипные представления о типизируемой личности, с которой говорящий себя осознанно или неосознанно ассоциирует» [8, с. 13-14]. Типаж как предмет лингвокультурологического исследования имеет двойственную природу: он представляет собой не только языковую личность, но и концепт, поскольку концепты аккумулируют в себе культурный уровень каждой языковой личности [10, с. 19-20], включают «не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки» [13, с. 41]. Будучи разнообразностью концепта, лингвокультурный типаж имеет в своей структуре три аспекта – понятийный, образный и ценностный компоненты, которые рассматриваются по отдельности и раскрывают содержание лингвокультурного типажа и реальную картину его осмысления в той или иной культуре [9, с. 71]. Понятийная составляющая типажа представляют собой набор смысловых признаков, формирующих содержание рассматриваемого понятия, и раскрывается с помощью анализа зафиксированных в языке словарных дефиниций. Образные и ценностные характеристики выявляются посредством интерпретативного анализа текстовых фрагментов из художественной литературы и дискурса СМИ, а также анализ оценочных суждений в виде афоризмов, ценностно-маркированных высказываний и цитат.

Результаты и обсуждение.

Дервиш как концепт исламо-восточной культуры

Дервиш – содержательно богатый концепт исламо-восточной культуры. Он определяется как последователь суфизма, обычно неимущий аскет, монах [12, с. 358], живущий подаянием и независимый от социальной структуры [12, с. 34]. Поведение дервиша – служение Богу через мистическое радение, танец кружения или странствия. Дервиши принадлежат к разным орденам, таким как «Мевлеви» (кружащиеся дервиши), «Кадирия», «Рифаия» и др., построенным по принципу учитель/ученики и различающимся по своим богослужебным практикам. Концепт «дервиш» включает в себя сумму перцептивно-образных характеристик, уточняющие типичность его свойств в русской и арабской культурах: по возрасту дервиш – мужчина среднего или пожилого возраста с скромной внешностью, странствующий в потрепанной, шерстяной одежде, а «кружащиеся дервиши» – чистую разноцветную одежду, высокие колпаки и белые мантии и др. Своеобразное поведение дервиша – служение Богу, а виды их деятельности – вести бродячий образ жизни, практиковать коллективный «зикр» (радение) или исполнять танец кружения. По признаку семейное положение» дервиш может жениться, иметь детей и собственный дом, а во время путешествия живут во временной обители, т. н. «теккие» или «ханка». С образом «дервиш» в объективной действительности ассоциируются определенные об-

разцы поведения признаки негативного фанатизма, иступления, неадекватного поведения и др.

В данном исследовании нами выявляются ценностные характеристики рассматриваемого концепта в самопредставлении и в представлении других социальных групп. Именно ценности входят в число стереотипных представлений, регулируют поведение и деятельности типажа и позволяет выделять яркие лингвокультурные типажи [6, с. 30]. Раскрытие ценностной составляющей лингвокультурного типажа «дервиш» предполагают также описание как собственной, так и положительной или амбивалентной его оценка со стороны представителей лингвокультуры.

Поскольку «дервиш» является концептом исламо-восточной культуры, то в качестве примеров приводим афоризмы, принадлежащие таким известным поэтам и мастерам дервишества, как Омар Хайям, Джалаладдин Руми и др. Ср. следующие изречения:

«Неистинна та любовь, проявленная к физической красоте»; «В каждой религии есть любовь, но для любви нет религии»; «Мертвец тот, кто не умер от страсти»; «Совершайте омовение любовью перед тем, как водой, ибо молитва со злобным сердцем не принимается»; «Картинку ты видел, но ее смысл из виду упустил»; «Тайные смыслы познаются лишь в антитезах»; «То, чего ты ищешь, тоже ищет тебя»; «Сердце – это суть, а слова – лишь его проявления»; «О, рот мой, ты адская дыра»; «Принять меня как человека для Бога важнее, чем спрашивать о моей вере» (Дж. Руми)⁵;

«Нищим дервишем ставши — достигнешь высот, || Сердце в кровь изодравши — достигнешь высот, || Прочь, пустые мечты о великих свершеньях! || Лишь с собой совладавши — достигнешь высот» (О. Хайям)⁶;

«Дервиш – это тот, чье сердце свободно от помышлений» (А. Харакани); «Внешние приметы дервиша – потрепанный плащ и нечесанные волосы, однако его реальность – живое сердце и умерщвленная душа» (Саади); «Что значит быть дервишем? Внешне – без притворства, внутренне – без раздоров»; «Дервиш не имеет имени и репутации, не знает ни войны, ни мира» (А. Ансари); «Быть дервишем — значит быть нищим; то же, что приходит к тебе, не считай своим» (А. Джорайри)⁷.

Приведенные рассуждения подтверждают совокупность таких дервишеских ценностей, как аскетизм, любовь к Богу, искренность, медитация и мистицизм, свобода и др. Кроме афористических суждений, система ценностных координат дервиша, его моральные и нравственные качества уточняются и в текстах художественных и публицистических произведений, в очерках и записках путешественников:

«Я видел дервиша (турецкий то монах), || Который одержал победу над страстями: || Стал кроток, совестен, смирен, воздержан, благ || И грешный мир презрел не словом, но делами» (А.Н. Нахимов. Редкости, которые удалось мне видеть, 1814);

«На кладбище неугасимо горит подле Алкорана восковая свеча и дервиш читает молитвы» (Т.П. Пассек. Из дальних лет, 1878-1889);

«Дервиш, «близкий к Богу человек» учится молиться не по книгам, но в путешествиях» (Ю.К. Терапиано. О Гумилеве (1927) // «Новый корабль», № 3, 1928);

«И опять я свободен, как нищий дервиш» (С. Черный. Городок, 1928)

В своем путевом очерке «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкин отождествляет странствующего дервиша с поэтом – оба свобододобивы, самоотречены от земных бо-

⁵ <https://www.islamfacts.net/2019/06/Rumi-Quotes.html>

⁶ <https://rustih.ru/stihi-o-zhizni/omar-xajyam-mudrosti-zhizni/>

⁷ <http://darvishi.ru/index.php/stati-o-dervishakh/19-vse-stati/594-vyskazyvaniya-masterov-o-dervishakh>

гатств и следуют высокому предназначению: *«Паши сложил руки на груди и поклонился мне, сказав через переводчика: «Благословен час, когда встречали поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных»»* (А.С. Пушкин. Путешествие в Арзрум, 1829). То же сравнение видим у Л. М. Василевского: *«Полусвятой и вместе дерзкий нищий, || Поэт и раб, – он к людям прибежал, || Чтоб напоить сердца духовной пищей || И выпросить униженно реал»* (Л.М. Василевский. Дервиш, 1912). Дервиш здесь сравним не только с поэтом, а еще с рабом, который должен служить людям. Именно дервиши являют собой живое олицетворение ценности суфизма – зухда (аскетизма), которому дервиши придавали таинственную оболочку: для них более значимы стали мистические элементы, «готовилась почта для превращения суфизма в некий «гимн божественной любви» [Бертельс, 1965: 15]: *«Дервиш шивал свои заплаты. || Перед дворцом и громко пел: || «На что мне ханские палаты?»»* (Л.Н. Трефолев. Песня дервиша, 1900).

Описание дервишей в русской художественной литературе

Образ дервиша был особенно привлекателен для русской литературы конца XIX-начала XX вв. благодаря своим необычным свойствам, таким как мистическая традиция, поэтическое аскетическое вдохновение и ассоциации со свободой юродства. К середине XX в. русская литература перестало интересоваться дервишеством как мистическим богопознанием, а образ «дервиш» представлялся лишь «одним из знаков восточного колорита, отличительной и отживающей чертой быта советского Востока» [14, с. 152]. Образ «дервиш» особо встречается и в современной литературе бывших союзных республик, где творчество некоторых писателей затрагивает межкультурный диалог и ориенталистику [16, с. 82]. Например, русский поэт и прозаик Е.В. Абдуллаев, живущий в Узбекистане и публикующий под псевдонимом Субхат Афлатуни сравнивает дервиша с образом учителя с некоторой отсылкой на христианского Мессию в отношении унижения, наивности и страданий: *«И в летописи написано, что этому дервишу ангел во сне новые буквы сообщил и сказал сюда их принести – буквы счастья. И баню сказал здесь построить»* (С. Афлатуни. Глиняные буквы, плывущие яблоки, 2006). У другого прозаика дервиш изображается как поликультурный герой, мудрость которого имеет параллели в буддийской и христианской философии [14: 104]: *«Дервиш немой пророк – павлин без хвоста иль ночное небо без писем Аллаховых плед!.. О Азья моя! Сколько немых пророков бродит по тебе в немой жгучей тоске?..»* (Т. Зулфикаров. Земные и небесные странствия поэта, 1990).

В сознании современных русских и арабов типаж «дервиш» воспринимается как носитель некой мудрости, доказательством чему служат такие сочетания слов, как ‘Однажды один дервиш сказал’, ‘Как сказал дервиш’ и др. Ср. примеры: *«Однажды один дервиш сказал: «В нищете и есть моя гордость». И человек всегда рад следовать этому дервишу»* (В.В. Шитик. Я и Руми, 2018); *«Правда, один дервиш говорил, что может спасти меня то, что вкуснее и дороже всего на свете, что не приедается до самой смерти»* (Г. Остапенко. «Чурек и юха» // «Вокруг света», 1990); *«Вот что рассказал один дервиш, мудрейший из мудрых, который знал всё на свете и даже больше»* (И. Зорин. Зачем жить, если завтра умирать, 2015).

Кроме мудрости дервишу предписываются такие ценности, как дружба, искренность, простота, самодостаточность, скромность, любовь и др. О верности и искренности дервиша читаем у Н.С. Гумилева: *«И хожу и похваляюсь, что узнал я торжество: || Мир лишь луч от лика друга, всё иное тень его! <...> Вот иду я по могилам, где лежат мои друзья, || О любви спросить у мертвых неужели мне нельзя?»* (Н.С. Гумилев. Пьяный дервиш, 1921). Дервиш не только верный попутник, который дорожит и ценит своих наставников и друзей, но и довольствуется малым, нетребовательный и щедрый человек. Ср.: *«Не печалься – сказал мне один из дервишей – и думай только о хорошем. Я шейх*

дервишеского теккие и властвую над сорока дервишами. Я тебе соберу с них десять тысяч динаров, и ты сполна выплатишь приданое, которое ты должен своему тестю» (Тысяча и одна ночь, Ч. 2, 2018 «рассказ об Ала-Ад-Дине Абу-ш-шамате»). Дервиш известен своей простотой и необычной скромностью, наполнен любовью ко всем и всему. Ср. контексты: *«Во всех любовь!.. Дервиш отбросил четки, || Премрачный вид на радость обменил: || Не ты ли в нем возжег огонь потухших сил?»* (А.С. Грибоедов. Кальянчи, 1822); *«Мне кажется, я пишу очень нужные, полезные книги, но я дервиш среди нынешних вельмож в биологии»* (Ю.А. Жданов. Во мгле противоречий // Вопросы философии, 1993).

В иллюстрациях показано, что дервишество очевидно представляет собой нравственный феномен: «стремление людей к моральному совершенству подвигало их к такому методу поиска истины, самовоспитания через странничество» [17, с. 280]. Дервиши относились к т. к. «маджзубам» (привлеченным), которые уходили в странствия, стараясь найти внутреннюю тишину через медитацию и отрешенность от мирской суеты. Если классическая литература высказывает почтение к образу «дервиш», то в исследовательской деятельности XVIII-XIX вв. востоковеды изображают дервиша как враждебный, социальный тип и таинственную фигуру [15, с. 139]. Д.Ю. Арапов отмечает, что Положением Азиатского комитета в 1834 г. был воспрещен пропуск дервишей в Астраханскую губернию, а чуть позже, в 1836 г. – отказ в подданстве России, так как дервиши, как объясняется в циркуляре, бродят по России под предлогом идти в Мекку на паломничество, а на самом деле останавливаются и возбуждают в мусульманском населении фанатизм и возмущение против власти [1, с. 119-120]. Ср. данное описание в прозе Н.Н. Каразина: *«Мусульманское духовенство, возбуждая народ к поголовному восстанию против русских, к газавату (священной войне), рассылало по городам своих агентов – дивона – с подобными подстрекательскими речами»* [7, с. 201].

Оценка дервишей в арабской художественной литературе

Кроме положительной оценки рассматриваемого типажа в коммуникативном массовом сознании имеют отрицательную и нейтральную характеристики, отражающие реальные и житейские свойства дервиша. В научной литературе различают тех дервишей, искренних в своей любви к Богу и посвящающих свою аскетическую жизнь медитации и размышлениям, и тех кочевых дервишей, предающихся распутной жизни, полной попрошайничества и разврата [5, с. 167]. Дервишеский образ жизни стал для многих «псевдодервишей» ничем иным, как средством зарабатывания: они собирали пожертвования и попрошайничали, занимались гаданием, читали заклинания над больными и страдающими от колдовства и джиннов. Русский путешественник и востоковед К.М. Базили справедливо отмечает, что пророк Мухаммад, очищая восток от язычества, проклял магов и запретил употреблять в богослужении и молитвах музыкальные инструменты и пляски поэтому пуритан в исламе подозревают дервишей в тайном учении, «не совсем согласном с догматами исламизма» [2, с. 238-239]. Британский востоковед А. Гибб отмечает, что «своим пренебрежением к основам мусульманской веры суфии навлекли на себя гнев пуританов ... дервиши чрезмерно употребляли алкогольные напитки и наркотики, якобы для достижения экстаза во время «зикра». Среди них распространилось сильное убеждение в магии и астрономии» [4, с. 290].

Например, среди дервишей есть рифаиты-мошенники, которые носят с собою змею, отпускают их в дома незаметно от хозяев, а затем шантажируют их: *«Змея остановилась на своем месте, как будто ее парализовало, и посмотрела в сторону рифаита, как бы умоляя его отпустить её, а тот подал знак рукой, чтобы змея подошла. Змея в тот момент упала прямо на землю, на то место, куда указал рифаит, и свернулась комом вокруг себя, а тот подошел к ней, схватил за хвост и спустился к изумлению всех присутствующих»* (Дж. Хелми. «Аль-Рифай», 2020).

Наиболее серьезные догматы веры, к которым многие дервиши пренебрегали – запрет на употребление алкоголя и наркотиков, даже во время религиозного радения: «В каирском районе Вагх Аль-Бирка проживала шайка людей, которые притворялись суфийями и дервишами. Они совершали грехи публично, и никто не мог им противостоять, потому что люди боялись их грубой силы» (Хайри Шалаби. Район «Батн Эль-Бакара», 1996); «Исполнители приговора рассказывали народу, что при разрушении теккие нашли в них штофы проклятых Магометом напитков, закупоренные листьями из Корана» [2, с. 250].

Многие пустосвяты и мошенники, особенно в деревнях, под прикрытием дервишества занимаются магией и шарлатанством, обманывают и наживаются над простыми, малообразованными людьми: «Она давно слышала о дервише и его способностях, но никогда не осмеливалась зайти в его дом. Все жители района приходили на траур не в знак солидарности, а из страха перед дервишом» (М. Харис. Клятва Соломона, 2018); «Женщина [мать больной девушки] нагнулась поцеловать руку дервишу и сказала: «Каждый раз, возвращаясь от Вас домой, она [дочь] дня два чувствует себя хорошо, потом всё идет прахом: опять бешено кричит и разрывает на себе одежду» <...> Женщина вложила ему в руку что-то сверкающее, как золото. Дервиш с показным благочестием принял поданное и сказал: «Божья воля! Пойдем со мной, дочка!» (С. Аль-Джабури. Пати́на, 2017).

Многие дервиши, путешествуя, попрошайничали, собирали пожертвования на храмы и брали себе, даже хулиганили, промышляли кражей и мошенничеством: «Среди подозреваемых был один дервиш, который покинул деревню, спасаясь от полиции после частых доносов и обращений, поданных против него сельчанами, обвиняющими его в попрошайничестве, краже и угрозе миру и спокойствию людей в деревне» (В.А. Али. Письма дервиша, 2022); «Как поживаешь, дядя Абулфадл? – Эссам обратился к дервишу, но последний не ответил, якобы не узнал его – только кивнул ему головой в сторону сидящей девочки. Эссам сразу понял, что нужно дать ей денег, и достал из кармана сумму больше, чем в первый раз» (В. Исмаил. Эйнштейн и дервиш, 2020); «Частенько дервиши на поверку оказывались обыкновенными мошенниками, которые попрошайничали, занимались гаданиями, предсказаниями, а иногда и не брезговали преступным промыслом» (О. Северюхин «Дервиш», 2016); «Пока мы скакали, я обследовал карманы Али. Там я обнаружил мои часы и кошелек, в котором, судя по весу, денег заметно прибавилось. <...> - Короче, если добровольно не дашь руки, получишь по голове, а потом я сделаю все сам. Это подействовало. Псевдодервиш оказался трусом» (Май Карл. «Из Багдада в Стамбул», 2001); «[Человек1] Ограбили! держите их! [Человек2] Держите! Эти дервиши ограбили! Они бандиты! Воры!» (к/ф «Не бойся, я с тобой!», 1981).

Таким образом, анализ текстовых примеров с оценочным компонентом подтверждает как типовые, так и стереотипные признаки типажа «дервиш» в сознании современных носителей культуры: кроме положительной оценки лингвокультурный типаж «дервиш» в коммуникативном массовом сознании имеет отрицательную и нейтральную характеристики, отражающие реальные и житейские его свойства.

Заключение. Изучив концепт «дервиш» в аспекте ценностных ориентаций, можно заключить, что для данного лингвокультурного типажа особое значение имеет ряд общечеловеческих ценностей (любовь, свобода, скромность, искренность, верность, дружба, добродетели и др.) и, в подавляющем большинстве случаев, этнокультурные и локально-групповые ценности (богослужение, аскетизм, странствие, медитация и др.).

Разумеется, положительные качества свойственны далеко не всем дервишам. Дервишей осуждали за пренебрежение основами мусульманской веры и приобретение таких неблагоприятных качеств, как попрошайничество, мошенничество, занятие магией и гаданием, употребление «нечистой влаги» и наркотиков, даже воровство и хулиганство. В

этой связи, мы приходим к выводу о том, что лингвокультурный типаж «дервиш» имеет как положительные, так и отрицательные оценочные характеристики.

Проанализированный материал подтверждает сравнительно частую оценочную амбивалентность дервиша со стороны представителей арабской лингвокультуры, поскольку дервиш в арабском сознании воспринимается как более узнаваемая и реальная личность с поведенческими особенностями и противоречивыми ценностными ориентациями, тогда как в сознании современных русских данный концепт более предстает как инокультурный и экзотический концепт, зарисованный более детально в поэзии и записках путешественников благодаря своей восточной символике, которая сочетает в себя эстетическую и философскую ценность.

Литература

1. Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М.: ИКЦ Академкнига, 2001. 367 с.
2. Базили К.М. Очерки Константинополя. Ч.2. СПб.: Тип. Н. Греча, 1835. 285 с.
3. Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература. М.: Наука, 1965. 524 с.
4. Гибб Г.А., Боуэн Г. Исламское общество и Запад: исследование влияния западной цивилизации на мусульманскую культуру на Ближнем Востоке. Исламское общество в XIII в. Ч. II. 2-е изд. (в переводе с англ.). Абу Даби: Национальный дом книг, 2012. 379 с.
5. Гольдциер И. Догма и шариат в исламе: история доктринального и законодательного развития исламской религии (в переводе с нем.). Бейрут: Изд-во «Современные книги», 1946. 407 с.
6. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж с позиции культурных ценностей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 2. С. 29-35.
7. Каразин Н.Н. Погоня за наживой: Роман, повести, рассказы / сост. А. А. Мачерет. СПб.: Лениздат, 1993. 587 с.
8. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. М.: Гнозис, 2004. 477 с.
10. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
11. Матенова Ю.У. Современная франкоязычная литература. Межкультурное взаимодействие: учебник и практикум для вузов / Ю.У. Матенова, Э.Ф. Шафранская. М.: Юрайт, 2023. 225 с.
12. Масуд Дж. Современный лингвистический словарь «Муджам Аль-Раид». 7-е изд. Бейрут: Наука – миллионам, 1992. 912 с.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
14. Томилова Н.А. Мотив дервишества в русской литературе (на материале творчества Сухбата Афлатуни, Тимура Зульф리카рова, Александра Иличевского): дис. канд. филол. наук. М., 2014. 181 с.
15. Шафранска Э.Ф. Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб.: Свое издательство, 2016. 370 с.
16. Юхнова И.С. Русский культурный код в повести Сухбата Афлатуни «Глиняные буквы, плывущие яблоки» // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2015. № 2 (10). С. 81-89.

17. Якупов В.М. Особенности суфизма в Поволжье. – В кн.: Якупов В.М. Ислам сегодня. Казань: «Иман», 2011. 392 с.

M. H. S. Mansour

Ain Shams University, Cairo, Egypt

The linguocultural type "dervish" in Arabic and Russian linguistic consciousness: axiological characteristics

Abstract. The article describes the axiological characteristics of the linguocultural type "dervish". Aphorisms and textual excerpts from works of art, journalism and travelers' notes, which actualize the named features in Russian and Arabic linguocultures are analyzed. Methods of contextual and interpretative analysis have been applied. A linguocultural type is treated as a generalized recognizable image of a person. It may also be analyzed from a linguocultural point of view as a variety of a concept including notional, imaginative and evaluative properties.

The specificity of the perception of current concept in the linguistic consciousness of both linguocultural communities has been described. An axiological interpretation of this linguocultural type is presented, its associative features and evaluative characteristics are revealed. This linguocultural type is marked by general human virtues, such as love, freedom, modesty, sincerity, friendship, etc. However, in Arabic communities certain dervishes have been criticized for negative traits of behaviour – they sometimes neglected fundamental features of the Moslem faith and practiced begging, frauds, fortune telling, using alcohol and drugs, and even theft and rowdiness. It is deduced that the linguocultural type "dervish" appears in the Russian consciousness as an exotic and more abstract concept of foreign cultural, while in the minds of modern Arabs it is perceived as a real and close to natural life personality with contradictory features and an ambivalent assessment.

Keywords: linguocultural type; concept; dervish; Sufi; intercultural communication; linguistic personality; value orientations; evaluative component; Russian and Arabic consciousness.

References

1. Arapov D. YU. Islam v Rossijskoj imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika) [Islam in the Russian Empire (legal acts, descriptions, statistics)]. Moscow, 2001, 367 p.
2. Bazili K.M. Oчерки Konstantinopol'ya. [Essays of Constantinople]. St. Petersburg, 1835, 285 p.
3. Bertel's E.E. Sufizm i sufijskaya literatura. [Sufism and Sufi literature]. Moscow, 1965, 524 p.
4. Gibb G.A., Bouen G. Islamskoe obshchestvo i Zapad: issledovanie vliyaniya zapadnoj civilizacii na musul'manskuyu kul'turu na Blizhnem Vostoke. Islamskoe obshchestvo v XIII v. [Islamic community and the West: a study of influence of Western civilization on Muslim culture in the Middle East. Islamic Community in the XIII century]. Abu Dabi, 2012, 379 p.
5. Gol'dcier I. Dogma i shariat v islame: istoriya doktrinal'nogo i zakonodatel'nogo razvitiya islamskoj religii (v perevode s nem.). [Dogm and Sharia in Islam: the History of Doctrinal and Legal Development of Islam Religion]. Bejrut, 1946, 407 p.
6. Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnyj tipazh s pozicii kul'turnyh cennostej [Linguocultural type from the point of view of Cultural Values]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State Pedagogical University]. 2006, no 2, pp. 29–35.

7. Karazin N.N. Pogonya za nazhivoj: Roman, povesti, rasskazy / sost. A. A. Macheret. [A Pursue for Profi: A Novel and Stories. compiled by A.A. Macheret]. St. Petersburg, 1993, 587 p.
8. Karasik V.I., Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniyu ponyatiya [A linguocultural type: to the definition of a notion]. *Aksiologicheskaya lingvistika: Sbornik nauchn. tr.* [Axiological linguistics: A collection of scientific works]. Volgograd, 2005, pp. 5–25.
9. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs: monografiya. [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse: a Monograph]. Moscow, 2004, 390 p.
10. Kolesov V.V. Yazyk i mental'nost'. [Language and Mentality]. St. Petersburg, 2004, 240 p.
11. Matenova YU.U. Sovremennaya frankoyazychnaya literatura. Mezhekul'turnoe vzaimodejstvie [Modern Francophone Literature : Intercultural Cooperation] / Yu. U. Matenova, E. F. Shafranskaya. Moscow: Yurajt, 2023, 225 p.
12. Masud Dzh. Sovremennyy lingvisticheskiy slovar' «Mudzham Al'-Raid» [A Modern Linguistic Dictionary “Mudzham Al'-Raid”]. Bejrut: Nauka – millionam», 1992, 912 p.
13. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya. [Constants. A Dictionary of the Russian Culture. An Experience of Study]. Moscow, 1997, 824 p.
14. Tomilova N.A. Motiv dervishestva v russkoj literature (na materiale tvorchestva Suhbata Aflatuni, Timura Zul'fikarova, Aleksandra Ilichevskogo): dis. [A Motif of Dervish in the Russian Literature (on the material of works by Suhbat Aflatuni, Timur Zul'fikarov, Aleksandr Ilichevsky: Thesis]. Moscow, 2014, 181 p.
15. Shafranskaya E.F. Turkestanskiy tekst v russkoj kul'ture: Kolonial'naya proza Nikolaya Karazina (istoriko-literaturnyj i kul'turno-etnograficheskiy kommentarij) [A Turkestan Text in the Russian Culture: A Colonial Prose by Nikolay Karazin (Historical-Literary and Cultural-Ethnographic Commentaries)]. St. Petersburg, 2016, 370 p.
16. Yuhnova I.S. Russkiy kul'turnyj kod v povesti Suhbata Aflatuni «Glinyanye bukvy, plyvushchie yabloki» [A Russian Cultural Code in the story by Suhbat Aflatuni “Clay Letters, Drifting Apples”]. *Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i civilizacij* [World literature at the crossroads of cultures and civilizations]. 2015, no 2 (10), pp. 81–89.
17. Yakupov V.M. Osobennosti sufizma v Povolzh'e [Peculiarities of sufism in the Volga Region]. Yakupov V.M. Islam segodnya. Kazan: Iman, 2011, 392 p.

УДК 81`27

Орлова Олеся Геннадьевна

профессор кафедры истории театра, литературы и музыки ГАОУ ВО «Новосибирский государственный театральный институт», доктор филологических наук (г. Новосибирск, Россия).

orlovaog@mail.ru

orcid: <http://orcid.org/0000-0002-3572-4274>

Образные признаки концепта «хороший учитель» (на материале анализа анкет родителей)

Аннотация. Статья посвящена изучению образных признаков концепта «хороший учитель», собранных на материале анализа анкет родителей обучающихся АНО СПО «Образовательный центр «РОСТ». Проблема, решаемая в статье, ставится следующим образом: какими качествами наделяют родители учителя, которой, с их точки зрения, хо-

роший? Исследование представляет собой определение образных признаков концепта «хороший учитель». В АНО СПО «Образовательный центр «РОСТ» в 2021 году был проведен опрос родителей, направивших своих детей на обучение в данную образовательную организацию. Из анкет мы почерпнули 222 фрагмента текста ответов родителей на вопрос «Хороший учитель – что он делает?» и «Хороший учитель – какой он?». В полученных фрагментах текста мы выявляли признаки действия и качества концепта «хороший учитель». «Хороший учитель», прежде всего, создает интерес, во вторую очередь – любит детей, и только в пятую – передает знания. Таким образом, наиболее актуальные признаки действия концепта «хороший учитель» - это действия создания или передачи эмоций. Эти действия «хорошего учителя» репрезентируются при помощи глаголов и отглагольных форм, образованных от корня «интерес». Признак действия «любить» репрезентирован всеми формами с корнем «любит». Признак интеллектуального действия «понимать» актуализируется при помощи глаголов и форм с основой «понимать» и глаголов восприятия «видеть», «слышать» (*ребёнка*). Из 222 фрагментов полученных ответов в 12 фрагментах актуализированы единичные признаки действий. Действия, которые ожидаются родителями от «хорошего учителя» - это взаимодействие и интеллектуально-эмоциональные действия. Из 222 полученных фрагментов ответов родителей на вопросы анкеты 80 содержали неединичные актуальные признаки качеств «хорошего учителя». «Хорошему учителю» приписываются признаки профессионала, строго, умного и мудрого друга. Родители различают такие характеристики, как «строгий» и «авторитарный». В 19 фрагментах текстов актуализировались единичные признаки качеств «хорошего учителя».

Ключевые слова: концепт; учитель; хороший учитель; анкета; признак.

Введение. Статья посвящена изучению образных признаков концепта «хороший учитель», собранных на материале анализа анкет родителей обучающихся АНО СПО «Образовательный центр «РОСТ». Проблема, решаемая в статье, ставится следующим образом: какими качествами наделяют родители учителя, которой, с их точки зрения, хороший? Какие действия должен совершать учитель, чтобы считаться хорошим? «Хороший» - это общая положительная оценка, которая характеризует некий фрагмент мира с точки зрения его ценности. Ценностное содержание – это идеологическая составляющая концепта. Она также направлена на регулирование поведения носителей языкового сознания относительно того или иного фрагмента мира.

Методы. Методика концептуального анализа, разработанная школой проф. М.В. Пименовой, представляет собой последовательность некоторых поэтапных шагов и заключается в анализе его структуры. Исследуются признаки концепта (понятийные, образные, символические, ценностные и прочие), далее признаки концепта структурируются по иерархическому принципу и принципу частотности.

Выбор ключевого слова – репрезентанта концепта – это первый шаг методики концептуального анализа. Далее происходит сбор фактического материала. На этом этапе изучаются компоненты словообразовательного гнезда, свободные и устойчивые сочетания с ключевым словом, тексты. На третьем этапе происходит исследование этимологии – выявление мотивирующих признаков на основе анализа этимологических, историко-этимологических словарей. Четвертый этап – это определение образных концептуальных признаков. На пятом этапе происходит выявление понятийных признаков на основе анализа словарных дефиниций и определение частотности выявленных понятийных признаков. Далее выявляются категориальные признаки. Ценностные признаки – эти признаки ценности, составляющая соответствующего фрагмента мира, которая выполняет регулятивную функцию относительно поведения и «думания» человека. Следующий этап концептуального анализа – это описание символических признаков концепта [6].

Наше исследование представляет собой определение образных признаков концепта «хороший учитель». Мы сузили область исследования, идя по пути уточнения ценностного слоя концепта «учитель», намереваясь собрать сведения о том, каким, по мнению родителей, должен быть «хороший учитель». Иными словами, мы изучаем, что основными стейкхолдерами учебного процесса предписывается и рекомендуется делать учителям и какими быть, чтобы быть положительно оцененным сообществом.

Литературный обзор. «Концептуализм (лат. *conceptus* – понятие) – умеренное направление средневековой традиции номинализма, занимающее в вопросе об универсалиях позицию трактовки последних в качестве содержащихся в человеческом сознании имен (*nomina*) соответствующих объектов, однако предусматривающее при этом наличие реально существующих общих признаков единичных предметов в качестве основания для объединения их в класс, фиксируемый в общем понятии (*conceptus*). <...> Таким образом, универсалии не воплощены в вещь субстанциально, но в последней присутствуют признаки, выражающие не только истинную сущность вещи, но и частные ее проявления; именно эти признаки позволяют отнести вещь к тому или иному множеству, выражаемому универсалией как именем.

По Абеяру, универсалия как общее понятие есть результат деятельности человеческого ума, обобщающего реальные свойства (признаки) вещей, характеризующихся одним и тем же «состоянием» (*status*) <...> непосредственно в сенсорном процессе ум отвлекается от сугубо индивидуальных и неповторяемых свойств объекта, адсорбируя интегральные признаки, позволяющие объединять вещи в тот или иной *status*. Иначе говоря, универсалии оформляются в чувственном опыте посредством абстрагирования»⁸.

Итак, концепт – понятие – объединяет в себе признаки, абстрагированные от конкретный явлений / предметов, воспринимаемых чувственно. Рассмотрим, какие определения понятию и термину концепт даются в современной лингвистической литературе. В концепции Е.С. Кубряковой концепт трактуется как «оперативная, содержательная единица памяти». Это «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира» [4, с. 148].

Вопросу исследования концептов отводится большое место в работах С.Г. Воркачев [1], В.И. Карасика [3], З.Д. Поповой [7], М.В. Пименовой [5; 6], J. Benjamins [9], J.A. Hudson [16], D. Kemmerer [10], B. Mukhtorova [11], O. Pavenkov [12], J. van Rijt [13], S. Tuxtanazarova [14], N. Umarova [15], M. Zhang [16] и других.

Концепт – это некое понятие, прежде всего (от лат. *conceptus*) [2]; сгусток смысла, культуры, который «стоит» за единицей языка [8]. С.Г. Воркачев определяет концепт как единицу коллективного знания [1]. В.И. Карасик называет концептом хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта [3].

З.Д. Попова, И.А. Стернин определяют концепт как «принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности» [7]. М.В. Пименова полагает, что «концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [5, с. 127].

Результаты и обсуждение. В АНО СПО «Образовательный центр «РОСТ» в 2021 году осенью (в начале учебного года) в целях реализации внутренней системы оценки качества образования был проведен опрос родителей, направивших своих детей на обучение в данную образовательную организацию. Цель данного опроса была комплексной и заключалась в следующем: более полно определить индивидуальную образовательную

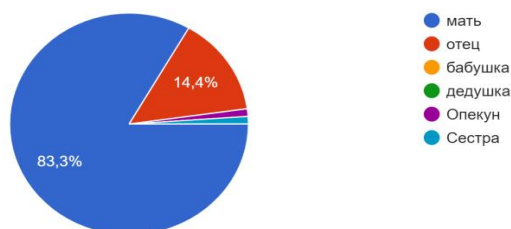
траекторию ребенка в образовательном центре; сформулировать ценностные ожидания от образовательного процесса; сформировать план воспитательной работы в школе; сформировать эмпирическую базу для исследования идеологом *УЧИТЕЛЬ, ОБРАЗОВАНИЕ, ШКОЛА*. В анкете, которую родителям предложили заполнить, содержалось 3 раздела. 1 раздел – формально-организационный – включал в себя 12 вопросов; 2 раздел включал вопросы, исследующие отношение родителей к школе и образованию (21 вопрос); 3 раздел был направлен на формирование ребенком и его родителем индивидуального маршрута в образовательном центре и включал 16 вопросов.

В опросе приняли участие 90 родителей, большая часть из них – матери.

Рис. 1. Общее количество ответов.

Fig.1. The total amount of answers.

Степень родства
90 ответов

Поскольку большая часть обучающихся со 2 по 11 класс – это дети, перешедшие учиться в Образовательный центр «Рост» из других образовательных организаций, то в анкете присутствовал следующий вопрос.

Рис.2. Удовлетворяло ли вас качество образования в предыдущей образовательной организации?

Fig. 2. Was the quality of education in the previous organisation satisfying?

Удовлетворяло ли вас качество образования в предыдущей образовательной организации?
90 ответов

Следующий вопрос был направлен на уточнение причин того, почему не удовлетворяло качество образования в предыдущей образовательной организации. Отсутствие индивидуального подхода к особенностям ребенка, стресс в школе и крик являются главными причинами того, почему семья ищет другую школу.

Рис. 3. Если нет, то объясните кратко, почему.
Fig. 3. If not, explain why?

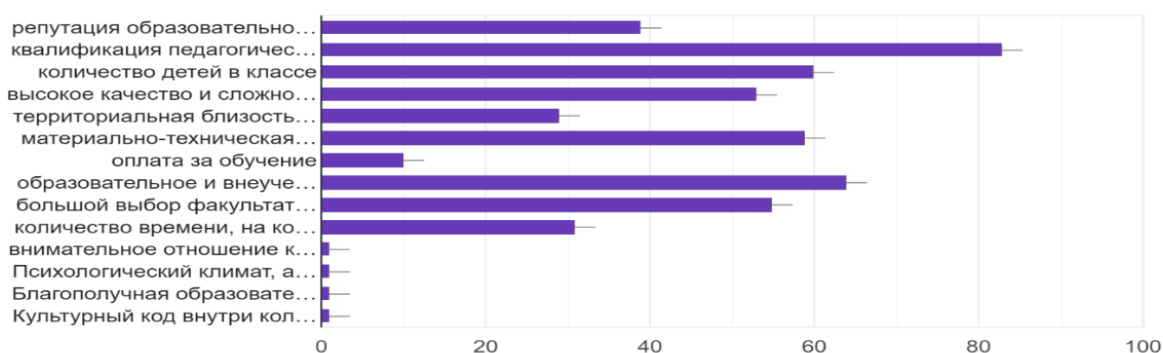
Содержание ответа	Количество единиц смысла
Отсутствие индивидуального подхода, стресс, крик	12
Низкое качество	11
Формальные методы	8
Переполненность класса, нехватка учителей	3
Плохая МТБ	3
Питание	3
Некачественный состав класса	2
Отсутствие интересных кружков	1
Перекося в сторону спорта	1

В следующем вопросе мы уточняли, какие критерии являются для родителей решающими при выборе образовательной организации для ребенка. Мы выяснили, что квалификация педагогического состава является для современных родителей главным решающим фактором при выборе школы.

Рис. 4. Какие критерии являются решающими для вас при выборе образовательной организации для ребенка.

Fig. 4. What criteria are decisive for you when you choose the educational organization for your child?

Какие критерии являются решающими для вас при выборе образовательной организации для ребенка?
90 ответов

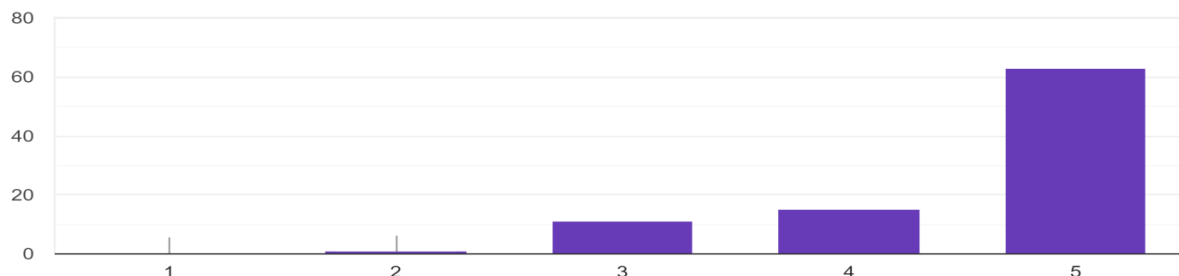

Далее следовали вопросы, направленные на выявление ценностно-оценочной составляющей фрагмента мира «образование» в языковом и ментальном пространстве современных родителей. Вопрос «укажите на шкале, к чему, по вашему мнению, должна больше стремиться современная школа», с одной стороны, демонстрирует ценностные ориентиры, заложенные в образовательную модель Образовательного центра «Рост», с другой стороны, выявляет приверженных этой модели семьи.

Рис. 5. Укажите на шкале, к чему, по вашему мнению, должна больше стремиться современная школа.

Fig. 5. Show in the scale what contemporary school should do.

Укажите на шкале: к чему, по вашему мнению, должна больше стремиться современная школа
90 ответов

Строго следует учебному плану, рабочей программе, базовым умениям, знаниям и навыкам

Учитывает индивидуальные темп, интересы, потребности обучающегося

Образовательный центр «Рост» транслирует идею пересмотра подходов к традиционному образованию. Следующий вопрос направлен на выявление того, согласны ли родители с такой позицией школы. Выяснилось, что большинство родителей считают, что образование нуждается в индивидуализации образовательного процесса и большей направленности на практическую составляющую.

Рис. 6. Современное образование нуждается в пересмотре подходов к нему. Напишите, что нужно изменить.

Fig. 6. Contemporary education needs to be revised. Write what you think is needed to be reformed.

Значение	Количество
Индивидуальный подход	26
Реальные практические знания	14
Статус учителя	9
Развитие личностных качеств	8
Учебные планы	7
Фундаментальные знания	5
Команда	5
Доброта	5
Диалог	4
Учить думать	4
Планирование будущего	3
Оценки	3
Метапредметные компетенции	3
Учиться в школе самостоятельно	2
Среда	2
Интерес / Мотивация	1

Последующие вопросы имеют ассоциативный характер и нацелены на выявление образных (ценностно-оценочных) признаков фрагмента мира *ОБРАЗОВАНИЕ* и *УЧИТЕЛЬ*. Из анкет мы почерпнули 222 фрагмента текста ответов родителей на вопрос «Хороший учитель – что он делает?» и «Хороший учитель – какой он?». Далее велась работа с полученными текстам, а именно в полученных фрагментах текста мы выявляли признаки действия и качества концепта «хороший учитель». В 111 фрагментах текстов ответов

на вопрос «Что делает?» были актуализированы повторяющиеся определенное количество раз признаки действия.

Таблица 1. Признаки действия концепта «хороший учитель»
Table 1. The actions of a “good teacher”

№	Что делает?	Количество
1.	Создает интерес	24
2.	Любит	18
3.	Понимает	17
4.	Находит индивидуальный подход	10
5.	Передает знания	8
6.	Занимается саморазвитием	7
7.	Уважает учеников	5
8.	Объясняет понятно	4
9.	Поддерживает ребенка	4
10.	Вовлекает	3
11.	Владеет техниками и методиками	3
12.	Направляет	2
13.	Коммуницирует / общается	2
14.	Умеет договориться с каждым ребёнком	2
15.	Создать благоприятный социально-психологический климат	2

Для нас исключительно важным является тот факт, что, по результатам анализа родительских анкет, родители ожидают, что хороший учитель, прежде всего, создает интерес, во вторую очередь – любит детей, и только в пятую – передает знания. Таким образом, наиболее актуальные признаки действия концепта «хороший учитель» – это действия создания или передачи эмоций.

Из 222 фрагментов полученных ответов в 12 фрагментах по одному разу актуализированы следующие признаки действий:

Таблица 2. Единичные признаки действия концепта «хороший учитель»
Table 2. The separate actions of “a good teacher”

№	Что делает?	Количество
1.	Принимает ребёнка таким, какой он есть	1
2.	Умеет пробудить радость от творческого выражения и получения знаний вдохновлять	1
3.	Усиливает сильные стороны	1

4.	Даёт механизмы по работе со слабыми	1
5.	Общается на равных	1
6.	Отмечает успехи (даже самые маленькие), помогает и побуждает к развитию	1
7.	Помогает преодолевать сложные этапы на пути ребёнка	1
8.	Нашел свое призвание	1
9.	В каждом ребенке находит талант	1
10.	Не боится делать ошибки и признавать их	1
11.	Понимает ценность ребёнка	1
12.	Даже за дверьми школы остаётся учителем	1

Отметим, что действия, которые ожидаются родителями от «хорошего учителя» - это, в основном, взаимодействие и интеллектуально-эмоциональные действия.

Из 222 полученных фрагментов ответов родителей на вопросы анкеты 80 содержали неединичные актуальные признаки качеств «хорошего учителя». Прежде всего, «хорошему учителю» приписываются признаки профессионала, строго, умного и мудрого друга. Важно также отметить, что родители различают такие характеристики, как «строгий» и «авторитарный». «Хороший учитель» – неавторитарный.

Таблица 3. Признаки качеств «хорошего учителя»
Table 3. The features of “a good teacher”

№	Какой?	Количество
1.	Профессионал	16
2.	Строгий	11
3.	Умный / мудрый	10
4.	Друг	9
5.	Внимательный / вовлеченный	8
6.	Отзывчивый	8
7.	Добрый	6
8.	Позитивный	4
9.	Спокойный	2
10.	Обязательно с чувством юмора	2
11.	Современный	2
12.	Не авторитарный	2

В 19 фрагментах текстов актуализировались единичные признаки качеств «хорошего учителя».

Таблица 4. Единичные признаки качеств «хорошего учителя»
Table 4. The separate features of a “good teacher”

№	Какой?	Количество?
1.	Знающий	1
2.	Красивый	1
3.	Ответственный	1
4.	Умеющий ободрять	1
5.	Гибкий	1
6.	Личные качества	1
7.	Энергичный	1
8.	С хорошим опытом	1
9.	Справедливый	1
10.	Образцовый пример нравственности и этичного поведения	1
11.	Адекватный	1
12.	Может быть личным примером	1
13.	Счастливый	1
14.	Энергичный	1
15.	Талантливый педагог	1
16.	Желающий быть вкладом	1
17.	Воспитывающий личность	1
18.	Смелый	1
19.	Лидер	1

Рассмотрим последовательно, при помощи каких способов и средств репрезентированы наиболее частотные признаки концепта «хороший учитель». Это полная и краткая форма причастия «заинтересованный», «заинтересован» (*внимательный к его состоянию; не только в результате, но и в процессе обучения; в успехе ученика*); глагол «заинтересовать» (*детей; учебным процессом; ребёнка учёбой; ребёнка; к изучению предмета; предметом; ученика; умеет [заинтересовать]; может [заинтересовать]; знает, как [заинтересовать]*); отглагольное имя существительное «заинтересованность» (*возникла*); имя прилагательное «интересный» (*лектор*); краткая форма «интересно» (*детям; объяснить*); имя существительное «интерес» (*поддержать*).

Несколько синонимичных средств встречаются в данной группе лексем, репрезентирующих действие «интересовать» «хорошего учителя». Так, это глагол «увлечь» (*ребенка*); метафора «заразить» (*заразить ребенка интересом к какой-либо науке*); «вдохновлять».

К данной группе мы также отнесли словосочетание «всех детей считает гениями».

Следующий по частотности признак, а, значит, актуальности для родителей детей, действия «хорошего учителя» - «любит». Это признак репрезентирован глаголом «любит» (*детей; должен [любить]; ребенок; своё дело; свой предмет/свою работу*); именем существительным «любовь» (*к учёбе; к предмету; к детям и своей работе; привить [любовь]*); причастие настоящего времени «любящий» (*свое дело; детей, свой предмет; детей*); причастие совершенного вида «влюблен» (*в свою профессию*); глагол «влюблять» (*в свой предмет*). Учитель также, по мнению родителей, должен быть любим детьми. К синонимичным средствам выражения этого признака мы отнесли глаголы «увлекать» и «обожать» (*свое дело*).

Если предыдущих два признака действия «хорошего учителя» – это действия выражения эмоций, то следующий признак действия – интеллектуального «понимать». Родители в ответах на вопросы анкеты актуализируют признак при помощи глагола «понимать» (*ребенка; детей; особенности детей; все особенности ребенка*); причастия «понимающий» (*своих учеников*). Важно, что у глагола «понимать» есть контекстуальные синонимы – глаголы восприятия «видеть», «слышать» (*ребенка*).

В данной группе также отмечены глаголы взаимодействия «взаимодействовать», «помогать» (*раскрыться*); «обратиться» (за помощью); «идти» (*на контакт*); «поощрять» (*личностное развитие*); «давать» (*обратную связь*); «поставить» (*себя на место*).

Глагол «находить» (*подход к любому ребенку; к каждому ученику*) часто отмечен в контекстуальном окружении с «индивидуальным подходом»: родителям обучающихся АНО СПО «Образовательный центр «РОСТ» было важно, чтобы к их детям учителя относились уникальным образом, «находили индивидуальный подход», учитывали особенности личности ребенка (*найти к нему индивидуальный подход; умеющий с каждым учеником работать индивидуально; учитывающий индивидуальные особенности ребенка*).

Глаголы речи «рассказать» (*о сильных и слабых сторонах каждого ученика*) и «общаться» (*с детьми*) поддерживаются на уровне признака действия речи словосочетанием «найти общий язык» (*с детьми*).

Рассмотрим, при помощи каких лексических средств и способов актуализируются признаки качеств «хорошего учителя». Так, признак профессиональности вербализуется при помощи таких имен прилагательных, как «компетентный», «квалифицированный»; «грамотный»; «профессиональный»; имен существительных «профессионал» (*стремящийся к результату и качеству; своего дела; с правильной подачей материала*) «специалист», «интеллигент», «компетенция» (*с высоким уровнем компетенций*), «экспертность» (*обладать в преподаваемом предмете*); наречия «грамотно» (*выстраивая процесс обучения*) и причастия «знающий» (*и любящий свой предмет*).

Такое качество, как «строгий» вербализуется при помощи имен прилагательных «строгий» (*но справедливый*), «авторитетный», «уважаемый»; имен существительных «авторитет» (*пользуется*); «уважение» (*вызывает*), а также «дисциплина» (*держит; сохраняет*).

Интеллектуальный признак «ума» актуализирован в анкетах родителей при помощи имен прилагательных «умный», «мудрый», «внимательный», «грамотный», имен существительных «мудрость», «интеллектуал».

Признак «друг» «хорошего учителя» актуализируется при помощи имен существительных «друг» (лучший), «наставник» (*хороший*), «советчик», «пример» (*для ребенка*).

Заключение. В заключении подведем следующие итоги. Из анкет мы почерпнули 222 фрагмента текста ответов родителей на вопрос «Хороший учитель – что он делает?» и «Хороший учитель – какой он?». В 111 фрагментах текстов ответов на вопрос «Что делает?» были актуализированы повторяющиеся определенное количество раз признаки действия. «Хороший учитель», прежде всего, создает интерес, во вторую очередь – любит детей, и только в пятую – передает знания. Таким образом, наиболее актуальные признаки действия концепта «хороший учитель» - это действия создания или передачи эмоций. Эти действия «хорошего учителя» репрезентируются при помощи глаголов и отглагольных форм, образованных от корня «интерес». Встречаются также глаголы «увлечь» (*ребенка*); метафора «заразить» (*«заразить» ребёнка интересом к какой-либо науке*); «вдохновлять». Признак действия «любить» репрезентирован всеми формами с корнем «любит». К синонимичным средствам выражения этого признака мы отнесли глаголы «увлекать» и «обожать» (*свое дело*). Признак интеллектуального действия «понимать» актуализируется при помощи глаголов и форм с основой «понимать»; у глагола есть контекстуальные синонимы – глаголы восприятия «видеть», «слышать» (*ребёнка*). Из 222 фрагментов полученных ответов в 12 фрагментах актуализированы единичные признаки действий. Действия, которые ожидаются родителями от «хорошего учителя» – это, в основном, взаимодействие и интеллектуально-эмоциональные действия.

Также отмечены глаголы речи «рассказать» (*о сильных и слабых сторонах каждого ученика*) и «общаться» (*с детьми*), словосочетание «найти общий язык» (*с детьми*).

Из 222 полученных фрагментов ответов родителей на вопросы анкеты 80 содержали неединичные актуальные признаки качеств «хорошего учителя». Прежде всего, «хорошему учителю» приписываются признаки профессионала, строго, умного и мудрого друга. Родители различают такие характеристики, как «строгий» и «авторитарный». «Хороший учитель» – неавторитарный. В 19 фрагментах текстов актуализировались единичные признаки качеств «хорошего учителя».

Литература

1. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
2. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1(7). С. 35–47.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 361 с.
4. Куделько Т.А. Концепт, антиконцепт, художественный концепт: к вопросу о соотношении понятий // Филология в XXI веке. 2019. № S1. С. 148–151.
5. Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4. С. 126–132.
6. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. 2013. №2 (54). Т. 2. С. 127–131.
7. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
8. Степанов Ю.С. О термине «концепт» // Е. С. Кубрякова (ред.). Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.–Калуга: Эйдос, 2007. С. 19–26.
9. Benjamins J. B.V. Metaphor in Cognitive Linguistics. 1999. 233 p.
10. Kemmerer D. Concepts in the brain: The view from cross-linguistic diversity. 2019.
11. Mukhtorova B.A. The linguistic and conceptual picture of the world // Science and innovation. International scientific journal. Vol. 2, Issue 1. January 2023. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7581478>.

12. Pavenkov O. Contemporary Linguistic Analysis of the Concept 'Love' // *Studia Humanitatis*. 2014. № 4. URL: <https://ssrn.com/abstract=2578269> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2578269>.
13. Rijt van J. Linguistic concepts in L1 grammar education: a systematic literature review // *Research Papers in Education*. Vol. 34, 2019. Issue 5, pp. 621–648. <https://doi.org/10.1080/02671522.2018.1493742>.
14. Tuxtazarova S. The concept of linguistic view of the world and its significance in linguaculturalogy // *International bulletin of applied science and technology*. 3(9). 482–484. 2023. <https://doi.org/10.5281/zenodo.841262>.
15. Umarova N.A. Linguistic approach to conceptual research // *Asian journal of multi-dimensional research*. 2021, vol. 10, Issue 4, pp. 62–66. DOI: 10.5958/2278-4853.2021.00199.3.
16. Zhang M., Hudson J.A. Development of Temporal Concepts: Linguistic Factors and Cognitive Processes // *Front. Psychol., Sec. Developmental Psychology*. 2018, vol. 18 // <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02451>.

Olesya G. Orlova

Professor of the Department of History of Theater, Literature and Music, Novosibirsk State Theater Institute, Doctor of Philology (Novosibirsk, Russia).

orlovaog@mail.ru

orcid: <http://orcid.org/0000-0002-3572-4274>

Figurative signs of the concept of “a good teacher” (based on the analysis of parents’ questionnaires)

Abstract. The article is devoted to the study of the figurative features of the concept "a good teacher", collected on the basis of the analysis of questionnaires from parents of students of the "Educational Center "ROST". The problem solved in the article is posed as follows: what qualities do parents give to a teacher who, from their point of view, is good? The study is a definition of the figurative features of the concept "a good teacher". In the "Educational Center "ROST" in 2021, a survey was conducted of parents who sent their children to study at this educational organization. From the questionnaires, we learned 222 fragments of the text of the parents' answers to the question "A good teacher – what does he do?" and "A good teacher – what is he like?". In the received fragments of the text, we identified signs of the action and quality of the concept of "a good teacher". A "good teacher", first of all, creates interest, secondly, loves children, and only fifth– transmits knowledge. Thus, the most relevant signs of the "good teacher" concept are the actions of creating or transmitting emotions. These actions of a "good teacher" are represented via verbs and verbal forms formed from the root "interest". The sign of the action "to love" is represented by all forms with the root "loves". The sign of intellectual action "to understand" is actualized with the help of verbs and forms with the basis of "to understand" and the verbs of perception "to see", "to hear". Of the 222 fragments of the responses received, single signs of actions were updated in 12 fragments. The actions that parents expect from a "good teacher" are interaction and intellectual and emotional actions. Of the 222 fragments of the parents' answers to the questionnaire, 80 contained non-unique relevant signs of the qualities of a "good teacher". A "good teacher" is credited with the attributes of a professional, strict, intelligent and wise friend. Parents distinguish between such characteristics as "strict" and "authoritarian". In 19 fragments of texts, single signs of the qualities of a "good teacher" were actualized.

Keywords: concept; teacher; good teacher; questionnaire; feature.

References

1. Vorkachev S.G. Schast'e kak lingvokul'turnyi kontsept [Happiness as a linguistic and cultural concept.] Moscow, 2004, 192 p. (In Russian)
2. Dem'yankov V.Z. Ponyatie i kontsept v khudozhestvennoy literature i v nauchnom yazyke [Notion and concept in fiction and scientific language] *Voprosy filologii* [Issues of philology]. 2001, № 1(7), pp. 35–47. (In Russian)
3. Karasik V.I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse.] Moscow, 2004, 361 p.
4. Kudel'ko T.A. Kontsept, antikontsept, khudozhestvennyy kontsept: k voprosu o sootnoshenii ponyatiy [Concept, anticoncept, art concept: to the question of the definitions' relations]. *Filologiya v XXI veke* [Philology in XXI century]. 2019, № S1, pp. 148–151. (In Russian)
5. Pimenova M.V. Kontseptual'nye issledovaniya i natsional'naya mental'nost' [Conceptual research and national mentality]. *Gumanitarnyy vector* [The Humanitarian vector]. 2011, № 4, pp. 126–132. (In Russian)
6. Pimenova M.V. Tipy kontseptov i etapy kontseptual'nogo issledovaniya [The types of concepts and the stages of conceptual structure analysis] // *Vestnik KemGU* [Bulletin of KemSU]. 2013, №2 (54), vol. 2, pp. 127–131. (In Russian)
7. Popova Z.D. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. Z.D. Popova, I.A. Sternin. Moscow, 2007, 314 p. (*Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Zolotaya seriya*) [Linguistic and intercultural communication. Golden series]. (In Russian)
8. Stepanov Yu.S. O termine «kontsept» [About the term “concept”]. E.S. Kubryakova (ed.). *Kontseptual'nyy analiz yazyka: sovremennye napravleniya issledovaniya* [Conceptual analysis of language: modern research directions]. Moscow–Kaluga, 2007, pp. 19–26. (In Russian)
9. Benjamins J. B.V. Metaphor in Cognitive Linguistics. 1999. 233 p. (In Russian)
10. Kemmerer D. Concepts in the brain: The view from cross-linguistic diversity. 2019.
11. Mukhtorova B.A. The linguistic and conceptual picture of the world. *Science and innovation. International scientific journal*. Vol. 2. Iss. 1. January 2023. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7581478>. (In Russian)
12. Pavenkov O. Contemporary Linguistic Analysis of the Concept ‘Love’ // *Studia Humanitatis*. 2014, no. 4. URL: <https://ssrn.com/abstract=2578269> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2578269>. (In Russian)
13. Rijt van J. Linguistic concepts in L1 grammar education: a systematic literature review // *Research Papers in Education*. Vol. 34. 2019, Iss. 5, pp. 621–648. <https://doi.org/10.1080/02671522.2018.1493742>. (In Russian)
14. Tuxtazarova S. The concept of linguistic view of the world and its significance in linguaculturalogy // *International bulletin of applied science and technology*. 2023, vol. 3(9), pp. 482–484. 2023. <https://doi.org/10.5281/zenodo.841262>. (In Russian)
15. Umarova N.A Linguistic approach to conceptual research // *Asian journal of multi-dimensional research*. 2021, vol. 10, Iss. 4, pp. 62–66. // DOI : 10.5958/2278-4853.2021.00199.3. (In Russian)
16. Zhang M., Hudson J. A. Development of Temporal Concepts: Linguistic Factors and Cognitive Processes // *Front. Psychol., Sec. Developmental Psychology*. 2018, vol. 9. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02451>. (In Russian)

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

УДК 811.111.134.2'373.72:177.63

Гармаш Дарья Алексеевна

Преподаватель кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» (г. Донецк, ДНР, Россия).

daria.garmash@list.ru

orcid: 0000-0001-5724-1989

Понятие *дружба* в ценностных картинах мира англоязычного и испаноязычного сообществ

Аннотация. Статья посвящена описанию особенностей фразеологической вербализации понятия *дружба* в ценностных картинах мира англоязычного и испаноязычного сообществ. Актуальность данной работы обусловлена лингвокультурологическим подходом к изучению семантических особенностей фразеологизмов, репрезентирующих понятие *дружба* в таких неблизкородственных языках, как английский и испанский. Семантический объем понятий *friendship* и *amistad* отличается как по количеству признаков, так и по их значению. Основными признаками, нашедшим отображение во фразеологии английского языка, являются *отношения между людьми; человек, которого вы хорошо знаете, и который, как правило, не является членом семьи; примирение*. В значении испанских фразеологизмов реализуются следующие признаки: *доверие и бескорыстная привязанность между людьми; люди, с которыми вас связывает дружба; человек, с которым у вас доверительные отношения; примирение; укрепление дружественных отношений*. Узуальное значение фразеологизмов актуализируется в контекстах, а фразеологизмы выполняют резюмирующую и экспрессивно-образную функции. В результате лингвокультурологического анализа было установлено, что фразеологизмы содержат стереотипные представления о дружбе, друзьях и дружественных отношениях. В английском языке зафиксированы фразеологизмы, выступающие эталоном дружественных отношений.

Ключевые слова: ценность; дружба; фразеологизм; семантический объем; код культуры; стереотип.

Введение. Статья посвящена описанию сходств и отличий фразеологической вербализации понятия *дружба* в ценностных картинах мира англоязычного и испаноязычного сообществ. Понятие *дружба* является одной из ключевых ценностных доминант, так как обозначает отношения, основанные на взаимной привязанности, доверии, духовной близости, общности интересов и т.п. [13, с. 285]. Дружба – отношение самоценное, которое само по себе является благом [9, с. 16]. Нравственная ценность дружбы неоспорима, и является предметом изучения как античных философов (Сократ, Платон, Аристотель), философов эпохи Просвещения, так и современных исследователей (Kennedy Campbell). Так, немецкий философ Христиан Томазий считал любовь и дружбу наиболее общими предпосылками морали [9, с. 78].

Актуальность данной работы обусловлена лингвокультурологическим подходом к изучению семантических особенностей фразеологизмов (ФЕ), репрезентирующих понятие *дружба* в таких неблизкородственных языках, как английский и испанский. Объектом данного исследования является ценностное понятие *дружба*, вербализованное фразеологическими средствами в английском и испанском языках. Предметом исследования выступают семантические и лингвокультурологические особенности фразеологизмов,

репрезентирующие ценностное понятие *дружба* в английском и испанском языках. Целью работы является описание сходств и отличий фразеологической вербализации понятия *дружба* в ценностных картинах мира англоязычного и испаноязычного сообществ.

Методы. Продуктивным представляется рассмотрение фразеологической репрезентации ценностей, так как во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта, веками накопленный опыт, мировоззрение определенного лингвосоциума [2]. Процедура анализа языкового материала включает несколько этапов: 1) установление семантического объема имени понятия; 2) классификация ФЕ согласно реализованным в их значении ядерным и периферийным семантическим признакам; 3) анализ контекстов употребления ФЕ и установление функций ФЕ; 4) дополнение анализа ФЕ культурологическими комментариями, целью которых является объяснить мотивированность культурно значимых смыслов в значении фразеологизмов, их употребления (за основу взята концепция В.Н. Телия [4]). Понятие *код культуры* является одним из центральных для изучения фразеологизмов в современной лингвокультурологической парадигме. В.В. Красных утверждает, что набор кодов культуры для человечества универсален. «Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определённой культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [12, с. 232]. Согласно В.А. Масловой, наиболее важным для русской лингвокультуры является духовный код, который имеет полевую структуру, и на периферии его интерпретационной зоны находятся такие ценности, нравственные установки и нормы как *добро, любовь, дружба* и др. [14, с. 84].

Литературный обзор. В настоящее время в фокусе аксиологических исследований находятся вопросы происхождения, типологии ценностей и ценностных ориентаций (Вешнинский, 2005; Ивин, 2020; Kluckhohn, 1961; Schwartz, 2010), формирования и развития традиционных духовно-нравственных ценностей [Боргояков, 2022], особенностей лингвокультурных ценностей (Карасик, 2019). Ценностное понятие *дружба* изучается как на материале русского (Ару, 2021), английского (Гусарова, 2021) языков так и в работах сопоставительного характера на материале русского и испанского (Гаврилова, 2008), русского и английского (Рахимова, 2016), русского и французского (Конопелько, 2016), русского, английского и испанского (Толчина, 2010) языков.

Результаты и обсуждения

1. Фразеологическая репрезентация понятия *friendship* ‘дружба’ в английском языке.

В ходе анализа лексикографических источников было установлено, что в семантический объем понятия *friendship* ‘дружба’ входит 3 признака. Ядерными признаками являются *a relationship between people who are friends* ‘отношения между друзьями’; *friendly feeling or disposition, friendliness* ‘дружественные чувства’ [NSEOD, MEDAL, OALD, Collins COBUILD], а периферийным – *a relationship between two countries in which they help and support each other* ‘отношения между государствами, предполагающие взаимопомощь и поддержку’ [MEDAL, Collins COBUILD].

В английском языке в значении большинства фразеологизмов (59 ФЕ, 80%) отмечен ядерный признак понятия *friendship* ‘дружба’ *a relationship between people who are friends* ‘отношения между друзьями’. Например, ФЕ *to get on like a house on fire* (informal) (of people) ‘ладить друг с другом, быстро подружиться’ трактуется как *to become friends quickly and have a very friendly relationship* [OALD]; *have a very good and friendly relationship* [Farlex Dictionary of Idioms]. Примером использования ФЕ выступает контекст: *It was a strong bond between two people, they got on like a house on fire and she said the banter between them was unreal – that’s how she put it* [The Guardian]. Фразеологизм выполняет резюмирующую функцию, так как является кратким резюме предыдущего высказывания.

Предположительно, ФЕ возникла в те времена, когда большинство домов были построены из соломы и древесины, и в случае пожара моментально загорались. Однако ФЕ впервые упоминается в Биографии Фридрика II, написанной Томасом Карлайлом в 1741 [24]. В состав ФЕ входит компонент *house* 'дом', соотносимый с архитектурно-домостроительным кодом культуры, и компонент *fire* 'огонь', ассоциирующийся с природным кодом культуры. Образ фразеологизма основан на сравнении незамедлительной гармонии во взаимоотношениях близких по духу людей со скоростью, с которой может загореться дом. ФЕ в целом выступает эталоном дружественных отношений, основанных на взаимной симпатии и привязанности.

Упоминания заслуживает фразеологический антоним (2%), обозначающий прекращение дружбы. Так, ФЕ *to part brass rags with sb.* (old-fashioned) 'порвать дружбу' трактуется как *to end or sever a partnership, friendship, or association with one due to an argument or disagreement* [Farlex Dictionary of Idioms]. Примером использования ФЕ выступает контекст: *I had recently parted brass rags with my erstwhile friend and business partner over a dispute about money* [thefreedictionary]. Фразеологизм выполняет экспрессивно-образную функцию. ФЕ является примером морского сленга конца XIX века. В те времена на кораблях было много медных деталей, которые экипаж корабля должен был начищать тряпками до блеска. Моряки, которые подружились на корабле, хранили свои тряпки в одном мешке. Если же дружба расстраивалась, владелец мешка вытряхивал чужие тряпки на палубу, и его бывший товарищ должен был забрать их. Компонент *rag* 'тряпка' соотносится с предметно-вещевым кодом культуры. ФЕ содержит стереотипное представление о конце дружбы.

В семантике анализируемых фразеологизмов (12 ФЕ, 16%) отмечен признак *a person you know well and like, and who is not usually a member of your family* [OALD], входящий в семантический объем деривата лексемы *friendship* 'дружба' – *friend* 'друг'. Например, ФЕ *Damon and Pythias* 'неразлучные друзья' дефинируется как *two faithful friends* [Farlex Dictionary of Idioms]; *two friends noted for their mutual loyalty* [Collins COBUILD]. Примером использования ФЕ выступает контекст: *Of course Allie offered to serve Dina's punishment – those two are like Damon and Pythias* [thefreedictionary]. Фразеологизм выполняет резюмирующую функцию, так как является кратким резюме предыдущего высказывания. Образ фразеологизма восходит к древнегреческой культуре, а его происхождение связано с мифом о Дамоне (Деймоне) и Пифии (Финтии). После того как Дионис приговорил Пифию к смерти, Дамон занял место своего друга в тюрьме, чтобы Пифий мог уладить свои дела при условии, что, если Пифий не вернется, Дионис сможет казнить вместо него Дамона. Пифий вернулся вовремя, чтобы спасти жизнь Дамона, и Дионис был так впечатлен их преданностью, что помиловал обоих. Компоненты *Damon* 'Дамон' и *Pythias* 'Пифий' соотносятся с антропоморфным кодом культуры, а сам фразеологизм содержит стереотипное представление о верных друзьях.

Во фразеологическом фонде английского языка также была обнаружена ФЕ (2%), в значении которой реализован дополнительный признак, не входящий в семантический объем понятия *friendship* 'дружба'. ФЕ *to bury the hatchet* 'помириться' дефинируется как *when people who have argued bury the hatchet, they agree to forget their argument and become friends again* [Collins COBUILD Idioms Dictionary]; *to end a quarrel or conflict and become friendly* [Farlex Partner Idioms Dictionary]. Примером использования ФЕ выступает контекст: *But now, for the first time since the 1300s, two warring clans have decided to bury the hatchet* [Bloody 700-year clan feud is over; Bitter enemies agree to truce]. Фразеологизм выполняет экспрессивно-образную функцию. Происхождение ФЕ связывают с традицией племен коренных американцев буквально закапывать топор (томагавк) в знак окончания борьбы и примирения. Компонент *hatchet* 'топор' соотносится с предметно-вещевым ко-

дом культуры и выступает символом мира. Фразеологизм содержит стереотипное представление о примирении.

2. Фразеологическая репрезентация понятия *amistad* ‘дружба’ в испанском языке.

Семантический объем понятия *amistad* ‘дружба’ в испанском языке состоит из 7 признаков. Ядерными являются признаки *sentimiento de afecto y confianza mutua entre personas* ‘доверие и бескорыстная привязанность между людьми’; *personas con las que se tiene amistad* ‘люди, с которыми у вас дружба’ [RAE, WordReference, Diccionarios]. Периферийными являются следующие признаки: *amancebamiento* ‘внебрачное сожительство’ [RAE, Diccionarios]; *merced, favor* ‘милость, благодеяние’ [RAE]; *relación de afinidad, conexión o armonía entre varias cosas* ‘отношения родства, связи или гармонии между различными вещами’ [RAE, Diccionarios]; *conocidos, influyentes* ‘знакомые, связи’ [WordReference]; *persona con quien se tiene una relación de afecto y confianza* ‘человек, с которым у вас доверительные отношения’ [Diccionarios].

В значении фразеологизмов (34 ФЕ, 62%) отмечен ядерный признак понятия *amistad* ‘дружба’ *confianza y afecto desinteresado entre las personas* ‘доверие и бескорыстная привязанность между людьми’. Например, ФЕ *Allá va Sancho con su rocín* ‘этих друзей водой не разольешь, куда один, туда и другой’ дефинируется как *alude a la amistad que existe entre quienes están constantemente juntos, se emplea irónicamente para referirse a dos personas inseparables, generalmente amigos, que van siempre juntos* ‘(иронично) дружбе между теми, кто постоянно вместе’ [19]; *se usa esta frase para zaherir a dos personas que van siempre juntas* ‘эта фраза используется для того, чтобы порицать двух человек, которые всегда вместе’ [Buitrago]. Примером использования ФЕ выступает контекст: *Ahí lo tienes, con la novia siempre pegada a él, que no lo suelta ni un segundo. Allá va Sancho con su rocín* [Buitrago]. Фразеологизм выполняет резюмирующую функцию, так как является кратким резюме предыдущего высказывания. Образ фразеологизма восходит к испанской литературе средних веков. Может показаться, что ФЕ является аллюзией на Санчо Панса и, следовательно, берет свое начало в романе «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» Мигеля де Сервантеса. Однако первоначальный вариант ФЕ *fallado ha Sancho su rocino* был документально зафиксирован в сборнике «Пословицы, которые говорят старухи у огня» Маркиза де Сантильяна (1398-1458), выдающегося поэта и рыцаря испанского оружия XV века. В состав фразеологизма входит компонент *Sancho* ‘Санчо’, соотносимый с антропоморфным, т. е. собственно человеческим, кодом культуры, и компонент *rocín* ‘кляча’ – с зооморфным кодом, как с совокупностью имён животных, выступающих носителями приписываемых им культурой качеств. Имя Санчо указывает на простого человека, занимающегося сельским хозяйством, а клячей обычно называют большую или старую лошадь, впряженную в телегу. Фразеологизм стилистически окрашен, потому как такую дружбу либо иронизируют, либо порицают. В целом в образе фразеологизма отражено стереотипное представление о двух неразлучных людях, чаще всего друзьях, которые всегда ходят вместе. Следует также упомянуть ФЕ, в состав которой входят те же компоненты – *encontrar Sancho con su rocín* ‘как два сапога пара’, и используется по отношению к двум людям со схожими интересами (иронично). Следует отметить фразеологические антонимы (2 ФЕ, 4%), обозначающие прекращение дружбы, например, *perder el pleito con uno* ‘перестать дружить, рассориться с кем-л.’.

Ядерный признак *conjunto de personas con las que se tiene amistad* ‘люди, с которыми вас связывает дружба’ также актуализируется в семантике фразеологизмов (12 ФЕ, 22%), таких как *amigo del asa, amigo de casa, amigo íntimo* ‘близкий, душевный друг’. ФЕ *amigo de mis entrañas (entretelas)* ‘друг сердечный’ используется в составе обращения. Также обнаружены фразеологические антонимы (3 ФЕ, 6%), обозначающие ненадёжных, корыстных друзей. Например, ФЕ *amigo es el ratón del queso* ‘друг до поры’ дефинирует-

ся как *una amistad falsa que está basada en el interés, la hipocresía, el aprovechamiento o el abuso de la confianza* ‘ложная дружба, основанная на выгоде, лицемерии, использовании или злоупотреблении доверием’ [Definiciones]. ФЕ выполняет функцию лаконизации речи, так как является частью пословицы *Amigo es ratón del queso y se lo come* (*El ratón es amigo del queso y, sin embargo, se lo come.*) Фразеологизм популярен во многих испаноязычных странах, особенно в Венесуэле, и также выполняет дидактическую функцию, так как содержит предупреждение о человеческих отношениях, а именно в том, что касается дружбы. В состав ФЕ входит компонент *ratón* ‘мышь’, соотносимый с зооморфным кодом культуры, и компонент *queso* ‘сыр’, относящийся к гастрономическому коду культуры. Образ ФЕ основан на метафоре – мышь не может дружить с сыром, она всегда захочет его съесть. Таким образом, *queso* ‘сыр’ символизирует доверие или взаимоуважение, а *ratón* ‘мышь’ выступает символом того, кто пользуется наивностью и добротой другого человека в своих корыстных интересах. Фразеологизм в целом передает стереотипное представление о ложном и фальшивом друге.

Во фразеологическом фонде испанского языка также была зафиксирована ФЕ (2%), в значении которой реализован периферийный признак *persona con quien se tiene una relación de afecto y confianza* ‘человек, с которым у вас доверительные отношения’. Так, ФЕ *El que tiene padrino(s) se bautiza*. ‘тот, у кого есть крестный отец (дословный перевод)’ трактуется как *quien tiene la ayuda de alguien importante o con influencias consigue lo que quiere* [Buitrago]. Примером использования ФЕ выступает контекст: *Creo que recordar que, como mi padre era íntimo amigo del coronel, hice como mucho seis o siete días de mili. Ya sabes: el que tiene padrino se bautiza* [Buitrago]. Фразеологизм выполняет резюмирующую функцию, так как является кратким резюме предыдущего высказывания. Компонент *bautizarse* ‘креститься’ ассоциируется с духовно-нравственным кодом культуры, так как соотносится с Таинством, в котором человек очищается от первородного греха – греха прародителей, сообщаемого ему через рождение. Компонент *padrino(s)* ‘крестный(е)’ буквально «*requeños padres*» ‘маленькие родители’ обозначает людей, которые сопровождают и помогают в таинствах крещения, конфирмации или брака, являясь, таким образом, своего рода духовными наставниками. ФЕ содержит стереотипное представление о человеке, готовом защищать, покровительствовать и помогать добиться успеха кому-л.

Следует также упомянуть ФЕ (2%), в значении которой реализуется признак, не-присущий семантическому объему понятия *amistad* ‘дружба’. ФЕ *estrechar / romper lazos* ‘укрепить связи, отношения’ дефинируется как *fortalecer las relaciones de amistad, o destruirlas en el caso de romper lazos* ‘укреплять / разрушать дружеские отношения’ [Buitrago]. Примером использования ФЕ выступает контекст: *La reunión de los dos presidentes tiene como objeto fundamental estrechar lazos entre ambos países y establecer nuevas relaciones comerciales* [Buitrago]. ФЕ выполняет экспрессивно-образную функцию, так образ ФЕ построен на метафоре, отождествляющей отношения с компонентом *lazos* ‘шнурок, веревка’. Компонент *lazos* ‘шнурок, веревка’ соотносится с предметно-вещевым кодом культуры. Когда шнурки затягиваются, две стороны, к которым они присоединяются, собираются вместе; и, наоборот, когда шнурки развязываются, эти части разделяются. Таким образом, во ФЕ представлено стереотипное представление об укреплении или разрушении дружеских отношений.

Также был обнаружен фразеологизм (2%), означающий примирение. ФЕ *pelillos a la mar* (*echar pelillos a la mar*) ‘помириться’ означает *para expresar el deseo de olvido de agravios y restablecimiento del trato amistoso* ‘о желании забыть об обидах и восстановить дружеские отношения’ [RAE]; *con esta expresión se invita a otra persona a olvidar los enfrentamientos o rencillas que pudieran haber surgido entre ésta y quien lo pide y se alienta la reconciliación* [Buitrago]. Примером использования ФЕ выступает контекст: *Mira, llevamos*

ya unos cuantos días sin hablarnos por una tontería. Vamos a olvidarlo todo y pelillos a la mar [Buitrago]. ФЕ выполняет резюмирующую функцию. Образ фразеологизма восходит к древнегреческой культуре, а его происхождение связано с одним из эпизодов третьей книги «Илиады» Гомера. Речь идет о греках и троянцах, которые забыв о проблемах, возникших между их двумя народами после похищения Елены Парисом, и породивших Троянскую войну, провели церемонию братания (панибратства), которая, по правде говоря, не очень помогла. Каждая из сторон принесла ягнят для совместного жертвоприношения. Прежде чем убить животных, от них отрезали клочки шерсти, которые распределили, а затем в знак мира бросили в море. Впоследствии греки продолжили проводить этот обряд, иногда заменяя шерсть ягнят отрезанными волосами из бороды, символизирующей стойкость и мужественность. Таким образом, компонент *pelillo* ‘волосики’ (диминос от ‘волосы’), соотносимый с соматическим кодом культуры, выступает символ заверения в дружбе и верности. Фразеологизм содержит стереотипное представление о примирении.

Заключение.

1. Семантический объем понятия *дружба* в анализируемых языках отличается по количеству и значению признаков. Так, в семантический объем понятия *friendship* входят два ядерных и один периферийный признак, а в *amistad* – два ядерных и пять периферийных признаков.

2. В английском языке наибольшей номинативной плотностью характеризуется ядерный признак *отношения между людьми*, в испанском – *доверие и бескорыстная привязанность между людьми*. В значении фразеологизмов обоих языков представлен семантический признак *люди, с которыми вас связывает дружба*, однако в испанском языке данный признак является ядерным, а в английском языке – входит в семантический объем деривата понятия, а именно, *friend*. Еще одной отличительной особенностью является то, что в семантике испанских ФЕ отмечен периферийный признак *человек, с которым у вас доверительные отношения*. В ряде фразеологизмов отмечены признаки, не входящие в семантический объем понятия, т. е. ФЕ привносят дополнительные смыслы в ценностную картину мира. В английском языке таким признаком является *примирение*, а в испанском – *примирение и укрепление дружественных отношений*.

3. Анализ контекстов функционирования фразеологизмов показывает, что узуальное значение фразеологизмов актуализируется в контекстах. Основными функциями, которые выполняют проанализированные ФЕ, являются резюмирующая и экспрессивно-образная. В испанском языке также были обнаружены ФЕ, выполняющие функцию лаконизации речи. Выделенные в образах ФЕ коды культуры позволили установить, что фразеологизмы содержат стереотипные представления о близких, верных, настоящих друзьях / ложных и фальшивых друзьях; о человеке, готовом защищать, покровительствовать кому-л.; о конце дружбы / примирении. В английском языке отмечены ФЕ, выступающие эталоном дружественных отношений.

Литература

1. Ару А. Языковая репрезентация концепта «дружба» в лексико-семантической системе русского языка (по данным лексикографических источников) // Вестник ННГУ. №1. 2021. С. 187–192.

2. Бессонова О.Л., Войтенко Е.Ю. Особенности перевода природного культурного кода во фразеологической картине мира // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2023. № 3. С. 62–77.

3. Боргояков С.А. Формирование общероссийской гражданской идентичности обучающихся на основе духовно-нравственных ценностей народов России // Педагогика. 2022. Т. 86, № 11. С. 5–21.

4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, И.В. Зыкова, С.В. Кабакова, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, В.Н. Телия. М.: Ридерз Дайджест, 2012. 781 с.
5. Вешнинский Ю.Г. Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) // Мир психологии. 2005. № 4. С. 226–235.
6. Гаврилова Н.Ю. Полевая структура концепта «дружба» (на материале русского и испанского языков) // Университетские чтения №VII. 2008. С. 115–120.
7. Гусарова Н.Г. Лингвокультурный концепт «Дружба» в английском языке // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2021. № 06 (74). [Электронный ресурс]. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/lingvokulturnyj-kontsept-druzhiba-v-anglijskom-yazyke.html> (дата обращения: 20.12.2023).
8. Ивин А.А. Аксиология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 342 с.
9. Кон И.С. Дружба. 4-е изд., доп. СПб.: Питер. 2005. 330 с.
10. Карасик В.И. Нарративное измерение лингвокультурных ценностей // Язык и культура, 2019. №47. С. 59–75.
11. Конопелько И.П. Концепт «дружба» и его смысловые составляющие во французских и русских пословицах. На пересечении языков и культур // Актуальные вопросы гуманитарного знания. № 1 (7). 2016. С. 170–175.
12. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 283 с.
13. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
14. Маслова В.А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрального и светского / Метафизика. 2016. № 4 (22). С. 78–98.
15. Рахимова И.Р. Концепт «дружба» в русских и английских народных пословицах // Архивариус. №. 4 (8), 2016. С. 93–95.
16. Толчина Н Ю. Гендерный аспект концептосферы «дружба»: на материале русского, английского и испанского языков: дис. ... канд-та филол. наук: 10.02.20 / Наталья Юрьевна Толчина. Пятигорск, 2010. 209 с.
17. Brown L. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Michigan: Clarendon Press, 1993. 3801 p. [NSOED]
18. Buitrago Jiménez. Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid: Espasa, 2012. 900 p.
19. Centro Virtual Cervantes. URL: <https://cvc.cervantes.es/portada.htm> (date of access: 20.12.2023). (In Span.)
20. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. URL: <https://slovar-vocab.com/english/collins-cobuild-dictionary.html>. (date of access: 20.12.2023). [Collins COBUILD] (In Eng.)
21. Collins COBUILD Idioms Dictionary. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2011. 540 p.
22. Diccionarios URL: <https://www.diccionarios.com> (date of access: 20.12.2023). (In Span.)
23. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1796 p. [OALD]
24. Idiom Origins. URL: <https://idiomorigins.org/> (date of access: 20.12.2023). (In Eng.)
25. Kennedy Campbell, J. Value of friendship. New Straits Times Press. 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/305327722_Value_of_friendship (date of access: 20.12.2023). (In Eng.)

26. Kluckhohn F., Strodtbeck F. L. Variations in Value Orientations. Connecticut: Greenwood Press. 1961. 437 p.
27. Macmillan English Dictionary: For advanced Learners. International Student Edition. Oxford: Macmillan Education, 2002. 1692 p. [MEDAL]
28. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. URL: <https://www.rae.es/> (date of access: 20.12.2023). (In Span.)
29. Schwartz S. H. Are there universal aspects in the content and structure of values? // Journal of Social Issues. 2010. 50 (4). pp. 19–45.
30. The Farlex Idioms and Slang Dictionary. Farlex International, 2017. 472 p.
31. The Free Dictionary. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (date of access: 20.12.2023). (In Eng.)
32. WordReference URL: <https://www.wordreference.com/> (date of access: 20.12.2023). (In Eng.)

Daria A. Garmash

Lecturer, Department of English Philology, Donetsk State University (Donetsk, DPR, Russia).
 daria.garmash@list.ru
 orcid: 0000-0001-5724-1989

Friendship in value worldviews of English and Spanish-speaking communities

Abstract. The article addresses a comparative study of phraseological units representing the notion *friendship* in value worldviews of English and Spanish-speaking communities. The purpose is to distinguish the similarities and differences of phraseological verbalization of the notion *friendship* in the value worldviews of English and Spanish-speaking communities. The semantic volume of the notions *friendship* and *amistad* differs both in the number of semantic features and their meaning. The semantic features represented in the study material of the English language include *the relationship between people; a person you know well and who is usually not a family member; reconciliation. Trust and disinterested attachment between people; people with whom you are connected by friendship; a person with whom you have a trusting relationship; reconciliation; strengthening friendly relations* are semantic features represented in Spanish phraseological units. The usual meaning of phraseological units is actualized in contexts and phraseological units perform summarizing and expressively-figurative functions. As a result of linguoculturological analysis, it was found that phraseological units contain stereotypical ideas about friendship, friends and friendly relations. There are phraseological units that act as standards of friendly relations in English.

Keywords: value; friendship; phraseological unit; semantic volume; cultural code; stereotype.

References

1. Aru A. Yazykovaya reprezentaciya koncepta «druzhba» v leksiko-semanticheskoy sisteme russkogo yazyka (po dannym leksikograficheskikh istochnikov) [Linguistic representation of the concept “friendship” in the lexico-semantic system of the Russian language (according to lexicographic sources)]. *Vestnik NNGU* [Bulletin of Nizhny Novgorod State University]. 2021, vol. 1, pp. 187–192. (In Russian)
2. Bessonova O.L., Vojtenko E.Yu. Osobennosti perevoda prirodnogo kulturnogo koda vo frazeologicheskoy kartine mira [Translation of cultural codes expressed by idioms]. *Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal* [The world of linguistics and communication: an electronic scientific journal]. 2023, № 3. pp. 62–77. (In Russian)

3. Borgoyakov S.A. Formirovanie obsherossijskoj grazhdanskoj identichnosti obuchayushihsiya na osnove duhovno-nravstvennyh cennostej narodov Rossii [Formation of the all-Russian civil identity of students based on the spiritual and moral values of Russian people]. *Pedagogika* [Pedagogy]. 2022, vol. 86 (11), pp. 5–21. (In Russian)
4. Bolshoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij [Large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Use. Cultural comment] / I.S. Brileva, D.B. Gudkov, I.V. Zaharenko, I.V. Zykova, S.V. Kabakova, M.L. Kovshova, V.V. Krasnyh, V.N. Teliya. Moscow, 2012, 781 p. (In Russian)
5. Veshninskij Yu.G. Aksiologiya kulturnogo prostranstva-vremeni (v granichah postsovetskogo kulturnogo prostranstva) [Axiology of cultural space-time (within the borders of the post-Soviet cultural space)]. *Mir psihologii* [The world of psychology]. 2005, vol. 4, pp. 226–235. (In Russian)
6. Gavrilova N.Yu. Polevaya struktura koncepta «druzhba» (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov) [Field structure of the concept «friendship» (based on the material of Russian and Spanish)]. *Universitetskie chteniya* [University readings №VII]. 2008, vol. VII, pp. 115–120. (In Russian)
7. Gusarova N.G. Lingvokulturnyj koncept «Druzhba» v anglijskom yazyke [Linguocultural concept «Friendship» in English] // *Filologicheskij aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal* [The philological aspect: an international scientific and practical journal]. 2021, vol. 06 (74). [Electronic resource]. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/lingvokulturnyj-kontsept-druzhba-v-anglijskom-yazyke.html> (date of access: 20.12.2023). (In Russian)
8. Ivin A.A. Aksiologiya [Axiology]. Moscow, 2020, 342 p. (In Russian)
9. Kon I.S. Druzhba [Friendship]. St. Petersburg, 2005. 330 p. (In Russian)
10. Karasik V.I. Narrativnoe izmerenie lingvokulturnyh cennostej [Narrative measurement of linguocultural values] // *Yazyk i kultura* [Language and culture]. 2019, vol. 47, pp. 59–75. (In Russian)
11. Konopelko I.P. Koncept «druzhba» i ego smyslovye sostavlyayushie vo francuzskih i russkih poslovicah. Na presechenii yazykov i kultur [The concept «friendship» and its semantic components in French and Russian proverbs. At the intersection of languages and cultures]. *Aktualnye voprosy gumanitarnogo znaniya* [Topical issues of humanitarian knowledge]. 2016, vol. 1 (7), pp. 170–175. (In Russian)
12. Krasnyh V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokulturologiya [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. Moscow, 2002, 283 p. (In Russian)
13. Kuznecov S.A. Bolshoj tolkovyj slovar russkogo yazyka [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, 2000, 1536 p. (In Russian)
14. Maslova V.A. Duhovnyj kod s pozicii lingvokulturologii: edinstvo sakralnogo i svetskogo [Spiritual code from the standpoint of linguoculturology: the unity of the sacral and the secular]. *Metafizika* [Metaphysics]. 2016, № 4 (22), pp. 78–98. (In Russian)
15. Rahimova I.R. Koncept «druzhba» v russkih i anglijskih narodnyh poslovicah [The concept «friendship» in Russian and English folk proverbs]. *Arhivarius*. 2016, vol. 4 (8), pp. 93–95. (In Russian)
16. Tolchina N.Yu. Gendernyj aspekt konceptosfery «druzhba»: na materiale russkogo, anglijskogo i ispanskogo yazykov: dis. [Gender aspect of the conceptual sphere “friendship”: on the material of Russian, English and Spanish: Thesis]. Pyatigorsk, 2010, 209 p. (In Russian)
17. Brown L. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Michigan, 1993, 3801 p. [NSOED] (In English)
18. Buitrago Jiménez. Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid, 2012, 900 p. (In Spanish)

19. Centro Virtual Cervantes. URL: <https://cvc.cervantes.es/portada.htm> (date of access: 20.12.2023). (In Spanish)
20. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. URL: <https://slovar-vocab.com/english/collins-cobuild-dictionary.html>. (date of access: 20.12.2023). [Collins COBUILD] (In English)
21. Collins COBUILD Idioms Dictionary. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2011. 540 p. (In English)
22. Dicionarios URL: <https://www.diccionarios.com> (date of access: 20.12.2023). (In Spanish)
23. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1796 p. [OALD] (In English)
24. Idiom Origins. URL: <https://idiomorigins.org/> (date of access: 20.12.2023). (In Eng.)
25. Kennedy Campbell, J. Value of friendship. New Straits Times Press. 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/305327722_Value_of_friendship (date of access: 20.12.2023). (In English)
26. Kluckhohn F., Strodtbeck F. L. Variations in Value Orientations. Connecticut: Greenwood Press. 1961. 437 p. (In English)
27. Macmillan English Dictionary: For advanced Learners. International Student Edition. Oxford: Macmillan Education, 2002. 1692 p. [MEDAL] (In English)
28. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. URL: <https://www.rae.es/> (date of access: 20.12.2023). (In Spanish)
29. Schwartz S. H. Are there universal aspects in the content and structure of values? // Journal of Social Issues. 2010. 50 (4). P. 19–45. (In English)
30. The Farlex Idioms and Slang Dictionary. Farlex International, 2017. 472 p. (In Eng.)
31. The Free Dictionary. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (date of access: 20.12.2023). (In English)
32. WordReference URL: <https://www.wordreference.com/> (date of access: 20.12.2023). (In English)

УДК 811.512.1 (571) + 81'373

Тюнтешева Елена Валерьевна

старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, Лаборатория вербальных культур Сибири и Дальнего Востока, кандидат филологических наук (г. Новосибирск, Россия)

tyunteshevae@mail.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0002-4819-8306>

Шагдурова Ольга Юрьевна

старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, Лаборатория вербальных культур Сибири и Дальнего Востока, кандидат филологических наук (г. Новосибирск, Россия)

kokoshnikova@mail.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>

Байыр-оол Азияна Витальевна

старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, Сектор языков народов Сибири, кандидат филологических наук (г. Новосибирск, Россия)

azikoa@mail.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0003-2844-2700>

**Концепт СУДЬБА
в языковой картине мира тюрков Южной Сибири⁹**

Аннотация. Рассматривается концепт *СУДЬБА* в тюркских языках Южной Сибири (в алтайском, тувинском, хакасском). Его репрезентанты (слова и парные слова) представляют два основных признака в традиционных воззрениях о судьбе у этих народов: неконтролируемость / частичная контролируемость своей жизни и нейтральность / благоприятность событий для человека. Причина неконтролируемости событий человеком – создание, определение его судьбы Творцом. Возможна лишь частичная контролируемость, которая проявляется в выборе человека на разветвленном жизненном пути. Второй признак связан с представлением о судьбе как об определенной доле, выделенной Создателем каждому человеку. При этом изначально в языках отражалось восприятие хорошей доли и удачного жизненного пути как нормы. В современных языках содержание этих репрезентантов расширилось и включает в себя как хорошую, так и плохую долю, как легкий, так и тяжелый жизненный путь. В исследуемых языках выявляются как общие черты концепта *СУДЬБА*, так и специфичные для каждого языка. Так, в алтайском и тувинском языках прослеживается связь «судьба – жизненный путь – имя», отражающая веру во влияние имени на судьбу человека. В алтайском языке подчеркивается ограниченность срока жизни, определенного свыше. В тувинской языковой картине мира акцентируется то, что человеку от рождения даны определенные способности, которые он может развить, что зависит уже от его личной судьбы *хуу-салым*. В хакасском языке одно наименование судьбы включает в себя все аспекты этого понятия. При этом отмечается влияние русского языка, меняющее восприятие судьбы в языковой картине мира в сторо-

⁹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

ну большей подвластности ее человеку. Заметно и влияние религии на представления о судьбе: христианства в хакасской и буддизма в тувинской лингвокультурах. В целом фаталистичное восприятие судьбы в исследуемых картинах мира все же оставляет место для проявления воли человека.

Ключевые слова: тюркские языки Сибири; лексика; языковая картина мира; лингвокультура; концепт.

Введение. Судьба является универсальным понятием, отразившимся во всех лингвокультурах. У тюркских народов Сибири представления о судьбе, доле являются важной, основополагающей частью традиционного мировоззрения. Между тем, имеется очень мало работ, посвященных описанию этого концепта, его места в языковой картине мира сибирских тюрков. С этим связана актуальность и новизна нашего исследования.

Цель данной работы – сравнительный анализ концепта *СУДЬБА* в языковых картинах мира алтайцев, хакасов и тувинцев. Для достижения этой цели мы рассматриваем репрезентанты данного концепта, их семантическую структуру и сочетаемость, употребление в фольклорных текстах и произведениях художественной литературы, определяем связь данного понятия с другими: (жизненный) путь, доля, счастье, талант. В представлениях о судьбе выявляются как общие, характерные для всех рассматриваемых лингвокультур, так и специфичные черты, свойственные какой-либо определенной языковой картине мира.

В работе используются следующие **методы**: компонентного анализа, наблюдения, сравнения и обобщения, интерпретационного и контекстуального анализа.

Литературный обзор. Концепт *СУДЬБА* подробно описан в русском языке [4; 24; 13; 25; 3; 16 и др.]. Многие исследователи отмечают, что представления о судьбе в языковой картине мира русских не предполагают абсолютной предопределенности событий и невозможности человека влиять на них. Так, А.Д. Шмелев указывает на то, что употребление слова *судьба* не показывает однозначного определения хода событий: «имеются разные логически возможные линии развития событий; в какой-то момент выбирается одна из них (решается судьба) – выбор заранее не детерминирован, но после того, как он сделан, ход событий уже предопределен (хотя иногда появляется возможность пересмотреть решение – изменить судьбу)» [24, с. 230].

Ю.Д. Апресян, рассматривая ряд слов, относящихся к представлениям о контролируемости событий какой-то внешней по отношению к субъекту силой, выявляет семантические признаки, по которым различаются данные лексемы: то, на что указывает слово (на высшую силу / на форму, которую его жизнь принимает в результате деятельности высших сил и др.); характер высшей силы (божественный / небожественный); доброжелательность / недоброжелательность / нейтральность высшей силы по отношению к человеку; степень «запланированности» событий; степень контроля событий со стороны человека [3].

Из тюркских языков концепт *СУДЬБА* рассматривался в башкирском [17], в казахском в сопоставлении с китайским языком [8]. Данный концепт различается в этих и в сибирских тюркских языках как составом репрезентантов, так и по своему содержанию. В языковой картине мира тюркских народов Сибири представления о судьбе остаются малоизученными. Они описаны с точки зрения лингвокультурологии в этнографической литературе. С.П. Тюхтенева рассматривает связь концепта *ДОРОГА* с концептом *СУДЬБА* в алтайской лингвокультуре [22]. Некоторые лексемы, передающие значение ‘судьба’ и связанный с ними комплекс других понятий в тувинском языке описаны Б. Мышлявцевым [14]. Л.В. Анжигановой затрагивается тема судьбы как счастливой доли, выделенной богом, в традиционном мировоззрении хакасов [2, с. 147].

Таким образом, представления о судьбе в языковой картине мира тюрков Сибири исследуются в основном вместе с комплексом других понятий, что объясняется их неразрывной связью.

Результаты и обсуждение. Под концептом мы понимаем актуальное для носителей языка понятие, окруженное «эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [12, с. 36], «глубоко укоренившееся в языке и культуре народа и потому являющееся диахронической константой языка и культуры» [13, с. 67]. Значимый в языковой картине мира статус такого понятия, его особый «языковой вес» проявляется в целом ряде его обозначений, деривационной продуктивности выражающих его слов, широкой сети сочетаемости, представленности «во фразеологической и паремиологической интерпретации» [9, с. 34–35]. В тюркских языках понятие *СУДЬБА* обладает всеми этими признаками и может считаться концептом.

В тюркских языках Сибири основные репрезентанты рассматриваемого концепта – алт., тув. *салым* ‘судьба’, алт. *үлү* ~ хак. *үлүс* ‘доля’, тув. *ууле* ‘судьба, карма’. Они образуют множество парных слов, особенно это характерно для *салым*. Кроме того, встречаются и другие лексемы с близким значением: алт. *салым-конок* ‘судьба-рок’, алт. *јол* ~ хак. тув. *чол*, *орук* ‘(жизненный) путь; судьба; счастье’, тув. *салым-чол* ‘судьба-путь’, тув. *ужсур* ‘судьба’, тув. *чаяан* ~ хак. *чайаан* ‘судьба, участь’, хак. *кірес* ‘тяжелая доля, судьба’.

Признак неконтролируемость событий человеком отмечается у таких обозначений, как алт., тув. *салым*, алт. *үлү* ~ хак. *үлүс* ‘доля’, алт. *үлү-салым*, алт. *салым-конок* ‘судьба-рок’, *салым-јүрүм* / *јүрүм-салым* ‘судьба-жизнь’ / ‘жизнь-судьба’, тув. *чаяан* ~ хак. *чайаан*, тув. *салым-чаяан* ‘судьба, участь’, хак. *кірес* ‘тяжелая доля, судьба’ (< рус. *крест*).

Остальные репрезентанты – алт. *јол* ~ хак. *чол* ‘(жизненный) путь; судьба; счастье’, тув. *салым-чол* ‘судьба-путь’, *хуу-салым* / *салым-хуу* ‘личная судьба’ – передают возможность частичной контролируемости, оставляют за человеком возможность выбора в обстоятельствах, определенных, предрешенных высшими силами.

Рассмотрим основные репрезентанты концепта *СУДЬБА*, отражающие представления о нем алтайцев, тувинцев и хакасов.

Алт., тув. *салым* < *сал-* ‘класть; предопределять (судьбу)’, то есть то, что *положено*, предопределено высшими силами и никак не зависит от человека (жизненные события, обстоятельства его жизни, род занятий):

алт. *Кайын, чиби, карагай / Кажызы күйгүр кем билер, / Кайран бойым салымым / Кандый болор, кем билер?* (Из песни) ‘Берёза, ель, сосна, / Которая из них горит лучше, кто знает, / Судьба бедного меня самого, / Какова будет, кто знает’ [1, с. 251]; *Кудай салым алдына / Јүргениске баш болсын!* (Т. Акулова, с. 117) ‘Под судьбой Бога / Что жили мы, слава богу!’

тув. *Салымывыс ынчаар чаяттынган амытаннар-дыр бис, уруум* (Кудажы, 1988, с. 25) ‘Мы живые существа с такой сотворенной судьбой, дочь моя’ (букв.: судьба наша таким образом сотворенная); *Салымдан эрткен чүве чок дижир* (Кенин-Лопсан, 2000, с. 248) ‘Говорят, ничто *судьбу* не перейдет’ (ср. рус. *от судьбы не убежать*)

В алтайских пословицах и поговорках «подчеркивается необычность, странность, непостижимость [судьбы] разумом» [15, с. 255]: алт. *Јүрүм јүс башка, / Салым сан башка* посл. ‘Жизнь разнообразна, / Судьба странная’; *Сабарынгла тенгериге јетпезинг, / Сагыжынгла салымга јетпезинг* ‘Своим пальцем до неба не дотянешься, / Своим умом до судьбы не доберешься’ [там же].

В тувинском языке *салым* употребляется как по отношению к человеку, так и животному, и растению:

тув. *Чырык чер кырында унуштер-даа, дириг амытаннар-даа, кижилер-даа бир дөмей салымныг дижир* (Кенин-Лопсан, 2000, с. 414) ‘Говорят, на светлой земле и растения, и животные, и люди имеют одинаковую судьбу’.

В алтайской языковой картине мира *салым* бывает только у человека.

Ак тар малын пу эмди / Азык полор јанду – тийт, / – Албаты-јонын пу эмди / Олјо полор салымду... (Алтайские героические сказания, 1997, с. 120) ‘Белый скот твой отныне / Припасами стать должен (в соответствии с установленным порядком), – говорит, / – Подданный народ твой отныне / Судьба пленников ожидает (букв.: с судьбой пленников будет)...’.

В алтайском примере в отношении скота использовано слово *јан* ‘обычай; порядок, установка’, в отношении людей – *салым*.

В героическом эпосе вместе с рождением, сотворением персонажей часто создаются его конь, предметы, определяются их взаимоотношения:

алт. *Салым кудай саларда, / Салым пирге јайап койон, / Алты кырлу алтын шоор / Писте пар эмес пе? – тийт.* (Алтайские героические сказания, 1997, с. 302) ‘Когда судьбу мою бог определял (букв.: положил), / Вместе с судьбою [мне] была сотворена / Золотая дудочка с шестью суставами’; *Пажын пүлер каанын / Ол полотон салымду...* (там же, с. 130) ‘Быть тобою повелевающим кааном / Судьбой предназначен (букв.: с судьбой)...’

Сочетание *салым(ы) јок* ‘не судьба (ему), судьбы (у него) нет’ или *салымда јок* ‘в судьбе нет’ в алтайском языке передает полную невозможность осуществления того, что не определено для этого существа Создателем:

алт. *Көл ээзи көк ийнектин / Пу поозузы пу ла полды. / Айлу-күндү Алтайга / Мынын чыккан салымы јок* (там же, с. 196) ‘Хозяйки озера, синей коровы, / Теленком он был. / На лунно-солнечный Алтай / Ему выйти не дано (букв.: судьбы=его нет)’; *Јүрүмди оны канайер. – Ба-ча, кижинин сагыжыла болотон болзо, тен оны канай ла јүрбей. – Сагышта бар да болзо, салымда јок то, кемге комыдаарын* [Төлөсөв 1987: 83] ‘Что поделаешь с этой жизнью. – Вот ведь, если бы было, как задумал человек, по-разному бы ее (жизнь) проживали. Если даже в мыслях есть, а судьбой не дано (букв.: в судьбе нет), кому же будешь жаловаться’.

Салым подразумевает не только определенные жизненные события, но и образ жизни, предназначение, род занятий, особенности (одаренность).

алт. *Јуу ползо, јууга да јүрер аргазы пар, / Андап-куштан та јүретен салымы пар.* (Алтайские героические сказания, 1997, с. 92) ‘Если будет война, то есть у нее возможность идти на войну, / И зверовать-птицевать тоже [такая] судьба у нее есть’.

тув. *Бир хүн азыраан ием казанак бажыңындан үнүп чорупкан мен. Чер кезиир салымныг апарган мен* (Кенин-Лопсан, 2000, с. 108) ‘В один день я вышла из лачуги своей приемной матери. [И] стала у меня судьба бродяги (букв.: стала я с судьбой бродяжничать)’; *Бо уруг өөренир чүвеге кончуг салымныг – деп, башкым ээрешти* (Кенин-Лопсан, 2000, с. 47) ‘Эта девочка очень способна (букв.: со способностью) к обучению, – так спорил мой учитель’.

Салым в алтайском языке в фольклорных произведениях может сочетаться и с названиями животных при указании на их предназначение:

алт. *Эшикчил ле эки кара тайгылдар[ы] / Туујырап уйуктаар салымду, / Түнүкчил ле эки кара мүркүдү уйазына / Туујырап уйуктаар аргалу* (Алтайские героические сказания, 1997, с. 230) ‘У двух черных его собак, стерегущих двери, / [На страже] дремать судьба, / Два черных его беркута, стерегущие дымоход, в гнездах своих / Дремать способны’.

Слово *арга* имеет значения ‘возможность’, ‘средство, способ’ [1, с. 80], но в этом контексте оно выражает способность, с которой было создано живое существо, его пред-

назначение. Аффикс обладания *-лу* при существительных *салым* и *арга* указывает на то, что субъект был рожден с такой судьбой, предназначением, и это неизменно.

Данность от рождения способностей, особенностей человека, его предрасположенности к какой-либо деятельности подчеркивается в тувинской языковой картине мира также лексемой *чаяан* и парным словом *салым-чаяан* 1) судьба, участь, доля; 2) одарённость, способность к чему-л., талант [21, с. 365]:

тув. *Дуңгур тудар салымныг мен, / Дүпке тейлээр чаяанныг мен* (Кенин-Лопсан, 2000, с. 94) ‘Бубен шаманский держать **судьбу** имею, / Небу молиться **сотворен** я’.

Б. Мышлявцев приводит пояснение этих слов информантами: «...Это то, что дано, дар, если человек хорошо поет, танцует, сочиняет стихи», «...бывает у шаманов и артистов, про них говорят – “салым-чаяанныг” (“имеющий салым-чаяан”))» [14].

В хакасском языке *чайаан* – ‘Создатель, Творец’, но отмечается употребление этого слова и в значении ‘судьба’ (как созданное Творцом):

Чазың узах ползын, чайааның пөзик ползын! ‘Пусть года твои будут долгими, пусть **судьба** твоя будет благосклонной!’ (Несказочная проза хакасов, 2016, с. 134–135).

Однокоренной глагол *чайал-* зафиксирован в значении ‘иметь природную склонность к чему-л. (к работе и т.п.)’:

Анда пос көңүнінең ырлапчатхан, сарынга чайалган улус чыылыс парган (ХЧ) [20, с. 586] ‘Там собрался народ, **имеющий способности** к пению’.

Таким образом, судьба человека (*салым, чаяан ~ чайаан, салым-чаяан*) – жизненные события, его предназначение, образ жизни и способности, таланты – строго определена (положена, сотворена) божеством. При этом судьба как череда предрешенных событий в языковой картине мира тувинцев присуща всем живым существам, включая растения. В алтайском языке отражено представление о принадлежности судьбы лишь человеку, судьба же как предназначение, определенное с рождения, имеется и у животных.

Судьба интерпретируется как неизбежная нормативная данность.

Концепт *СУДЬБА* неразрывно связан с концептом *ЖИЗНЬ*, понятием жизненного пути. Так, в алтайском языке имеется парное слово *салым-жүрүм / жүрүм-салым* ‘судьба-жизнь’ / ‘жизнь-судьба’:

алт. *Кажы ла кижжи салым-жүрүмдү, бойының алдына жолун өдөр* (Кензина, 2020, с. 125) ‘У каждого человека своя **судьба-жизнь**, сам пройдет свой **путь**’; *Өскөн агаш та бийиктү-кыскалу ине – анайда ок кижининг де жүрүм-салымы бир кеминде болбойтон* ‘Ведь даже растущее дерево бывает коротким-высоким, так и **жизнь-судьба** человека не бывает на одном уровне’.

Ср. также хак. *Че чуртас иди салылган ниме полтыр – сини түбі чох талай* (Костякова, 2010, с. 6) ‘Но жизнь так предначертана оказывается – [словно] бездонный океан’.

В алтайском языке отмечается также парное слово *салым-конок* 1) срок; 2) участь, удел, которое акцентирует определенный свыше срок жизни человека [1, с. 566]:

алт. *салым-коногы ондый да, канайдатан* ‘участь такова ведь, что поделать’; *салым-коногы једерде, өрөкөн ак чечектү алтайга атана берди* когда его судьба-срок настиг, старик умер (букв.: ушёл на алтай с белыми цветами) [1, с. 566].

Ср. также посл. *Салым келзе – сакытпас, конок келзе – кондырбас* ‘Судьба придет – ждать не заставит, час смертный настанет – переночевать (в последний раз) не даст’.

В таком употреблении судьба выступает в качестве активного субъекта при глагольных предикатах *јет-* ‘достигать’, *кел-* ‘приходить’, что характерно для названий временных отрезков.

В хакасском языке лексема *салым* ‘судьба’ не зафиксирована, но имеется глагол *сал-* ‘положить; предначертать, определить’:

Чайаан салган синібіс читті, / Иркебіс Ай Хуучын, / Худай салган тузыбысха / Читіре чөр салдыбыс (Ай-Хуучын, 1997, с. 322–323) ‘Создателем **назначенный** срок пришел, / Милая наша Ай-Хуучын, / До нашего срока, богом **определенного**, / Мы сполна дожили’; *Хайди парган халын тайгада салган чуртастары...* (Татарова, 1991, с. 18) ‘Как прошла **предначертанная** жизнь их в непроходимой тайге’.

Алт. *јлј* ~ хак. *јлјс* алт., хак. ‘доля’; алт., хак. ‘судьба, доля’; хак. ‘счастье’ < алт., хак. *јле* – ‘раздавать, распределять’.

Данный репрезентант также подразумевает неподвластность человеку его судьбы, представление о том, что он уже рождается с определенной судьбой, долей и удачей:

алт. *Јайаан берген јлјјс* ‘доля наша, данная Создателем’ [1, с. 172].

хак. *Ол пілбинче чуртазы мыннаң мындар хайди парарын. Парчан на туюх осхас алнындагы јлјзі* (Халларов, 1984, с. 60) ‘Он не знает, как пойдет его жизнь дальше. Со всем похоже на темноту впереди находящаяся судьба его’.

Однако в современном хакасском языке данное слово встречается с глаголами ‘бороться’, ‘не сдаваться’, что, скорее всего, является влиянием русского языка, а также отмечается калька *јлјстің ээзі* ‘хозяин [своей] судьбы’:

Че сыдасча хорбыцах сидік јлјснен харбазарга (Халларов, 1984, с. 30) ‘Но выдерживает росточек **бороться** с тяжелой **долей**’; *Хара чалгыс Акай хазыр јлјстің холына олаңай ла пирінерге хынминча* (Халларов, 1984, с. 44) ‘Совершенно одинокий Акай просто так не хочет сдаваться в руки грозной участи’; *Чаргычы піске јлјс нимес, піс јлјстің ээзі* погов. ‘Не судьба нам судья, мы [сами] хозяева [своей] судьбы’ [23, с. 945].

По верованиям сибирских тюрков у каждого человека в жизни есть определенная доля, предназначенная именно для него (определенное количество добычи для охотника, ягод в тайге). В соответствии с этим каждый ребенок наделяется своей долей свыше, поэтому не считается обузой для семьи:

хак. *Кізінің јлјзі пар ла поладыр* погов. ‘У человека всегда бывает своя доля (удача)’ [23, с. 752]; *Полган на паланың јлјзі пар* ‘Каждый ребенок со своей долей’.

Поэтому *јлјс* может сочетаться с такими словами, как ‘большой’, ‘столько’, ‘лучший’:

алт. *Алтай албатынын анғылузы ол – јебрен укту болгонында Орто Алтайда јур-тайтан јаан јлј-салым келишкенінде* (З. Топчина) ‘Особенность алтайского народа в том, что он имеет древнюю родословную... в том, что [ему] досталась **большая доля** жить в Среднем Алтае’ [1, с. 144].

хак. *Хазыгыңар пик, јлјзіңер улуг, чуртазыңар узун ползын, Любанаң Сыңзай!* (Халларов, 1984, с. 115) ‘Пусть здоровье ваше будет крепким, доля ваша большой, жизнь ваша долгой, Сынзай и Люба!’; *Јлјзі анча ла полза, хайди идер...* (там же, с. 119) ‘Если **доля** его только **столько** [дана], что поделаешь...’; *...Хайдаг артых јлјс түсті магаа чуртазымда?* (Татарова, 1991, с. 75) ‘...Какая **лучшая доля** выпала мне в моей жизни?’.

Как отмечает С.П. Тюхтенева, у алтайцев считается, что, если человек женился, вырастил детей, преуспел в жизни и умер, «он сделал все, что должен был сделать в земной жизни. Исполнив меру того, что было ему предопределено, человек возвращается в “истинный Алтай” (чындык Алтай), где пребывают души людей» [22, с. 182].

Изначально понятие доли (*јлјс*) было связано с удачей, что отражено в древнетюркских памятниках и сохранилось в хакасском языке: др-т. *јлјгліг* ‘имеющий долю, удачливый’ [10, с. 625]; хак. *јлјс* ‘доля; судьба, доля; счастье, удача’; *јлјстіг* 1) имеющий известную долю *чегол*; наследство; 2) счастливый; удачливый; хак. *јлјзі чох* 1) не имеющий своей доли; 2) несчастливый; невезучий (букв.: без доли) [23, с. 752].

хак. *Худай јлјс пирзе, арса, Сакайым даа хазых айлан киллер тіп, харанга сагынчаң іче* (Халларов, 1984, с. 95) ‘Мать втихаря думала, если Бог даст удачу, может

быть, Сакай мой вернется живым»; *Ўлүзі чох Айраның үчүн чүрөө сынап таа сысти түсче* (там же, с. 136) ‘Сердце ее действительно сжимается из-за **несчастной** Айры’.

В современном хакасском языке объем значения этой лексемы расширился, она является основным выразителем значения ‘судьба’, вследствие чего может сочетаться со словами, несущими и негативную оценку: *аар үлүс* ‘тяжелая доля’, *сидик үлүс* ‘трудная доля’, *казыр үлүс* ‘грозная доля’, *халтырастыг үлүс* ‘дрожь вызывающая доля’.

хак. *Аар үлүсті алтирга аның күзі пар* (Халларов, 1984, с. 74) ‘У него есть силы перешагнуть **тяжелую долю** свою (то есть несмотря на невзгоды, двигаться дальше)’; *Че хайда-да ырах тустох көңнібісте сизінчеңміс Хыстин ичїнің чобалдыг үлүзін* (там же, с. 132) ‘Но где-то в те далекие времена в душе замечали мы **горестную долю** женщины Хыспин’.

В тувинском языке слово *үлүг* имеет значение ‘доля, часть’, значение ‘доля, судьба’ у него отсутствует.

Слово тув. *үүле* 1) судьба; 2) предназначение; 3) последствие; 4) дело работа [21, с. 453], восходит к монгольскому *үйл*. В монгольском языке слово *үйл* имеется два разных значения: I деяние, дело; действие, поступок, деятельность; II 1) судьба, рок, жребий; 2) беда, несчастье [6, с. 400–401]; *үйлийн үр* 1) плоды деяния; 2) беда, наказание; 3) судьба, рок [там же].

В семантической структуре этого слова в монгольском языке хорошо просматривается религиозный буддийский подтекст: «деяние человека – последствие-наказание – беда».

Эти значения отразились и в заимствованном тувинском *үүле*. Например, *ооң херэ-эниң үүлезин кым эдилээрил?* ‘кто будет отвечать за последствия его поступка?’ (букв.: его дела последствие кто иметь=будет) [21, с. 453].

Кижиге кандыг үүле таварышпас боор... (Кудажы, 1996, с. 306) ‘Какая только **судьба** не встретится человеку...’

үйлгүй ‘такой, у которого задуманное не сбывается’ < *үйл* + афф. отсутствия *-гүй*. Возможно, здесь также прослеживается связь «судьба, жребий – удача».

Представление о **частичной контролируемости** своей судьбы связано с репрезентантами алт. *јол* ~ хак. *чол* ‘(жизненный) путь; судьба; счастье’, тув. *салым-чол* ‘судьба-путь’, *салым-хуу* ‘личная судьба’.

Исследователи отмечают в тюркских языках связь концепта **СУДЬБА** с концептом **ДОРОГА (ПУТЬ)** [22; 14]. Это выражается в употреблении слова алт. *јол* ~ хак. *чол* ‘дорога; жизненный путь, судьба’, тув. *чол* ‘судьба, доля, счастье’, парного слова тув. *салым-чол* ‘судьба’ (букв.: судьба-путь). С одной стороны, этот путь определен:

Алтай түби алтан каан јолын көргөн / Ак тумандый ак тар малын, амыр јонын / Пу судурдан пу айлаткан. / Ак чырайлу албатыдын Салымын эм пил отурды, Алтын судур айдын турды [Алтайские героические сказания, 1997, с. 214] ‘Увидел судьбу шестидесяти каанов Алтая, / Белый скот их, как белый туман, их народы, – / Все этот судур прояснил. / Светлоликого народа / **Судьба** раскрывалась, / Из золотого судура [ему] представала.

хак. *Чохтың чолы хатыг* погов. ‘У бедняка тяжелая **доля**’ (букв.: у бедняка дорога твердая) [23, с. 824]; *Худай ла пілер кізінің чир үстүндегі чолын* (Татарова, 1991, с. 7) ‘Только Богу ведомо о земном **пути** человека’.

тув. *Ол кайгамчык угаанныг ыттың салым-чолу база багай болган* (Кенин-Лопсан, 2000, с. 55) ‘У этой удивительно умной собаки судьба тоже была плохой’.

На жизненном пути человек встречается с неотвратимой судьбой, бедами или ему встречается счастье:

тув. *Кызагдаткан салым-чолга таварышкаш, Кижид адым безин оскунупкан мен* (Кенин-Лопсан, 2000, с. 100) ‘**Встретившись** с ущемленной **судьбой**, даже имя свое Че-

ловек я обронил'; *Мээң амы-хууда салым-чолумга улуг аас-кежик таварышкан* (Кудажы, 1988, с. 141) 'В моей личной судьбе встретилось большое счастье'.

Ср. хак. *От, палам, аар үлүске тогас пардың. Улуг ічең дее парыбысты* (Халларов, 1984, с. 52) 'Вот, сын мой, с тяжелой долей встретился ты. И бабушка твоя умерла'.

С другой стороны, при всем фатализме воззрений сибирских народов *јол ~ чол* отражает возможность выбора на этом пути, так как жизненный путь проходит сам человек, на нем всегда есть простор для действий, разветвления, препятствия:

тув. *Орук-чолум каалама черле чорбаан / Оргу черге молдуруум сый дүжсер часкан...* (Даржай, 2014, с. 100) 'Путь-судьба моя никогда не была проторена / На ровном месте чуть не сворачивал себе шею'.

алт. *Јүрүмниң јолы – јүс айры эмтир* (Төлдөсөв, 1987, с. 41) 'Дорога жизни со ста разветвлениями, оказывается'.

Б. Мышлявцев так определяет понятие *салым-чол*: «Обстоятельства, диктуемые салым-чол, как и особенности реального рельефа местности, могут быть использованы человеком по-разному. Один человек просто устанет, взобравшись на высокую гору и будет считать это пустой тратой времени. Другой использует достигнутую высоту для того, чтобы осмотреться вокруг...» [14].

В тувинской языковой картине мира мотив дороги-судьбы еще более подчеркивается фразеологизмом *чоруу чогувас* 'не везет' (букв.: поездка не едет):

тув. *Амыдыралым бора будун. Чоруум чогувас, чолум хирелиг хевирлиг кижидир мен* (Саая, 2005, с. 56) 'Жизнь моя так себе. Я, видимо, человек, которому не везет (букв.: поездка не идет), судьба не складывается (букв.: путь мой неважный)'.

В тувинском, тофаларском и якутском слово *чол ~ дьол* монгольского происхождения имеет значение 'счастье, удача' < монг. *зол* [5, с. 222] (ср. тув. *орук*, як. *суол* 'дорога'). Э.В. Севортян, ссылаясь на наличие данного значения в сарыг-югурском, казахском и киргизском языках, считал это слово тюркским заимствованием в монгольских языках, «в свою очередь попавшим в некоторые тюркские языки» [18, с. 218]. Так или иначе представление о хорошей, должной быть удачной дороге-судьбе отражено в некоторых тюркских языках: як. *сор суоллаах* 'несчастный, преследуемый несчастьем' (букв.: с несчастной дорогой); *сор суоллан-* 'погибнуть, умереть преждевременно' (букв.: иметь несчастную дорогу) [19, с. 39], каз. *жолы бол-* 'быть удачливым, везучим' (букв.: путь (удача)=его быть), *жолды* 'удачливый, везучий' (букв.: с дорогой) [11, с. 332–333].

Представление о пути включает в себя его освещенность:

тув. *Контрнуң уруу деп атка кирген хүнден эгелээш, салым-чолум кара дүнге дөмей апарган* (Кенин-Лопсан, 2000, с. 45) 'С того дня, как меня назвали дочерью контра, моя судьба стала похожей на черную ночь'; *Кадыг сеткил, кара сагыш, кара чол бе?* (Куулар 2010, с. 4) 'Холодная душа, злой умысел, черная судьба ли?'; *Аңгырның черле чолу ак эр-дир, че!* (Сарыг-оол, 2008, с. 70) 'Все-таки Ангыр везучий (букв.: путь у него белый)'.

С.П. Тюхтенева указывает и на связь судьбы-дороги и имени в алтайской языковой картине мира: понятие *ат-јол* (букв.: имя-путь), куда входит имя, фамилия, происхождение. Слово *ат-чол* с этим же значением имеется и в тувинском языке. Это объясняется верой в то, что «обретение имени равноценно становлению человека и определению его судьбы. Жизненный путь человека тесно взаимосвязан с его именем», и изменить судьбу можно изменив имя человека [22, с. 179, 180].

То, как человек пройдет свой жизненный путь, какой выбор сделает, – это его личная судьба *хуу-салым / салым-хуу* < *салым* 'судьба' и *хуу* 'личный, собственный'. Тувинское *хуу* происходит от монгольского слова *хувь* I доля, пай; II доля, удел, судьба, участь, рок, счастье; III сам, личность [7, с. 156–157].

тув. *Төөгүнү коптарып көөрге, дайын-чаага барганнарның кижиси бүрүзү өлүртпейн чораан. Эр кижиниң хуу-салымы турар ыйнаан* (Кудажы, 1996, с. 247) ‘Если разбирать историю, то из ушедших на войну не каждый позволял себя убивать. Бывает же **личная судьба** мужчины’.

Заключение. В языковой картине мира тюркских народов Южной Сибири в представлениях о судьбе можно выделить два ведущих признака – неконтролируемость / частичная контролируемость своей жизни и нейтральность / благоприятность для человека событий. Наименования первой группы подразумевают участие Создателя судьбы, доли, которую он выделяет человеку или возможность участия самого человека в устройстве своей жизни. Что касается второго признака, то он связан с пониманием судьбы как удачной доли (у каждого человека определенная доля удачи) или удачно пройденным жизненным путем. Такая судьба воспринимается традиционным мировоззрением как норма. Именно она и изначально зафиксирована в языке. В современных языках содержание этих понятий расширилось и включает в себя как хорошую, так и плохую, долю, как легкий, так и тяжелый жизненный путь.

В рассматриваемых языках имеются как общие, так и различные черты данного концепта. В алтайской и тувинской лингвокультурах прослеживается связь «судьба – жизненный путь – имя», отражающая веру во влияние имени на судьбу человека. В алтайском языке подчеркивается ограниченность срока жизни, определенного свыше. В тувинской языковой картине мира акцентируется то, что человеку от рождения даны определенные способности, которые он может развить, что зависит уже от его личной судьбы *хуу-салым*. Особенность тувинского языка заключается также в том, что судьбой наделены как люди, так и животные, и растения. Кроме того, в тувинском языке выделяется ряд монголизмов, в том числе с религиозным буддийским содержанием (карма, судьба как расплата за предыдущие действия). В современном хакасском языке выделяется одно наименование судьбы-доли, которое вобрало в себя все аспекты этого понятия. Выявляется и влияние русского языка на употребление этого слова (бороться с судьбой, быть хозяином своей судьбы). Имеется также заимствованное слово *кӀрес* ‘крест’ как тяжелая доля, испытание человека, которое он должен пронести через всю свою жизнь. Таким образом, фаталистичное в целом восприятие судьбы в языковой картине мира тюрков Южной Сибири оставляет все же место для проявления воли человека, для его самостоятельного жизненного выбора.

Литература

1. Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
2. Анжиганова Л.В. Традиционное мировоззрение хакасов. Абакан, 1997. 128 с.
3. Апресян В.Ю. Семантика и прагматика судьбы // Труды международного семинара «Диалог» 2006 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2006. С. 31–37.
4. Арутюнова Н.Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 302–316.
5. Большой академический монгольско-русский словарь. Том 2. Д–О / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 536 с.
6. Большой академический монгольско-русский словарь. Том 3. Ө–Ф / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 440 с.
7. Большой академический монгольско-русский словарь. Том 4. Х–Я / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 532 с.
8. Даулет Ф.Н. Концепт судьбы как базовый элемент духовного кода культуры (на материалах китайского и казахского языков) // *Litera*, 2019. № 6. С. 230–241.
9. Дербишева З. К. Основы лингвокогнитивного сравнения языков. М.: ФЛИНТА, 2020. 336 с.

10. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
11. Казахско-русский словарь. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 961 с.
12. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Уч. пособ. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
13. Москвин В.П. Семантическая структура и парадигматические связи полисеманта (на примере слова судьба) Лексикографический аспект. Волгоград: Перемена, 1997. 32 с.
14. Мышляевцев Б. Путник и дорога: понятие судьбы в тувинской культуре // ARD. 6 апреля 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://asiarussia.ru/articles/15767/> (Дата обращения: 26.11.2023).
15. Ойроткинова Н.Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск, 2012. 354 с.
16. Пименова М.В. К вопросу о методике концептуальных исследований (на примере концепта *судьба*) // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург–Горловка: ГППИИЯ, 2010. С. 66–79. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 12).
17. Сагитова А.Г. Концепт «язмыш» («судьба») в башкирской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 18 с.
18. Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1989. 293 с.
19. Скрыбина А. А. Концепты дьол 'счастье' – сор 'несчастье' в якутской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2020. 160 с.
20. Толковый словарь хакасского языка. Том II. С–Я. Абакан: Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова, 2023. 736 с.
21. Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. 1968. 648 с.
22. Тюхтенева С. П. «Черный аркан моего отца». Дорога от предков к потомкам в алтайской культуре // Сибирские исторические исследования. 2018. № 4. С. 174–199.
23. Хакасско-русский словарь. Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск, 2006. 1114 с.
24. Шмелев А. Д. Метафора судьбы: предопределение или свобода? // Понятие судьбы в контексте разных культур / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 227–232.
25. Wierzbicka, Anna. *Duša* (soul), *toska* (yearning), *sud'ba* (fate): Three key concepts in Russian language and Russian culture. In Zygmunt Saloni (Ed.), *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok: Białystok University Press, 1990. P. 13–32.

Источники

алтайские

Акулова Т. Ат үстинде жүрүмис өткөн. Горно-Алтайск: ГУК Республики Алтай литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2009. 352 с.

Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, 1997. 668 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).

Төлөсөв К. Кадын жаскыда. Горно-Алтайск, 1987. 320 с.

Кензина И. Күё угулып чөйилзин. Горно-Алтайск, 2020. 159 с.

тувинские

Даржай А. А. Черге чедир мөгейдим. Кызыл: Тываполиграф, 2014. 697 ар.

Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг. Кызыл: ТывНУЧ., 2000. 416 ар.

Кудажы К-Э. К. Дуңзаа. Кызыл: ТывНУЧ., 1988. 319 ар.

Кудажы К-Э.К. Уйгу чок Улуг-Хем: роман. Кызыл: ТывНУЧ. 1996. 368 ар.

Куулар Ш. Д. Баглааш. Кызыл: ТывНУЧ., 2010. 640 ар.
Саая М. О. Аа бокта. Кызыл: Типография РТ, 2005. 116 ар.
Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу. Кызыл: ТывНУЧ, 2008. 437 ар.

хакасские

Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин». Новосибирск: Наука, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Костякова Л. В. Сымбал сынның хыйғызы. Абакан, 2010. 84 с.

Несказочная проза хакасов. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 34).

Татарова В. Аат табызы. Абакан, 1991. 232 с.

Халларов А. А. Акай. Абакан, 1984. 184 с.

Elena V. Tyuntешеva

Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of the verbal cultures of Siberia and the Far East, Candidate of Philology (Novosibirsk, Russia)

tyunteshvae@mail.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0002-4819-8306>

Olga Yu. Shagdurova

Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of the verbal cultures of Siberia and the Far East, Candidate of Philology (Novosibirsk, Russia)

kokoshnikova@mail.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>

Aziyana V. Bayyr-ool

Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Department of the Languages of the peoples of Siberia, Candidate of Philology (Novosibirsk, Russia)

azikoa@mail.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0003-2844-2700>

**The Concept of FATE in the Southern Siberian Turkic
Linguistic World Image¹⁰**

Abstract. In the following article, we study the concept of FATE in the Turkic languages of Southern Siberia (Altai, Tuvan, Khakas). Words and pair words representing this concept reflect the following two characteristics of fate in these traditional cultures: lack of control/partial control of one's life and neutrality/ favorableness of events. Because one's fate is determined by the Creator, it's impossible for humans to control their lives completely. Only partial control is possible, which is exercised as choice at life's crossroads. The second trait is related to the idea of fate as something that is given by the Creator to every person. It should be noted that originally, happy fate and successful life were perceived as normal in these languages. In modern

¹⁰ This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

languages, the meanings of the relevant words have expanded to include both good and bad fates/easy and hard lives.

In the aforementioned languages, we distinguish common traits of the concept of FATE and traits unique for each language. For example, in Altai and Tuvan, we observe the following connection: 'fate – one's journey through life – name', which reflects the belief in the fateful role of one's name. In Altai, there is emphasis on the limits of one's lifespan determined by heavens. In Tuvan, there is an idea that every person is born with specific abilities which can be developed, which depends on their personal fate (*хуу-салым*). In Khakas, a single word for fate includes all aspects of this concept. It is also influenced by the Russian language, where fate is thought to be more controllable. Religion is also reflected in the perception of fate (Christianity in Khakas, Buddhism in Tuvan culture). Overall, in spite of a significant degree of fatalism in these cultures, it is still possible for humans to exercise their free will.

Keywords: Turkic languages of Siberia; lexis; linguistic world image; linguaculture; concept.

References

1. Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018. (In Russian)
2. Anzhiganova L.V. Traditsionnoe mirovozzrenie khakasov [The traditional worldview of the Khakas]. Abakan, 1997, 128 p. (In Russian)
3. Apresyan V.Yu. Semantika i pragmatika sud'by [Semantics and pragmatics of fate]. *Trudy mezhdunarodnogo seminara «Dialog» 2006 po komp'yuternoy lingvistike i ee prilozheniyam* [Proceedings of the international seminar "Dialog" 2006 on digital linguistics and its applications]. Moscow, 2006, pp. 31–37. (In Russian)
4. Arutyunova N.D. Istina i sud'ba [Truth and Destiny]. *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in the context of various cultures]. N. D. Arutyunova (Ed.). Moscow, 1994, pp. 302–316. (In Russian)
5. Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkiy slovar' [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, 2001, vol. 2, 536 p. (In Mongol)
6. Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkiy slovar' [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, 2001, vol. 3, 440 p. (In Mongol)
7. Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkiy slovar' [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, 2002, vol. 4, 532 p. (In Mongol)
8. Daulet F.N. Kontsept sud'by kak bazovyy element dukhovnogo koda kul'tury (na materialakh kitayskogo i kazakhskogo yazykov) [The concept of destiny as a basic element of the spiritual code of culture (based on the materials of the Chinese and Kazakh languages)]. *Litera*, 2019, no. 6, pp. 230–241. (In Russian)
9. Derbisheva Z.K. Osnovy lingvokognitivnogo sravneniya yazykov [Fundamentals of linguistic and cognitive comparison of languages]. Moscow, 2020, 336 p. (In Russian)
10. Drevnyeturkskiy slovar' [Old Turkic dictionary]. Leningrad, 1969, 676 p. (In Russian)
11. Kazakhsko-russkiy slovar' [Kazakh-Russian dictionary]. Almaty, 2008, 961 p. (In Kazakh)
12. Maslova V.A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. Minsk, 2005, 256 p. (In Russian)
13. Moskvina V.P. Semanticheskaya struktura i paradigmicheskie svyazi polisemanta (na primere slova *sud'ba*). *Leksikograficheskiy aspekt* [Semantic structure and paradigmatic connections of a polysemant (using the word fate as an example). The lexicographic aspect]. Volgograd, 1997, 32 p. (In Russian)

14. Myshlyavtsev B. Putnik i doroga: ponyatie sud'by v tuvinskoj kul'ture [The Traveler and the Road: the concept of fate in Tuvan culture]. ARD. April 6, 2017. [Electronic resource]. Rezhim dostupa: <https://asiarussia.ru/articles/15767/> (date of access: 26.11.2023). (In Russian)
15. Oynotkinova N.R. Altayskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov [Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres]. Novosibirsk, 2012, 354 p. (In Russian)
16. Pimenova M.V. K voprosu o metodike kontseptual'nykh issledovaniy (na primere kontsepta *sud'ba*) [On the issue of the methodology of conceptual research (on the example of the concept of *fate*)]. *Kontseptual'nye issledovaniya v sovremennoj lingvistike: sbornik statey* [Conceptual studies in modern linguistics: a collection of articles]. M.V. Pimenova (Ed.). St. Petersburg-Gorlovka, 2010, pp. 66–79. (Series «Conceptual Research». Vol. 12). (In Russian)
17. Sagitova A.G. Kontsept «yazmysh» («sud'ba») v bashkirskoy yazykovoy kartine mira [The concept "Yazmysh" ("fate") in the Bashkir language image of the world]: Thesis. Ufa, 2012, 18 p. (In Russian)
18. Sevortyan E.V., Levitskaya L.S. Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow, 1989, 293 p. (In Russian)
19. Skryabina A.A. Kontsepty d'ol 'schast'e – sor 'neschast'e v yakutskoy lingvokul'ture [Concepts d'ol 'happiness' – sor 'misfortune' in the Yakut linguistic culture]: Thesis. Yakutsk, 2020, 160 p. (In Russian)
20. Tolkovyj slovar' khakasskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Khakass language]. K.N. Burnakova (Ed.). Abakan: Khakass Book Publishing House after V.M. Torosov, 2020, vol. 2, 736 p. (In Khakass)
21. Tuvinsko-russkij slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. E.R. Tenishev (Ed.). Moscow: Sovetskaya entsyclopediya, 1968. 648 p. (In Tuvian)
22. Tyukhteneva S.P. «Chernyy arkan moego ottsa». Doroga ot predkov k potomkam v altayskoj kul'ture ["My father's black noose." The path from ancestors to descendants in the Altai culture]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research]. 2018, no. 4. pp. 174–199. (In Russian)
23. Khakassko-russkij slovar' [Khakas-Russian dictionary]. O.V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk, 2006, 1114 p. (In Khakass)
24. Shmelev A.D. Metafora sud'by: predopredelenie ili svoboda? [The metaphor of fate: predestination or freedom?]. Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur [The concept of fate in the context of different cultures]. N.D. Arutyunova (Ed.). Moscow: Nauka, 1994. pp. 227–232. (In Russian)
25. Wierzbicka, Anna. *Duša* (soul), *toska* (yearning), *sud'ba* (fate): Three key concepts in Russian language and Russian culture. In Zygmunt Saloni (Ed.), *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok: Białystok University Press, 1990. Pp. 13–32. (In English)

УДК 81 (=512.212)

Уиницкая Наталья Юрьевна

Научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск, Россия)

maltak84@mail.ru

orcid: <https://orcid.org/0000-0001-8126-0573>

Языковые репрезентации концепта «счастье» в эвенкийском языке

Аннотация. Цель исследования состоит в описании концепта «счастье» в эвенкийском языке. Предметом исследования является семантика языковых единиц, участвующих

щих в репрезентации концепта. Объектом исследования выступает номинативное поле ментального образования. Теоретическую основу исследования составляют труды В.И. Карасика, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и др. Основными методами исследования являются: метод сплошной выборки, контекстуального, лингвокультурного, лингвокогнитивного, концептуального анализов. Новизна исследования заключается в лингвокультурном и лингвокогнитивном описаниях концептосферы эвенкийского языка. Предпринимаемое лингвокультурное описание концепта эвенкийского языка обусловлено отсутствием в эвенковедении лингвокогнитивных исследований, отражающих ключевые идеи языковой картины мира эвенков, лексико-семантического анализа языковых единиц, входящих в номинативное поле концептов, классификаций концептов. К понятийным признакам рассматриваемого ментального образования относятся: удача, успех, благосклонность, данные свыше. Набор образных признаков составляет: насекомое, олень, земля, природа, дух охоты, снег, звериный след. Природный компонент в структуре концепта «счастье» в лингвокультуре эвенков является основным, на чем основана их ценностная картина мира. Понятийная, образная и ценностная составляющие в структуре концепта взаимосвязаны. Заметна тесная взаимосвязь и взаимообусловленность концептов «счастье», «охота», «олень», «природа» в лингвокультуре эвенков. Это дает перспективу дальнейшего исследования концептосферы эвенков. Описание упорядоченной совокупности ментальных единиц в сознании таежных номадов, охотников, оленеводов дает доступ к познанию их мышления, реконструкции и сохранению концептосферы исчезающих языков. Результаты исследования будут иметь значение при обучении эвенкийскому языку в школах и ВУЗах и разработке программ для спецкурсов по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике. Материалы и выводы могут быть использованы при сравнительно-сопоставительных лингвокогнитивных исследованиях, подготовке учебных пособий по эвенкийскому языку.

Ключевые слова: концепт; эвенкийский язык; счастье; куту; сиңкэн; маин.

Введение. Современное языкознание характеризуется антропоцентрической парадигмой, направленной на исследование взаимодействий: язык – мышление, язык – культура, язык – сознание. Все большую актуальность приобретает исследование концептов. К определению данного понятия учёные подходят с разных аспектов: психолингвистического, лингвокультурного, когнитивного, философского. Так, с точки зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина в когнитивной лингвистике определились на сегодняшний день следующие направления исследования концепта: культурологическое (Ю. С. Степанов), лингвокультурологическое (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Г.В. Токарев), логическое (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павилёнис), семантико-когнитивное (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Г.В. Быкова, Е.С. Кубрякова, Е.В. Лукашевич, З.Д. Попова, Е.В. Рахилина, И.А. Стернин), философско-семиотическое (А.В. Кравченко) [17, с. 12]. Представители семантико-когнитивного подхода к исследованию концепта З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют его, как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [18, с. 24]. Сторонник лингвокультурологического направления исследования концептов В.И. Карасик предлагает считать их первичными культурными образованиями, выражением объективного содержания слов, имеющими смысл и поэтому транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятель-

ностного (обыденная жизнь) освоения мира [9, с. 123]. Цитируемый автор в структуре концепта выделяет понятийные, образные и ценностные характеристики [9, с. 129]. Таким образом, язык является средством входа в сознание человека, к содержанию его единиц мышления.

Концептосферы разных народов, как показывает изучение семантического пространства разных языков, существенно различаются и по составу концептов, и по принципу их структурирования [18, там же]. Ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах, как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость* (сами эти слова тоже могут быть названы ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются лингвоспецифичными (language-specific) – в том смысле, что для них трудно найти лексические аналоги в других языках» [7, с. 10] Ключевые для языковой картины мира эвенков концепты заключены в таких словах, как *буга* (мир, вселенная, природа), *бэюмэжит* (охота), *һокто* (дорога), *нулги* (кочевка), *орон* (олень), *оми* (душа), *маин* (судьба), *сиүкэн* (счастье, удача) и др. В лингвокультуре эвенков ментальные образования формировались под влиянием ландшафта, исторически связанного с территорией проживания, типов хозяйства (охота, оленеводство), анимистических взглядов на природу. Природная составляющая в структуре концептов в языковом сознании эвенков является основной, на чем и строится их ценностная картина мира. Актуальность темы исследования определяется недостаточной изученностью в лингвокультурологическом и семантико-когнитивном отношении фрагментов языковой картины мира эвенков. Нами предпринимается попытка воссоздать ключевые фрагменты языковой картины мира эвенков, что создает перспективу для описания в дальнейшем концептосферы эвенкийского языка. Мы понимаем под концептом ментальное образование в сознании человека, содержащее в себе опыт познания окружающей действительности, его мировоззрение; культурные традиции, в условиях которых формировалось его мировосприятие. Перспективой исследования в будущем является изучение трансформации концептов в сознании современных носителей эвенкийского языка.

Методы исследования. В работе применяется лингвокультурологический подход к исследованию структуры ментального образования. Опираясь на методику, предложенную В.И. Карасиком, нами совершается попытка описания понятийной, образной и ценностной составляющих в структуре концепта [9]. Для описания понятийной составляющей концепта привлекается лексикографический материал: эвенкийско-русский словарь [3], эвенкийско-русский словарь [14], сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков в 2-х томах [20]. Путем метода сплошной выборки выявляются языковые единицы, вербализующие рассматриваемый концепт; выделяются его языковые репрезентации; производится лексико-семантический анализ слов, входящих в номинативное поле ментального образования; производится семантико-когнитивный анализ слов-репрезентантов [18]. Далее для выявления образной и ценностной составляющих применяется контекстуальный, лингвокультурологический анализ фольклорных, художественных текстов, полевых аудиозаписей. Для более точной передачи содержания концепта производился дословный перевод художественных текстов. После расшифровываются полевые аудиозаписи, затем совершается их перевод с эвенкийского на русский. Полевые аудиозаписи были записаны от носителей эвенкийского языка и культуры Абрамова П.Д. (г.р. 1968, с. Усть-Нюкжа, Тындинский район, Амурская область); Мальчиковой М.Г. (г.р. 1958, с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край); Васильевой В.В. (г.р. 1980, с. Иенгра, Нерюнгринский район, Республика Саха (Якутия)). Респондентам был задан вопрос: *Сиүкэнмэ, кутува он гунчэдерэс?* (Что думаете о счастье?).

Литературный обзор. Концепт «счастье» рассматривается на материале разных языков: русского, английского, татарского, якутского и др. Так, исследованию этого ментального образования посвятили свои диссертационные работы: Бакирова Г.А. Вербали-

зация концепта "счастье" в татарском и английском языках (на примере благожеланий) [2], Ле Минь Нгок. Особенности языковой репрезентации русского концепта "счастье" (с позиции носителя вьетнамской культуры) [11]. В настоящее время в тунгусоведении начинают разрабатываться исследования в области концептосфер эвенкийского и эвенского языков. Так, имеются работы, посвященные изучению концептов: Р.П. Кузьмина «холод» [10] на материале эвенского языка; Е.В. Мерекина «Человек – Природа – Цвет» [14], Н.Е. Захарова и Н.П. Николаева «человек» [8] в эвенкийском языке; сопоставительные исследования: Е. В. Черникова «душа, дух» в русском, английском и эвенкийском языках [22], Н.Ю. Ушницкая «душа, судьба, счастье» в эвенкийском и русском языках [21] и др. Реконструкция картины мира кочевого сообщества – это не что иное, как воссоздание отдельных ментальных единиц мышленияномада, его мировосприятия [6, с. 59]. Подобные исследования являются необходимыми, т. к. изучение концептов языков народов Севера позволяет реконструировать концептосферы исчезающих языков, восстановить устаревшие признаки ментальных образований и сохранить их. Поэтому изучение совокупности ментальных образований в эвенкийском языке является одной из важнейших задач современных лингвистов-эвенковедов.

Результаты и обсуждения. В номинативное поле концепта «счастье» входят слова ‘*сиукэн*’, ‘*куту*’, ‘*маин*’ их производные, фразеологические единицы, паремии, содержащие в составе эти языковые единицы. Слово ‘*сиукэн*’ (фонетические диалектные варианты: *хиукэн*, *шиукэн*) имеет значения: удача (на охоте); дух-хозяин охоты ничьей территории. В деривационное поле рассматриваемого слова входит: *сиукэлэми* ‘быть счастливым, удачливым (об охотнике)’; *сиукэлэдерэн* ‘ему везет (на охоте)’; *сиукэлэвун* ‘магическое убивание изображения зверя (древний охотничий обряд), букв. добывание удачи)’ (*Сăдылдү сиукэлэвурва ѓпкй* – Некоторым делает изображения зверей для удачной охоты); ‘камланье перед охотой’; *сиукэчй* ‘счастливый, удачливый (на охоте)’, *сиукэлкэн* ‘счастливый’ [3, с. 355; 5, с. 195]. Кроме этого, по верованиям эвенков, *сиукэн* ‘насекомое, приносящее удачу на охоте’. Поэтому они говорят: «*Сиукэнмэ дяваксă, тогодү бунэтыс, тэли бэйнэвэ вăдиңăс*» (Поймав насекомое *сиукэн*, должен предать огню, тогда зверя добудешь). Корневая основа этого слова с похожими значениями встречается и в других тунгусо-маньчжурских языках: **нег.** *сиукэн* дух-покровитель охоты, дух-хозяин тайги; талисман (охотничий, приносящий удачу); **ороч.** *сиукэ(н-)* дух-хозяин зверей; **ульч.** *су(н-)* ~ *сэ(н-)*, *суукэ(н-)* талисман, амулет; **орок.** *суккэ(н-)*, *суукэн* талисман (охотничий); **нан.** *сү* талисман, амулет [20, 1977, с. 91]. Согласно этнографическим исследованиям Г.М. Василевич, слово ‘*сиукэн*’ обозначает охотничью удачу, охотничий амулет, духа-хозяина охотничьей территории [4, с. 229]. По мнению этого исследователя, это слово имеет общий корень со словами *сиу-тыли* ‘тишина вокруг’ и *сиу-ни* ‘сочувствовать, жалеть’ [4, там же].

Слово ‘*куту*’ обозначает ‘удача’, ‘счастье’, ‘благополучие’ [3, с. 225]. Согласно лексикографическим данным, она имеет дериваты: *кутучй* ‘счастливый’ (*кутучй бэе* – счастливый, удачливый человек, *кутуя ачин* – несчастливый), *кутучйт* ‘счастливо’ (*кутучйт индекэл* – живи счастливо). Корневая основа с одинаковым значением имеется в маньчжурском, чжурчженьском, монгольском, древнетюркском: **ма.** *хутури* счастье, удача; благополучие; благодеяние; **чж.** *hüh-t'üh-rh* ‘счастье’; **монг.** *хутаг* ‘счастье, благополучие, благоденствие’; **др.-тюрк.** *qut* ‘счастье’ [20, 1975, с. 440]. Возможно, это указывает на древнюю общеалтайскую языковую общность.

Слово ‘*маин*’ имеет значения: ‘дух-хозяин Верхнего мира’; ‘дух-хозяин душ человеческих; святой’; ‘дух-хозяин зверей’; ‘охотничье счастье’; ‘душа’ [14, с. 351]. Слово имеет производное *маилкән* ‘счастливый’ (там же). Общая корневая основа имеется и в других тунгусо-маньчжурских языках: **эвен.** *мајис* ‘дух-покровитель шамана’; **нег.** *мајин* ‘дух-хозяин верхнего мира’; **нан.** *мајин мафа* ‘дух-хозяин верхнего мира (покровитель

рода, семьи, ниспосылающий удачу на охоте) ’ [20, 1975, с. 521]. Противоположное по значению слово *маями* ‘перестать попадаться охотнику (о звере) ’; ‘не иметь удачи на охоте’. *Бултāмнū хоктовон эжит мōт коңдорогор тыкиврэ – бэйнэ маянкй*. – Поперек тропы охотника не валят дерево – не будет попадаться зверь [14, с. 357]. Корневая основа слова встречается и в языках других тунгусо-маньчжурских народов: *эвен. мај-* ‘отвращаться, не даваться (в качестве добычи – о звере, рыбе во время промысла)’; ‘не иметь удачи’; *нег. маја-* ‘отвращаться, не даваться (в качестве добычи – о звере, рыбе во время промысла)’; ‘не иметь удачи’; *ороч. мајмаки-* ‘нет, не имеется, отсутствует’; *орок. маја-* ‘отвращаться, не даваться (в качестве добычи – о звере на охоте)’; ‘не иметь удачи’; *нан. ман'а ~ ман'иа-* ‘отвращаться, не даваться (в качестве добычи – о звере на охоте)’; ‘не иметь удачи’; *ма. мајан сај* ‘удачная охота’; *мајан эхэ* ‘неудачная охота’ [20, 1975, с. 521].

В концептуализации счастья в эвенкийском языке участвуют словообразовательные и словоизменительные аффиксы: *-чй* – суффикс имени обладания (*кутучй, сиңкэчй*); *-лкāн* (*-лкāн, -лкōн*) – суффикс обладания (*сиңкэлкāн, машлкāн*); *-вун* – суффикс имени действия – названия обряда (*сиңкэлэвун*); *-лā* (*-лэ, -лō*) – суффикс, обозначающий ношение, одевание, чего-либо, перенесение, пойти за чем-либо (*сиңкэлэми*). Так, лексико-семантический анализ лексических единиц, входящих в номинативное поле концепта, позволяет отнести к понятийной стороне: удача, успех, благосклонность, данные свыше.

Как отмечают ученые-этнографы, исследовавшие, представления о *сиңкэн* в культуре эвенков, охотничье счастье изменчиво, неудачи на промысле связываются в сознании эвенков с духом-хозяином охоты *Сиңкэн*. К нему обращались за охотничьей удачей (*сиңкэн*), при этом «кормили» его, прятали от постороннего взгляда от порчи. Так, *Сиңкэн* становился перед охотником ответчиком за его неудачи. Его в этом случае «наказывали» или заменяли новым [1, с. 20-21; 4, с. 229; 12, с. 27]. Подтверждение этому мы находим фольклорных текстах: «*Сиңкэн – бэйн тэкэнын, бэйнмэ нян сиңкэн гунивкйл. Синкэнмэ ичэмй – дявакал, тадук тоголоб гарандакал, гуннэ. – Сиңкэн – дух лося, лося тоже сиңкэном называют. Сиңкэна (муху) увидишь – лови, потом в свой огонь его брось, говоря:*

<i>– Сиңкэн, сиңкэкэл!</i>	<i>Сиңкэн, сиңкэна (удачи) дай!</i>
<i>Сиңкэн – бэйн тэкэнын,</i>	<i>Сиңкэн – дух лося,</i>
<i>Бэйнэ-сиңкэнэ неһүкэл!</i>	<i>Лося-сиңкэна дай добыть!</i>
<i>Сиңкэлэвкэл-неһүкэл!</i>	<i>Сиңкэн, дай поймать-добыть!</i>
<i>Эргэчйн амтачйя бүкэл!</i>	<i>С таким вкусом дай! [16, с. 150-151].</i>

В тексте звучит просьба к духу-хозяину охоты *Сиңкэн* послать добычу лося-*сиңкэн*. Отмечается, что *сиңкэн* – дух лося (досл. корень лося). Из анализа текста видим, *сиңкэн*: дух-хозяин охоты; удача; дух лося; насекомое, приносящее удачу. *Сиңкэн* можно дать ‘бүми’; поймать ‘*дявами*’; позволить добыть его (лося-*сиңкэна* ‘*неһуми*’; *сиңкэн* позволяет стать счастливым, удачливым в охоте ‘*сиңкэлэвми*’.

Сиңкэн может уйти от человека, но его можно попытаться вернуть:

«Бэе сиңкэнмэн мучүвканмй, би тыкэн бунам. Гёванан омологив туркэврин. Сиңкэнын һуручō – ни-кэ эрүе бчā, маявканчā. Чүкадук бчāв аһйва бэенюн. Аямамат мэтэвучим омологидүй: Часки эскэкл, дептётетын нэкэл. Тыманин мōнйчи нэнэкэл, бээдэткэл. Тар мōнит идакакал, гунденэ. – Сиңкэн мужчины заставляли вернуться, я так делаю. В прошлом году у сына моего не ладилось. Сиңкэн его ушел – кто-то сделал зло, заставил зверя не попадаться. Я сделала из травы женщину с мужчиной. Хорошо наказала моему сыну «Подальше унеси, еды им оставь. Наутро с палкой иди, накажи человечков. Той палкой их колоти, говоря:

<i>– Экэллу минэ эрут бра,</i>	<i>Не делайте мне зла,</i>
<i>Сиңкэнмэв нй маявкāнчā?!</i>	<i>Сиңкэн мой кто заставил уйти?!</i>

Экэллү минэ эрут бра!»

Не делайте мне зла! [16, с. 150-151].

Рассмотрим лексико-грамматическую сочетаемость слов, репрезентирующих концепт, на примере данного текста: *сиүкэнмэн мучувкәнми* ‘вернуть охотничье счастье’; *сиүкэнын һуручō* ‘его охотничье счастье ушло’; *маявкәнчā* ‘заставил зверя не попадаться’; *сиүкэнмэв һи маявкәнчā* ‘кто заставил мой *сиүкэн* уйти’. Так, *сиүкэн* может уйти, его можно вернуть. *Сиүкэн* может принадлежать тому или иному охотнику: *сиүкэнын* – его охотничья удача, счастье.

В художественных текстах многих эвенкийских писателей и поэтов осмысление счастья в индивидуально-авторском сознании идентично коллективному этническому. На примере стихотворения Н.К. Оёгира «*Хиүкэн*» можем проследить:

Утэлэ эвэнкйл гунивкйл:

В старину эвенки говорили:

Эвэнки оронди инивкй.

Эвенк (оленем) с помощью оленя живет.

Тыматнэ эүнэкән эүтэнмэн,

Утром, хорканье олененка

Дблдыми уруннэл мелиунап.

Услышав, просыпаясь, радуемся.

Тар Хиүкэн эсикән йндерэн,

Это Хиүкэн сейчас живет,

Кууякән мавутыт эвиллэн.

Ребенок арканом заиграл.

Коуяктэ икәннун солипна,

Звон колокольчика, слившись с песней,

Эүнэкән моуондун кигиллан.

На ошейнике олененка зазвенел [17, с. 293].

Выражения: *эвэнкй оронди инивкй* ‘эвенк оленем живет’; *тыматнэ, эүнэкән эүтэнмэн дблдыми, уруннэл, мелиунап* ‘утром, услышав хорканье олененка, радуясь, просыпаемся’; *тар Хиүкэн эсикән йндерэн* ‘это Хиүкэн сейчас живет’; *кууякән мавутыт эвиллэн* ‘ребенок арканом заиграл’; *коуяктэ икәннун солипна, эүнэкән моуондун кигиллан* ‘звон колокольчика, слившись с песней, на ошейнике олененка зазвенел’ показывают наличие когнитивных признаков в структуре концепта «олень», «живое».

Как известно, охота является исконным видом традиционного хозяйства в эвенкийской культуре, что и составляет основу их аксиологической картины мира. В следующем стихотворении Н.К. Оёгира «*Бултамнй кутун*» (Счастье охотника) показано осмысление счастья охотником:

Митуй кутут – дылачā нэрин,

Наше счастье – солнца свет,

Тар тугэ бсиктал нэринтын.

Зимой свет звезд.

Тыматнэ сиүилгэн бурунэн.

Утром падение снега.

Агилй багдака нэнэмнэн.

В тайге путь дикого оленя.

Митуй кутут – имэкир удаял,

Наше счастье – свежие следы,

Делэки гиллэмэ ирэксэн.

Блеск шкуры горностая.

Сиүилгэндү дэнкэ элбэсэнэн.

В снегу купание соболя.

Даркинма кокчарди тукәнэн.

По насту удары копыт.

Агиуыл эвэнкйл кутутын,

Счастье таежных эвенков,

Дяпкадү дюкчāкән саунянин.

Дым, исходящий сквозь чумовое отверстие.

Агйдү суксинюн удайлн,

В тайге лыжный след

Эвэнкй мотыва асāmнэн.

Эвенком преследование лося по следу [17, с. 196].

Лексико-грамматическая сочетаемость слов в данном поэтическом тексте позволяет выделить набор следующих когнитивных признаков в структуре концепта: свет солнца; снег; путь зверя; чум, стоящий на берегу реки или озера; свежие звериные следы; преследование зверя по следу.

В стихотворении А.Н. Немтушкина «*Читичакār, мёвандукви би урундем*» (Птенчики, всем сердцем своим я радуюсь):

«*Эси илэл этвар кэйкэчилчэл,*

Сейчас люди заблудились,

Сиүкэнмэ хунтудү дүннэдү еуилчэл,

Счастье на другой земле начали искать,

Хитэсэлди, гунми, учивдяра, В пустяках запутались,
Энэл сārэ, балдыдйктү сиңкэн бодовдөрөн! Не понимая, что на родине счастье
следует за Человеком» [15, с. 187-188].

Выражение «*Эси илэл этвар кэйкэчилчэл, сиңкэнмэ хунтуду дүннэдү еуилчэл*. – Сейчас люди заблудились, счастье на другой земле начали искать» позволяет выделить когнитивный признак «родина» в содержании концепта. Поэт далее поясняет: «*Энэл сārэ, балдыдйктү сиңкэн бодовдөрөн*. – Не понимая, что на родине счастье следует за человеком».

Тексты, записанные нами от носителей современного эвенкийского языка, подтверждают наличие признаков у *сиңкэн* – охотничьего счастья, присущих живому существу: «*маявупкй, тар сиңкэн һурупкй. Эрут нэкэпкй эгдэндү, дяргапкй эгдэнми, одёлви эпкй аят карайя, бугава лэгипкй. Мундү гунипкйл сиңкэн һурумй һурупкй*. – Зверь перестает попадаться охотнику, значит сиңкэн ушло. Плохо ведет себя в тайге, ругает лес, запреты не соблюдает, природу (погоду, местность) ругает из-за этого удача покидает охотника. У нас говорят *сиңкэн* если уйдет, так уйдет (Васильева Валентина Владимировна). В следующем тексте, записанном от респондента, обнаруживается охотничий запрет, относительно добычи детенышей диких зверей (*эвкэ дюр токтткачйва-нямива бултāра* – не следует добывать лосиху, имеющую двух детенышей): «*Дюр токтткачйва нямава-токива эпкйл бултара. Энинмэтын бултаракис эүнэкэрин-токтткар ниһипкйл*. – Имеющую двух детеныше лосиху не добывают. Мать их добудешь, детеныши ее проклинают, наказывают» (Васильева Валентина Владимировна).

Тексты, записанные от респондентов, показывают важность оленя в жизни эвенка: «*Кутуче, гунипкйл. Куту орондү бипкй, никимнадү бипки утукачакāн нечуксэдук. Тар орон кутуче бипкй. Хиликсэкил бакапкйл, ичэпкйл. Бэетыкй нāн гунипкйл кутуче, тар аят бидерэн бэе, упкачиче: орон бихин, ахин, бихин, кэргэнин, палаткан бихин, дүннэчэ. Тадук бултāмнй бэевэ нāн кутуче гунипкйл. Бэюнэ вāпкй, андагйя вāпки. Эвэнкидү куту: орон бирэкин, кону, палаткаканин, избушкачекāн бипкйл. Тар упкачиче. Бултāмнй омологи, бэе аят бултāпкйл нāн гунипкйл кутуче. Тар омологичāн кутуче, бултāнапкй, эрдэнт экуна-вал эмэвупкй, уллэе, оллоё, коңномово кёипкй*. – Счастливым говорят. Куту у оленя бывает, на шее (в области гортани) нарост из кожи, как мешочек, а внутри шерсть. Этот олень значит счастливый бывает. При разделке туши обнаруживают. О человеке тоже говорят счастливы, хорошо живет, все у него есть: олень, жена, семья, палатка, земля. Об охотнике тоже говорят счастливый, удачливый. Дикого оленя добывает, соболя. Для эвенка счастье: олень, тайга. Палатка или избушка. Значит, у него все есть. Юноша охотник хорошо охотится, говорят счастливый, удачливый. Этот юноша удачливый, счастливый, пойдет на охоту, обязательно добудет мясо, рыбу или медведя «победит» (убьёт). (Мальчакитова Мира Григорьевна, г.р. 1958, с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край). Исходя из данного текста, можно выделить когнитивные признаки концепта: олень, земля, семья, природа, удачливая охота (*Эвэнкидү куту: орон бирэкин, кону, палаткаканин, избушкачекāн бипкйл. Тар упкачиче. Бултāмнй омологи, бэе аят бултāпкйл нāн гунипкйл кутуче*). Так, к образной стороне концепта можно отнести: насекомое, олень, земля, природа, дух охоты, снег, звериный след.

В ценностную составляющую концепта «счастье» входят все ценности и нормы поведения человека, предписанные укладом данного сообщества. Ценностную составляющую исследуемого концепта рассмотрим и на примере паремий. Эвенкийские пословицы, включающие лексемы «*сиңкэн*» и «*куту*», выражают нормы поведения в эвенкийском обществе. И они показательны для выявления ценностной составляющей в эвенкийском концепте «счастье». Смысл таких высказываний сводится к суждению «следует/не следует делать что-либо», вследствие невыполнения этих правил отсутствие *счастья*: *сагдылду бэлэңнэкэл, дюлэски инни ая, кутучи бидеңэн* (старым людям помогай, жить бу-

дешь хорошо, счастливо); *бэюнэ вами гирамналван гуликал, сиңкэн урундеңэн* (добыв дикого оленя, кости обязательно сложи на *гулик* – сооружение для хранения костей, а то удача уйдет); *элэкэс бултанэви гиркинунми бориткал, сиңкэн урундеңэн* (добыв зверя, обязательно поделись, а то удача уйдет); *оллол гирамналватын аят нэңнэкэл, озор эктын туһара, адыл маявки, олло Ёиңкэнин аксавки* (кости рыб после еды не бросай и не давай по ним топтаться оленям: дух охоты Ёиңкэн обидится и рыба в твои сети перестанет попадаться); *бэюнэ вами, гирамналван дэлыкэндулэ накэл, сиңкэн эмэдан* (добыв дикого оленя, кости обязательно сложи на *дэлыкэн* – сооружение для хранения костей диких животных, чтобы охотничье счастье пришло); *элэкэс бултанэви гиркинунми бориткал, сиңкэн эмэдеңэн* (добыв зверя, обязательно поделись с друзьями, охотничье счастье придет) и др [21].

Заключение. Таким образом, в концепте «счастье» выделяются такие компоненты, как «природа», «охотничья удача», «коленье поголовье», «родная земля», которые составляют его смысловое ядро и выполняют функцию концептуальных признаков, участвующих в процессе реализации ключевых лексем. Эти признаки являются основой ценностной составляющей исследуемого концепта. На формирование рассматриваемого концепта оказали влияние: ландшафт, исторически, связанный с территорией проживания; традиционные типы хозяйства (охота, оленеводство), анимистические взгляды на природу. Общие корневые основы, участвующие в репрезентации концепта, свидетельствуют о его архаичности. В сознании носителей современного эвенкийского языка, сохранивших традиционный охотничье-кочевой образ жизни, наблюдается восприятие счастья, как данного свыше, природой; представление о *сиңкэн*; бережное отношение к туше добытого зверя. И частотность языковых репрезентаций рассматриваемого концепта в эвенкийской речи наблюдается именно у этих групп эвенков, что позволяет им сохранять язык и культуру.

Литература

1. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. Москва, Ленинград: АН СССР, 1958. 238 с.
2. Бакирова Г.А. Вербализация концепта "счастье" в татарском и английском языках (на примере благожеланий): специальность 10.02.00 "Языкознание": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бакирова Гульшат Альфредовна. Казань, 2011. 247 с.
3. Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 228 с.
4. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII н. XX вв.). Ленинград: Наука, 1969. 304 с.
5. Василевич Г.М. Словарь русско-эвенкийский: Пособие для уч-ся 5-9 кл. общеобраз. учрежд. В 2 ч. Ч.1. 2-е изд., перераб. Санкт-Петербург: филиал изд-ва «Промсвещение», 2005. 238 с.
6. Жамсаранова Р.Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии. Чита: Экспресс-издательство, 2013. 288 с.
7. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
8. Захарова, Н.Е. Образ человека-женщины аси как константа культуры эвенков / Н.Е. Захарова, Н.П. Николаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7–1(61). С. 86–88.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.

10. Кузьмина Р.П. Концептуализация холода в языковом сознании эвенков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2022. № 6-2. С. 69-72.
11. Ле Минь Нгок. Особенности языковой репрезентации русского концепта "счастье" (с позиции носителя вьетнамской культуры): специальность 10.02.01 "Русский язык": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ле Минь Нгок. Москва, 2011. 236 с.
12. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX-начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 200 с.
13. Мерекина Е.В. Культурные концепты как ядерной часть языкового сознания малочисленного народа (этнолингвокультурологическое исследование языка эвенков). дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мерекина Екатерина Васильевна; Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2008. 300 с.
14. Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрук. Новосибирск.: Наука, 2004. 798 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 3).
15. Немтушкин А. Родная тайга: повесть и стихотворения на эвенкийском языке. Санкт-Петербург: отд-ние изд-ва «Просвещение», 1992. 224 с.
16. Обрядовая поэзия и песни эвенков / сост. Г.И. Варламова, Ю.И. Шейкин. Новосибирск: Гео, 2014. 487 с.
17. Оёгир Н.К. Гулувун дегдэдеден – Чтоб не гас костёр. Красноярск: Сибирские промыслы, 2006. 352 с.
18. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
19. Скрыбина А.А. Концепты ДЬОЛ 'СЧАСТЬЕ' – СОР 'НЕСЧАСТЬЕ' в якутской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Скрыбина Алевтина Афанасьевна, 2021. 160 с.
20. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т. / Отв. ред. В.И. Цинциус. Ленинград: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.; 1977. Т. 2. 992 с.
21. Ушницкая Н.Ю. Базовые лингвокультурные концепты в языковой картине мира эвенков и русских. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 128 с.
22. Черникова Е.В. Концепты душа и дух в русском, английском и эвенкийском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Черникова Елена Васильевна; МГЛУ. М., 2005. 23 с.

Natalya Yu. Ushnickaya

Researcher at the Department of Northern Philology of the Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North SB RAS, Candidate of Philology (Yakutsk, Russia)
 maltak84@mail.ru
 orcid: <https://orcid.org/0000-0001-8126-0573>

Language representations of the concept "happiness" in the Evenki language

Abstract. The purpose of the study is to describe the concept "happiness" in the Evenki language. The subject of the study is the semantics of linguistic units involved in the representation of the concept. The object of the study is the nominative field of mental formation. The theoretical basis of the study is provided by the works of V.I. Karasik, Z.D. Popova, I.A. Sternin and others. The main research methods are: the method of solid sampling, contextual, linguocultural, linguocognitive, conceptual analysis. The novelty of the study is in the linguocultural and linguocognitive descriptions of the conceptosphere of the Evenki language. The un-

dertaken linguocultural description of the Evenki language concept is conditioned by the absence in Evenk studies of linguocognitive research reflecting the key ideas of the Evenki linguistic picture of the world, lexical and semantic analysis of linguistic units included in the nominative field of concepts, concept classifications. The conceptual attributes of the mental formation under consideration include: luck, success, favor, given from above. The set of figurative attributes is: insect, deer, earth, nature, hunting spirit, snow, animal trail. The component of nature in the structure of the concept "happiness" in the Evenk linguoculture is the main one, on which their value picture of the world is based. Thus, the conceptual, figurative and value components in the structure of the concept are interrelated. The close interrelation and intersubjectivity of the concepts "happiness", "hunting", "deer", "nature" in the Evenk linguoculture is noticeable. This gives the prospect of further study of the Evenk conceptsphere. The description of an ordered set of mental units in the consciousness of taiga nomads, hunters, reindeer herders gives access to the knowledge of their thinking, reconstruction and preservation of the conceptsphere of disappearing languages. The results of the study will be of value in teaching Evenki language in schools and universities and developing programs for special courses in linguocultural studies and cognitive linguistics. The materials and conclusions can be used in comparative and comparative linguocognitive research, preparation of textbooks on Evenki language.

Keywords: concept; Evenki language; happiness; kutu; sinken; maing.

References

1. Anisimov A.F. *Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proiskhozhdeniya pervobytnyh verovanij*. [Religion of Evenks in the historical and genetic study and problems of the origin of primitive beliefs]. Moscow, Lenigrad, 1958, 238 p. (In Russian)
2. Bakirova G.A. *Verbalizaciya koncepta "schast'e" v tatarskom i anglijskom yazykah (na primere blagozhelanij): special'nost' 10.02.00 "Yazykoznanie": dis.* [Verbalization of the concept "happiness" in Tatar and English languages (on the example of good wishes): specialty 10.02.00 "Linguistics": Thesis] / Bakirova Gul'shat Al'fredovna. Kazan, 2011, 247 p. (In Russian)
3. Vasilevich G.M. *Evenkijsko-russkij slovar'*. [Evenki-Russian dictionary]. Moscow, 1958. 228 p. (In Russian)
4. Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII n. XX vv.)*. [Historical and ethnographic sketches (XVIII n. XX cc.)]. Lenigrad, 1969. 304 p. (In Russian)
5. Vasilevich G.M. *Slovar' russko-evenkijskij* [Dictionary of Russian-Evenki]. Saint-Petersburg, 2005, vol. 1, 238 p. (In Russian)
6. Zhamsaranova R.G. *Konceptosfera srednevekovoj mongol'skoj etnonimii*. [Conceptosphere of medieval Mongolian ethnonymy]. Chita, 2013, 288 p. (In Russian)
7. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira: sb. st.* [Key ideas of the Russian linguistic picture of the world: a collection of articles]. Moscow: *Yazyki slavyanskoj kul'tury* [Languages of Slavic Culture]. 2005, 544 p. (In Russian)
8. Zaharova N.E., Nikolaeva N.P. *Obraz cheloveka-zhenshchiny asi kak konstanta kul'tury evenkov* [Image of a human-woman asi as a constant of Evenki culture] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice]. 2016, vol. 7-1(61), pp. 86-88. (In Russian)
9. Karasik V.I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [The linguistic circle: personality, concepts, discourse]. – Moscow: Gnozis, 2004. 390 p. (In Russian)
10. Kuz'mina R.P. *Konceptualizaciya holoda v yazykovom soznanii evenov* [Conceptualization of cold in the linguistic consciousness of Evenks]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye*

problemy teorii i praktiki. Seriya: gumanitarnye nauki [Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities]. 2022, vol. 6–2, pp. 69–72. (In Russ.)

11. Le Ming Ngok. Osobennosti yazykovoj reprezentacii russkogo koncepta "schast'e" (s pozicii nositelya v'etnamskoj kul'tury): dis. [Features of language representation of the Russian concept "happiness" (from the position of the carrier of Vietnamese culture): Thesis]. Moscow, 2011, 236 p. (In Russian)

12. Mazin A.I. Tradicionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konets XIX-nachalo XX v.). [Traditional beliefs and rituals of Evenk-Orochon (the end of XIX-beginning of XX century)]. Novosibirsk, 1984, 200 p. (In Russian)

13. Merekina E.V. Kul'turnye koncepty kak yadernoj chast' yazykovogo soznaniya malochislennogo naroda (etnolingvokul'turologicheskoe issledovanie yazyka evenkov): dis. [Cultural concepts as a nuclear part of the linguistic consciousness of a small-numbered people (ethnolinguocultural study of the Evenki language): Thesis]; Barnaul, 2008, 300 p. (In Russian)

14. Myreeva A.N. Evenkijsko-russkij slovar' = Evedy-luchady tureruk [Evenki-Russian dictionary = Evedy-luchady tureruk]. Novosibirsk, 2004, 798 p. (Pamyatniki etnicheskoi kul'tury korenyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of ethnic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East; Vol. 3]). (In Russian)

15. Nemtushkin A. Rodnaya tajga: povest' i stihotvoreniya na evenkijskom yazyke. [Native taiga: a story and poems in the Evenki language]. St. Petersburg, 1992, 224 p. (In Russian)

16. Obryadovaya poeziya i pesni evenkov [Evenki ritual poetry and songs] / G.I. Varlamova, Yu.I. Shejkin. Novosibirsk, 2014, 487 p. (In Russian)

17. Oyogir N.K. Guluvun degdededen – Chtob ne gas kostyor. [What not to extinguish the fire]. Krasnoyarsk, 2006, 352 p. (In Russian)

18. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka. [Semantic and cognitive analysis of language]. Voronezh, 2007, 250 p. (In Russian)

19. Skryabina A.A. Koncepty D'OL 'SCHAST'E' – SOR 'NESCHAST'E' v yakutskoj lingvokul'ture): dis. [Dyol 'Happiness' - Sor 'Unhappiness' in Yakut linguoculture: Thesis]. 2021, 160 p. (In Russian)

20. Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov [Comparative Dictionary of Tunguso-Manchurian Languages]: 2 volumes / Editor V.I. Cincius. Leningrad, 1975, vol. 1, 672 p.; 1977, vol. 2, 992 p. (In Russian)

21. Ushnickaya N.Yu. Bazovye lingvokul'turnye koncepty v yazykovoj kartine mira evenkov i russkih. [Basic linguocultural concepts in the linguistic picture of the world of Evenks and Russians]. Ulan-Ude, 2020, 128 p. (In Russian)

22. Chernikova E.V. Koncepty dusha i duh v russkom, anglijskom i evenkijskom yazykah: avtoref. dis. [Concepts of soul and spirit in Russian, English and Evenki languages: abstract of the thesis]. Moscow, 2005, 23 p. (In Russian)

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81

Ананьева Светлана Викторовна

кандидат филологических наук, заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, ассоциированный профессор (Алматы, Казахстан)

svananyeva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7349-1590>

Дутбаева Сауле Сергеевна

кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры русской филологии НАО «Атырауский университет им.Х. Досмухамедова» (Атырау, Казахстан)

saule_sergo@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7506-279X>

Мировой литературный процесс: тенденции и направления

Аннотация. Литературоведение и литературная критика раскрывают национальный культурный универсум. Мировое литературоведение как область научного знания изучает художественную словесность в оценке критиков и литературоведов. Актуальность данного исследования заключается в том, что полученные результаты являются важнейшим шагом на пути понимания процесса взаимодействия, синтеза различных культурных традиций, необходимость осмысления которых составляет центральную проблему общественно-гуманитарного мышления последних лет. Цель статьи: исследование основных тенденций развития национальных литератур в первой четверти XXI века. В основе исследования – научные концепции анализа художественного текста и художественного национального мира. Применяются объективно-аналитический, историко-литературный, сравнительно-типологический, эврико-герменевтический методы исследования. До возникновения получившего в последние годы широкого распространения когнитивного литературоведения при изучении мирового литературного процесса применяли понятийный аппарат когнитивной психологии и теорий искусственного интеллекта. В диахроническом аспекте на основе когнитивистики, компаративистики и сопоставительной концептологии исследуются факты, крупные явления современного мирового литературного процесса. Когнитивный подход к изучению художественной литературы сосредоточен на переосмыслении научной базы литературоведения путем актуализации междисциплинарного исследования, выявления инновационных методов и технологий анализа художественного текста, выстраивания качественно новых концептуальных взглядов на художественную поэтику в целом. В структуре научной статьи находят отражение сложность и неординарность развития литературного процесса, преобладание постмодернистских трендов; монодискурсивизм, неомифологизм, мозаичность постструктурализма и стилевое многообразие. Транснациональная история и культурный трансфер «работают» на преодоление границ познания, расширение гуманитарного кругозора, изучение модулирующих жанров, их превращений и трансформации. Герои произведений современных авторов находятся в поисках смысла жизни и своего места в современном мире неоглобализации и кризиса культуры, социо-культурной турбулентности

Ключевые слова: современный литературный процесс; литературоведение; литературная критика; когнитивистика; рецептивная эстетика; концептология; метакомпаративистика; тенденция; контент; стилевые искания.

Введение. Современная литературоведческая и критическая мысль создают особое ассоциативное поле, подтверждая важность перехода в литературном процессе от идеологии к вопросам личной экзистенции. Отечественное и мировое литературоведение включены в исследовательское поле гуманитарных наук, но нередки попытки поглощения их интенсивно развивающимися междисциплинарными исследованиями. В исследуемый период наблюдается отказ от произвольной, идеологизированной интерпретации литературного текста. Изучаются разные аспекты *актуализации* и *деавтономизации* литературы. Актуальность статьи заключается в изучении современного мирового литературного процесса, основных тенденций и стилевых исканий мастеров художественного слова Беларуси, Кореи, Финляндии.

Актуальной становится интермедиаальная компаративистика, изучающая медиальный трансфер (письменный текст / электронная книга, гипертекст, литературное произведение / фильм, опера, балет). Особое внимание уделяется сравнительной нарратологии, повествованию / описанию, стилю, дискурсу, постмодернизму, магическому реализму, концептуализму. Трансформация «структуры художественного произведения, цепь невероятных совпадений и повторений, лирико-автобиографический характер повествования, метафорический стиль, мифологическая образность позволяют причудливо переплести картины реальности и художественного вымысла» в постмодернистской литературе [2, с. 35]. У постмодерна преобладают «отсутствие четких установок, пестрая смесь идей и несвязность отдельных элементов» [14, с. 195].

Цель статьи состоит в определении ведущих тенденций современного мирового литературного процесса. Мы считаем, что перспективы дальнейших исследований будут детерминированы выявлением тенденции усложнения художественного времени и проблемы движения героя в дискурсивно-семиотическом пространстве прозы и поэзии. В национальных литературах художественный текст проявляет тенденцию сближения с медиатекстом. Фрагментарность повествования, глубокий психологизм, двойное кодирование, интертекстуальность свидетельствуют о смене парадигм. Обобщающая функция авторской стратегии дополнена полифонизмом, установкой на поливариантное прочтение. Оппозиция свое/другое и свое/ чужое позволяет ярче раскрыть национальный образ и национальное мироощущение. Освоение новейших достижений мирового художественного процесса окажет, безусловно, эффективное содействие в развитии литературного процесса в Казахстане.

Методы исследования. Исследовательская стратегия основана на решающей роли теории словесного и культурного интертекста в расширении пределов компетенции и функций компаративистики. Методы и методология авторов статьи включают разнообразные методологические и теоретические подходы, активизацию междисциплинарных исследований. Проведенное исследование базируется на теории критического анализа дискурсов художественных текстов, выявлении ведущих тенденций интертекстуальных исследований как аспекта «cultural studies» и «компаративном историко-функциональном изучении современной зарубежной литературы» [5, с. 170]. Особую нагрузку в современном литературном процессе «в условиях развития и углубления межкультурной коммуникации обретает рецепция национальных литератур как оригинальных моделей мышления» [13, с. 18].

Литературный обзор. Научная новизна статьи заключается в необходимости продолжения исследования мирового литературного процесса нового времени, отражающего новые мировые реалии (интеграционные процессы, «цветные» революции, локальные и этнические конфликты и т.д.). Современная ситуация в независимом Казахстане создает

благоприятные возможности для углубления осмысления истории развития казахской литературы. В то же время возрастает значение изучения национальных литератур мира, оказывающих влияние на обоюдное развитие и на развитие казахской литературы. Обогащаясь новыми темами, мотивами, концептами и дискурсами, национальные литературы расширяют границы взаимовлияния, что современными исследователями практически не изучается и не обобщается. Тренды развития национальных литератур рубежа веков были обобщены в коллективных монографиях «Очерки по мировой литературе рубежа XX-XXI столетий», «Новейшая зарубежная литература», ставшей лауреатом Международного конкурса «Научная книга – 2012» Международной ассоциации академий наук СНГ и в книге «Мировой литературный процесс XXI века». В коллективной монографии «Мировой литературный процесс XXI века» изучены национальные литературы первых пятнадцати лет XXI века как самостоятельного периода в развитии человечества. Литературные явления начала третьего тысячелетия отличаются острой злободневностью тематики и проблематики, увеличением глубины исторического охвата, усилением связи, внутренней взаимозависимости психологизма и пристального внимания к характеру, внутреннему миру человека.

Углубление и расширение этнокультурных и языковых контактов меняет языковую ситуацию XXI века. Формируется новая би- и полилингвальная картина мира, в которой этническая идентичность (принадлежность, самоотождествление индивида с определенной этнической группой, этносом, народом) включает сопричастность этнокультурной традиции, на первый план выходит «проблема смысла и значения» [15, с. 105].

Результаты и обсуждение. Данное исследование выполнено с опорой на теоретические труды [8], монографии и научные публикации ведущих литературоведов крупнейших научных центров мира И. Айхингера [1], Р. Харша [18], К. Кларк [9], Л. Селитриной [16], П. Антова [3], Л. Лебедевой [12], М. Гампера [6]. В аспекте нового научного направления, предложенного литературоведом-компаративистом В.И. Тюпа – «исторической нарратологии и систематизации научного языка междисциплинарной сферы гуманитарного познания, каковой является сравнительная нарратология» [17, с. 4] и выполнено данное научное исследование.

Литературоведение как «система концепций и гипотез о сходстве и различиях в типологическом аспекте текстов и поэтических языков, созданных художниками слова, описание закономерностей возникновения и восприятия сообщений на этих языках – художественных произведений, с возможностью проверки данных, полученных в результате исследования» [4, с. 3] привлекает исследователей разных стран мира.

Завершилась «власть официоза, произошла отмена цензуры, смена языка и стиля; выход из запрета (запрещенных и утаенных текстов известных и неизвестных авторов метрополии, эмиграции, андеграунда); отмена литературной системы, разрушение старых и учреждение новых литературных институций» [7, с. 314].

Новая модель посткультуры обуславливает развитие постсовременного литературоведения, в котором как новый феномен анализируется «дискурс гибридности». Опыт структурализма и семиотики позволил представить культуру как текст и, пользуясь постмодернистским термином, как интертекст, построенный на непрямах и дальних взаимосвязях явлений, мотивов, тем. Сравнительная поэтика стала возможной на основе совершенно иного понимания культуры, выведенной за пределы европеизма исследователями мифа, грамматики и этнографии.

Национальные литературы в XXI веке аккумулируют в своем развитии лучшие достижения мировой художественной культуры. Литературы рубежа веков выходят на новый уровень осмысления отражаемой на страницах художественной литературы действительности, что и определяет круг основных проблем учебного пособия «Мировой литературный процесс: контент, направления, тренды» [14]. Методологически важным

является сравнение общего и особенного в национальных литературах первых пятнадцати лет XXI века. Логика научного анализа включает движение от проблемы через гипотезу к теоретическому результату. Наряду с филологическим анализом художественного текста в учебном пособии применен контент-анализ разных печатных изданий, новых художественных переводов, докладов и выступлений на Международных симпозиумах, конференциях, «круглых столах» по актуальным проблемам литературоведения, компаративистики. В новой коллективной монографии Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова «Мировое литературоведение» первый раздел определен как «Новейшие тренды мирового литературоведения».

Сочетание в художественных произведениях эксперимента с «пронзительным реализмом» в изображении характеров действующих лиц на фоне сверхъестественных событий стало одним из новейших направлений развития современной литературы Финляндии. Готическая романтика ужасов, привидения в студенческих общежитиях, городских квартирах и на паромах в окружении водной стихии – не столь редкие элементы повествовательных структур. Роман «Одержимость Мартины Дагер» поэта, прозаика, переводчика Хенрики Рингбум критики сравнивают с хельсинской сюитой, сотканной из любви к городу и его окрестностям. Героиня повествования – молодая девушка, талантливая, образованная, влюбленная в свою профессию и одержимая ею. Язык героини романа сложен и странен. Язык произведения – поэтичен. За фасадом реальности героине являются удивительные видения, которые в конце концов разрушают ее жизнь.

Черные галки как один из архетипов романа-дебюта Стефана Нюмана «Анна онлайн», раскрывающего отношения между молодыми людьми, современными студентами, отсылают читателя к произведениям Эдгара По и Агаты Кристи («Карман, полный ржи») с мотивами всеобъемлющего страха. Мир реальный и мир ирреальный, мир необъяснимого в образах древних фольклорных персонажей – характерная черта повествовательных стратегий литературы для подростков, создаваемой Х. Андерсон и М. Турчанинофф. Основными чертами финской шведоязычной литературы, традиционно отличающими ее от литературы Швеции и Финляндии, выступают эксперимент-игра, дефицит любви и крови (крайне редко авторы пишут об убийствах, любви, эротике), другая жизнь за гранью реальности (тексты, сочетающие эксперимент с реализмом).

Так ведущими трендами современной литературы Финляндии являются раскрытие внутреннего мира современника – жителя провинции, душевных переживаний героинь, тема террора и насилия над личностью, национализма, высокий уровень понимания истории. Особое явление – литература иммигрантов. Современная драматургия доминирует над классикой. Молодые поэты поколения «хай-тек» экспериментируют с поэтическим языком и с поэтическим текстом, ставя под сомнение многие поэтические понятия эпохи модернизма, применяют не только разные компьютерные программы и цифровые материалы, но и технику изобразительного искусства – технику «найденного материала» (found object), демонстрируя мультимедийные технологии в перспективе литературного развития.

Для литературоведческой герменевтики важно восприятие текста. основополагающей проблемой остаются поиски героя, так как, по мнению участников Международного «круглого стола» «Роль книги в жизни общества. Прошлое и настоящее» (Минск, Национальная библиотека Беларуси, 2 сентября 2023 года), важно не упустить содержание издаваемых книг на фоне наплыва изданий чужих и чуждых. Необходимо писать и издавать книги, которые воспитывают патриота.

Тема Великой Отечественной войны продолжает занимать в современной литературе Беларуси особое место. Пристальное читательское внимание привлекли романы Н. Чергинца «Операция “Кровь”» (роман посвящен тому, как во время Великой Отечественной войны фашисты создали детский концентрационный лагерь и забирали у

детей кровь, проводили на детях другие медицинские эксперименты) и Алеся Савицкого «Оболь» (название поселения, где в Великую Отечественную войну работала молодежная подпольная антифашистская организация).

В рассказе Я. Сипакова «Партизанский парад», как в ретроспекции, воссозданы картины военной жизни главных героев и города, которого совсем нет. Повсюду одни руины, битый кирпич, щебень. Кадры старой кинохроники, давние фотографии партизанского парада заставляют Радослава вновь и вновь не только вспоминать военное детство, но и видеть то, что не попало в кадр, что «именно тогда было и теперь само собою всплывало в памяти». Бывшие дома «израненно глядели на улицы». Да и улиц не было, они выглядели мертвыми и заброшенными. В прозе белорусских писателей – уроки доброты и сострадания, человечности и мудрости, высокой нравственной чистоты. Память – контрапункт проходит через прозу и лирическую поэзию белорусских авторов. Особо значимы в плане компаративистики, литературных связей и художественного перевода, основная миссия которого – знакомить читателей с мировой литературой, «круглые столы» в Издательском доме «Звезда» и белорусские издания последних лет.

Одной из современных коммуникативных стратегий является антропологический поворот (anthropological turn) в литературоведении. Антропологический тренд заключается в объединении методики изучения гуманитарных и социальных наук путем интердисциплинарного сотрудничества, при котором научные процессы познания связаны с эстетическими критериями. Продуцируя новое гуманитарное знание в современном образовательном пространстве, постоянно освещая проблемы гибридной идентичности и межкультурного диалога, сохранения традиций и новаторства, Ким Г.Н. четко и конкретно формулирует и решает новые задачи, стоящие перед академическим сообществом. Многие его исследования важны и востребованы в контексте современных междисциплинарных подходов изучения корейской истории, культуры, искусства и литературы. Среди них разделы о корейском театре и литературе современной Южной Кореи для коллективных монографий Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, фундаментальный том Г.Н. Ким «Избранные труды по корееведению» и другие.

У профессора Г.Н. Ким своя точка зрения, свой взгляд на периодизацию корейской художественной литературы, на критерии ее оценки, диалог субъективного с объективным, проблемы языка творчества. «У литературы любой страны есть свои особенности, однако у литературы Кореи – картина совершенно специфическая, связанная с расколом на два государства, образовавшихся в результате раздела сфер влияния между СССР и США. Вопрос о месте современной корейской литературы связан с проблемой идентификации литературного творчества внутри одного корейского этноса» [10, с. 173]. Корейская национальная литературная классика и национальный литературный канон, современное состояние корейского искусства и культуры, транскulturация литературы на корейском и русском языках, безусловно, ждут осмысления в контексте феномена советской литературы и актуальных проблем гуманитарной науки первой четверти XXI столетия.

Великолепно структурированы автором «Избранные труды по корееведению» [11]. которые постоянно дополняются и обновляются.

При постструктурализме и постконцептуализме традиционная эстетическая проблематика сменяется анализом концептов и идей. Отличительной особенностью постконцептуализма является особый онтологический статус произведения художественной литературы. Преобладающей концепцией развития современных национальных литератур становится этнопостмодернизм с сохранением этнических компонентов, возрождением критичности и гуманистического пафоса.

Заключение. Одной из ведущих тенденций современного мирового литературного процесса является преломление классического канона о новую реальность, расширение

его границ, смена привычных литературоведческих представлений с целью наиболее полного раскрытия национальной языковой картины мира. Художественный текст в современных теориях дискурса анализируется как сложный лингвистический объект. В контексте культурных слоев интеграции раскрывается синтетический характер книги. Классическая литература заново перечитывается и прочитывается новыми поколениями, вдохновляет писателей и поэтов разных стран мира.

Каждая национальная литература берет из мирового опыта то, что нужно ей для дальнейшего продвижения вперед. Несомненно и то, что мировой художественный опыт переключкой тем, сюжетов, мотивов оказывает влияние на развитие национальных литератур новейшего времени.

Полученные результаты аналитически обобщаются далее и публикуются в научных изданиях, в прессе, выносятся на обсуждение широкой научной общественности. Все чаще пишут о междисциплинарном подходе на основе литературоведения и когнитивной лингвистики, выделяя тенденцию интегрированного анализа текста художественного произведения. Ведущие тенденции современного мирового литературного процесса определены нами в следующей последовательности: гуманистическая направленность современной литературы; отражение духовного феномена бытия и возвращение к национальным истокам; художественный космогенез как соединение разных виртуальных реальностей на стыке личностного / онтологического сознания; антропологическая концепция личности и онтологической модели бытия; реставрация жанровых форм, эволюция и их трансформация; формирование нового жанрового мышления.

Литература

1. Aichinger I. Peculiarities of poetics. Munich: Text Kritik, 2007. 175 p.
2. Ananyeva S.V. Postmodern vision of the world in modern literature // Keruen. 2021. Vol. 71. № 2. P. 28–35.
3. Анто́в П. Поезията на 1990-те: Българско и постмодерно. Пловдив: Издателска къща «Жанет 45», 2010. 298 с.
4. Баршт К.А. Литературоведение России. Основные теоремы и концепции. М.: Флинта, 2022. 384 с.
5. Galay K. About discussions around comparative literature // Культура в глобальном мире / Отв. редактор С. Ананьева. Алматы: Print express, 2020, С.169-175
6. Gamper M. Experiment und Literatur. Themen, Methoden, Theorien. Gottingen, 2010. 230 s.
7. Иванова Н. Чертополох и крапива. Литературная жизнь и ее последствия. М.: Рутения, 2022. 480 с.
8. Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters. Edited by M. Beller and J. Leerseen. Amsterdam, 2007. 157 p.
9. Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 250 p.
10. Ким Г.Н. Корейская литература // Новейшая зарубежная литература / Отв. редактор С. Ананьева. Алматы: Жибек жолы, 2011. С. 172-202.
11. Ким Г.Н. Избранные труды по корееведению. Тараз – Алматы: ЖИЦ «Сенім», 2013. 776 с.
12. Лебедева Л. Концепт как инструмент сопоставительного описания семантики слов // Nova rusistika. 2012. № 12. С. 3–12.
13. Ломидзе Г., Мегрелишвили Т., Модебадзе И. Судьбоносные биографии. Тбилиси: Мцигиобари, 2011. 237 с.

14. Мировой литературный процесс: контент, направления, тренды / Ананьева С.В., Зейферт Е.И., Метляева М., Машакова А.К. и др. Учебное пособие. Алматы: Гылым ордасы, 2017. 202 с.

15. Петров Ю.В. Семиотический ренессанс и его истоки в современной философии постмодернизма // Эмбаторион. Embathrion: сборник статей по искусствознанию, филологии, истории. Москва: МЦНМО, 2011. С. 90–105.

16. Селитрина Т.Л. Преемственность литературного развития и взаимодействие литератур. Москва: Высшая школа, 2009. 288 с.

17. Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию. Научно-учебное пособие. М.: Intrada, 2016. 145 с

18. Harsha R. The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire (Wisconsin Center for Pushkin Studies Series). Madison: University of Wisconsin Press, 2006. 320 p.

Svetlana V. Ananyeva

Candidate of Philology, Head of the Department of International Relations and World Literature of the Institute of Literature and Art named after. M.O. Auezov Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)

svananyeva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7349-1590>

Saule S. Dutbaeva

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Philology of NJSC Atyrau University named after Kh. Dosmukhamedov" (Atyrau, Kazakhstan)

saule_sergo@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7506-279X>

World literary process: trends and literary movements

Abstract. Literary studies and literary criticism reveal the national cultural universe. World literary criticism, as a field of scientific knowledge, studies literary processes as assessed by critics and literary scholars. The relevance of this study lies in the fact that the results obtained are the most important step towards understanding the process of interaction, synthesis of various cultural traditions, the need to understand which is the central problem of social and humanitarian thinking in recent years. The purpose of the article: to study the main trends in the development of national literatures in the first quarter of the 21st century. The research is based on scientific concepts of analysis of literary text and the artistic national world. Objective-analytical, historical-literary, comparative-typological, eureka-hermeneutic research methods are used. Before the emergence of cognitive literary criticism, which has become widespread in recent years, the conceptual apparatus of cognitive psychology and theories of artificial intelligence was used in the study of the world literary process. In the diachronic aspect, on the basis of cognitive science, comparative science and comparative conceptology, facts and major phenomena of the modern world literary process are studied. The cognitive approach to the study of fiction is focused on rethinking the scientific basis of literary criticism by updating interdisciplinary research, identifying innovative methods and technologies for analyzing literary texts, and building qualitatively new conceptual views on artistic poetics in general. The structure of the scientific article reflects the complexity and originality of the development of the literary process, the predominance of postmodern trends: monodiscursivism, neomythologism, mosaicism of poststructuralism and stylistic diversity. Transnational history and cultural transfer “work” to overcome the boundaries of knowledge, expand the humanitarian horizon, study

modulating genres, and their transformations. The heroes of the works of modern authors are in search of the meaning of life and their place in the modern world of neo-globalization and cultural crisis, socio-cultural turbulence.

Keywords: modern literary process; literary criticism, cognitive science; receptive aesthetics, metacomparative studies, trend, content, style, conceptology.

References

1. Aichinger I. Peculiarities of poetics. Munich, 2007, 175 p. (In English).
2. Ananyeva S. Postmodern vision of the world in modern literature // *Keruen*. 2021, vol. 71(2), pp. 28–35. (In English).
3. Antov P. Poeziyata for the 1990s: Bulgarian and postmodern. Plovdiv, 2010, 298 p. (In Bulgarian).
4. Barsht K.A. Literary studies of Russia. Basic theorems and concepts. Educational allowance. Moscow, 2022, 384 p. (In Russian).
5. Galay K. About discussions around comparative literature // *Culture in global world* / Ed. S. Ananyeva. Almaty, 2020, pp.169–175. (In English).
6. Gamper M. Experiment und Literatur. Themen, Methoden, Theorien. Gottingen, 2010, 230 p. (In English).
7. Ivanova N. Thistle and nettle. Literary life and its consequences. Moscow, 2022, 480 p. (In Russian).
8. Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters / Ed. by M. Beller and J. Leerseen. Amsterdam, 2007, 157 p. (In English).
9. Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Bloomington, 2000, 250 p. (In English).
10. Kim G.N. Korean literature. *Latest foreign literature* / Ed. S. Ananyeva. Almaty, 2011, pp.172–202. (In Russian).
11. Kim G.N. Selected works on Korean studies. Taraz – Almaty, 2013, 776 p. (In English).
12. Lebedeva L. Concept as a tool for comparative description of semantics words. *Nova rusistika*. 2012. Vol. 12. pp. 3–12 (In Russian).
13. Lomidze G., Megrelishvili T., Modebadze I. Fateful biographies. Tbilisi, 2011, 237 p. (In Russian).
14. Mirovoj literaturnyj process: content, direction, trendy [World literary process: content, directions, trends] / Ananyeva S.V., Zeifert E.I., Metlyaeva M., Mashakova A.K. etc. Almaty, 2017, 202 p. (In Russian).
15. Petrov Yu.V. Semiotic Renaissance and its origins in modern philosophy postmodernism. *Embaterion. Embathpion: a collection of articles on art history, philology, history*. Moscow, 2011, pp. 90–105. (In Russian).
16. Selitrina T.L. Continuity of literary development and interaction literature. Moscow: Higher School, 2009, 288 p. (In Russian).
17. Tyupa V.I. Introduction to Comparative Narratology. Scientific and educational manual. Moscow, 2016, 145 c. (In Russian).
18. Harsha R. The Imperial Sublime: *A Russian Poetics of Empire* (Wisconsin Center for Pushkin Studies Series). Madison, 2006, 320 p. (In English).

Концептуализация акта превращения в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Аннотация. В данной статье автор рассматривает ментальный образ превращения, реализованный в тексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Данный образ представлен в романе через ряд художественных концептов: «Ипостась», «Круг», «Смерть-Жизнь», «Слово», «Касание», «Знание». В ходе исследования автор анализирует концептосферу феномена превращения как единицы сюжетного события романа и приходит к выводу, что данный ментальный образ участвует в построении авторской картины мира и имеет сложную концептуальную структуру.

Ключевые слова: художественный концепт; ментальный образ; превращение; метаморфоза; роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»; концептосфера.

Введение. Акт превращения является важным ментальным образом культуры, который в художественном тексте становится сюжетным событием особой смысловой нагрузки. Он обладает обширным концептуально обусловленным семантическим пространством и формируется рядом художественных концептов, которые имеют свои содержательные особенности. Под концептом в данной статье понимается «единица концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в нем заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Что индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров, и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения» [15, с. 9]. Вслед за С.Р. Габдуллиной мы считаем, что «художественный концепт, выступая элементом этой системе, вместе с другими ее элементами подчинен общему эстетическому заданию текста. В связи с этим возникают новые смыслы, сообщающие художественному концепту дополнительную смысловую нагрузку» [7, с. 19].

Осмысление феномена превращения имеет давнюю философскую, научную и эстетическую традицию. С древних времен человек пытается объяснить природу, причины, атрибуты этого явления. Мифологическое сознание связывает превращение с магией, наука и философия пытаются найти ему логическое объяснение.

Методы исследования. Для описания концептуального содержания акта превращения в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» применяется комплекс методов: концептуальный, интерпретативный, дескриптивный. Необходимость исследования феномена превращения в романе М.А. Булгакова с позиций лингвокультурологии обусловлена его ключевой ролью в авторской картине мира. Новизна представленного исследования состоит в описании акта превращения как ментального образа, художественно концептуализированного в романе «Мастер и Маргарита».

Литературный обзор. В филологии изучению мотива превращения в литературном произведении посвящен ряд исследований. Наиболее фундаментальной считается работа М.М. Бахтина [3], в которой изучается хронотоп античного авантюрно-бытового романа. Важный вклад в исследование модели превращения сделал В.В. Виноградов, ко-

торый рассматривал метаморфозу как особое изобразительно-выразительное средство. Языковое выражение превращение стало предметом исследования лингвистики в работах Н.Д. Арутюновой [1], А.Г. Нарушевича [13], А.А. Потебни [16], и др.

В художественном мире М.А. Булгакова превращение (оборотничество, метаморфоза) занимает особое место. По мнению С.Н. Туровской, всевозможные разоблачения и разъяснения в романе «Мастер и Маргарита» – «потенциальные оборотнические свидетельства, не имеющие закрепленного прочтения, вербальный знак оборотнической эпохи» [19, с. 300-301]. При этом С.Н. Туровская утверждает, что «мотив оборотничества в «Мастере и Маргарите» настолько зрелищен и театрален, что вполне может послужить поводом для особого исследования» [19, с. 301]. Однако в булгаковедении сегодня не так много работ, посвященных феномену превращения в творчестве М.А. Булгакова. Отдельно надо отметить статью Ю.Д. Коваленко «Метаморфоза как способ образного представления человека в пространстве (на материале романа М.А. Булгакова “Белая гвардия”» [11], которая исследует метаморфозу как текстовое явление.

Изучению языковой модели превращения в текстах русских народных сказок посвящена диссертация М.А. Кравченко. Автор рассматривает синтаксические конструкции, выражающие в сказках акт превращения, а также концептосферу феномена метаморфозы, объективированную в фольклорных произведениях.

Результаты и обсуждение. В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» важное место занимают процессы превращения (изменения). Превращение в художественном мире романа связано с общей театральностью булгаковского дискурса. С.Н. Туровская утверждает, что «у Булгакова театрализовано все, начиная от драматизации общеизвестных (и «истинных») формальнологических силлогизмов, философских сентенций до прямого изображения сцены (в том числе импровизированной) и намеренно театрализованного описания костюмов героев» [19, с. 291].

Поскольку превращение – это имманентное свойство действительности, а бытие материального мира предстает как непрерывная метаморфоза, язык фиксирует этот экстралингвистический феномен в семантике слова «превращение». В академическом «Словаре современного русского литературного языка» это слово определяется как «действие по значению глаголов превращать, превратить; действие и состояние по значению глаголов превращаться, превратиться» [18]. В этом же словаре значение глагола ‘превратить’ звучит следующим образом: «Придавать кому- чему-либо новый вид, обращать во что-либо иное, переводить в иное состояние» [18].

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой значение этого глагола представлено в определении: «придать иной вид, перевести в другое состояние, качество, обратить во что-нибудь иное» [14]. В значении слова «превращение» в «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой («Резкое или неожиданное изменение, большая перемена в ком-, чем-либо» [17]) появляется представление о том, что превращение – это значительное изменение.

В толковом словаре В.И. Даля слово «превратить» имеет определение «обращать, изменять, давая иной вид или делать как бы чародейством, из одной вещи в другую» [9, т. 3]. В.И. Даль отмечает, что семантически этому глаголу близки глаголы «перевернуть», «переворотить», «перелицевать», «выворотить».

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» превращение представлено, с одной стороны, сверхъестественным переходом одного предмета в другой, что характерно для сказки (человека в бобра, кота в человека), а с другой стороны – сверхъестественной переменой предмета или его состояния (человека в ведьму, человека в вампира, мертвого человека в живого и др.).

Для булгаковского текста характерны превращения исходные и обратные. В первом случае предмет меняет свое истинное обличье: так, например, Маргарита, использо-

вав крем, данный ей Азazelло, превращается в ведьму. Этот же крем превращает соседа Маргариты Николая Ивановича в борова. Обратное превращение связано с возвращением к истинному облику: Маргарита после бала обретает человеческие черты, свойственные ей; Николай Иванович становится человеком. В финале романа личины спутников Воланда рассеиваются, и они предстают перед читателями в своей истинной ипостаси: пажа, мрачного рыцаря и др. В романе М.А. Булгакова много обратных превращений связано с предметами быта: червонцы становятся этикетками от нарзана, исчезают модные французские наряды у посетительниц Варьете, рубли превращаются в валюту, кровь – в вино и др.

В романе «Мастер и Маргарита» метаморфозы можно рассматривать как важный конструкт авторской картины мира. «Ментальный образ превращения формируется особыми содержательными единицами – концептами, которые представляют собой переплетение определенных знаний, представлений, верований, ассоциаций и т.д.» [12, с. 39]. По утверждению М.А. Кравченко, превращение может быть представлено рядом концептов: «Ипостась», «Круг», «Смерть-Жизнь», «Слово», «Касание», «Знание». Концепт «Ипостась» – один из ведущих концептов, которыми в булгаковском тексте представлен данный феномен. Акт превращения – это изменение ипостаси. «В архаической картине мира русского этноса связь между ипостасями сводится к оппозиции “различие-тождество”»: при различии внешнего облика ипостаси характеризуются тождеством сущности» [12, с. 65]. Это правило в романе «Мастер и Маргарита» соблюдается в отношении большинства персонажей, претерпевших метаморфозу. Николай Иванович, превратившись в борова, остается чиновником и бюрократом, беспокоящимся за сохранность своих бумаг, а впоследствии требующим справку для жены о том, где он провел ночь.

Однако в художественном произведении правило тождество ипостасей может быть нарушено. Это нарушение может быть реализовано и через проявление скрытых свойств, характерных для субъекта превращения. Маргариту Николаевну рассказчик называет ведьмой до того, как она отправляется на бал к Воланду: «Что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонечек, что нужно было этой чуть косящей на один глаз ведьме, украсившей себя тогда весною мимозами?» [5, с. 228]. Впоследствии Маргарита в романе М.А. Булгакова, превращаясь в ведьму, проявляет свою сущность. В героине обнаруживаются качества, ранее ей не свойственные: мстительность, жесткость, агрессивность. Она громит квартиру критика Латунского, летает над ночной Москвой, заглядывая в окна, участвует в шабаше ведьм, вцепляется ногтями в лицо доносчику Алоизию Могарычу. Наташа, служанка Маргариты, тоже меняется, превратившись в ведьму: она становится раскрепощенной, свободной, отказывается возвращаться к прежней жизни.

Смена сущности субъекта в булгаковском мире свойственна тем превращениям, к которым свита Воланда имеет косвенное отношение или не имеет отношения вообще. Так, превращение историка в Мастера, автора романа о Понтии Пилате, или, напротив, превращение поэта Бездомного в историка Понырева, превращение сборщика податей Левия Матвея в ученика бродячего философа Иешуа Га-Ноцри – все это изменения сущности, возвращение к истинной ипостаси.

Феномен метаморфозы в романе М.А. Булгакова связан с концептом «Круг», который в архаической картине мира связан с циклическим процессом движения. Мифологические представления о кружении как движении вселенной связаны с представлениями о времени и вечности. Цикличность в язычестве воспринимается положительно в отличие от христианского мировоззрения, для которого подобная модель восприятия времени имеет отрицательную символику и связана с кружением, суетой, бессмысленностью.

В русском языке слово «время» отражает мифологические представления о цикличности событий, при этом время противопоставляется «вечности». Так, Г.Д. Гачев от-

мечает, что «в русском языке время от ‘веремья’ – вращать» [8, с. 39]. Большинство глаголов превращения в языковой картине мира (превратиться, оборотиться, обратиться, обернуться, перевернуться, подвернуться, повернуться, свернуть, своротить и др.) этимологически восходят к глаголу «вертеть» (воротить). Согласно архаическим представлениям, превращение происходит из-за вращения или движения по кругу. В романе М.А. Булгакова представлена цикличность ершалаимских и московских событий: события двухтысячной давности проецируются на ценности современной автору жизни. Роман, написанный Мастером, – это движение исходной ипостаси – всем известной библейской истории. Творчески переосмысленные события Ершалаима разоблачают истину о взаимоотношениях человека и власти, сущности свободы, добре и зле, которые составляют основу жизнь людей и в XX веке.

Символически круговращение времени, а также и цикличность изменений и превращений связана с колесом. В романе М.А. Булгакова образ колеса формирует как исходное, так и обратное превращение. Глагол «колесить» имеет два значения: долго ездить на колесах и кружить, отклоняясь от прямого пути. Оба эти значения метафорически реализованы в романе. Трамвай, под колесами которого трагически погиб председатель МАССОЛИТа, совершает движение по кольцу и реализует первое значение глагола. Второе значение метафорически реализовано в использованном М.А. Булгаковым афоризме «нести околесицу\околесину»: Никанор Иванович «понес полную околесицу», Алоизий Могарыч «в ужасе понес какую-то околесицу», Аннушка «понесла околесину». Герои несут бессмыслицу и вздор, столкнувшись с бесовскими трюками свиты Воланда.

Круг в романе реализуется через пространственный образ кольца: Садовое кольцо, бульварное кольцо, кольцо тротуара. Вращение по кольцу символизирует в романе М.А. Булгакова повторяемость событий, бесконечное кружение. Маргарита хочет вернуть мастера, чтобы возобновить то счастливое время, которое они провели весной и летом. В ершалаимских главах кольцо связано со смертью, казнью: Левий Матвей не может прорваться к Иешуа через кольцо охраны, казненных на крестах держат веревочные кольца, на пальцы им при погребении были надеты кольца с нарезками – опознавательными знаками. Разорвать круг человеку не дано, однако это во власти Воланда: подаренная мастеру и Маргарите подкова – символ разорванного круга, она же символизирует их вечную счастливую жизнь в обители покоя.

Формирование ментального образа превращения в романе М.А. Булгакова связано с реализацией концепта «Жизнь-Смерть». Эти концепты в языковой картине мира человека взаимосвязаны, один обуславливает другой. В романе «Мастер и Маргарита» он является содержательно значимым концептом, формирующим авторскую картину мира. Акт превращения в романе М.А. Булгакова, с одной стороны, реализует архаические представления, которые связаны с прерыванием и возобновлением жизни, а также с переносом жизни из одной телесной оболочки в другую. С другой стороны, в романе М.А. Булгакова реализуются философско-эстетические представления о «смерти в жизни» и о «жизни в смерти», сформированные культурными традициями романтизма и модернизма.

Важнейшими особенностями концепта «Жизнь-Смерть» являются древние представления о том, что смерть – это переход от одной жизни к другой, а также о том, что смерть – это явление обратимое. В романе М.А. Булгакова посмертная жизнь Мастера и Маргариты в приюте покоя, дарованном Воландом, является переходом к другой жизни. Так же переходом является их встреча друг с другом. Мастер в беседе с Иваном Бездомным, рассказывая о своих отношениях с Маргаритой, признается: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!» [5, с. 148]. Эта встреча стала жизненной переменой: герой не помнит того, как существовал до Маргариты, которая после таинственного исчезновения героя чувствует себя

«выключенной из жизни». Так концепт «Жизнь-Смерть» в романе связывается с концептом «Любовь», символизирующим подлинную жизнь человека.

Философско-эстетические представления о «жизни в смерти» впервые появляются в романтической картине мира, где герой ощущает себя окруженным «мертвыми» существами. Мотив бездуховной жизни, мертвых душ развивается в литературе романтизма. В романе М.А. Булгакова бездуховность москвичей противопоставлена подлинной жизни Мастера и Маргариты в подвальчике. Обратный мотив «смерть в жизни» обнаруживает омертвление героя, столкнувшегося с подлинным, истинным. Такое столкновение переживает Пилат, осознавший в беседе с Га-Ноцри мертвенность своего существования. То же самое переживает Иван Бездомный, выслушав исповедь мастера, это же болезненное переживание приходит к Рюхину, который «отравленный взрывом неврастения» осознает свою бездарность. Оба мотива связаны с актом превращения: герой получает возможность измениться или изменить мир.

Концепт «Жизнь-Смерть» проявляется в модели метаморфозы: в романе М.А. Булгакова герои превращаются, как и в сказке, в животных или предметы, которые ассоциируются со смертью. Так, образ борова, свиньи, кабана традиционно считается животным потустороннего мира. Кот Бегемот похож на борова, сосед Маргариты Николай Иванович превращен в борова. Помимо борова, символизирует смерть ворон (в романе это грач-шофер, который доставляет Маргариту на бал). Омертвление московской жизни воплощается через зооморфные образы, которые в архаических представлениях связаны со смертью (свинья, змея): поведения Степана Лиходеева характеризуется как свинское; вокруг сумасшествия Ивана Бездомного разворачивается свинский скандал; очередь в Варьете за билетами сравнивается со змеей; Аннушка, укравшая потерянную подкову, «как змея, выскользнула из-за двери» [5, с. 308].

Важной содержательной особенностью концепта «Жизнь-Смерть» являются архаические представления об обратимости смерти. В романе М.А. Булгакова таких примеров немного: смерть в произведении чаще характеризуется фатальностью и непреодолимостью. Попытка Маргариты вернуть жизнь с Мастером к ее счастливым временам оказалась невозможной: Воланд по просьбе Иешуа забирает художника и его возлюбленную из Москвы в иной мир. К исходной ипостаси герои после смерти вернуться не могут: Бенгальский, например, сходит с ума; Николай Иванович, вернувшийся человеческий облик, в полнолуние страдает по ведьме Наташе. Роман М.А. Булгакова в эпизоде бала обыгрывает мифологические представления о превращении костей умерших людей в исходное телесное обличье.

Таким образом, в модели превращения, реализованной в романе «Мастер и Маргарита» отразились не только архаические представления о метаморфозе жизни и смерти, но и авторские философско-эстетические воззрения на подлинную жизнь человека и духовное омертвление современного ему общества.

Акт превращения в художественной ткани романа М.А. Булгакова тесно связан со словом, однако в отличие от фольклорной картины мира – это часто не название метаморфозы, объекта, в который должен превратиться субъект. Концепт «Слово» в булгаковском произведении прежде всего реализуется через образ романа, созданного Мастером. История, написанная Мастером, становится текстом, который интересен Иешуа Га-Ноцри и Воланду. Оба они читают роман и, в отличие от московских критиков, выносят свой справедливый приговор художнику и его творению. Воланд воскрешает роман, а Иешуа просит князя тьмы позаботиться о Мастере. Цитата из романа, произнесенная вслух Азazelло, заставляет Маргариту принять приглашение на бал Воланда. Написанное, прочитанное, произнесенное слово становится истиной, изменившей жизнь героев романа, заставившей вмешаться в их судьбу потусторонние силы.

Неосторожно сказанное слово запускает в романе акт превращения: Бенгальскому отрывают голову потому, что такое пожелание выкрикнули из зала Варьете; Прохор Петрович в сердцах крикнул, чтоб его черти взяли, и был превращен Бегемотом в невидимку; слова Берлиоза о небытии после смерти волей Воланда воплощаются. Слова критиков уничтожают покой Мастера, его счастье с Маргаритой. Понтий Пилат, выслушав от Афрания последние слова Иешуа о том, что трусость – один из главных человеческих пороков, обрекает себя на нравственные мучения.

Так, можно утверждать, что концепт «Слово» формирует в романе ментальный образ превращения, который в сюжете реализуется не столько через внешние превращения, сколько через изменения внутреннего состояния персонажей.

Касание – физический контакт одного предмета с другим – манифестируется в модели превращения, отраженной в архаической картине мира русского этноса. В сказках через удар или касание происходит передача таинственной силы или сверхъестественной энергии от предмета к предмету. Традиционный для фольклора контакт с землей или посохом (палкой), приводящий к изменению ипостаси, в романе отсутствует. Однако способность Коровьева висеть в воздухе, не касаясь земли, является признаком сверхъестественного и тревожит Берлиоза, а Воланд обладает необычной тростью с головой пуделя, которую несет под мышкой, которая Ивану Бездомному в сумерках мерещится в виде шпаги. Шпага, средневековое оружие рыцарей, постоянно находится в прихожей квартиры, где поселился мессир. Гелла вернувшемуся за шляпой буфетчику отдает не только шляпу, но и шпагу, которую тот отпихивает. На лестнице шляпа превращается в черного котенка, однако эта метаморфоза может быть связана не с прикосновением буфетчика к шпаге, а с колдовством свиты.

Мистические превращения в романе М.А. Булгакова, осуществляемые свитой Воланда, очевидно, требуют определенного рода знаний. Это подтверждает то, что концепт «Знание» – ключевой в акте метаморфозы. Для превращения требуется знание сакральное, сверхъестественное. Исследователи отмечают, что большинство слов, обозначающих «знающих людей», способных совершать превращения, этимологически близки понятиям «знание» и «таинственное» [2, с. 46-47], [10, с. 22-27, с. 56-59]: знахарь, ведьма, колдун и т.д. Сакральное знание, носителем которого в романе выступают Воланд, Иешуа, Мастер, Маргарита, беспокоит других героев, способствует их перерождению.

Главное разоблачение в романе – это разоблачение ортодоксальных и безальтернативных истин. «Правда», которой живут москвичи, оборачивается ложью, сталкиваясь с подлинным знанием или сакральными тайнами. Таким образом, концепт «Знание» имеет важное значение для формирования ментального образа превращения в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Так же, как и в архаической картине мира или оккультных традициях, метаморфоза относится к сфере сверхъестественного знания и является результатом его применения.

Заключение. Ментальный образ превращения в романе М.А. Булгакова основан на реализации концептов «Ипостась», «Круг», «Жизнь-Смерть», «Слово», «Касание», «Знание». Превращение – это смена ипостасей субъекта, такая метаморфоза обычно характеризуется тождеством сущности, однако в романе М.А. Булгакова изменение внешнего облика персонажей может повлечь изменение внутренних качеств, обернуться душевной травмой или проявить скрытые способности. Сатирическому обличению в романе подвергаются те превращения, которые совершают обыватели, выдавая желаемое за действительное. Концепт «Круг» в романе «Мастер и Маргарита» отражает и цикличность времени (события прошлого могут быть спроецированы в настоящее), и дурное кружение московской бессмыслицы. В контексте превращения круг реализует прямую и обратную метаморфозу предметов и героев романа.

Концепт «Жизнь-Смерть» объективируется в романе не только в отражении архаических представлений о прерывании и возобновлении жизни, но и раскрывает авторские философско-эстетические воззрения на содержание подлинной жизни человека и духовное омертвение современного М.А. Булгакову общества.

Наиболее важными для художественной картины автора оказываются концепты «Слово» и «Знание»: роман Мастера о Понтии Пилате становится текстом, который отражает подлинное знание творца о свершившейся в Ершалаиме истории. Эта, открывшаяся Мастеру истина, дает начало метаморфозам, описанным в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Афанасьев А.Н. Ведун и ведьма // Происхождение мифа. Москва: Индрик, 1996. С. 45–85.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 304 с.
4. Белобровцева И., Кульюс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. Москва: Книжный Клуб 36.6, 2007. 496 с.
5. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: роман. Москва: АСТ: Полиграфиздат; Санкт-Петербург: Астрель-СПб, 2012. 414 с.
6. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. Москва: Наука, 1976. 516 с.
7. Габдуллина С.Р. Концепт ДОМ-РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2003. 264 с.
8. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. Москва: Академия, 1998. 432 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Москва: Русский язык, 1978–1980.
10. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. Санкт-Петербург: Литера, 1996. 480 с.
11. Коваленко Н.Д. Метаморфоза как способ образного представления человека в пространстве (на материале романа М.А. Булгакова «Белая гвардия») // Вестник Омского университета. 2002. № 2. С. 66–77.
12. Кравченко М.А. Языковая модель превращения в текстах русских народных сказок: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Таганрог, 2002. 175 с.
13. Нарушевич А.Г. Языковые средства реализации мотива превращения в повести Н.В. Гоголя «Вий» // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. Т. 2. Москва, 1998. С. 31–312.
14. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; российский фонд культуры. Москва: АЗЪ, 1995. 928 с.
15. Пименова М.В. Сфера внутреннего мира человека: концептуальные исследования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2004. № 3. С. 3–10.
16. Потенция А.А. Творительный на месте вторых (согласуемых) падежей // Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. Москва, 1958.
17. Словарь синонимов русского языка: в 2-х томах. Ленинград: Наука, 1970–1971.
18. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти томах. Москва, Ленинград: АН СССР, 1948–1965.

19. Туровская С.Н. О философском и художественном оправдании лжецов: роман «Мастер и Маргарита» // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. Ред. Н.Д. Арутюнова. Москва: Индрик, 2008. 672 с.

Anna V. Kazorina

Associate Professor of the Department of Philology and Methodology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Irkutsk State University", Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia)

Anna-kazorina@mail.ru

orcid: 0000-0002-6751-8539

**Conceptualization of the act of transformation in the novel by M.A. Bulgakov
"The Master and Margarita"**

Abstract. In this article the author examines the mental image of transformation realized in the text of M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". This image is presented in the novel through a number of artistic concepts: "Hypostasis", "Circle", "Death-Life", "Word", "Touch", "Knowledge". In the course of the study the author analyzes the conceptsphere of the phenomenon of transformation as a unit of the plot event of the novel and comes to the conclusion that this mental image participates in the construction of the author's picture of the world and has a complex conceptual structure.

Keywords: artistic concept; mental image; transformation; metamorphosis; M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" conceptsphere.

References

1. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow, 1999, 896 p. (In Russian)
2. Afanasyev A.N. Vedun i ved'ma [Vedun and Witch]. *Proishozhdenie mifa* [The Origin of Myth]. Moscow, 1996, pp. 45–85. (In Russian)
3. Bakhtin M.M. Epos i roman [Epos and the novel]. St. Petersburg, 2000, 304 p. (In Russian)
4. Belobrov'tseva I., Kulius S. Roman M. Bulgakova "Master i Margarita". Kommentariy [M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". Commentary.]. Moscow, 2007, 496 p. (In Russian)
5. Bulgakov M.A. Master i Margarita: roman [The Master and Margarita: a novel]. Moscow–St. Petersburg, 2012, 414 p. (In Russian)
6. Vinogradov V.V. Poetika russkoi literatury [Poetics of Russian literature]. Moscow, 1976, 516 p. (In Russian)
7. Gabdullina S.R. Kontsept DOM-RODINA i ego slovesnoe voploshchenie v individual'nom stile M. Tsvetaevoi i poezii russkogo zarubezh'ya pervoi volny: dis. [Concept DOM-RODINA and its verbal embodiment in the individual style of M. Tsvetaeva and poetry of the Russian Abroad of the first wave: Thesis]. Moscow, 2003, 264 p. (In Russian)
8. Gachev G.D. Natsional'nye obrazy mira [National Images of the World]. Moscow, 1998, 432 p.
9. Dahl V.I. Tolkoviy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 vol-s. Moscow, 1978-1980.
10. Dahl V.I. O poveriyah, sueveriyah i predrassudkah russkogo naroda [On Beliefs, Superstitions and Prejudices of the Russian People]. St. Petersburg, 1996, 480 p.
11. Kovalenko N.D. Metamorfoza kak sposob obraznogo predstavleniya cheloveka v prostranstve (na materiale romana M.A. Bulgakova "Belaya gvardiya") [Metamorphosis as a

way of figurative representation of man in space (on the material of M.A. Bulgakov's novel "White Guard"). *Vestnik Omskogo Universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2002, vol. 2, pp. 66–77.

12. Kravchenko M.A. Yazykovaya model' prevrashcheniya v tekstah russkikh narodnykh skazok: dis. [The linguistic model of transformation in the texts of Russian folk tales: Thesis]. Taganrog, 2002, 175 p.

13. Narushevich A.G. Yazykovye sredstva realizatsii motiva prevrashcheniya v povesti N.V. Gogolya "Viy" [Linguistic means of realization of the motive of transformation in N.V. Gogol's story "Viy"] // *Semantika yazykovykh edinit: Doklady VI Mezhdunarodnoi konferentsii* [Semantics of linguistic units: Papers of the VI International Conference]. Moscow, 1998, vol. II, pp. 31–312.

14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Tolkoviy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy [Explanatory Dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions] / Russian Academy of Sciences; Russian Foundation of Culture. Moscow, 1995, 928 p.

15. Pimenova M.V. Sfera vnutrennego mira cheloveka: kontseptual'nye issledovaniya [Sphere of the inner world of man: conceptual studies]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University]. 2004, vol. 3, pp. 3–10.

16. Potebnya A.A. Tvoritel'niy na meste vtoryh (soglasuemyh) padezhei [Tvoritel on the place of the second (concordant) cases]. Iz zapisok po russkoi grammatike [From Notes on Russian Grammar]. Moscow, 1958, vol. 1–2.

17. Slovar' sinonimov russkogo yazyka [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]: in 2 vol-s. Leningrad, 1970–1971.

18. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]: in 17 vol-s. Moscow–Leningrad, 1948–1965.

19. Turovskaya S.N. O filosofskom i hudozhestvennom opravdanii lzhetsov: roman "Master i Margarita" [About philosophical and artistic justification of liars: the novel "The Master and Margarita"]. Logicheskiy analiz yazyka. Mezhdru lozh'yu i fantaziey [Logical Analysis of Language. Between lies and fantasy] / Ed. N.D. Arutyunova. Moscow, 2008, 672 p.

УДК 81'27

Кузеванова Елена Николаевна

Исследователь (г. Москва, Россия)

eniku@mail.ru

Бирюкова Лариса Сергеевна

Ст. преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет "МЭИ" (г. Москва, Россия)

BiriukovaLS@mpei.ru

Лингвокультурное понятие *gentleman* в динамике романа С. Моэма "Cakes and Ale, or the Skeleton In the Cupboard"

Аннотация. В статье проводится анализ лингвокультурной единицы *gentleman* с точки зрения её этимологии, семантической структуры, значения и его преломления на фоне динамики сюжета и событий в романе С. Моэма «Пирог и пиво» на английском языке. Актуальность исследования заключается в выдвигаемой гипотезе изменения ком-

понентного состава ассоциативного ядра и периферии рассматриваемой единицы. Целью исследования является выявление факторов, оказывающих влияние на изменения компонентного состава значения *gentleman*, для чего используются методики, включающие описание и интерпретацию, этимологический анализ, семантический анализ и контекстуальный анализ. Результаты анализа подтвердили исходную гипотезу изменения компонентного состава ассоциативного ядра и периферии значения лингвокультурной единицы *gentleman* на фоне развития событий анализируемого романа и индивидуальных представлений и мировоззрений его персонажей.

Ключевые слова: ассоциативный; джентльмен; динамика; компонентный состав; ядро; периферия; понятие.

Введение. Английское слово *gentleman* давно укоренилось в разных языках в его исходном виде и за редким исключением при переводе с английского языка заменяется эквивалентом в языке перевода. Например, обращение к аудитории “*ladies and gentlemen*” в русской лингвокультурной традиции до недавнего времени было принято переводить, используя соответствующий эквивалент “дамы и господа”. Но, как показывает настоящее положение дел, чаще всего мы слышим с экранов телевидения и кино не эквивалент, а языковую единицу, образованную путём транслитерации – “леди и джентльмены”. Такая же тенденция наблюдается и в переводной литературе. Когда это обращение используется в контексте английской культуры, то, возможно, транслитерация уместна, но в русской культурной традиции это звучит немного странно, ибо смысл, который вкладывается англичанами в лексемы *ladies and gentlemen*, никоим образом не вяжется с русским культурным фоном. Следуя принципу культурного релятивизма Э. Сепира [7], не будем оценивать смысл, вкладываемый в понятие *gentleman* с точки зрения своей культуры, а попробуем сделать это в рамках их собственной культуры, то есть английской. Этим объясняется предпринятая попытка проанализировать объект исследования *gentleman* в его динамике в рамках текста одного произведения на английском языке – романа яркого представителя английской литературы XIX – XX вв. Сомерсета Моэма (1874-1965) (W.S. Maugham “*Cakes and Ale, or The Skeleton In The Cupboard*”), опубликованного в 1929 году. В этом также присутствует элемент новизны исследования.

Как это часто происходит у С. Моэма, развязка в его произведениях кроется где-то за метафорой в глубине романа, рассказа или пьесы, либо неожиданно выходит на поверхность в самом конце повествования. В рассматриваемом романе слово *gentleman* оказывается ключевым, пронизывая всё повествование смыслами, кроющимися за этой лексемой, с одной стороны, и завершающим это произведение в сочетании с эпитетом *perfect*, с другой стороны. Актуальным представляется выдвигаемая гипотеза изменения компонентного состава ассоциативного ядра и периферии значения лингвокультурной единицы *gentleman*.

Методы исследования. Для выявления важнейших характеристик значения *gentleman* из текста романа были выделены методом сплошной выборки предложения, в которых содержатся лексемы *gentleman* (*gentlemen*), *gentlemanly*, *gentlewoman*, *gent(s)*, *gentry*. В работе используется методика, включающая описание и интерпретацию, этимологический анализ, семантический анализ и контекстуальный анализ лингвокультурной единицы *gentleman*, в том числе анализ единиц фоновых знаний в рамках вертикального контекста.

Литературный обзор. В основу исследования легли работы, посвящённые рассмотрению таких вопросов, актуальных для современной лингвистики, как теоретические аспекты когнитивных и концептуальных исследований, концепт и культура [1; 4; 13; 18], лингвокультурология [2; 5], ментальность народа и его язык и культура [14; 17], а также работы, посвящённые исследованиям понятия *gentleman* [6; 8; 16].

Результаты и обсуждение. Похоже, только ленивый не пытался проникнуть вглубь этого таинственного феномена английской культуры *gentleman*, когда наталкиваемся на статью двухлетней давности анонимного автора в Multilingua blog [21] или журналиста А. Храмцова [19]. John Bridges посвятил этому целую книгу, в которой даёт современное представление о том, что значит быть джентльменом в современном мире [22]. Значение слова «джентльмен» зафиксировано в 18 словарях на русском языке (См., например, [11]). Для начала рассмотрим этимологию *gentleman*, опираясь на английские источники. Так, в Online Etymology Dictionary приводится следующая статья: «**gentleman (n.)** c. 1200, perhaps mid-12c., "well-born man, man of good family or birth," also extended to Roman patricians and ancient Greek aristocrats, from **gentle** + **man** (n.); the compound probably is modeled on Old French *gentilhomme* (the English *gentleman* itself was borrowed into French in 18c.)» [30]. Как видим, прежде всего здесь в описание значения включена принадлежность к знатному происхождению, по рождению или принадлежности к такой семье, что также распространялось на римских патрициев и древнегреческих аристократов. Само слово – сложное существительное, состоящее из прилагательного *gentle* и существительного *man*, где *gentle* происходит от латинского «*Gentilis, e* прилагательное = 1) принадлежащий к одному и тому же роду, общий всему роду, родовой; 2) родом из того же племени, соплеменный; национальный, народный, отечественный; 3) иноземный, варварский; 4) языческий» [10], которое, в свою очередь, перекочевало во французский язык «*Gentil, gentile* = прилагат. (XI в.) от лат. *Gentilis* = родовой, племенной. 1. Устаревш. благородного происхождения; храбрый, отважный. 2. (XVI в.) приятный, обходительный; 3. (XIX в.) тот, кто вызывает симпатии из-за своей доброты, мягкости, отзывчивости, радушия (синонимы = деликатный; щедрый)» [26]. Сначала «джентльмен» закрепилось во французском языке как *gentilhomme* «*Gentilhomme* (1080) (*gentil* + *homme*) 1. Человек благородного, знатного происхождения = дворянин» [Ibid.]. В истории английского языка *gentleman* – это человек, имеющий право носить оружие, но не входящий в дворянство. В своем первоначальном и строгом смысле этот термин обозначал человека из хорошей семьи, вытекающий из латинского слова *gentilis*, которое в латино-английских документах неизменно переводится на английский как *generosus* [25], т.е. родовитый, знатного происхождения [10]. Только после 1413 года *gentleman* стало использоваться всё чаще применительно к землевладельцам, помимо рыцарей, эсквайров и йоменов, значительное число которых классифицируется как “*gentilman*” [25]. Ещё в 1577 году, William Harrison описывает английское общество с точки зрения социальной градации: “We, in England, divide our people commonly into four sorts, as gentlemen, citizens or burgesses, yeomen, and artificers or labourers” [23]. Говоря об Английском Содружестве, он приходит к выводу, что оно управляется и поддерживается тремя категориями людей, среди которых отмечены и джентльмены, которые, в свою очередь, подразделяются на баронство или сословие лордов (в которое входят бароны и все, кто выше этой степени), а также те, кто не являются лордами, как рыцари, оруженосцы и простые дворяне (*simple gentlemen*) [Ibid.]. Термин *gentleman*, который был востребован как показатель социального статуса, сохранял определенное значение как показатель ранга и достатка вплоть до начала 19 века. С течением времени, к 1900 году под влиянием изменений Викторианской эпохи, это слово приобрело множество значений, которые полностью отражали сложность английского общества. Относительно характеристики социального статуса «признание "обществом" джентльмена по-прежнему требовало наличие дохода, полученного из источников, отличных от ручного труда и розничной торговли» [25].

С самого начала слово *gentleman* имело также особый смысл “nobleman whose behavior conforms to the ideals of chivalry and Christianity” [30] и стало широко использоваться в отношении любого человека хорошего воспитания, вежливости, доброты, чести, истинно уважительного отношения к чувствам других людей и пр. В конце концов, в веж-

ливом употреблении оно стало означать мужчину в целом, независимо от социального положения.

Что интересно, само английское слово *gentleman* вошло во французский как заимствование только в XVIII в. Как в латыни, так и во французском языке ядром в дефиниции прилагательного *gentil* поначалу значилась общая родовая принадлежность, затем она приросла наличием храбрости, отваги, а в английском языке и правом носить оружие, и впоследствии – наличием благородного происхождения. Что осталось в ядре семы на настоящий момент, подсказывают дефиниции современного английского языка.

Так, в оксфордском словаре *gentleman* имеет следующие дефиниции: «1. man of chivalrous manners and good breeding; man of wealth and leisure (*country gentleman*). 2. (courteous synonym for) man, esp. in Parliament, Congress, etc. 3. man of gentle birth attached to household of sovereign or great person (*gentleman in waiting* etc.)» [29].

В словаре Longman иная последовательность дефиниций: «1. A polite word for a man, used especially when talking to or about a man you do not know. 2. A man who is always polite, has good manners, and treats other people well. 3. *old-fashioned* a man from a high social class, especially one whose family owns a lot of property (*an English country gentleman*)» [27].

Рассмотрим проявление приведённых признаков, а возможно и новых, в примерах со словом *gentleman* в романе “Cakes and Ale” и проследим, как изменяется значение на фоне динамики развития событий в произведении и прочих факторов, которые также предстоит выявить.

В романе повествование ведётся от первого лица, и этот персонаж (*Ashenden*), будучи сам писателем, пишет о писателе (*Edward Driffield*). Только второй старше рассказчика, и судьба старшего выступает словно элемент воспитания чувств для юного героя. Жизни обоих движутся параллельно, но в разном времени в силу разницы в возрасте и скорости, с которой каждый из них движется. Это движение представляет собой бегство из окружающей их жизни, полной лицемерия и ханжества, в настоящую жизнь, которая в итоге оказывается у каждого своя. Первый проходит путь от незрелого мальчишки со всеми предрассудками, вбитыми ему дядюшкой и той среднебуржуазной средой, в которой он воспитывался, до литератора с именем, сумевшего побороть не только предрассудки, но и иллюзии, превыше всего поставив истину. *Driffield* становится талантливым писателем, сохранившим своё достоинство, несмотря на все препоны, которые ставило перед ним общество того времени.

Alroy Kear, или попросту *Roy*, являет собой образ в меру не слишком одарённого литератора, умело спекулирующего на литературном положении дел своего времени. О нём идёт речь в примере “He was so pleasant that his fellow writers, his rivals and contemporaries, forgave him even the fact that he was a *gentleman*” (Chapter I). Будучи единственным сыном государственного деятеля, он получил образование в Оксфорде, по окончании которого сумел с помощью отца стать наставником сына одного очень знатного лорда. Его имя значилось в справочнике *Who's Who*. Всё это свидетельствует о его благородном происхождении. А члены клубов, в которые он вступал, состояли из представителей круга литераторов, либо молодых адвокатов и нарядных дам, которые собирались в дорогих отелях, чтобы пообедать за три с половиной шиллинга и поговорить о литературе и искусстве. Он был мил, весел и скоро научился произносить послеобеденные речи. За всё это его любили и прощали его принадлежность к знати. То есть *gentleman* здесь имеет все признаки представителя высшего слоя общества (*well-born man, man of good family or birth*).

Ситуация, описываемая в примере “You had the feeling that the people who lodged here were not gay and a trifle disreputable as in Jermyn Street, racing men who rose in the morning with headaches and asked for a hair of the dog that bit them, but respectable women

from the country who came up for six weeks for the London season and elderly *gentlemen*” (Chapter II), отчётливо высвечивает ассоциативное ядро *gentlemen* с признаками, присутствующими представителям высшего общества. Этому пониманию способствует и данное им определение *who belonged to exclusive clubs*, и упоминание о *respectable women from the country*.

Когда викарий узнаёт, что *Edward Driffield* всего-навсего сын управляющего поместьем некой леди да ещё и женат на бывшей официантке из пивной, то заявляет: “You can tell at once that he's not a *gentleman*,” said the curate, “but when you consider the disadvantages he's had to struggle against it's rather remarkable that he should write as well as he does” (Chapter VIII). Здесь у слова *gentleman* денотатом является представитель благородного происхождения, как и в примере из (Chapter I).

Так, обосновавшись в новом доме, *Rosie* с удовольствием проводит гостя по комнатам и рассказывает, что вся обстановка их нового пристанища перешла к ним через компаньонку у одной титулованной дамы, которая после смерти оставила ей свою мебель. И, словно бы испытывая гордость, привлекает внимание гостя следующим высказыванием: “You can see everything's good, can't you? You can see it came out of a *gentleman's* house.” И здесь *gentleman* несёт ту же смысловую нагрузку, что и в предыдущих примерах. Более того, помимо признаков *well-born man, man of good family or birth*, в ядро значения проникает и устаревшее *a man from a high social class, especially one whose family owns a lot of property*, что вырисовывается из контекста. Но это глазами *Rosie*. На самом деле, чета занимает лишь подвальное помещение, где у них столовая, да первый этаж, а верхнюю часть дома занимает дама, у которой они арендуют свои этажи. Их гостиная выглядела так, будто её обставили всякой всячиной, приобретённой на распродажах. Как бы посмеиваясь над самими собой, *Edward Driffield* замечает, что *Rosie* сразу влюбилась в эту квартирку, и что приятно пожить в роскоши типа мадам де Помпадур, образ которой, как известно, ассоциировался с роскошеством и расточительностью. Возможно, таким и было представление *Rosie* о роскоши и принадлежности к порядочному сословию, а *Edward* просто потакал её слабостям и полагался на её вкус и выбор, поскольку ему было всё равно. Снобизм и условности аристократического общества были ему чужды, для него важна была только творческая свобода.

Оказавшись в родном городке *Blackstable*, где он не был много лет, *Ashenden* вдруг почувствовал себя каким-то призраком, узнавая имена на вывесках, переходившие из поколения в поколение, но не встречая ни одного знакомого человека, кроме бывшего одноклассника, унаследовавшего от отца-доктора его практику. *Ashenden* замечает, каким неухоженным и измотанным непрестанной работой выглядит его сверстник: *shabbily dressed and unkempt; he had lived with incessant toil, in penury*. Его манера поведения – *the peculiar manner of the country doctor, bluff, hearty, and unctuous*. Несмотря на всё это, он уже успел стать трижды дедом, при этом имея средства отдать одного из своих внуков в *prep school*. (“Like other preparatory schools, its purpose was to train pupils to do well enough in the examinations (usually taken around the age of 13) to gain admission to leading public schools, and to provide an introduction to boarding school life” [31]). Как оказалось, школа размещалась в доме священника. “There was a great square notice board that announced that it was a preparatory school for the sons of *gentlemen* and gave the name and the degrees of the head master” (Chapter XXIV). Дом был слишком большой по стоимости жизни того периода, и всё вокруг выглядело грязным, запущенным и грязным, а церковная земля была поделена на участки для застройки. Это были 1920-е годы – период экономического спада в Англии [24]. – Всё пришло в упадок, но не стремление сохранять лицо джентльмена даже в этом провинциальном городке. Кого теперь подразумевает вывеска со словом *gentlemen*? Уж определённо не только родовитых и состоятельных жителей городка или землевладельцев, а и тех, кто имел доход не от ручного труда, как например доктор. Следо-

вательно, ядро значения лексемы *gentlemen* в данном случае расширилось, и денотатом становятся не только те представители общества, характеризующиеся как *men of property*, но и *simple gentlemen*.

Если в примере из (Chapter XIII) *a gentleman's house* звучит из уст *Rosie*, первой супруги писателя, то в другом примере эту фразу произносит *Roy*, знакомя *Ashenden* с домом уже покойного на тот момент писателя, где они жили с его второй супругой, *Amy*: “It was his idea of how a *gentleman's house* should be furnished” (Chapter XXIV). Подобное предположение вызывает сомнения, поскольку, памятуя сарказм *Driffield* относительно ими арендуемого жилища, где они жили с *Rosie*, он совсем не заботился о том, какая в доме была обстановка и насколько она отвечала представлениям благородного человека. Поэтому он так долго не мог расстаться со своим прежним письменным столом. Но *Amy* всё-таки добилась своего, а она почти всегда добивалась своего, и ей удалось избавиться от этого стола. Скорее всего, в приведённом примере скрыта идея представления респектабельного дома не от лица писателя *Driffield*, а от лица его второй супруги *Amy*, прочно взявшей в свои цепкие руки не только быт писателя, но и его самого, от чего и от кого он бывало сбегал, чтобы в местной пивной за кружкой пива поболтать с теми, кто ему по-настоящему был интересен и симпатичен.

Как уже отмечалось в этимологических словарях, *gentleman* в вежливом употреблении может означать просто мужчину в целом, независимо от социального положения. Об аналогичном значении *gentleman* свидетельствуют и две первых дефиниции этого слова в словаре Longman. Представляется, что в целом ряде примеров *gentlemen* употребляется всего лишь для того, чтобы с оттенком вежливости назвать объект(ы) разговора или развёртывающейся ситуации, то есть денотатом являются *men*, как в примере “Two old *gentlemen* in a corner were talking in undertones” (Chapter II).

В следующем примере “I do not speak of London of which I knew nothing till I was grown up, nor of grand people who hunted and shot, but of the countryside and of the modest persons, *gentlemen* of small means, clergymen, retired officers, and such like who made up the local society” (Chapter III) *gentlemen* сопровождается определением, конкретизирующим и уточняющим значение описываемых объектов (*of small means*), а в предложении “When he introduces characters belonging to a higher station in life even his warmest admirers, one would have thought, must experience a certain malaise; his fine *gentlemen* are so incredibly fine, his high-born ladies are so good, so pure, so noble that you are not surprised that they can only express themselves with polysyllabic dignity” (Chapter XI) – определением *fine*, выступающим в роли эпитета, таким образом придавая красочности и выразительности характерным чертам объектов. В первом случае определение *of small means* подсказывает, что денотатом выступают представители среднего достатка, во втором случае – это представители благородного слоя общества, что вытекает из контекста предложения, где *fine gentlemen* стоят в одном ряду с *ladies*, приукрашенных определениями и эпитетами *high-born, so good, so pure, so noble*.

В следующую группу примеров включены предложения, в которых обобщающим значением употребления сочетаний со словом *gentleman* и *gentlemanly* являются словосочетания *будучи/быть джентльменом, вести себя или выглядеть как джентльмен*: “I thanked him for his generosity, but said that he must see how impossible it was for a *gentleman* to accept a tip from someone who was practically a stranger” (Chapter VIII). “My uncle would accuse me of deceit and prevarication and disobedience and of not behaving like a *gentleman*, and I did not at the moment see what answer I could make” (Chapter X). “I must behave like a *gentleman*” (Chapter XI). “It's very hard to be a *gentleman* and a writer” (Chapter XI). “Quentin Forde pursed his lips and raised his black eyebrows; with his white hair and long sallow face he looked incredibly *gentlemanly*” (Chapter XVII). Если в последнем примере в ядро значения прилагательного *gentlemanly* принесён признак *аристократизма*, и, следовательно, де-

нотатом здесь является *man of wealth and leisure*, то в четырёх предыдущих примерах ядро значения представлено семей *порядочность, благородство*, а денотат представлен обладателем признаков *always polite, has good manners, and treats other people well*.

Рассмотрим примеры употребления *gent* – сокращённого варианта *gentleman*: “There's a *gent* wants a room” (Chapter XXIII). “We get quite a few commercial *gents* at one time and another” (Chapter XXIII). В этимологическом словаре **gent (n.)** даётся следующее описание: “colloquial shortening of **gentleman**, by 17c. In early uses it is difficult to distinguish the shortening from the common abbreviation *gent.*, which perhaps is the origin of this word. “Early in the nineteenth century the word was colloquial and slightly jocular; about 1840 its use came to be regarded as a mark of low breeding” [OED, 2nd ed. print, 1989]” [30]. В обоих примерах употребление сокращённого разговорного варианта слова обусловлены ситуативно: они звучат из уст рядовых англичан, которых рассказчик встречает в пивной в своём родном городке. Здесь сема *man* составляет ядро значения, а компонент *gentle* уходит на периферию, то есть, несмотря на то, что референтом является *gentleman*, денотат здесь представлен только семей *man*.

В романе также несколько раз встречается употребление слова *gentry*. Приведём один из них: “Once at the annual concert at the Assembly Rooms, Smithson, the draper, had sung a comic song, and though the people at the back of the hall had applauded a great deal, the *gentry* had seen nothing funny in it” (Chapter VIII). В этимологическом словаре **gentry (n.)** даётся следующее описание: “c. 1300, “nobility of rank or birth;” mid-14c., “a fashion or custom of the nobility;” late 14c., “nobility of character,” from Old French *genterie*, *genterise*, variant of *gentelise* “noble birth, aristocracy; courage, honor; kindness, gentleness,” from *gentil* “high-born, noble, of good family” (see **gentle**). The meaning “noble persons, the class of well-born and well-bred people” is from 1520s in English, later often in England referring to the upper middle class, persons of means and leisure but below the nobility [Ibid.]. В данном примере отчётливо противопоставляются люди, присутствовавшие в зале на последних рядах (*the people at the back of the hall*), и *the gentry* (= *nobility*). Это противопоставление основывается на различиях в происхождении и богатстве: *people* вызывает коннотации *простой, небогатый*, в то время как *gentry* – *благородный, состоятельный*. Следовательно, референтами последних является *знать, дворянство*. В британском обществе и по сей день присутствует кастовое деление общества, и термином *the gentry* именуют представителей одной из категорий высшего общества [33].

Наряду с рассмотренными лексемами, в романе был обнаружен один пример употребления слова *gentlewoman*. Ситуация разворачивается на чаепитии местной знати городка у одной особы, которой все не могли простить того, что её отец был хозяином фарфоровой фабрики, а дед – рабочим. Присутствующие обсуждают книги разных писателей, высказывая свои мнения о том или ином произведении или авторе и достойны ли они внимания. И тут *Mrs. Encombe*, слышавшая первой Современной Женщиной, появившейся в этом городке, сообщает о своём знакомстве во Флоренции с писательницей *Ouida*, чем немало шокирует присутствующих. Одна из дам замечает, что с трудом представляет, что хоть одна леди стала бы читать что-нибудь из *Ouida*. И далее следует: “I read one out of curiosity,” said *Mrs. Encombe*. “I must say, it's more what you'd expect from a Frenchman than from an English *gentlewoman*” (Chapter VIII). На что первая дама замечает: “Oh, but I understand she isn't really English. I've always heard her real name is Mademoiselle de la Ramée.” Без обращения к вертикальному контексту [3; 9; 12] трудно понять, в чём здесь заключается суть диалога и что имел в виду С. Моэм. Дело в том, что *Ouida* – псевдоним английской писательницы Луиз де ла Раме (*Marie Louise de la Ramée*, 1839 – 1908), чьи романы пользовались популярностью из-за увлекательной интриги, но считались литературой дурного тона. Писательница с 1875 г. жила в Италии. Итак, вернёмся к приведённому примеру с *gentlewoman*. Своим высказыванием *Mrs. Encombe* выражает отноше-

ние к прочитанному ею роману Ouida, и это отношение явно неодобрительное, поскольку, на её взгляд, подобного можно было бы ожидать скорее от *Frenchman*, но не от *English gentlewoman*. Кто стоит за *English gentlewoman*? Обратимся к этимологическому словарю: “**gentlewoman (n.)** early 13c., “woman of good family or breeding,” from **gentle** + **woman**” [30]. Оксфордский словарь даёт определения “woman of good birth or breeding; lady” [29], а у Longman – “old use a woman who belongs to a high social class” [27]. Следовательно, коннотации, передаваемые знаком *gentlewoman* по сути всё те же, что и у *gentleman* – *good birth or breeding*. Значит референт у *English gentlewoman* – англичанка с характеризующим признаком *порядочная*. В этимологическом словаре представлен график, на котором отражена тенденция частотности употребления слова *gentlewoman* в периоды с 1800 до 2019 гг., при этом 1920-е свидетельствуют как раз о самой низкой частотности. Возможно С. Моэм употребил именно это слово, а не более распространённое *lady*, чтобы показать, насколько хорошими знаниями языка и литературы владеет его персонаж или насколько она оригинальна в противоположность другим присутствующим. И автор подтверждает это обыгрыванием приёма использования ошибочно услышанного словосочетания (теперь это явление получило термин “mondegreen”), вложив в уста дамы-оппонента *Mrs. Encombe* “Mademoiselle” вместо “Marie Louise”, таким образом поставив даму в неловкое положение не только перед компетентной *Mrs. Encombe*, но и перед всеми присутствующими. Благо на помощь подоспел *Mr. Galloway* и разрядил обстановку, переведя “светскую” беседу, чуть было не превратившуюся в “светскую” схватку, на другой объект – их земляка и писателя (*Edward Driffield*). Последнему тоже не повезло с джентльменством (этот пример уже рассмотрен ранее (Chapter VIII), где викарий “сразу разглядел в *Mr. Driffield* не джентльмена”).

Наконец подходим к развязке романа. Когда много лет спустя уже далеко не молодой *Ashenden* навещает овдовевшую *Rosie*, некогда сбежавшую от первого супруга (*Mr. Driffield*) с торговцем углём (*George Kemp*, или просто *Lord George*), и спрашивает её, что же она в нём такого нашла, *Rosie* просто отвечает: “He was always such a perfect *gentleman*” (Chapter XXVI).

Чтобы понять, что у С. Моэма кроется за высказыванием, прозвучавшем из уст *Rosie*, и которым он завершает свой роман, стоит вернуться к четырём основным персонажам романа: *Ashenden*, *Edward Driffield*, *Rosy*, *George Kemp (Lord George)*. *Driffield* предстаёт перед читателем человеком с уже в общем-то сформировавшимся взглядом на жизнь, отрицающим все предрассудки удушающей атмосферы показной респектабельности, и не изменившимся внутренне до конца своих дней, несмотря на все лавры и почести, которые он заслужил за своё творчество, но относился к ним с безразличием. *Ashenden* проходит путь от мальчишества со всеми предрассудками того общества, *the gentry*, в котором он воспитывался, до писателя с именем, умудрённого опытом и расставшегося не только с этими предрассудками, но и с заблуждениями и ложными представлениями. Он научился ставить истину во главе всего. Можно сказать, всё это пришло к нему через воспитание чувств. И его старший современник, *Driffield*, со своей судьбой выступает в роли учителя в этом воспитании. Их жизни идут параллельно, и обе представляют собой своего рода бегство. Сначала это бегство из душной атмосферы местной аристократии в иную жизнь, настоящую; из псевдолитературного окружения, где царят *Alroy Kear* и его единомышленники, – бегство в мир искусства. В конце концов, это бегство в себя. Живя в городке *Blackstable*, *Driffield* и *Rosie* окружают себя людьми, которые, по мнению местного *gentry* были не достойны респектабельного общества. Именно на посиделках у *Driffield* и *Rosie* юный *Ashenden* подружился с *Major Greencourt* и его супругой, а также с *George Kemp*. Для дядюшки и тётки юноши подобная дружба казалась пределом нравственного падения племянника. Общение с *Driffield* открывает глаза юноше, и он начинает понимать, насколько давят на него навязанные обществом всякие

условности и запреты, и он идёт на нарушения табу. А связь с Rosie – это шаг, на который он осмеливается с тем чтобы разделаться с этим лицемерным миром и приобщиться к другому образу жизни с её свободой и раскованностью, открытостью и отсутствием притворства. Rosie, уверен Ashenden, и есть олицетворение всего того лёгкого и возвышенного, свободного от правил и ограничений английского снобизма, на протяжении всего романа скрывающегося за понятием *to be/to behave like a gentleman*. Даже любовник Rosie, пронырливый торговец углём George Kemp, с которым она бежит от мужа в Америку, носит несообразное прозвище *Lord*, хотя, на самом-то деле, нигде не значится в справочниках о видных представителях общества типа *Who's Who*. Зато за побегом в Америку С. Моэм, по-видимому, имплицитно намекает на те изменения в представлениях об английском *gentleman*, которые происходят в лице *Lord Kemp*: угольная промышленность в Англии в середине 1920-х испытывала проблемы, как и вся экономика в целом, в Америке же – это период важных изменений в самых разных сферах повседневной жизни, и почти всегда в их основе лежали новые технологии и научные открытия [20]. “The 1920s was a time of strong masculinity. Men were held up by merit to be successful leaders at work and at home” [32]. Значение *gentleman* прирастает новым признаком, который можно было бы назвать как *прагматизм, стратегическое мышление*. Он умеет планировать на будущее, предвидя возможные последствия своих поступков. *Lord Kemp* разорён, в Англии ему делать нечего и за новой жизнью он бежит в Америку. Таким, по всей видимости, был *Lord Kemp* в представлении Rosie. Она признаётся, что он всегда ей нравился, что знала она его задолго до знакомства с *Driffield*. Поэтому, когда Rosie узнаёт, что он разорён и бежит в Америку, она не может отпустить его одного. Вот её слова: “I couldn't let him go all that way by himself, with no money perhaps, and him having been always so grand and living in his own house and driving his own trap. It wasn't as if I was afraid of work” (Chapter XXVI). В Америке George Kemp сумел встать на ноги и не оставил Rosie на улице. В её представлении он всё тот же *perfect gentleman*, каким она его всегда видела. Её *gentleman* украшен эпитетом *perfect*, ядерной семой которого являются *as good as possible, the best, ideal*, то есть признаки *совершенства, идеальности, лучшего из лучших*.

Заключение. Как показало проведённое исследование и результаты анализа, признаки лингвокультурного понятия *gentleman* по мере развития событий в романе и в зависимости от индивидуальных представлений и мировоззрений его персонажей претерпевают некоторые изменения. Если в аристократической среде и причисляющих себя к ним в понятие *gentleman* непременно должны быть включены признаки *благородное происхождение, унаследованное состояние, хорошее воспитание, порядочность*, то постепенно такие признаки, как *благородное происхождение, унаследованное состояние*, нивелируются и отступают на периферию значения. Среднего достатка становится достаточно, и погрешности в родовом происхождении допустимы для того, чтобы причислять себя к этому разряду. Но это словно бы два отдельных мира, хотя и существующих по одинаковым законам, которые требуют обязательного соблюдения социальных отличий и порядочности. И, наконец, как свержение всего напускного и кастового, опирающегося на это понятие и представление о *gentleman*, вырисовывается уже более “демократичное” понимание с элементами *прагматизма*, как усмешка над вырождением кастовости общества, опирающегося на концепцию *gentleman*, без которого, тем не менее, трудно себе представить английское общество. *Gentleman* – один из символов британского общества, и эту лингвокультурную единицу в перспективе можно было бы рассмотреть под этим углом, как символический концепт, а также пополнить им словарь образов.

Литература

1. Аристова Н.С. Диахронический обзор лексической репрезентации концепта «джентльмен» в русском языке XIX-XX вв. (на материале произведений русской художественной литературы) // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2012. № 1 (73). Ч. 2. С. 13–19. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diahronicheskiy-obzor-leksicheskoy-reprezentatsii-kontsepta-dzhentlmen-v-russkom-yazyke-xix-xx-vv-na-materiale-proizvedeniy-russkoy/viewer> (дата обращения 04.12.2023).
2. Аристова Н.С. К этимологии лингвокультурного понятия «джентльмен» // Вестник ТГГПУ. 2020. № 4 (22). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-etimologii-lingvokulturnogo-ponyatiya-dzhentlmen/viewer> (дата обращения: 04.12.2023).
3. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. №3. С. 47–54.
4. Безкоровайная Г.Т. К истории формирования концепта gentleman в английской лингвокультуре // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 6. С. 97–102. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.97 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnikgum.ru/upload/iblock/4e9/97_102.pdf (дата обращения 04.12.2023).
5. Безкоровайная Г.Т. Понятие «Джентльмен» в английской и французской лингвокультурах: сопоставительный анализ // Вестник Череповецкого государственного университета 2014. № 3. С. 61–65. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-dzhentlmen-v-angliyskoy-i-frantsuzskoy-lingvokulturah-sopostavitelnyy-analiz/viewer> (дата обращения: 04.12.2023)
6. Безкоровайная Г.Т. Семантическое поле gentleness/nobleness в английском языке и его актуализация в художественном тексте (на материале романов английских писателей XIX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2014. 21 с.
7. Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. 2011. № 8. [Электронный ресурс]. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431410/Zhizn_i_sudba_gipotezy_lingvisticheskoy_otnositelnosti (дата обращения: 05.12.2023).
8. Гаспаров А.А. Трансформация образа джентльмена в английском обществе и викторианской культуре // Молодой ученый. 2020. № 28 (318). С. 119-123. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/318/72516/> (дата обращения: 25.11.2023).
9. Геращенко А.М. Вертикальный контекст и важность его изучения для межкультурной коммуникации. [Электронный ресурс]. URL: http://gerashchenko.ucoz.ru/index/vertical_context_and_its_importance_for_intercultural_communication/0-13 (дата обращения: 10.12.2023).
10. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / Ред. К.Н. Яблонская, Г.А. Барышева. М.: Русский язык, 1976: [Электронный ресурс]. URL: <https://ashishkin.ru/wp-content/uploads/2019/03/Latinskii--Dvoretzkii-.pdf> (дата обращения: 06.12.2023).
11. ДЖЕНТЛЬМЕН – Историко-этимологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/vinogradov/ДЖЕНТЛЬМЕН> (дата обращения: 25.11.2023).
12. Зубова У.В. Вертикальный контекст в работах отечественных и зарубежных филологов. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/4574> (дата обращения: 10.12.2023).
13. Карасик В.И. Символические концепты // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 23–30.

14. Маслова В.А. Национальные ценности и язык: духовный код культуры // *Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 44–53.*
15. Михайличенко Ю.В. Джентльмен: лингвокультурный концепт на фоне собственной этимологии // *Психология, социология и педагогика. 2014. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/01/2741> (дата обращения: 25.11.2023).*
16. Оссовская М. Рыцарь и буржуа [Исследования по истории морали]. 1987. Переводчик: Константин Васильевич Душенко. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/rycar-i-burzhua-issledovaniya-po-istorii-morali-read-194389-31.html> (дата обращения: 01.12.2023).
17. Пименова М.В. Ментальность народа сквозь призму слов: словарь образов // *лингвокультура и концептуальное пространство языка: сборник статей / отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. С. 48–58. (Серия Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 10).*
18. Пименова М.В., Бодриков А.Б. Символический аспект милитарных концептов: герой, защитник // *Символы лингвокультуры в аспекте когнитивной лингвистики: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург, 2020. С. 35–40. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 25).*
19. Храмов А. Кто такой джентльмен: 20 признаков того самого мужчины. [Электронный ресурс]. URL: <https://intrigue.dating/interesnoe/kto-takoy-djentlymen-20-priznakov-togo-samogo-mujchiny/> (дата обращения: 09.12.2023).
20. Цветков И. Американское общество в 1020-е годы. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushistory.ru/konspekty-lektsij/1333-velikaya-depressiya-v-ssha> (дата обращения: 04.12.2023).
21. Этимология: джентельмен, джентри, идалго и фидальго [Электронный ресурс]. URL: <http://multilinguablog.com/2021/06/18/etimologiya-dzhentelmen-dzhentri-idalgo-i-fidalgo/> (дата обращения: 25.11.2023).
22. Bridges J. How to Be a Gentleman [Электронный ресурс]. URL: <https://alternativepressreview.org/doc/how-to-be-a-gentleman> (дата обращения: 09.12.2023).
23. Elizabethan England. Chapter I. Of degrees of people in the Commonwealth of England // *A description of England by William Harrison. [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/gutbook/lookup?num=32593> (дата обращения 04.12.2023).*
24. English Preparatory School Historical Trends: The 20th Century--The 1920s. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.histclo.com/schun/country/eng/type/prep/hist/20/prep-h1920.html> (дата обращения: 08.12.2023).
25. Gentleman [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/gentleman> (дата обращения 25.11.2023).
26. Le Petit Robert / Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française / par Paul Robert; réd. dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. Paris: «SNL», 1989. XXXIII; 2173 p.
27. Longman Dictionary of Contemporary English. New ed. Harlow: Pearson Education Limited, 2003. xvii; 1922 p. (Maps and Appendices. P. 1943–1950).
28. Maugham W.S. Cakes and Ale, or the Skeleton In the Cupboard. [Электронный ресурс]. URL: <http://gutenberg.ca/ebooks/maughamws-cakesandale/maughamws-cakesandale-00-e.html#chapter01> (дата обращения: 02.12.2023).
29. The Concise Oxford Dictionary of Current English. 7th ed. Oxford: Oxford University Press, 1987. xxvii; 1255 p. (Appendices. P. 1257–1264).
30. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 02.12.2023).

31. St Cyprian's School. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/St_Cyprian%27s_School (дата обращения: 08.12.2023).

32. The Masculine Men of the 1920s: A Lesson For Our Generation. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hiddendominion.com/masculine-men-of-1920s/> (дата обращения: 10.12.2023).

33. What are the 5 social classes UK? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coalitionbrewing.com/what-are-the-5-social-classes-uk/> (дата обращения: 05.12.2023).

Elena N. Kuzevanova

Researcher (Moscow, Russia)

Larisa S. Biriukova

Senior Lecturer, Foreign Languages Department, National Research University "MPEI" (Moscow, Russia)

The linguocultural concept of *gentleman* in the dynamics of the novel "Cakes and Ale, or the Skeleton In the Cupboard" by S. Maugham

Abstract. The article analyses the linguocultural unit *gentleman* in terms of its etymology, semantic structure, meaning and its refraction against the background of the dynamics of the plot and events in the novel "Cakes and Ale" by S. Maugham in English. The relevance of the study lies in the proposed hypothesis of changes in the component composition of the associative core and periphery of the meaning of the unit under consideration. The aim of the study is to identify factors that influence changes in the component composition of the associative core and periphery of the linguocultural unit *gentleman* against the background of the events development of the novel under discussion as well as the individual perceptions and background of its characters.

Key words: associative; gentleman; dynamics; component composition; core; periphery; concept.

References

1. Aristova N.S. Diachronicheskiy obzor leksicheskoy reprezentatsii koncepta «dzhentl'men» v russkom yazyke XIX-XX vv. (na materiale proizvedeniy russkoj xudozhestvennoj literatury) [Diachronic review of the lexical representation of the concept "gentleman" in the Russian language of the XIX-XX centuries (based on the material of works of Russian fiction)]. *Vestnik ChGPU im. I. Ya. Yakovleva* [Bulletin of I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University]. 2012, vol. 1 (73), part 2, pp. 13–19. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diachronicheskiy-obzor-leksicheskoy-reprezentatsii-kontsepta-dzhentlmen-v-russkom-yazyke-xix-xx-vv-na-materiale-proizvedeniy-russkoj/viewer> (date of access: 04.12.2023).

2. Aristova N.S. K etimologii lingvokul'turnogo ponyatiya «dzhentl'men» [On the etymology of the linguistic and cultural concept of "gentleman"]. *Vestnik TGGPU* [Bulletin of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University]. 2020, vol. 4 (22). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-etimologii-lingvokulturnogo-ponyatiya-dzhentlmen/viewer> (date of access: 04.12.2023).

3. Axmanova O.S., Gyubbenet I.V. «Vertikal'nyj kontekst» kak filologicheskaya problema ["Vertical context" as a philological problem]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of linguistics]. 1977, vol. 3, pp. 47–54.

4. Bezkorovajnaya G.T. K istorii formirovaniya koncepta gentleman v anglijskoj lingvokul'ture [On the history of the formation of the gentleman concept in English linguoculture] // *Vestnik Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i socz. nauki.* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanities and social sciences.]. 2017, vol. 6, pp. 97–102. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.97 [Electronic resource]. URL: https://vestnikgum.ru/upload/iblock/4e9/97_102.pdf (date of access: 04.12.2023).
5. Bezkorovajnaya G.T. Ponyatie «Dzhentl'men» v anglijskoj i francuzskoj lingvokul'turax: sopostavitel'nyj analiz [The concept of "Gentleman" in English and French linguistic cultures: a comparative analysis]. *Vestnik Cherepoveczkogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. 2014, vol. 3, pp. 61–65. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-dzhentlmen-v-anglijskoy-i-frantsuzskoj-lingvokulturah-sopostavitelnyy-analiz/viewer> (date of access: 04.12.2023)
6. Bezkorovajnaya G.T. Semanticheskoe pole gentleness/nobleness v anglijskom yazyke i ego aktualizaciya v xudozhestvennom tekste (na materiale romanov anglijskix pisatelej XIX veka): avtoref. dis. [The semantic field of gentleness/nobleness in the English language and its actualization in a literary text (based on the material of novels by English writers of the XIX century): abstract of the thesis]. Samara, 2014, 21 p.
7. Buras M., Krongauz M. Zhizn' i sud'ba gipotezy lingvisticheskoj odnositel'nosti [Life and fate of the hypothesis of linguistic relativity]. *Nauka i zhizn'* [Science and life]. 2011, vol. 8. [Electronic resource]. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431410/Zhizn_i_sudba_gipotezy_lingvisticheskoy_otnositelnosti (date of access: 05.12.2023).
8. Gasparov A.A. Transformaciya obraza dzhentl'mena v anglijskom obshhestve i viktorianskoj kul'ture [Transformation of the image of a gentleman in English society and Victorian culture]. *Molodoy ucheniy* [Young scientist]. 2020, vol. 28 (318), pp. 119–123. [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/318/72516/> (date of access: 25.11.2023).
9. Gerashhenko A.M. Vertikal'nyj kontekst i vazhnost' ego izucheniya dlya mezhkul'turnoj kommunikacii [Vertical context and the importance of its study for intercultural communication]. [Electronic resource]. URL: http://gerashchenko.ucoz.ru/index/vertical_context_and_its_importance_for_intercultural_communication/0-13 (date of access: 10.12.2023).
10. Dvoreczkij I.X. Latinsko-russkij slovar' [Latin-Russian dictionary] / Ed. K.N Yablonskaya, G.A. Barysheva. Moscow: Russkij yazyk, 1976: [Electronic resource]. URL: <https://ashishkin.ru/wp-content/uploads/2019/03/Latinskii---Dvoretiskii--.pdf> (date of access: 06.12.2023).
11. DZHENTL'MEN – Istoriko-etimologicheskij slovar' [GENTLEMAN – Historical and etymological dictionary] [Electronic resource]. URL: <https://gufo.me/dict/vinogradov/DZHENTL'MEN> (date of access: 25.11.2023).
12. Zubova U.V. Vertikal'nyj kontekst v rabotah otechestvennyh i zarubezhnyh filologov [Vertical context in the works of domestic and foreign philologists]. [Electronic resource]. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/4574> (date of access: 10.12.2023).
13. Karasik V.I. Simvolicheskie koncepty [Symbolic concepts]. *Izmenyayushhayasya Rossiya i slavyanskij mir: novoe v konceptual'nyx issledovaniyax* [Changing Russia and the Slavic world: new in conceptual research] / Ed. M.V. Pimenova. Sevastopol, 2009, pp. 23–30.
14. Maslova V.A. Nacional'ny'e cennosti i yazyk: duxovnyj kod kul'tury [National values and language: the spiritual code of culture]. *Izmenyayushhayasya Rossiya i slavyanskij mir: novoe v konceptual'nyx issledovaniyax* [Changing Russia and the Slavic world: new in conceptual research] / Ed. M.V. Pimenova. Sevastopol, 2009, pp. 44–53.

15. Mixajlichenko Yu.V. Dzhentl`men: lingvokul`turny`j koncept na fone sobstvennoj e`timologii [Gentleman: a linguistic and cultural concept against the background of its own etymology] // *Psixologiya, sociologiya i pedagogika* [Psychology, sociology and pedagogy]. 2014, vol. 1. [Electronic resource]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/01/2741> (date of access: 25.11.2023).
16. Ossovskaya M. Ry`czar` i burzhua [Issledovaniya po istorii morali] [Knight and the bourgeois [Studies on the history of morality]]. 1987. Translator: Konstantin Vasil`evich Dushenko. [Electronic resource]. URL: <https://www.rulit.me/books/rycar-i-burzhua-issledovaniya-po-istorii-morali-read-194389-31.html> (date of access: 01.12.2023).
17. Pimenova M.V. Mental`nost` naroda skvoz` prizmu slov: slovar` obrazov [The mentality of the people through the prism of words: a dictionary of images] // *lingvokul`tura i konceptual`noe prostranstvo yazy`ka: sbornik statej* [linguoculture and the conceptual space of language: a collection of articles]. Issue 10 / Ed. O.N. Morozova, M.V. Pimenova. St. Petersburg, 2016, pp. 48–58.
18. Pimenova M.V., Bodrikov A.B. Simvolicheskiy aspekt military`x konceptov: geroj, zashhitnik [The symbolic aspect of military concepts: hero, defender]. *Simvoly` lingvokul`tury` v aspekte kognitivnoj lingvistiki: sbornik nauchny`x statej* [Symbols of linguoculture in the aspect of cognitive linguistics: collection of scientific articles] / Ed. M.V. Pimenova. St. Petersburg, 2020. pp. 35–40. (Series «Conceptual research». Issue. 25).
19. Xramczov A. Kto takoj dzhentl`men: 20 priznakov togo samogo muzhchiny` [Who is a gentleman: 20 signs of that man]. [Electronic resource]. URL: <https://intrigue.dating/interesnoe/kto-takoy-djentlmen-20-priznakov-togo-samogo-mujchiny/> (date of access: 09.12.2023).
20. Czvetkov I. Amerikanskoe obshhestvo v 1020-e gody` [American society in the 1020s]. [Electronic resource]. URL: <https://ushistory.ru/konspekty-lektsij/1333-velikaya-depressiya-v-ssha> (date of access: 04.12.2023).
21. E`timologiya: dzhentel`men, dzhentri, idal`go i fidal`go [Etymology: gentleman, gentry, hidalgo and fidalgo] [Electronic resource]. URL: <http://multilinguablog.com/2021/06/18/etimologiya-dzhentelmen-dzhentri-idalgo-i-fidalgo/> (date of access: 25.11.2023).

УДК 807

Ланская Ольга Владимировна

учитель, Муниципальное общеобразовательное учреждение средняя школа № 14, кандидат филологических наук (г. Липецк, Россия)
o.vlad.lanskaja@rambler.ru

**Концептуальное поле «письмо»
(на материале писем Л.Н. Толстого)**

Аннотация. Письма, анализируемые в статье, обращены к Т.А. Ёргольской, дальней родственнице Л.Н. Толстого. Написаны они в 1845, 1847, 1850 – ых годах в период пребывания писателя в Казани, Петербурге и Москве, когда он определял свой жизненный путь. В статье исследуется концептуальное поле «письмо», а также концепты «дом», «пространство», «визит», «планы», «жизнь» и «письмо». Смыслы, восходящие к данным образованиям, реализуются в ключевых словах *дом*, *визит*, *письмо*, которые, в свою очередь, связаны с номинациями лексико-тематических групп «род занятий молодого человека», «круг общения», «мебель», «комнаты» и другие. Структура изучаемого концептуального поля многоядерная. В связи с этим рассматриваются значения ключевых слов

дом, визит, письмо, планы, жизнь, ближняя и дальняя периферии концептов, которые актуализируются в лексических единицах разных лексико-тематических и лексико-семантических групп. Выяснено, что в тексте писем Л.Н. Толстого к Т.А. Ёргольской в качестве синонимов выступают слова *дом* и *квартира*, *письмо* и *беседа*. На основе номинаций, используемых автором, возникают «мерцающие смыслы» (С.Т. Вайман), которые порождают особое восприятие текста. Через концептуальное поле «письмо» характеризуются интересы Л.Н. Толстого, дается представление о его образе жизни, целях, которые ставил перед собой великий русский писатель в начале жизненного пути. Эпистолярный жанр важен для раскрытия представления о чувствах и мыслях человека, его истинных устремлениях при условии обращения исследуемых посланий к близкому по духу человеку.

Ключевые слова: концепт; концептуальное поле; сема; лексико-тематическая группа; лексико-семантическая группа; номинация; синонимы.

Введение. Исследуемый концепт репрезентируется в тексте как речезыковым феномене различными парадигмами: лексико-семантическими, лексико-тематическими группами; ключевыми словами; ассоциативными группами.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет рассмотреть концептуальное поле «письмо» во взаимодействии с концептами, состоит в разработке описания особенностей текста эпистолярного жанра. Полученные результаты углубляют представление о концепте в тексте как о многомерном лингвистическом образовании. Концепт многослоен, что находит отражение в данных словарей, а также в тексте писем. В рамках идиостиля Толстого концепт «письмо» воспринимается как явление символически емкое в культурно-историческом плане.

По В.В. Колесову, термин «концепт» восходит к слову *conceptum* (зародыш, зерно). Концептум есть «тот самый "зародыш" божественного Логоса, архитип мысли, который не задан, а дан, но постоянно изменяет свои грамматические и содержательные формы, прежде всего – образные» [5, с. 69]. Основная единица ментальности имеет национальное наполнение, «выражает со-значения "национального колорита", то есть все принципиально возможные значения в символическо-смысловой функции языка как средства мышления и общения» [5, с. 75]. В связи с данным толкованием концепта определяется основная задача ментального описания – «выявление и формулирование семантической доминанты, не изменяющейся с течением времени, как основного признака в содержании выраженного словесным знаком концепта» [5, с. 75]. По В.А. Масловой, структура концепта состоит из ядра и периферии. На периферии же «находится всё то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом» [6, с. 42]. По мнению исследователя, концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, «это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры» [6, с. 36].

Методы исследования. Поставленные цели и задачи предполагают комплексную методiku исследования: концептуальный (слово описывается как концепт в самых разных его проявлениях и развитии); функциональный (анализируются содержание и форма); исторический (привлекаются факты истории русского языка); описательный (привлекаются факты языка второй половины XIX века).

Литературный обзор. Теоретическую базу исследования составляют работы видных представителей когнитивной лингвистики: Н.Д. Арутюновой, Н.Н. Болдырева, А. Вежбицкой, В.В. Колесова, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, М.Влад. Пименовой, М. Вас. Пименовой, З.Д. Поповой, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, В.Н. Телии и других).

Результат и обсуждение. В статье проведено исследование концептуального поля «письмо», в состав которого входят концепты «дом», «письмо», «визит» и другие. Смыс-

лы, восходящие к данным единицам, реализуются в ключевых словах *дом, визит, письмо*, которые, в свою очередь, связаны с номинациями лексико-тематических групп «род занятий молодого человека», «круг общения» (знакомые писателя, деловые партнеры, родственники), «мебель», «комнаты» и другие.

Слово *письмо* в тексте Толстого толкуется как «граматка, уведомленье, сообщенье на бумаге, листъ ... писанье, письменная речь, беседа, посылаемая отъ одного лица къ другому» [3, т. III, с. 113]. Данная лексическая единица имеет семы 'чертить', 'рисовать', 'набрасывать', 'украшает', 'придает образ', 'выкраивает', 'вязать иглой' [11, т. 3, с. 266]: «А ежели вы будете лишать меня своего *письма* каждый раз, как я это буду заслуживать...» [10, с. 306]; «В твоих двух *письмах* стало меньше орфографических ошибок»; «прощай, за этим *письмом* вскоре последует другое. Пиши мне подлиннее; я уже испытываю удовольствие от чтения *писем* брата, которого люблю» [с. 308]; «Сережа! Я пишу тебе это *письмо* из Петербурга, где я намерен остаться навеки» [с. 309]; «Сейчас приезжал ко мне Оболенский и привозил *письмо*, только что полученное им от моего брата Дмитрия. Ужас (курсив – Л.Т.). Я посылаю тебе это *письмо*, сам полюбуюсь» [с. 310]; «Я все думаю, как это брат Дмитрий (курсив – Л.Т.) такое *письмо* вздумал написать, и решительно, кроме того, что он был пьян, для его же чести придумать не могу» [с. 311].

Слово *письмо* имеет в тексте синоним *беседа*. Так, в письме Т.А. Ёргольской Толстой пишет: «Я обещал себе писать вам два раза в неделю < ... > Я рассчитываю, что таким образом у нас будет только две коротенькие *беседы* в неделю» [с. 306].

При определении содержания письма важно, к кому оно обращено. Самое большое количество посланий с 1845 по 1852 год, зафиксированных в Собрании сочинений в 22-х томах Толстого, обращено к Т.А. Ёргольской. Именно ей писатель сообщает о самом сокровенном, о том, что его волнует. Так, в августе 1845 года из Казани Толстой пишет письмо родственнице, в котором сообщает, что «переменил факультет и перешел на юридический» [с. 306]. Делится автор с адресатом своими планами на жизнь: «Выезжать в свет не буду совсем. Буду поровну заниматься музыкой, рисованьем, языками и лекциями в университете» [с. 306]. В связи с этим в лексико-тематическую группу «род занятий молодого человека» входят слова *музыка, языки, рисованье, лекции* с семами 'занятия', 'интересы', 'предметы, изучаемые повествователем'. Перечисленные единицы вступают в антонимические отношения с номинацией *свет* в значении «отборное, высшее общество, суетное въ обычаяхъ или условіяхъ жизни» [3, т. IV, с. 157], что свидетельствует о поисках Толстым смысла жизни, своего предназначения.

В 1849 году, в феврале, Т.А. Ёргольской было написано письмо из Петербурга: «Пишу вам из *Петербурга*, где я нахожусь уже около месяца» [с. 312]. Выстраивая планы на лето, Толстой сообщает: «Может быть, останусь здесь; быть может, поеду в *Ревель*, быть может, в *Тулу*» [с. 312]. Обращается к тетеньке с просьбой: «Пришлите мне, пожалуйста, *каталог* моей библиотеки и прикажите Андрею послать в *Москву* за *фортепьяно* и *часами* и доставить их в *Ясное* (курсив автора – О.Л.)» [с. 313]. В связи с этим в лексико-тематическую группу «пространство» входят топонимы *Петербург, Тула, Ревель, Ясное, Москва*, а также словосочетания *на углу Вознесенского проспекта и Малой Морской, в гостиницу «Наполеона»* [с. 313]. В лексико-тематическую группу «род занятий молодого человека» входят слова *фортепьяно, часы*, словосочетание *каталог моей библиотеки*.

Ключевым в данном письме является слово *визит*, которое в тексте имеет значение «утреннее навещеніе знакомыхъ, безъ надобности, лишь по обычаю» [3, т. I, с. 204]: «Приехав в Петербург, я сделал несколько *визитов* – П.В. Толстой, Пушкину, Оболенскому, Лантеву (курсив автора – О.Л.)» [с. 312]. Данная лексическая единица, заимствованная через польский язык, вероятно, из французского, имеет сему 'посещение' [11, т. 1, с. 313].

Смыслы, связанные с ядром концепта «визит», реализуются в именах собственных, входящих в лексико-тематическую группу «знакомые писателя, деловые партнеры, родственники»: *П.В. Толстой, Пушкин, Оболенский, Лаптев*. В данную группу входят также имена собственные, обозначающие друзей детства: «Я встретился с несколькими друзьями детства – *Иславиными, Милютиными, графами Пушкиными* (курсив автора – *О.Л.*)» [с. 312].

Ключевым в тексте является и слово *жизнь*, которое толкуется как «житіє, бытіє; состояніє особи, существованіє отдельной личности» [3, т. I, с. 541]. Данная лексическая единица обозначает также «*жизнь человека, векъ его, все продолженіє земной жизни его, отъ рожденія до смерти*» [3, т. I, с. 541]. В тексте письма *жизнь* толкуется как «родъ и образъ жизни его, бытъ, деянія, поступки, похождения» [3, т. I, с. 541]: «И действительно петербургский образ *жизни* мне (автору письма – *О.Л.*) нравится» [с. 312].

Со словом *жизнь* связано и слово *дело*: «Здесь у каждого свое *дело*, каждый работает и занят своими *делами*, не беспокоясь о других. Хотя подобная *жизнь* суха и эгоистична, тем не менее она необходима нам, молодым людям, неопытным и не умеющим браться за *дело*» [с. 312]. Слово *дело* через слово *делать* приобретает семы 'обтесываю', 'работать', 'строгать', 'действовать' [11, т. 1, с. 496]. Через *деть* – семы 'ноша', 'прясть', 'ткать', 'делать', 'кладу', 'ставлю» [11, т. 1, с. 509]. Употребление слова *дело* в тексте письма свидетельствует о том, что Толстой размышляет о смысле своей жизни, обдумывает планы на будущее. Выясняется, что Петербург привлек Толстого тем, что его знакомые имеют дело, которым занимаются, посвящают ему все свое время. Важно отметить и то, что будущий писатель увлечен самовоспитанием, выявляет слабые, по его мнению, черты своего характера, анализирует свое поведение: «*Жизнь* эта приучит меня к *порядку* и *деятельности*, двум необходимым качествам, которых мне решительно недостает, словом, к положительной стороне *жизни*» [с. 312].

Как ключевые воспринимаются слова *порядок, деятельность*. *Порядок* употребляется в тексте в значении «последовательность въ деле, заранее обдуманнѣй ходъ и действія» [3, т. III, с. 327]. *Деятельность* – «свойство деятельнаго» [3, т. I, с. 511]. Деятельный – человек «работящій, трудящійся, прилежный и расторопный, любящій трудъ и пользу» [3, т. I, с. 511]. Определение *положительная* (сторона жизни) восходит к противопоставлению «добро – зло» и свидетельствует о нравственном идеале Толстого, который в этот период выстраивается. Главное для автора письма – действовать и приносить пользу людям.

Концепт «жизнь» связан с представлением о характере человека, а «характер человека, по мнению В.А. Масловой, – это совокупность ярко выраженных и относительно устойчивых психологических черт личности, складывающихся и проявляющихся в деятельности и общении и влияющих на мировоззрение и систему отношений между людьми, а также на поведение личности в целом» [7, с. 168].

9 декабря 1850 года Толстой пишет Т.А. Ёргольской из Москвы. С одной стороны, автор письма сообщает, что вновь ведет светский образ жизни; с другой – что занимается хозяйственными делами. Отсюда в тексте используются имена собственные, входящие в лексико-тематическую группу «знакомые писателя, деловые партнеры, родственники»: «Поеду к графу *Закревскому*, к *Крюкову*, к старикам *Перфильевым* и к обоим князьям *Горчаковым, Андрею* и *Сергею*, завтрашний день я посвящаю визитам деловым и обязательным»; «Кстати о *Сереже*, скажите ему, что я еще не был у *Крюкова*, потому что не был негде, что проценты в банк внесены» [с. 316]; «< ... > напомните ему также прислать мне оба аттестата и ответ князя *Аникеева*»; «*Копылов* сыграл со мною также плохую шутку; он мне дал записку к своему московскому комиссионеру, который должен был уплатить мне за проданные ему 80 четвертей ржи; денег я до сих пор не получил» [с. 316]

– 317]. Приведенные выше примеры свидетельствуют о делах Толстого, его заботе о брате.

В этом письме подробно описывает Толстой и свою квартиру. В лексико-тематическую группу «дом» входят слова *дом* и *квартира*: «Флюс у меня проходит, но я еще не выхожу из дому» [с. 315]; «< ... > я уже писал вам, что моя *квартира* очень хороша» [с. 316]. При этом данные лексические единицы являются в тексте синонимами. Употребляется в тексте и слово *дома* в значении «у себя, в своем жилье, не в гостях, не в людях» [3, т. I, с. 466]: «< ... > я отчасти рад, что болезнь меня продержала дома целую неделю; по крайней мере успел устроиться, *оглядеться* (курсив автора – О.Л.)» [с. 316].

К лексико-тематической группе «дом» примыкают группы «мебель» и «комнаты в доме»: «< ... > она (квартира – О.Л.) состоит из четырех *комнат*: *столовая* с маленьким роялем, который я взял напрокат, *гостиная* с *диванами*, *6 стульями*, *столами* орехового дерева, накрытыми красным сукном и тремя зеркалами, *кабинет*, где мой письменный *стол*, *бюро* и *диван*, постоянно напоминающий наши споры по поводу его, и еще *комната*, которая достаточно велика, чтобы служить и *спальней* и *уборной*, да еще маленькая *прихожая*» [с. 316]. Исследуемые лексические единицы приобретают семы 'удобство', 'уют', 'предметы роскоши'.

К лексико-тематической группе «дом» примыкает и группа «еда»: «< ... > обедаю я дома, ем *щи* и *кашу* (курсив автора – О.Л.) и вполне доволен» [с. 316]. Слова *щи* и *каша* свидетельствуют о вкусах Толстого, его неприхотливости, имеют семы 'простая еда', 'крестьянская пища'.

Следует обратить внимание и на лексико-тематическую группу «книги», в которую входят названия разных произведений, имя автора, определение жанра произведения: «Зато я читаю много; абонировался у Готье и уже прочел конец *«Виконта де Бражелона»*, прочел еще 4 тома *«Людовика XIV и его время»* Александра Дюма, поверхностно, но интересно и его же новый *роман* – *«Тысяча и одно привидение»*, такая масса вздора, что мочи нет» [с. 316]. Перечисленные номинации свидетельствуют о пространстве дома как расширяющемся на уровне ассоциации. В то же время оно сужающееся, потому что у повествователя недостаточно информации о происходящем в обществе: «Рассказывать вам больше нечего, сидя *дома*, не становишься *интересным»* [с. 316]. Перечисленные названия книг определяют для читателя писем Толстого интерес автора к истории Франции, новинкам зарубежной литературы.

Через два дня, 11 декабря 1850 года, Толстой снова пишет письмо Татьяне Александровне и снова подробно рассказывает, как проводит время, о визитах, которые сделал и будет делать. В лексико-тематическую группу «знакомые писателя, деловые партнеры, родственники» вновь входят имена собственные, а также слова, обозначающие титулы представителей высшего общества: «Вчера был у гр. *Закревского*, у князя *Андрея*, у которого обедал, у *Перфильевых*, у *графини*, с которой, против всяких ожиданий, мы оказались такими друзьями, что она хочет непременно меня женить. *Князь* и *княгиня* до такой степени любезны, что даже страшно» [с. 317–318].

Заключение. Концептуальный анализ художественного текста предполагает исследование концептуального поля, концептов текста, определение их функции в организации пространства произведения в целом и установление средств их языковой и речевой объективации. Данный анализ на уровне слова, обладающего потенциальной энергией, помогает выявить языковую картину мира определённого периода. Через слово, отражающее авторское мировидение, происходит соединение разных смыслов в пространстве и времени. Концептуальное поле формируется на основе концептов «письмо», «дом», «пространство», «жизнь», которые, в свою очередь, эксплицируются в словах разных лексико-тематических групп. Концепт актуализируется в ключевых словах *письмо*, *дом*, *ви-*

зит, жизнь, являющихся доминантными в ряде лексико-семантических, лексико-тематических групп. Смыслы, связанные с концептуальным полем «письмо», в тексте эпистолярного жанра раскрывают образ автора посланий, молодого человека, размышляющего о своем предназначении в жизни.

Литература

1. Вайман С.Т. Мерцающие смыслы. М.: Наследие, 1999. 398 с.
2. Воркачѳв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Философские науки. 2001. № 1. С. 64–72.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.
4. Дробат Л.С. Ёргольская Татьяна Александровна // Лев Толстой и его современники. Энциклопедия. Изд.2-е / Под общей редакцией Н.И. Бурнашѳвой. М.: Парад, 2010. 656 с.
5. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: СПбГУ, 2004. 703 с.
6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Мн.: ТетраСистемс, 2004а. 256 с.
7. Маслова В.А. Язык как этногенирующий фактор // Лингвистика XXI века.: сб. науч. ст.: к 65-летнему юбилею проф. В.А. Масловой / Отв. ред М.В. Пименова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 163–168.
8. Пименова М.В. Об эволюции концептуальной системы // Лингвистика XXI века.: к 65-летнему юбилею проф. В.А. Масловой. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 20–36.
9. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
10. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22–х томах. М.: Худ. лит., 1984. Т. 18. 911 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004.

Olga V. Lanskaya

Teacher of MBOU Secondary school No. 14, Candidate of Philology (Lipetsk, Russia)
o.vlad.lanskaja@rambler.ru

The conceptual field "letter" (based on the material of L.N. Tolstoy's letters)

Abstract. The letters analyzed in the article are addressed to T.A. Ergolskaya, a distant relative of L.N. Tolstoy. They were written in 1845, 1847, and the 1850s during the writer's stay in Kazan and Moscow, when he was defining his life path.

The article explores the conceptual field of "writing", as well as the concepts of "home", "space", "visit", "plans", "life" and "writing". The meanings going back to these formations are realized in the keywords home, visit, letter, plans, which, in turn, are associated with the nominations of lexical and thematic groups "occupation of a young person", "circle of communication", "furniture", "rooms" and others. The structure of the conceptual field under study is multicore. In this regard, the meanings of the keywords home, visit, letter, plans, life, near and far peripheries of concepts that are actualized in lexical units of different lexico-thematic and lexico-semantic groups are considered. It was found out that in the text of the letters of L.N. Tolstoy to T.A. Ergolskaya, the words house and apartment, letter and conversation act as synonyms. Based on the nominations used by the author, "shimmering meanings" (S.T. Wyman)

arise, which generate a special perception of the text. L.N.'s interests are characterized through the conceptual field of "writing". Tolstoy, gives an idea of his lifestyle, the goals that the great Russian writer set for himself at the beginning of his life. The epistolary genre is important for revealing the idea of a person's feelings and thoughts, his true aspirations, provided that the messages under study are addressed to a person close in spirit.

Keywords: concept; conceptual field; seme; lexico-thematic group; lexico-semantic group; nomination; synonyms.

References

1. Vayman S.T. Mertsayushchie mysli [Twinkling meanings]. Moscow: Nasledie, 1999. 398 p. (In Russian)
2. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 2001, no. 1, pp. 64–72. (In Russian)
3. Dal V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 volumes. Moscow, 2006. (In Russian)
4. Drobat L.S. Ergolskaya Tatyana Alexandrovna // *Lev Tolstoy i ego sovremenniki* [Leo Tolstoy and his contemporaries]. Encyclopedia. Ed., 2nd / Under the general editorship of N.I. Burnasheva. Mosco, 2010, 656 p. (In Russian)
5. Kolesov V.V. Slovo i delo: Iz istorii russkih slov [Word and deed: From the history of Russian words]. St. Petersburg, 2004, 703 p. (In Russian)
6. Maslova V.A. Kognitivnaya lingvistika: uchebnoe posobie [Cognitive linguistics: textbook]. Minsk, 2004. 256 p. (In Russian)
7. Maslova V.A. Yazyk kak etnogeniriruyushchiy faktor [Language as an ethnogenerating factor]. *Lingvistika XXI veka: sbornik nauchnyh statey: k 65-letnemu yubileyu prof. V.A. Maslovoy* [Linguistics of the XXI century: collection of scientific articles: to the 65th anniversary of prof. V.A. Maslova]. Moscow, 2013, pp. 163–168. (In Russian)
8. Pimenova M.V. Ob evolyutsii kontseptual'noy sistemy [On the evolution of the conceptual system]. *Lingvistika XXI veka: sbornik nauchnyh statey: k 65-letnemu yubileyu prof. V.A. Maslovoy* [Linguistics of the XXI century.: collection of scientific articles: to the 65th anniversary of prof. V.A. Maslova]. Moscow, 2013, pp. 20–36. (In Russian)
9. Popova Z.D. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics] / Z.D. Popova, I.A. Sternin. Moscow: AST: Vostok - Zapad, 2007. 314 p. (In Russian)
10. Tolstoy L.N. Sobranie sochineniy [Collected works]. In 22 volumes. Moscow, 1984, vol. 18. 911 p. (In Russian)
11. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian language. In 4 vol-s. Moscow, 2004. (In Russian)

ОГЛАВЛЕНИЕ	
Богатырёва В.В., Пименова М.В., Тагаев М.Дж., Бакирова А.А. Юбилей – это шаг в будущее	3
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ КОНЦЕПТОЛОГИИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	
Берестнев Г.И. Историко-семантические этюды: к вопросу о методе	8
Бессонова О.Л. Культурное кодирование во фразеологической картине мира	17
Карасик В.И. Аксиологические характеристики сказок народов банту	28
Красавский Н.А. Концептосфера новеллы Германа Гессе «Душа ребенка»	36
Маслова В.А. Русское слово как ценность, энергия духа и носитель иррационального сознания	46
Пименова М.В. Теоморфный символический концепт <i>Велес</i> в русской лингвокультуре в аспекте первопризнаков	57
ВОПРОСЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	
Бакирова А.А., Родичева А.А. Опыт сопоставления мотивирующих признаков макроконцептов <i>Universe</i> и <i>world</i> в английской лингвокультуре	73
Демидова Е.Е. Соматический код русской лингвокультуры как способ реализации макроконцепта <i>власть</i>	85
Пименова М.В., Шестак Е.С. Символические концепты <i>солнце</i> и <i>kün</i> в аспекте первопризнаков	95
Румянцева М.В. Биоморфные признаки концепта <i>дом</i> в художественной картине мира (на материале произведений современных русских писателей)	105
Стрельникова А.М. Концепт <i>восторг</i> в аспекте первопризнаков	113
ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	
Вайрах Ю.В. Метафоры пути как способ актуализации макроконцепта <i>РОД</i>	121
Игнатович Т.Ю., Биктимирова Ю.В. Проект лингвокультурологического словаря полиэтнической региональной народной культуры Забайкальского края	129
Мансур М. Х. С. Лингвокультурный типаж «дервиш» в арабском и русском языковом сознании: оценочные характеристики	137
Орлова О.Г. Образные признаки концепта «хороший учитель» (на материале анализа анкет родителей)	145
ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	
Гармаш Д.А. Понятие <i>дружба</i> в ценностных картинах мира англоязычного и испаноязычного сообществ	158
Тюнтешева Е.В., Шагдурова О.Ю., Байыр-оол А.В. Концепт СУДЬБА в языковой картине мира тюрков Южной Сибири	168
Ушницкая Н.Ю. Языковые репрезентации концепта «счастье» в эвенкийском языке	180

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Ананьева С.В., Дутбаева С.С. Мировой литературный процесс: тенденции и направления	191
Казорина А.В. Концептуализация акта превращения в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	199
Кузеванова Е.Н., Бирюкова Л.С. Лингвокультурное понятие gentleman в динамике романа С. Моэма “Cakes and Ale, or the Skeleton In the Cupboard”	207
Ланская О.В. Концептуальное поле «письмо» (на материале писем Л.Н. Толстого)	220
Оглавление	227

Научное издание

**Тенденции развития когнитивной
лингвистики и лингвокультурологии в
XXI в.**

Научный журнал

**СЕРИЯ
«КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ И ЛИНГВАЛЬНЫЙ МИРЫ»**

ВЫПУСК 24

Оригинал-макет: М. В. Пименова и Е.С. Шестак

Подписано к печати 15.01.2024. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 14,3.
Тираж 500 экз. Заказ № __.